Г. А. Пугаченкова

ХАЛЧАЯН

ТАШКЕНТ

УЗБЕКИСТОН ССР МАДАНИЯТ МИНИСТРЛИГИ
ҲАМЗА НОМИДАГИ САНЪАТШУНОСЛИК ИНСТИТУТИ

Г.А.ПУГАЧЕНКОВА

ХАЛЧАЯН

ШИМОЛИЙ БАКТРИЯ БАДИИЙ САНЪАТИ ПРОБЛЕМАСИГА ДОИР

УЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЁТИ
ТОШКЕНТ·1966

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВОЗНАНИЯ им. ХАМЗЫ

Г А. ПУГАЧЕНКОВА

ХАЛЧАЯН

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ·1966

902.6
П 88

Античная культура издавна приковывала к себе умы и чувства многих поколений. Однако понятие античности еще до недавнего времени суживалось рамками греко-римской культуры, в то время как художественное творчество народов Среднего Востока первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры рассматривалось в лучшем случае как ее бледный отблеск среди народов «варварской периферии». Между тем исследованиями советских ученых на территории Средней Азии уже выявлено немало замечательных памятников местной древней культуры, побуждающих по-новому подойти к рассмотрению проблемы.

Настоящая книга посвящена одному из таких выдающихся памятников среднеазиатской античности, расположенному на юге Узбекистана. Она отражает итоги четырехлетних экспедиционных работ Искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы, принесших разнообразный материал по истории материальной и художественной культуры той области приамударьинского бассейна, которая в древности именовалась Бактрией.

Книга представляет значительный интерес как для специалистов — историков, археологов, искусствоведов, художников, так и для широкого круга читателей, поскольку исследования Халчаяна открывают совершенно новую страницу историко-культурного прошлого нашей страны.

Ответственный редактор

доктор искусствоведения

Л. И. РЕМПЕЛЬ

Когда зелено-голубой наденут шелк луга,
И семицветная парча на склонах гор ярка,
Благоухание земли, как мускус вдаль летит
И распускается листва, как оперенье птиц.
К нам полночь аромат земли доносит с ближних гор.

Приди ж, о свежесть ветерка,
цвети ж, весны простор!

Фаррухи — о Сагиниане

ОТ АВТОРА

Понятия античной культуры, античного искусства, античной археологии еще до недавнего времени суживались пределами греко-римского круга. Однако современная наука выдвигает иной, более расширенный аспект, рассматривая античность как зрелый этап развития культуры различных народов древнего мира, находившихся на стадии высокоразвитых форм рабовладельческой формации. Если греки первыми, порвав узы архаических деспотий, пришли к античной демократии полисов и создали так называемую классическую культуру, то другие народы древних цивилизаций — почти всего Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, — миновав стадию полиса, вступили через космополитизм эллинизированных монархий, и особенно крупных локальных имперских объединений, в период зрелого созидания собственной античной культуры с ее сложными переплетениями местных творческих направлений и международных историко-культурных связей и взаимовлияний.

Однако если за отсутствием весомого комплекса фактов еще каких-нибудь полвека назад было бы неправомерным декларировать положение о культурном вкладе народов азиатского Востока в сокровищницу мирового античного наследия, то в наши дни, благодаря развороту археологических исследований в странах Ближнего, а затем и Среднего Востока, проблема античной культуры народов Востока получает столь прочное обоснование, что ныне она ставится в мировой науке во всей своей широте.

Успехи советской археологии открыли неведомые страницы истории местной среднеазиатской античности. Благодаря исследованиям Хорезмской археолого-этнографической экспедиции С. П. Толстова и Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции М. Е. Массона уже немыслимо представить историю архитектуры Среднего Востока первых веков до нашей эры и первых веков нашей

эры без крепостных сооружений, дворцовых и храмовых построек Нисы и Топрак-калы, Мервского и Беркуткалинского оазисов, историю изобразительных искусств — без монументальной живописи и скульптуры Топрак-калы, нисийских ритонов, мервских и хорезмийских терракот. В обильном исследованном материале выделяются большие историко-культурные «школы» Средней Азии — Хорезмская, Парфянская, Бактрийская, Согдийская, Фергано-Туркестанская.

Но если две первых школы рисуются уже довольно ясно, то три остальных предстают одна за другой во все менее отчетливых контурах. Школа Бактрийская стоит в этом ряду пока в неясных очертаниях, хотя к познанию ее уже приложено немало труда.

Вопросы художественной культуры Бактрии смыкаются с важной общеисторической проблемой, которую XXV Международный Конгресс востоковедов (Москва, 1960 г.) выдвинул на ближайшие годы в разряд первостепенных. Речь идет о сако-кушанской проблеме, охватывающей в социально-политическом, этногенетическом, историко-культурном плане вопросы античной истории народов индо-среднеазиатского узла. Бактрия лежала в самом центре обширных территорий, через которые шло продвижение сакоюеджийских племен и формирование могущественной Кушанской империи, т. е. она находилась в самой гуще военно-политических событий, этнических перемещений, экономических и культурных взаимосвязей. И это срединное положение определило синкретически сложный характер местного искусства, формирование которого протекало в постоянном взаимодействии оседло-земледельческих городских античных цивилизаций и степных кочевнических культур.

Исследования памятников античной художественной культуры правобережной Бактрии начались в советское время. В 1926—1928 гг. экспедицией Музея восточных культур, организованной В. П. Денике, в старом Термезе была опознана как буддийская ступа башня Зурмала (упоминаемая еще в дореволюционной литературе) и открыты некоторые каменные архитектурные и скульптурные детали античного облика[1]. 1932—1933 гг. ознаменованы осуществлявшимися М. Е. Массоном исследованиями Айртама, которые, несмотря на небольшой объем работ, принесли открытие части буддийского святилища, великолепных горельефных плит и фрагментов круглой скульптуры[2]. В более широком масштабе М. Е. Массону удалось развернуть изучение проблемы рабовладельческой культуры Бактрии — Тохаристана по линии Термезской археологической комплексной экспедиции (1936—1938 гг.), основные работы которой были сконцентрированы на городищах древнего Термеза. Среди полученных данных по художественной культуре античной поры следует отметить наблюдения над крепостной архитектурой, исследование ряда памятников кушанского времени (пещерный монастырь на Каратепа, здание на Чингизтепа), архитектурных деталей (каменные базы, капители, профилированные блоки), скульптурных фрагментов, керамики и терракот[3].

Проблемой греко-бактрийского искусства долгие годы занималась К. В. Тревер, которая результаты исследований опубликовала в 1940 г. в капитальной монографии[4].

После десятилетнего интервала археологические работы в Термез-

ском районе, особенно в округе Анхора, были возобновлены в 1948 г. сектором археологии Института истории и археологии АН УзССР. Они осуществлялись в течение ряда лет Л. И. Альбаумом, открывшим несколько античных в своей основе городищ. На двух из них Альбаум провел, с участием В. Д. Жукова, стратиграфические раскопки (Зартепа, Хайрабаттепа)[5]. В послевоенные же годы началось и археологическое изучение Южного Таджикистана — исследование городищ Кафирнигана, особенно Кей-Кобад-шаха (М. М. Дьяконов, 1950—1951 гг., А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, 1952 г.)[6], Бишкентской долины (А. М. Мандельштам, 1955—1959 гг.)[7], Вахшской долины — Кухне-кала и Кум-кала (Б. А. Литвинский, 1953—1954 гг.)[8], Гиссарской долины — Шахринау и Кашкар-кала (Е. А. Давидович, 1955 г.)[9], Узбеккон-тепа (Е. В. Зеймаль, 1958 г.)[10] и некоторых других пунктов. Все это заметно пополнило представления о местной фортификации и строительной технике, гончарном искусстве и коропластике первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры.

Анализ некоторых художественных объектов бактрийско-кушанского искусства дан в книге Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля[11].

Так постепенно, благодаря нарастающему размаху археологических исследований в республиках Средней Азии, шло накопление данных по архитектуре, скульптуре, прикладным искусствам правобережной Бактрии. Однако целостную картину развития хотя бы главнейших линий бактрийского зодчества и изобразительных искусств на этой основе представить было нелегко. Возникла острая потребность в каких-то специальных изысканиях, ибо даже в области местного античного зодчества по существу до сих пор не было ни одного вскрытого полностью здания, которое позволило бы составить суждение о приемах планировки, архитектоники, общей архитектурной композиции, характеризующих бактрийскую архитектурную школу, тем более, что многолетние раскопки кушанского храмового комплекса Сурх-Котал в левобережной Бактрии, на территории Афганистана, осуществленные Д. Шлюмберже, дали некоторый исходный сравнительный материал.

Памятники докушанской и кушанской эпох рассеяны по всему правобережью амударьинского бассейна. Основания многочисленных бугров — тепа, разбросанных вдоль русла Амударьи, главных ее притоков — Сурхандарьи, Кафирнигана, Вахша, больших и малых притоков этих притоков, содержат культурные слои античной поры. Тепа эти катастрофически исчезают из года в год, срезаемые ножом бульдозера под пахотные земли, под новую застройку, под ирригационные системы, причем нередко без всякой археологической фиксации. Изучение же самих античных слоев в значительной мере затруднено вследствие того, что в подавляющем большинстве они перекрыты поверх средневековыми напластованиями. В силу этого для изучения материальной культуры поры рабовладения наиболее перспективны памятники «стерильные», непотревоженные, отражающие в своих остатках процессы созидания, обживания и разрушения в пределах единого отрезка социальной истории древнего мира. Такого рода стерильным памятником оказались бугры большого поселения в урочище Халчаян на землях колхоза им. Калинина Денауского района Узбекской ССР.

Весной 1959 г. при расширении площади колхозной ремонтно-техни-

ческой станции бульдозер срезал край возвышавшегося во дворе бугра, вывернув из земли три профилированные каменные базы, сходные с обнаруженными в старом Термезе. Одна из них чуть не сломала машину, и потому работы были прекращены. Сведения об этих базах дошли до Термезского областного краеведческого музея. Сотрудник музея В. А. Козловский, в течение ряда лет ведущий учет археологических памятников по области, осмотрел находку. Позднее, во время созванного при Академии наук УзССР совещания по координации археологических работ, В. А. Козловский сообщил нам об этом интересном факте, который заставил сразу же насторожиться. Постройка, в оформление которой входили колонны, могла оказаться весьма перспективным для исследования архитектурным памятником. Осенью 1959 г. Институт искусствознания АН УзССР организовал предварительную археологическую разведку в Халчаяне, где в течение недели мы проводили разведочные зачистки упомянутого бугра. Работы осуществлялись автором этих строк при участии научного сотрудника Термезского музея Л. Н. Мережина и студента Ташкентского Государственного университета К. Юсвалиева. Первые же работы показали бесспорную перспективность всестороннего исследования памятника и необходимость его полного археологического вскрытия, так как выяснилось, что бугор таит в себе не только погребенное здание античной поры, но также и фрагменты глиняной скульптуры и стенописи.

С 1960 г. в системе Института искусствознания была учреждена Искусствоведческая экспедиция, в задачу которой входило как исследование памятников искусства и архитектуры прошлого на территории Узбекистана, так и традиций современного народного зодчества и художественно-прикладных ремесел. Изучение Халчаяна было включено в план экспедиционных исследований и осуществлялось на протяжении четырех лет.

В науке нередко случается, что частный эксперимент, единичный факт открывает перспективу гораздо более широкую, нежели та узкая цель, которая первоначально ставилась на разрешение. Так случилось и с Халчаяном. Раскопки небольшого бугра во дворе колхозной ремонтно-тракторной станции показали невозможность ограничиться узкой историко-архитектурной задачей, связанной с изучением погребенного в нем здания, ибо комплекс халчаянских холмов в своем целом, стерильность самого городища сулили вероятность каких-то более широких обобщений и характеристик, связанных с античным этапом развития материальной культуры северной Бактрии. К постановке исследований побуждала и тревога за памятник, который находится под угрозой постепенного исчезновения при распашке полей, уже поглотивших многие площади древних застроек. И хотя центральный пункт оставался основным объектом наших четырехлетних работ (извлечение заполнявших его скульптурных объектов потребовало нескольких полевых сезонов), одновременно осуществлялось обследование всего халчаянского городища и его ближайшего окружения.

При использовании археологических методов исследования конечная цель их представлялась не столько в археологическом, сколько в общем историко-культурном плане. Установление ведущих черт художественной культуры Бактрии (архитектура, изобразительные и прикладные

искусства) в той мере, в какой это может быть обрисовано на основе исследуемого памятника, в проекции на уже выявленные ранее материалы — таким мыслится и профиль настоящей книги, которая членится на две части. Первая посвящена итогам археологического исследования, на основе которого обрисовываются общие контуры истории Халчаяна, вторая заключает искусствоведческий раздел.

Полевые работы Искусствоведческой экспедиции в Халчаяне включали полное вскрытие центрального архитектурного объекта, частичные раскопки на других халчаянских буграх, закладку стратиграфических шурфов, осуществленную в нескольких пунктах. Особое внимание было уделено изучению строительных методов и архитектурных приемов, наблюдениям за расчищавшимися фрагментами живописи и скульптуры.

Археологические раскопки велись с поквадратной (2 × 2 *м*) и поярусной (через 50 *см*) разбивкой вскрывавшихся площадей, с соответствующей регистрацией полученного материала и составлением многочисленных чертежей. Особо ответственную, технически сложную задачу составляло извлечение завала разбитой глиняной скульптуры.

Из-за отсутствия больших материальных средств, мы не имели возможности вскрыть значительное число халчаянских бугров — это остается за будущим. И однако уже полученные материалы показывают, что значение Халчаяна выходит за рамки локального пункта или одиночного объекта и дает возможность широких общих заключений по истории бактрийской художественной культуры в основном на среднеантичном этапе ее развития.

Археологические работы в Халчаяне, возглавляемые автором, осуществлялись с 1959 по 1963 г. Участниками их были археологи — сотрудники Института искусствознания АН УзССР — Ш. Ташходжаев (весна и частично осень 1960 г.), Д. Н. Сидорова (весна 1961 г. и осень 1962 г.), Б. Тургунов (1961—1962 гг.), а также Д. Г. Зильпер (Музей Искусств УзССР, весна 1960 г.), Л. Н. Мережин (Термезский областной краеведческий музей, 1959—1960 гг.) и студенты Ташкентского государственного университета У. Алимов и В. Горячева (осень 1960 г.), М. Сафаров (осень 1960 и 1961 гг.), К. Юсвалиев (осень 1959 и 1961 гг.).

Помимо стационарного изучения собственно Халчаяна, нами велось обследование и других интересных в археологическом отношении пунктов — Дальверзинтепа, Бедрача, группы тепа в окрестностях Денау и Халчаяна. Весной же 1960 г. маршрутный отряд Искусствоведческой экспедиции, возглавленный Л. И. Рempелем, провел разведку в горных районах — у Байсуна, кишлаков Аулата, Сина, Вахшувар и др.

В расчистке, закреплении и извлечении глиняной скульптуры принимали участие научные сотрудники Института искусствознания — искусствовед В. Г. Долинская (1960 г., весна 1961 г., осень 1962 г.), скульпторы Х. Хуснутдинходжаев (1961—1963 гг.) и Д. Рузыбаев (1962—1963 гг.). В 1960 г. в течение недели нам помогал своей квалифицированной консультацией художник-реставратор Государственного Эрмитажа П. И. Костров. В фотофиксации халчаянских работ, осуществлявшейся нами на протяжении всех лет, принял также участие Л. И. Рempель (весна 1960 г.), а в 1962—1963 гг.— фотограф Института искусствознания И. Т. Гавриленко, выполнивший и некоторые документальные киносъемки.

Последующие камеральные работы по реставрации глиняной скульптуры проводились при основанной в 1961 г. лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания Х. Хуснутдинходжаевым и Д. Рузыбаевым, при участии и консультации инженера-химика Е. Ф. Федорович. Последняя выполнила лабораторный анализ состава основных красоч, употреблявшихся для скульптуры, анализ древних тканей из раскопок, но главное — разработала в 1964 г. совершенно новый способ консервации глиняной скульптуры путем полимеризации мономера внутри хрупкой структуры.

Всем перечисленным товарищам по многолетнему изучению Халчаяна (в число их входит также наш помощник по обработке чертежного материала З. Баситханов) автор выражает глубокую благодарность, отдавая полный отчет, что лишь усилиями дружного коллектива мог быть достигнут определенный положительный итог в исследовании столь выдающегося памятника среднеазиатской античности, каким является Халчаян[12].

Глава I

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ХАЛЧАЯНА

АРХЕОЛОГО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Среднеазиатские реки подобны кровеносным системам живых организмов. Вбирая многочисленные притоки, они, словно упругие артерии, насыщают разветвленные системы отводящих каналов, больших и малых арыков, и всюду, куда приходит вода, пульсирует полнокровная жизнь. Развитие древнейших цивилизаций зачиналось на Востоке всегда у воды, а с гибелью ирригационных систем жизнь замирала на века даже в периоды высоко развитых форм общественного бытия.

Река Сурхандарья (рис. 1) — к осени такая кроткая, нешироkая — нетрудно перейти ее вброд, благодатное место для удильщиков рыбы — неузнаваема в весенне-летние месяцы, в период таяния горных снегов. Тогда она заполняет широчайшую пойму, вырывает с корнем деревья, сбрасывает 20-метровые лёссовые глыбы крутого левобережья, приносит огромные булыжники с гор. Но в эту-то пору своего половодья она несет животворящую влагу полям долин. Бескрайние хлопковые гряды, сады, виноградники тянутся от реки вплоть до самых предгорий, амфитеатром охвативших долину, разработанную в незапамятные времена блуждающими руслами самого Сурхана и впадающих в него больших и малых притоков — Тупаланга, Сангордака, Каратага, Кызылсу и многих других.

В вековечной борьбе за плодородные земли в оазисе Сурхандарьи издревле слагалась развитая оседло-земледельческая культура. Но, обнимая ее с двух сторон, к долине вплотную подступают горные цепи — Байсунский хребет на северо-западе и Бабатаг на юго-востоке.

И здесь соседствовали иные формы хозяйственного уклада. В узких, зимою закрытых для спуска ущельях, вдоль горных саев ютились небольшие селения. Как и ныне, жители их выращивали на склонах виноград и плодовые деревья, сажали богарную («под дождь») пшеницу, но в основном занимались скотоводством. И это сосуществование двух бытовых

укладов издревле определило различие форм общественного бытия и специфику исторических взаимоотношений населения прибрежного оазиса и гор. В хозяйственном быту жителей долины преобладало поливное земледелие, развитие которого требовало хорошо налаженной системы ирригационных устройств, а в силу этого — централизации власти, организованных форм государственности и, как следствие — развития городской цивилизации. Запросам этой цивилизации отвечало, в известной мере, развитие горного дела — Байсунская горная система

Рис. 1. Ландшафт Сурхандарьи близ Халчаяна.

явилась местом разработки полезных ископаемых: строительного камня, железной руды. Обследование крепости — калы крупного горного поселения Байсун показало, что она возникла еще в античную пору, о чем свидетельствует крупноразмерный квадратный сырцовый кирпич в нижних обрезах калы и типичная для эпохи Кушан керамика с мелким штампованным орнаментом. Близ современного горного кишлака Аулата отмечено скопление железорудных шлаков, а возле Вахшувара обнаружено поселение средневековых металлургов и колоссальные отвалы литейных форм. Однако основная часть горцев, обитавших в горных селениях, занималась скотоводством и возделыванием мелких нагорных участков, и в их среде стойко сохранялись патриархальные формы социальной организации. Но если оседло-скотоводческое хозяйство еще до недавнего времени преобладало среди жителей далеких горных селений, путь к которым лежал по веками протоптанным, обрывистым тропам, то в долине, через которую проходили большие пути, связывавшие область с иными странами древнего среднеазиатского мира, издревле развивалось оседло-земледельческое хозяйство.

Долина Сурхана в древние времена входила в общее понятие Бактрии — так именовался весь оазис верхнего и среднего бассейна Амударьи с ее многочисленными притоками. Под этим названием область упоминается уже со времен Дария Гистаспа в староперсидских надписях (VI в. до н. э.) и начиная с Геродота у всех последующих греко-рим-

ских авторов. И хотя в местной топонимике со временем появляется новое название — Тохаристан (по имени народа «тохаров»), термин Бактрия наиболее правомерен для всей античной эпохи, ибо бактрийцы всегда оставались коренным населением края, в котором в процессе всевозможных внешних вторжений растворялись многочисленные этнические контингенты.

А вторжений было немало. Канва исторических событий, которая пока еще лишь в самых общих чертах обрисовывается на основании весьма ограниченных данных греко-римских авторов, китайских хроник, санскритских текстов, немногочисленных эпиграфических памятников и обширных монетных эмиссий, выпускавшихся правителями различных сменявших друг друга династий, была такова. В VI—IV вв. до н. э. Бактрия входила на правах самостоятельной сатрапии во владения иранской державы Ахеменидов. Между 330—327 гг. до н. э. здесь развертываются события, связанные с азиатским походом Александра Македонского,— от захвата Бактр и преследования Бесса до женитьбы его на прекрасной бактрианке Роксане и движения на завоевание Индии. После смерти Александра следует кратковременное включение Бактрии в состав селевкидской державы, а в середине III в. до н. э. мятеж Диодота приводит к ее отложению и к образованию самостоятельного Греко-бактрийского царства, границы которого расширяются вплоть до Инда на юго-востоке и Мургаба на западе. Около 140 г. до н. э. Греко-бактрийское царство распалось под натиском наводнивших Бактрию северных среднеазиатских народов — сначала саков, а вслед за тем юеджей, к концу II в. до н. э. вытеснивших саков за Гиндукуш и прочно закрепившихся в приамударьинском бассейне. В источниках конца II—I вв. до н. э. юеджийские владения фигурируют лишь как ряд мелких самостоятельных княжеств, но к концу I в. до н. э. намечается тенденция к их объединению. Во главе юеджийской коалиции становится род Кушанов, который последовательно проводит политику расширения своих границ и установления единодержавия. В I—III вв. н. э. могущественная держава Кушан охватывает современные территории Узбекистана, Таджикистана, Пакистана, большую часть Афганистана и Индии, являя, наряду с Римом, Парфией и ханьским Китаем, одну из величайших империй античного мира. Однако уже в III в. н. э. Кушанскому царству приходит конец. Причины его крушения были обусловлены не столько внешнеполитическими событиями — новыми севернокочевническими вторжениями, сколько явлениями общесоциального плана — кризисом и распадом рабовладельческой формации, которая, как установлено советской исторической наукой, была основной в системе среднеазиатских обществ в первых веках до нашей эры и первых веках нашей эры.

Упоминание долины Сурхана под названием Саганиан или Чаганиан отмечается лишь с VII в. Однако археологические наблюдения показывают, что уже с середины I тысячелетия до нашей эры здесь развивалась античная цивилизация. Предполагают, что обширный район веера северных притоков Амударьи (Сурхан, Кафирниган, Вахш и др.) соответствует области, населенной независимым народом — паретакенами, которые фигурируют в источниках, освещающих походы Александра Македонского[13]. Очевидно, именно здесь располагалось укрепленное горное «гнездо» (скала) местного правителя Хориена, которую описыва-

ет Арриан (IV, 21): «Эта скала называлась Хориеновой, и на нее с немалым числом вельмож бежал и сам Хориен. Высота скалы простиралась до 20 стадий, а окружность до 60. Со всех сторон она была отлога. К ней вел довольно узкий и притом только один трудный всход, так как был создан не природой, а искусством, поэтому, даже если бы не было сопротивления, итти по нем было очень затруднительно, и то только по одному человеку. Кроме того, вокруг скалы шел глубокий ров, и если нужно было подвести войско к скале, то прежде всего следовало завалить ров, чтобы по гладкой дороге вести на приступ войско».

Археолого-топографическое исследование долины Сурхана пока едва начато, но по вопросу о её главном центре ныне внесена определенная ясность.

Проблема местонахождения Саганиана, как главного города одноименной историко-культурной провинции, поднималась еще дореволюционной исторической наукой. В. Томашек[14], В. В. Бартольд[15], И. Маркварт[16], основываясь на указанных в арабских средневековых дорожниках расстояниях, полагали, что город располагался на месте современного Денау, или близ него. Г. Лестрендж отождествлял Саганиан с современной Сары Асией[17]. Согласно данным Макдиси, столица Саганианской области лежала в четырех днях пути (до 120 *км*) или 24 фарсахах (около 144 *км*) от Термеза и в трех днях пути (до 90 *км*) от Кобадиана. Эти расстояния локализуются близ Денау. Тем не менее, опираясь на те же цифры, М. Хамраев полагает возможным приурочить местонахождение Саганиана к Каратагу или к Хисару[18].

Решить окончательно данный вопрос можно было лишь на основе археолого-топографического обследования. Такая задача была впервые поставлена Таджикско-Согдийской археологической экспедицией в 1947 г., когда по поручению М. М. Дьяконова, Л. С. Бретаницкий и С. Б. Певзнер осуществили поездку от Хисара до Денау. В непосредственной близости от Денау они отметили какое-то крупное городище, якобы именуемое Шаганианом и ограниченное с юго-запада Сурхандарьей, подмывающей берег так, что со временем образовался высокий срез; на территории городища, окруженной полями, встречено много фрагментов керамики—поливной и неполивной (в частности сине-белой XV в.); имеется кладбище с мазаром позднейшей архитектуры[19]. Однако проведенный нами осмотр многочисленных древних тепа вокруг и внутри самого Денау не подтвердили ни наличия здесь остатков большого городища, ни наименования Шаганиан, которого местные жители не знают[20].

Обследование денауской калы (рис. 2), которая еще до недавнего времени не привлекала внимания археологов, так как считалась памятником, связанным с порой Денауского бекства, показало, что в основе ее лежат остатки высоко приподнятого на естественном останце над поймой реки Кызылсу древнего поселения. В пору летнего половодья со стороны реки происходят оползни, которые сбрасывают археологические слои, заключенные под поздними напластованиями. В 1960 г. во время такого обвала на глубине 4 *м* от поверхности калы обнажились керамические плечи; здесь была собрана скатившаяся к берегу керамика (рис. 3). Она представлена характерной группой грубоватых по технике, но красивых по форме крупных бытовых сосудов VI—VII вв. Матери-

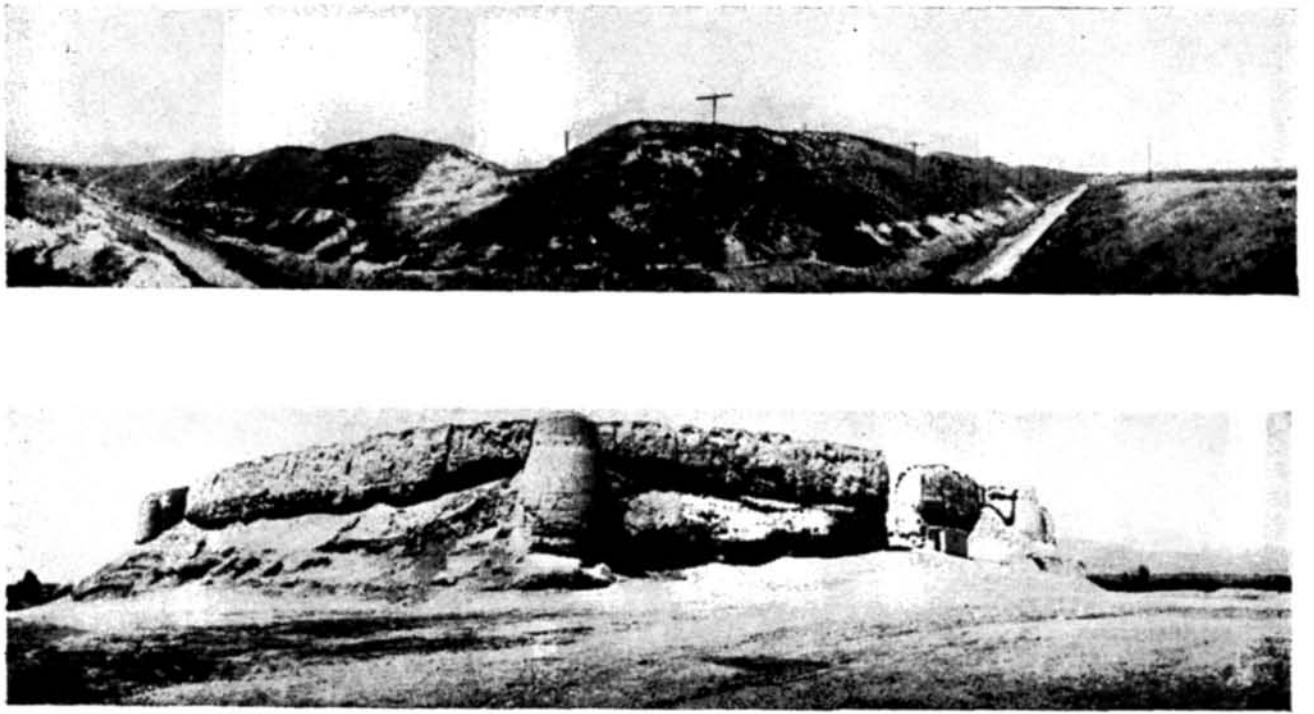

Рис. 2. Дальверзинтепа (вверху); Денау — стены крепости (внизу).

ал — желтоватая глина, на поверхности светло-желтоватый ангоб; изготовлены сосуды на гончарном круге. Комплекс включает горшки, чаши, миски с прямым дном или на высокой, расширяющейся книзу ножке. Это — дальнейшая трансформация бокаловидных и вазовидных форм античной керамики. Характерно, что денауские гончары до сих пор изготовляют крупные чаши («сафаль-каса») на устойчивой, высокой ножке, которые широко распространены в быту местного населения.

К северу от денауской калы (около 2 *км*), также над поймой Кызылсу, на окраине Денау, возле водонапорной башни, расположен другой древний пункт. Осмотр этого безымянного тепа показал, что оно также

Рис. 3. Крепость Денау. Керамика нижнего культурного слоя.

восходит к раннефеодальной эпохе и, по-видимому, являет собой остатки замка — кешка (около 45 × 30 *м* в плане). В срезах видны кладки пахсовых блоков (высота их 90 *см*) и части свода пролетом 1,70 *см*, сложенного из прямоугольного сырца ? × 27 × 8 *см*. На тепа и прилежащих полях встречается преимущественно безглазурная керамика. Поднята интересная терракотовая головка единорога с длинной, обломанной снизу шеей.

Со времени арабского завоевания в жизни поселения, располагавшегося на месте денауской калы, наступает долговременный перерыв. Само название Денау — Дехи-нау, т. е. «Новая деревня», появляется в письменных источниках со времени Тимура[21], когда, по-видимому, на покинутом древнем тепа слагается новый населенный пункт. Значение его, очевидно, возрастает к XVI столетию. Именно к этой эпохе относится сохранившееся до наших дней медресе Сеид-Аталык (рис. 4), напротив которого располагалось второе, ныне несуществующее медресе. По традиции, возведение обоих зданий относят к XIX в., связывая его со строительной деятельностью местного правителя Абдул-Керим-датха, отло-

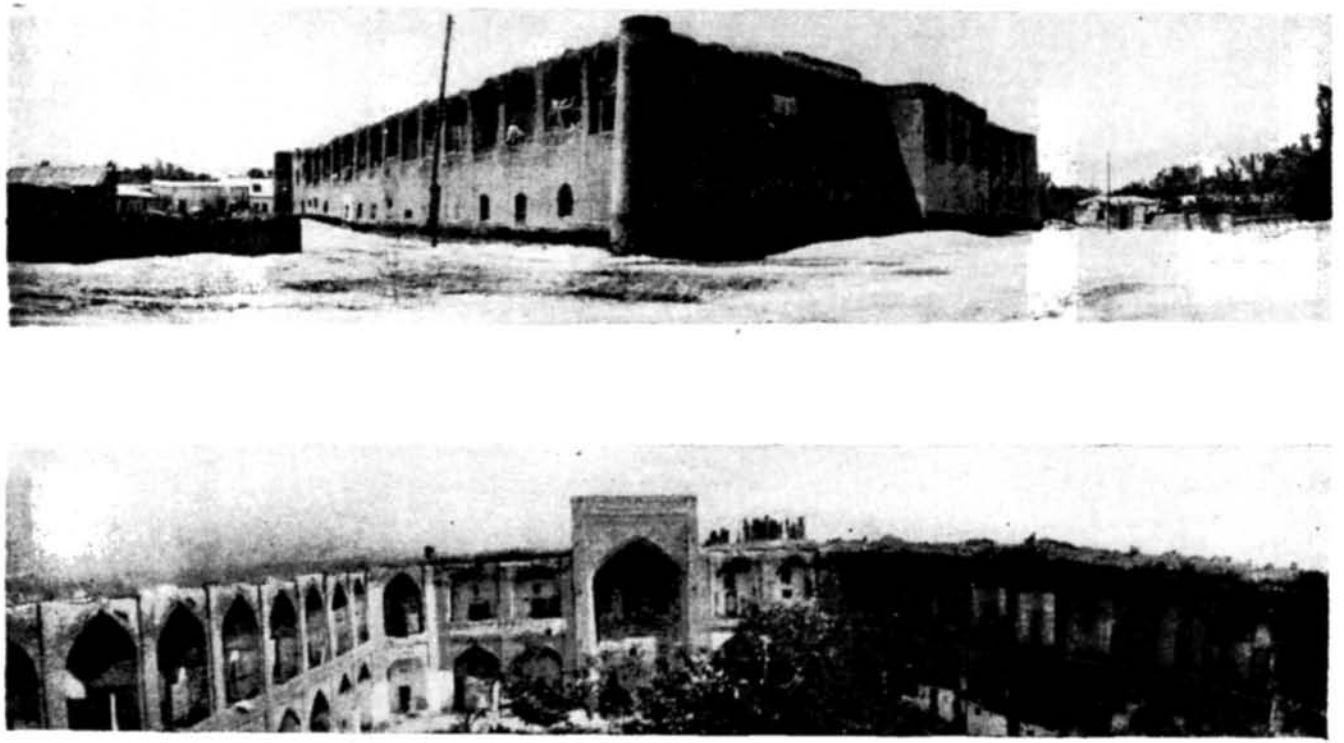

Рис. 4. Денау. Медресе Сеид-Аталык (внешний вид и двор).

жившегося от бухарского эмира[22], хотя в народе считают, что здания эти насчитывают 200—300 лет[23]. Действительно, обследование медресе Сеид-Аталык указывает на его явную связь с бухарскими строительными традициями XVI в. Крупное по размерам, сложенное из отличного жженого кирпича (25—26×5 *см*) на ганчевом растворе, двухэтажное, многокомнатное медресе не могло возникнуть в провинциальном городке Бухарского эмирата в ту пору, когда даже в самой столичной Бухаре не возводились подобные значительные сооружения. Дворовая организация плана с портальным входом и угловыми башнями, с двумя айванами на оси двора, а также устройство наружных двухэтажных лоджий по внешним фасадам, напоминают медресе Кукельташа в Бухаре (1568/69)[24], а система перекрытия крестообразной в плане угловой дарсханы на пересекающихся арках и щитовидных парусах с переходом к сталактитовому подкупольному венцу очень сходна с гурханой медресе Мири-Араб (1530—1536 гг.)[25]. В отличие от обоих бухарских зданий, денауское медресе лишено изразцового декора, но это связано с провинциальным характером постройки. Подобные примеры дает ряд значительных по своим масштабам сооружений XVI в., воздвигнутых вне Бухары, фасады которых лишены какого-либо архитектурного декора (мавзолей Лянгарата в Лянгаре, ханака Касым-шейха в Кермине и Мулло-Мир в Рамитанском районе и др.).

Благодаря удачному топографическому местоположению на отрезке главной в то время стратегической и торговой дороги Гиссарской долины, лежавшей между предгорьями и болотистым правобережьем Сурхандарьи, хорошо укрепленной, приподнятой на остатках древнего поселения крепости — калы, Денау сохранял свое значение вплоть до XIX столетия. В период Бухарского эмирата, когда в Денау пребывали местные беки, стены калы были наращены в высоту, внутри крепости располагались различные строения, а вокруг нее простиралось поселение кишлачного типа[26]. В советское время облик Денау коренным образом изменился. Огромные мелиоративные работы, осуществленные в 20—30-х годах, истребили все болота, покончив с бичем здешних мест — свирепыми лихорадками, и позволили освоить под сельское хозяйство обширные земли правобережья. Город Денау ныне является значительным районным центром Сурхандарьинской области, застроенным по регулярному плану, а кала денауских беков давно уже превратилась в скотный рынок, на котором в воскресные дни идет оживленный торг.

Местоположение упоминаемого в арабских дорожниках главного города средневекового Саганиана было установлено в процессе осуществленного нами обследования археологических памятников Денауского района[27]. Инженер-механизатор М. Тураев, местный уроженец, обратил наше внимание на городище Бедрач, расположенное в 9 *км* к юго-востоку от Денау, на землях колхоза «Ленинизм», в дельте впадения р. Кызылсу в Сурхандарью (рис. 5). В юго-восточной части городища возвышается два очень крупных (12—15 *м*), разделенных седловиной бугра — Ак-Мазартепа и Дуньотепа. Видимо, первый из них (площадью до 3 *га*) играл роль цитадели-арка, второй же (9 *га*) включал правительственно-административный комплекс и жилую застройку, но несомненно, что оба осуществляли систему взаимообороны. Между

ними располагались ворота, от которых сохранились цокольные кладки из средневекового жженого кирпича, а над воротами возвышались сырцовые массивы.

С востока и юга город обмывала бурная Кызылсу, пойма которой перемещалась с веками и потому ее воды подмыли оба тепа. Здесь в обрывах видно, что первоначальное заселение пункта осуществлялось на лёссовых останцах высотою до 5—6 *м*, весь вышележащий массив (до 7—10 *м*) составляют культурные толщи. В срезе прослеживаются кладки из сырца и жженого кирпича, зольные отвалы, мусорные ямы и бадрабы, торчащие обломки хумов и иной керамики. Первоначальный период обживания этих тепа до проведения специальных исследований пока не может быть определен, но среди находок встречается керамика ярко-красного, очень плотного черепка, явно доарабских времен, в том числе — носик сосуда, оформленный налепными витыми рогами козла, округлые в сечении ручки, керамика светлой глины с красноватыми потеками и пятнами на поверхности ангоба и др. Однако и на тепа, и на основной территории городища преобладает более поздний средневековый археологический материал — керамика, жженый кирпич, стекло.

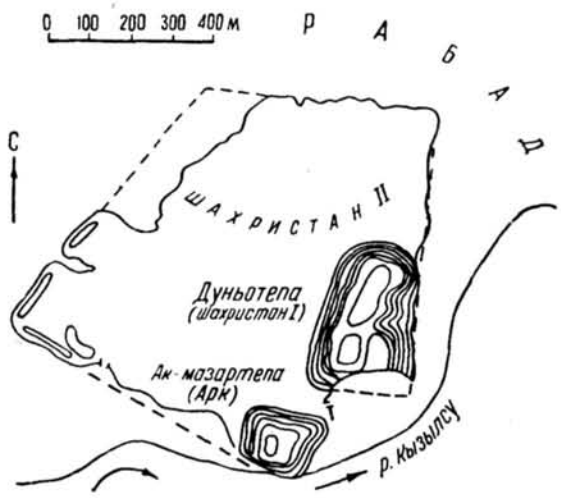

Рис. 5. Городище Бедрач. План.

Вероятно, в период начальной феодализации страны, в VI—VII вв. здесь, на побережье Кизылсу, был возведен замок феодального владетеля (Ак-Мазартепа) и при нем поселение — шахристан (Дуньотепа). Однако лишь в период интенсивного развития феодальной системы, уже после прочного вхождения Саганиана в состав арабского халифата, начинается бурный рост этого населенного пункта, который преобразуется в крупный столичный центр.

Основная территория средневекового города (на рис. 5 обозначаем её как «шахристан II») первоначально имела четырехугольный контур (около 900 × 800 *м*). От обводивших ее стен сохранились отдельные валы в западной части, прочие следы поглощены полями, которые за последнее время уже заняли значительную часть городища. Там, где микрорельеф не нарушен, видны направления улиц, контуры домов и двориков. Археологический материал буквально усеивает поверхность, особенно на распаханных участках. Датировка его охватывает время с IX по XII в. Повсюду валяется жженый кирпич различного формата (23 × 23 × 4 *см*, 24 × 24 × 4,5 *см*, 32 × 20 × 5,5 *см*, 28 × 28 × 4,5 *см* и др.) и его фрагменты; колхозники издавна выбирают здесь на постройки кирпич — из него в близлежащих кишлаках выведены целые дома. Многочисленна глазурованная керамика — темно- и ярко-зеленая,

трехцветная с расплывами («мраморовидная»), голубая, белая с подглазурным процарапанным орнаментом, с красноватой, коричневой, фисташковой росписью. Мотивы орнаментации — арабские надписи (чаще подражательные «псевдонадписи»), плетенки, вихревые розетки. Характерны миндалевидные ручки поливных чирагов с рельефным узором. Часто встречаются серые сфероконусы, иногда со штампованным орнаментом в виде кружков, треугольничков, розеток и даже медальонов с зооморфными сюжетами. Очень разнообразна и обильна безглазурная посуда, орнаментированная штампом. Небольшие корчаги — хумча, крышки, горшки и кувшины несут узорные фестоны, розетки, налепы.

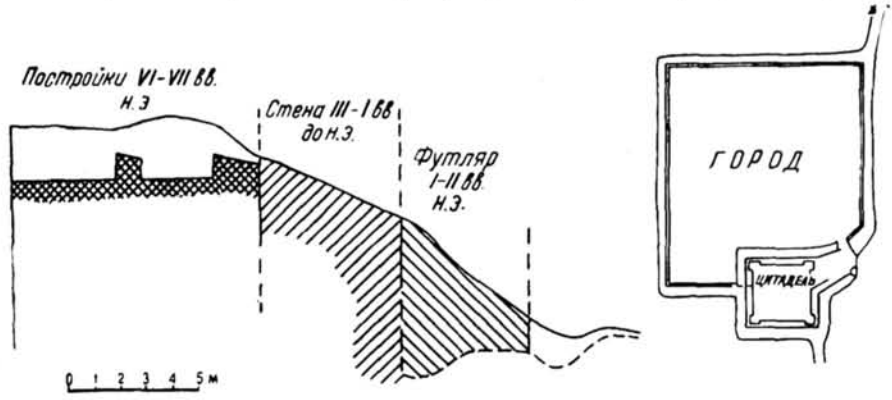

Рис. 6. Дальверзинтепа. Разрез стены цитадели и схематический план.

На местное изготовление керамики указывают остатки керамических производств — отвалы шлака, штыри, сюргучевидные кусочки плавленного лёсса, получавшегося при изготовлении «каменного товара» — сфероконусов. Многочисленны на городище фрагменты стекла — бесцветного, голубого, желтого.

При небольшом разведочном раскопе, осуществленном в 1960 г. в шахристане II Ш. Ташходжаевым, была вскрыта лавка, где торговали гончарными кобурами, использовавшимися для водопровода и канализации. Размеры их различны — от 50 до 80 *см* в длину, при диаметре от 12 до 25 *см*. Кобуры лежали целыми штабелями. Очевидно, они оставлены на месте при каких-то чрезвычайных обстоятельствах, когда дом навсегда был покинут его владельцем.

Вероятно, за пределами шахристана-II простирался и пригород — рабад, так как распространение археологического материала отмечается вне границ городища в радиусе до 300 *м*.

На территории Бедрачтепа встречается и керамика XV—XVI вв.. но в значительно меньшем количестве, нежели керамика домонгольских времен.

Крупные размеры городища, равного которому нет в Денауском районе; совпадение расстояний с данными арабских дорожников; архитектурно-планировочные черты большого средневекового города; остатки крепостных ограждений; обилие средневекового археологического материала, особенно IX—XII вв.; наличие развитых ремесленных производств — все это позволяет с полной определенностью утверждать, что

Бедрач представляет собой остатки средневекового Саганиана, столицы одноименной области, места пребывания эмиров, порой лишь номинально подчинявшихся центральной власти арабов, Саманидов или Газневидов. Неслучайна убежденность местного населения в том, что Бедрач — это «Старый Денау».

В. В. Бартольд обобщил данные восточных первоисточников о средневековом городе Саганиане. Приводим цитату, комментируя ее в скобках на основе археологических наблюдений в Бедраче.

«Город Саганиан имел цитадель [Ак-Мазартепа] и по пространству превосходил Термез [имеется в виду не только контур шахристана II, но и ныне исчезнувшая территория пригорода], хотя уступал ему по количеству населения и по богатству [исследования Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1938 гг. подтвердили картину роста и процветания средневекового Термеза в X—XII вв.[28]]. В городе были красивые крытые базары, хлеб был дешев, мясо продавалось в большом количестве. Среди базара была красивая мечеть, укрепленная колоннами из жженого кирпича, без арок; саганианская мечеть славилась еще в XII в. В каждый дом была проведена вода [о водопроводных кобурах из Бедрача было сказано выше], окрестности города, вследствие обильного орошения, были покрыты густой растительностью; зимой здесь производилась птичья охота, трава была так высока, что покрывала лошадей [речь идет о прибрежных густых камышах]. Жители отличались правоверием и гостеприимством, но улемов среди них было мало, а факихов не было совсем»[29].

В этой характеристике рельефно выступают специфические черты взаимоотношения культуры равнинной и нагорной полос Саганиана. Скотоводы предгорий снабжали район мясом и другими продуктами скотоводства, а земледельцы долины, очевидно, использовали ее преимущественно под посевы зерновых, что и определяло дешевизну и обилие хлеба. В общем профиле края преобладало сельское хозяйство, что отразилось и на общих чертах городской жизни. В X — начале XI в. при дворах местных эмиров пребывали группы поэтов, среди них — такие яркие фигуры, как тончайший лирик Дакики и мастер касыды Фаррухи[30], указание же на малое число улемов и отсутствие факихов, т. е. ученых богословов, обычно концентрировавшихся в крупных центрах политической и религиозной жизни, косвенно подтверждает известный провинциализм саганианских городов. Во всяком случае, об этом свидетельствует характер ремесленной продукции — при сопоставлении местных гончарных изделий с великолепной керамикой средневекового Мерва, Самарканда, Термеза бросается в глаза, при всем их обилии, несравненно меньшая художественная ценность.

Помимо столичного Саганиана в источниках упоминаются города Басенд, Зинвар, Бураб, Санг-Гардак, Рикдешт, Кумганак и др. Макдиси (X в.) указывает, что в средневековом Саганиане было до 16000 селений. Эта цифра едва ли преувеличена. Огромное число сохранившихся доныне тепа (а сколько их исчезло со временем!) содержит средневековый материал, датировка которого завершается предмонгольским периодом. Следует, однако, отметить, что речь здесь идет, очевидно, не только о более или менее значительных кишлаках, но и о группах сельских усадеб и небольших, хуторского типа обжитых участках, непрерывной

чредою тянувшихся в долине Сурхандарьи. По словам народной легенды, кошка могла пробежать от Сагаииана вплоть до Термеза по крышам домов и дувалам усадеб, ни разу не спрыгнув на землю.

Однако где располагалась столица античного Сагаииана? Ни Бедрач, ни денауская кала в нижних слоях своих разрезов, образованных размывами рек, не содержат материалов древнее V—VIIвв. Археологическое исследование позволило прийти к заключению, что в эпоху рабовладения главным центром по среднему течению Сурхандарьи было городище Дальверзинтепа[31] (рис. 2, верх; рис. 6,7).

Рис. 7. Топографическое расположение городищ Халчаян, Дальверзин и Бедрач.

Дальверзинтепа лежит в 30 *км* к югу от Денау. Это остатки крупного города, имевшего регулярный план и мощные культурные отложения (рис. 2,6). Многогранная цитадель площадью до 7 *га* была обведена стеною и рвом. Въезд в город располагался в его юго-восточной части; у подножья цитадели, здесь, по-видимому, были и главные городские ворота. С юга к крепости примыкал собственно город прямоугольного плана (1000×800 *м*), расположенный с некоторым склонением к странам света. Он также был обведен рвом и стенами, причем по микрорельефу можно заключить, что они имели вздымающиеся над гребнями, но не выступающие за внешнюю линию башни. Планировочная схема Дальверзинтепа напоминает античный Мерв, где квадратный город (Гяур-кала) с севера замыкает несколько выступающая во-вне многогранная цитадель Эрк-кала[32]. К северу и северо-западу за рвом тянутся еще гряды бугров, очевидно заключающие остатки пригородных строений, может быть усадеб, лежавших среди сельских угодий.

Л. И. Альбаум на основе подъемного археологического материала первоначально полагал, что городище Дальверзинтепа «существовало до VI—VII вв., хотя в своей основе оно, несомненно, более древнее — отдельные фрагменты керамики определенно можно отнести к кушанскому времени. Предметов, датируемых более ранним периодом, пока не найдено»[33]. В действительности даже подъемный керамический материал, собранный в разных участках, в обрезах и оплывах тепе показывает, что черепки VI—VII вв. здесь в общем весьма малочисленны, но преобладает керамика античного типа, притом не только кушанской поры (I—III вв.), но и значительно более ранней. По внешнему облику она сближается с керамикой Термеза — Айртама, с одной стороны, Кобадиана — с другой, хотя имеются и некоторые локальные отличия. Характерны бокалы и фиалы на небольшой, с узким перехватом, расширяющейся к основанию ножке, горловины одноручных кувшинов, плоские донья крупных сосудов на трех налепных полуовальных ножках, пельменеобразные налепы на бортах тарелок и др. Преобладает красноватое, плотное тесто, нередко встречается ярко-красный ангоб, иногда с лощением, но наряду с тем есть и керамика сероглиняная, имевшая распространение с III в. до н. э., вплоть до начала нашей эры, когда она

постепенно сходит на нет. Встречаются каменные зернотерки, которые в Средней Азии к III в. уже вытесняются ручными жерновами. Характерно полное отсутствие на городище керамики эпохи развитого средневековья, когда, как было показано выше, область Саганиан была очень интенсивно обжита.

В 1961 г. Л. И. Альбаум расчистил прорезанный землеройной машиной участок крепостной стены Дальверзинтепа в ее юго-западном отрезке и вскрыл устроенные в этой стене погребения. Результаты исследований пока не опубликованы, но в докладе на пленуме Института археологии АН СССР в 1962 г. он сообщил, что стена относится к античному времени и в ней отчетливо выделяются два строительных периода. Первый из них связан с выведением из сырцового кирпича мощной крепостной стены, заключавшей внутристенную галерею, а второй — с обкладкой ее как бы новым футляром и забутовкой галереи. И выведение стены, и ее обкладка произведены не позднее кушанской эпохи. После того происходит заброс укреплений, стена теряет свое оборонное назначение и на оплывших склонах ее в эфталитское, как полагает Л. И. Альбаум, время устраиваются захоронения. Вблизи от стены был расчищен небольшой выведенный из сырца жилой дом кушанского времени, сохранивший остатки разнообразного бытового инвентаря. На этом же участке города трактористами была прокопана глубокая траншея, которая прорезала (и, к сожалению, почти разрушила) топочную часть продолговатой в плане керамической печи, возможно, также кушанского времени. Длинные прямоугольные печи характерны для римской гончарной технологии I—II вв. Они встречаются в эту же пору и в Средней Азии. Например, длинная четырехугольная в плане печь вскрыта на Мунчактепа (Фергана)[34]. Прямоугольные длинные керамические печи были, очевидно, типичны и для кушанского Тохаристана. В 1933 г. в Айртаме участниками Айртамской археологической комплексной экспедиции была вскрыта гончарная печь I—II вв. От нее сохранилась лишь прямоугольная топка, стенки которой выведены из сырца 41 × 41 × 10 *см* и обмазаны глиной, с пятью парами уступов, служивших основанием подпружных арок перекрытия[35].

Изучение фортификации Дальверзинтепа было продолжено нами на цитадели. В осеннем сезоне 1962 г. на западном фасе ее крепостной стены (близ юго-западного угла) Б. Тургуновым и Д. Сидоровой был произведен разведочный раскоп. Он захватил полутораметровой бороздой склон стены, вплоть до ее основания, и на площади 48 $м^2$ холм прилежащей изнутри цитадели постройки. При этом выяснилась картина необычайно мощных укреплений (рис. 6).

Первоначальная стена цитадели достигала в своих верхних участках 5,20 *м* в толщину. Она была выведена из крупного сырцового кирпича 45×45×12—13 *см*, с откосом внешней грани, оштукатуренной глиной и, возможно, стена включала какие-то внутристенные устройства. Стена эта возвышается в настоящее время на 12,5 *м* от подошвы. На новом строительном этапе — вследствие ли каких-то разрушений или потому, что стена перестала удовлетворять требованиям обороны, она была усилена внешним футляром шириною 4,70 *м*. Последний выведен из сырца трех стандартов: 35 × 35 × 11—12 *см*, 31 × 30 × 12 *см*, в меньшем количестве — 41 × 40 × 11 *см*. На кирпичах встречаются знаки, прорисо-

ванные еще по сырой его массе: две параллельных линии — прямых или изогнутых, угловатая черта, неправильный овал и др. Стена эта также имеет откос, но поверхность ее не оштукатурена. Она стоит на лёссовом массиве, который оконтурен по квадрату и образует как бы платформу цитадели, возвышающуюся до 5 *м* от подошвы. Вокруг проходил ров, ныне затянутый наплывшей сверху землей. По высоте вторая стена сохранилась до 3,80 *м* от лёссового основания. Обе стены относятся к античной эпохе, о чем говорят фрагменты сырца с клеймами на постелях и немногочисленные фрагменты попавшей в кладку керамики.

На каком-то этапе цитадель Дальверзинтепа забрасывается, фортификация ее приходит в упадок, стены оплывают. И лишь спустя значительный отрезок времени над гребнями стен возникает новая застройка, надвинувшаяся прямо на гребень первой стены. Вся застройка эта, судя по характеру заполнения, имела чисто бытовой характер. Основанием вновь возведенного здания послужил выровненный завал разрушенных сырцовых кладок и массив пахсы. В раскоп наш попало два помещения. Стены их (толщиною до 90 *см*) сложены из сырца 50 × 25 × 12 *см*. Здание погибло при пожаре, следы которого отчетливо прослеживаются над полами. Затем разрушенная постройка была забутована пахсой, может быть послужившей основанием для установки камнеметных снарядов, а может быть основанием какого-то совершенно разрушившегося каркасного дома.

Датировка здания, возведенного над заброшенными античными стенами, определяется с большой точностью. В кладке свода между кирпичами оказалась монета тюрко-согдийского типа VI—VII вв. Этой дате в полной мере соответствует и формат прямоугольного строительного кирпича, типичного для построек Амударьинского оазиса V—VII вв. (Зартепа, Хайрабадтепа, Кулаглытепа, Балалыктепа и др.)[36]. Среди характерных находок следует назвать извлеченную из-под пола терракотовую статуэтку богини в тюрбанообразном головном уборе (см. стр. 224). Заброс и процесс разрушения античной фортификации Дальверзинтепа, очевидно, приходится на IV—V вв., время кризиса рабовладельческого общества в Средней Азии. С выходом страны из кризиса в VI—VII вв. цитадель вновь обживается, как удобный возвышенный пункт; сам же город лежит в развалинах.

Окончательная гибель Дальверзинтепа как населенного пункта наступает с пришествием арабов, так как ни на цитадели, ни на городище нет никаких следов использования его в послеарабское время (если не считать небольшого позднего кладбища. Саганиан был завоеван Кутейбой в 705 г. и уже в 737 г. саган-худдат становится данником арабов[37].

Характерно, что в народе бытуют представления о том, что Дальверзинтепа являет собой остатки очень древнего города, столицы обширного владения, правителем которого был легендарный герой Даль (Заль среднеазиатского эпоса), и что погиб этот город с приходом арабов, захвативших его под предводительством самого пророка Али[38].

Обширные размеры Дальверзинтепа, плотность застройки, толщи археологических наслоений красноречиво свидетельствуют об интенсивной жизни этого древнего города, центра богатой, плодородной области в первых веках до нашей эры и первых веках нашей эры.

Исторических свидетельств античной поры с упоминанием Саганиана до нас не дошло — потому ли, что в то время долина Сурхана в его среднем течении включалась в общее понятие Бактрии-Тохаристана, или потому, что она лежала в стороне от главных международных трасс, известных греко-римским и китайским авторам.

Самые ранние исторические упоминания этой области восходят к предарабским временам. В хронике VII в. говорится следующее: «Чи-ган-йен-на — эта страна простирается около 400 ли с востока на запад и около 500 ли с севера на юг. Столица — около 10 ли в окружности. Имеется до пяти сангарама с небольшим числом монахов. На восток следует до Хво-ло-мо»[39].

Десять ли равняется примерно 5 *км*. Имеется ли в виду в приведенном описании Дальверзинтепа — периметр его стен (включая и площадь цитадели) близок к этой цифре, или тот новый раннефеодальный центр, в котором пребывал саган-худдат и который начал слагаться у Бедрачтепа? Представляется маловероятным, чтобы в пору, когда страна только что вышла из тяжелого кризиса и жизнь едва начала возрождаться, в основном не столько в городах, сколько в селениях, слагавшихся при феодальных усадьбах и замках, в Саганиане мог уже появиться новый, столь обширный по площади, город. Очевидно, речь идет еще о традиционной столице Саганиана — Дальверзинтепа, которая в это время фактически в большей своей части была необжита.

К югу от Саганиана лежала область Термез, с одноименным главным городом, огромное городище которого таит слои греко-бактрийской Деметрии. К северу же располагалась область, которая именуется в источнике VII в. Хво-ло-мо — Хваромо[40], а первыми арабскими авторами передается как Харун или Ахарун[41]. У Ибн-Хордадбеха и Кудамы (IX в.) вслед за Саганианом назван в 6 (или в 3) фарсахах Навандак, а далее в 7 фарсахах — Хамаваран. М. М. Дьяконов, отмечая, что после VIII в. термин Харун уже не упоминается в средневековых арабских дорожниках[42], справедливо допускал возможность локализации Харуна в районе современного Каратага, в бассейне Каратагдарьи, но вместе с тем предлагал искать Хамаваран (усматривая в самом названии связь со сказочным Хамавараном Фирдоуси) под Гиссаром. При этом он исходил из предположения, что указание Ибн-Хордадбеха о необходимости пересечь на пути реку следует понимать не как «реку», а как «речную долину»[43]. Между тем, речь здесь идет, очевидно, как раз о реке — а именно о главном притоке Сурхандарьи Тупаланге, обширное, каменистое ложе которого приходится пересекать и поныне на пути из Денау к Сары-Ассие. И если учесть приведенные выше расстояния от Саганиана до Хамаварана, а также созвучие последнего названия с Хво-ро-мо доарабских источников, то вполне допустимо, что именно в Каратаге следует искать остатки этого города, который, вообще говоря, никак не отождествляется с Хамавараном Фирдоуси, располагавшимся в Иемене[44]. Эти остатки, по-видимому, представляют собой крупное городище у Шахринау, обследованное в 1947 г. группой М. М. Дьяконова, а в 1955 г. Е. А. Давидович[45]. В основе своей городище это античное, размеры его достигают примерно 2,5 × 1,4 *км*, территория обведена сильными стенами, фланкированными многочисленными прямоугольными башнями. В строительстве употреблен характерный сырцовый кирпич 36 × 36 × 12—14 *см*,

в подъемном археологическом материале преобладают античные керамические формы, найдены монеты «варварского Гелиокла», «Сотера Мегаса» и Кадфиза II. Очевидно, Шахринау являл собою такой же крупный бактрийский город, какими были Старый Термез и Дальверзинтепа.

Дальверзинтепа (который сам по себе заслуживает стать объектом изучения специальной археологической экспедиции) принадлежал в античную пору к разряду тех крупных столичных центров больших историко-культурных областей, где концентрировались государственно-административный аппарат, главные храмы господствовавших культов, нити экономических связей, военная сила. В его подчинении находились, очевидно, менее значительные городские населенные пункты. К разряду таких подчиненных городов относится Халчаян (рис. 7).

Урочище Халчаян, которое в начертании «Халчиян» встречается еще на дореволюционных картах, лежит на землях колхоза им. Калинина Денауского района, близ правого берега Сурхандарьи, в издревле разработанной этой рекой низменной пойме. Название это ныне полузабыто — его помнят главным образом старики, переселившиеся сюда с Байсуна после осушения в 30-х годах денауских болот. Термином «хала-чаян» узбеки именуют озлобленную женщину (ср. «ехидна» у европейцев). Этимология названия неясна — очевидно это искажение какого-то иного, сходного по созвучию наименования.

В северной части колхозного поселка и хлопковых полей Халчаяна местами видны крупные, оплывшие холмы и небольшие бугры; часть этих тепа имеет названия, часть безымянна. Большинство невысоких холмов либо использовано колхозниками под застройку жилых и хозяйственных зданий, либо постепенно исчезает при распашке полей (рис. 8).

Самым значительным является расположенное с востока Карабагтепа. Оно имеет подпрямоугольную форму (около 350×260 *м* у подошвы), в северной части вздымается квадратный массив основных бугров) (около 240 × 240 *м*) с крутыми гранями былых внешних стен. В центре западного фаса имеется пониженный въезд, посредине основного квадрата — котловина; первоначально то была, по-видимому, внутренняя площадь (около 120 × 120 *м*), охваченная по периметру постройками. Наиболее возвышена застройка в северо-восточной четверти, где всхолмления возвышаются до 10 *м* и очерчивают вверху прямоугольный контур располагавшегося здесь комплекса зданий. Ориентация основных осей Карабагтепа — небольшое (до 20°) склонение к странам света. Ныне городище в значительной мере использовано колхозом: на северных буграх размещаются жилые и хозяйственные строения, а в пониженной части — посевы.

Подъемный археологический материал, собранный на поверхности и на участках выемки земли, довольно скуден. Преобладают черепки безглазурной керамики античного типа, но есть и отдельные фрагменты глазурованной керамики позднефеодальной поры.

К западу от Карабагтепа, на расстоянии до полукилометра, расположена другая значительная группа планировочно взаимосвязанных бугров Ханакатепа, которые образуют как бы карре (около 300 × 300 *м*). К детальной характеристике их мы еще вернемся. Среди сплошных колхозных полей, обступивших Ханакатепа, и современной застройки, тянущейся вдоль проезжей дороги, местами сохранились другие, мень-

шие по высоте (от 1,50 до 2,50 *м*), еще несрезанные при распашке полей бугры — два к юго-западу (Шаиттепа и Сичкантепа), три к востоку (Туганактепа и два безымянных), один безымянный к западу, четыре бугра к северу (Кой-Турабектепа, Маслахаттепа и два безымянных). Особенно значительным был Маслахаттепа, в 50-х годах сильно обрезанный по краям. Тогда при земляных работах, по сведениям колхозника А. Гульмирзаева, были найдены каменные базы и блоки, монеты, терракотовая фигурка, множество керамики и даже фрагмент каменной

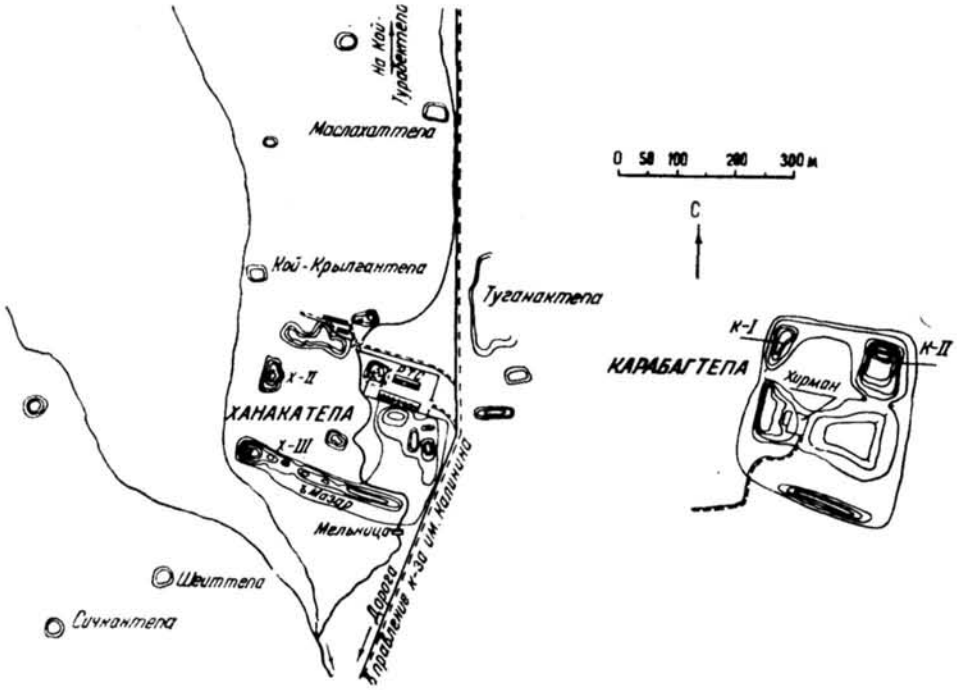

Рис. 8. Халчаянское городище. Схема расположения бугров.

скульптуры. Почти все это, к сожалению, утрачено, но нам удалось извлечь архитектурный профилированный блок, сброшенный в арык, а также получить от колхозника терракотовую головку и три монеты, две из которых принадлежат чекану Сотера Мегаса, а одна — Васудевы I. В срезах и вокруг Маслахаттепа попадается большое число фрагментов керамики античного типа.

На расположенном в 300 *м* к северу от Маслахаттепа безымянном плоском тепа, почти неприметном среди возведенных вокруг построек, также часто встречается античная керамика, а найденные здесь и переданные нам колхозником две монеты оказались — одна чекана Сотера Мегаса, вторая — так называемого «варварского Гелиокла».

Еще далее на север, в полукилометре от Маслахаттепа, на участке им. Коминтерна, колхозниками извлечены, помимо керамических черепков в обильном количестве, белокаменная база аттического профиля, медные монеты (три из переданных нам — Сотера Мегаса, одна — Хувишки), костяная фигурка обнаженной богини. Район этот замыкается бугром Кой-Турабектепа, сильно обрезанным по краям при строительстве мо-

лочной формы, и сохранившимся лишь потому, что наверху его расположен мазар. Холм достигает 3,5—4,0 *м* в высоту и заключает остатки какого-то античного здания — в срезах местами виден культурный слой с керамическими фрагментами, сырцовые кладки, а в выбросах земли обнаружены профилированные каменные архитектурные блоки.

Ранней весной, когда свежевспаханные поля еще не закрыты порослью хлопчатника, видно как обильно насыщена археологическим материалом вся территория между большими и малыми тепа. В процессе распашки полей, вскопки огородов, прокладки арычной сети здесь попадаются, помимо огромного боя керамических черепков, куски зернотерок, профилированные каменные блоки, базы колонн, монеты, куски жженого кирпича. Площадь концентрации черепков античного облика прослеживается от Ханакатепа на протяжении свыше 1 *км* в северном направлении, до 400 *м* в южном, до 700 *м* в западном, а в восточном — вплоть до Карабагтепа. Ареал их распространения показывает границы древнего поселения, простиравшегося до 2 *км* с севера на юг, параллельно руслу Сурхандарьи, и около 1,5 *км* с востока на запад.

По сведениям старожилов, когда после осушения болот у Халчаяна площади еще не были освоены, здесь повсюду виднелись неровности и всхолмления, очевидно отмечавшие какую-то менее значительную древнюю застройку, которая позднее исчезла при распашке полей.

Общая археолого-топографическая картина Халчаяна дает основания говорить о существовании на этом месте городского поселения, тесно связанного с сельскохозяйственными функциями. Общегородской территории, охваченной рвом и оформленной крепостными стенами, как на Дальверзинтепа, здесь нет. Роль оборонного пункта играло укрепленное Карабагтепа, взаимосвязь которого с Ханакатепа и свитой окружающих второстепенных бугров планировочно выражена параллельностью основных осей и контуров архитектурной застройки.

В пределах археологически выявленной территории античного города, располагавшегося на месте Халчаяна, находки средневековых археологических материалов ничтожны. Фрагменты глазурованной керамики— зеленой или белой с коричневой росписью — попадаются в северной части, ближе к району Кой-Турабектепа. К западу от этого тепа имеется небольшой безымянный бугор, на поверхности которого, помимо невыразительных неполивных фрагментов, встречается глазурованная керамика описанного типа. Еще далее на север расположен Юнустепа — бесформенный, плоский, распластанный бугор, на котором обильны черепки средневековой керамики (белой с коричневыми «псевдонадписями» искаженного куфи); в одной из прогалин колхозники здесь обнаружили остатки кладок из жженого кирпича $22 \times 22 \times 3{,}5$ *см* и $25 \times 25 \times 4{,}5$ *см*). За Юнустепа при вскапывании земли несколько лет тому назад был найден горшочек с кладом серебряных монет, разошедшихся по рукам. Одну из них, вошедшую в монисто колхозницы, нам удалось посмотреть; это оказался дирхем шейбанидского чекана 911 г. х. = 1505/6 г.

Остатки небольших средневековых поселений сохранились также к югу и юго-западу от Халчаяна (в направлении от поселка колхоза им. Калинина к колхозу им. Жданова). Наиболее значительное среди них Казахтепа с квадратным (60×60 *м*), до 10 *м* в высоту основным

бугром и тянущимся от него в юго-восточном направлении шлейфом. Здесь встречаются жженые кирпичи (24 × 24 × 4,5 *см*), поливная керамика X—XII вв., медные средневековые монеты. Найденные два донца бокаловидных красноангобных сосудов позволяют предполагать в основании главного подквадратного бугра Казахтепа остатки более древнего, видимо кушанского слоя.

В километре к югу от великолепного векового чинара колхоза им. Жданова лежит Гургактепа общей площадью до 100 × 80 *м*, также с возвышенным подквадратным участком в юго-восточном углу (45 × 50 *м*). На распаханном в его основании поле многочисленны находки глазурованной средневековой керамики — светло-зеленой, голубой (иногда с подглазурным резным орнаментом), белой с темно-коричневой и красно-коричневой росписью, а также жженого кирпича (22 × ? × 3,5 *см*, 24 × 2 × 4 *см*); в 1960 г. здесь обнаружена сводчатая галерея из жженого кирпича (33 × 33 × 4,5 *см*), разобранная колхозниками.

Вблизи поселка колхоза им. Калинина расположены Пишта-мазар (40 × 25 *м* при высоте до 2 *м*), где среди зарослей кустарника видны следы старого кладбища. и Шипантепа (25 × 25 *м*, до 2 *м* высоты); оба очень задернованы, у подножья их встречаются невыразительные безглазурные керамические черепки. Остатками небольшого средневекового поселения, содержащего фрагменты глазурованной и безглазурной керамики X—XII вв., является лежащий неподалеку Чиш-Курган-тепа. Здесь выделяется основной квадратный массив (60 × 60 *м* при высоте до 3,5—4,0 *м*), к югу и востоку от которого также видны отлогие всхолмления былой застройки.

Главным объектом наших исследований в Халчаяне явился Ханакатепа. Основные холмы его расположены с отклонением до 20° к странам света, однако для простоты описания условимся в дальнейшем говорить о прямой ориентации. С южной стороны тянется длинная (до 300 *м*), но неширокая (40—50 *м*) гряда, приподнятая до 10—12 *м* от уровня прилежащих полей; в ней выделяются возвышения (их шесть) и седловины. Северный склон круче, южный более отлог; на нем расположено еще недавно действовавшее кладбище, с обведенным оградкой мазаром — погребением какого-то местного шейха. На наиболее значительном по высоте юго-западном холме, именуемом жителями «Вышкатепа» (здесь находился прежде триангуляционный знак) и условно названном нами Юго-западным домом, был осуществлен разведочный раскоп (шифр X-3).

С запада, строго перпендикулярно к направлению описанной гряды, высится крупный одиночный холм, который также был избран нами в качестве объекта археологических раскопов (Западный дом, шифр X-2). Далее следует отделенная полем северная свита крупных бугров. Их направление в общем параллельно южной группе, но холмы эти ниже (до 3—4 *м*), распластанней, не столь отчетливы по плану. Они заканчиваются у русла современного арыка, или, точнее, арык огибает контуры этих холмов.

Восточная часть Ханакатепа наиболее разрушена. Ее срезает проезжая дорога, северо-восточный участок занят двором и постройками ремонтно-тракторной станции, на прилежащем бугре колхозники по-

строили себе дома, у юго-восточного угла поставлена мельница. Но в глубине двора ремонтно-тракторной станции высятся остатки подквадратного в плане холма, который был первым и основным объектом наших вскрытий (X-1).

В целях выяснения стратиграфии слоев халчаянского городища на Ханакатепа и на Карабагтепа были заложены археологические шурфы, опущенные до материка.

Характеристика наблюдений, полученных в процессе археологических раскопок в Халчаяне, приводится ниже.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВСКРЫТИЯ

Ханакатепа

Дворец (X-1). Для выяснения стратиграфии слоев, подстилающих археологический уровень, на котором было воздвигнуто античное сооружение (рис. 9), у самого фаса его айвана, возле вскрытой каменной базы был заложен шурф. Размеры его 2,70 × 1,50 *м* вверху и 2 × 1 *м* начиная

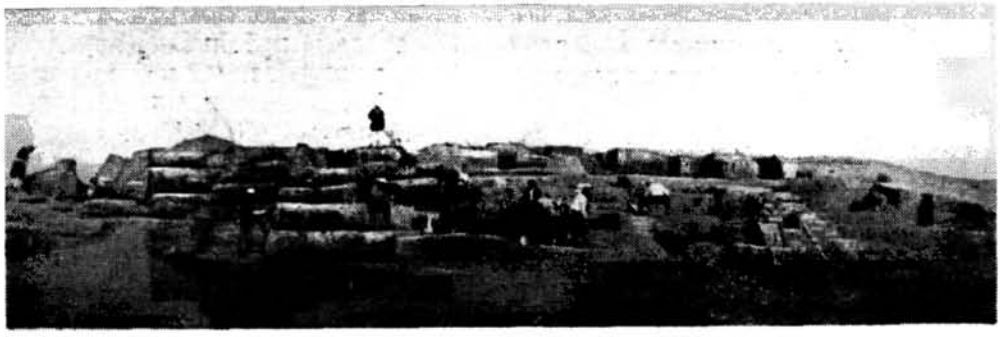

Рис. 9. Раскопки дворцового здания (X-1).

с уровня XIII яруса (при отсчете полуметровых ярусов от условной реперной точки, выбранной наверху холма). Шурф был опущен на 2,25 *м* ниже современной дневной поверхности колхозного двора (до XXI яруса) и приостановлен лишь тогда, когда он прорезал на полметра материк. Последний представляет собой ложе речного дна древних блуждающих русел Сурхандарьи и состоит из крупной и мелкой гальки и чистого речного песка. Выше следовало четыре четко расчлененных стратиграфических слоя, характеристику которых даем, идя снизу вверх (рис. 10).

Слой Ш-I толщиною 1,20 *м* лежит в XVIII—XIX — начале XX яруса. Содержит завал земли с примесью гальки и болотных глин; встречается значительное количество хозяйственных остатков — фрагментов керамики, костей животных, угольков и пр. Обнаружен фрагмент большой зернотерки (толщина до 10 *см*, ширина 23 *см*, длина, вероятно, достигла 45—50 *см*). Тут же найден крупный батонообразный курант (длина 28 *см*, диаметры 16 и 7 *см*); оба предмета — с хорошо сработанной рабочей поверхностью (рис. 11).

Керамика сильно фрагментирована, но дает довольно характерные формы. Черепок изделий крепкий, мелкопористый, нередко с мелкими зернами кварца. Цвет — розовато-кирпичный. На внешней поверхности часто имеется светлый ангоб, а на двух черепках — красный и коричневый ангоб. Все сосуды, за исключением хумов, изготовлены на гончарном круге.

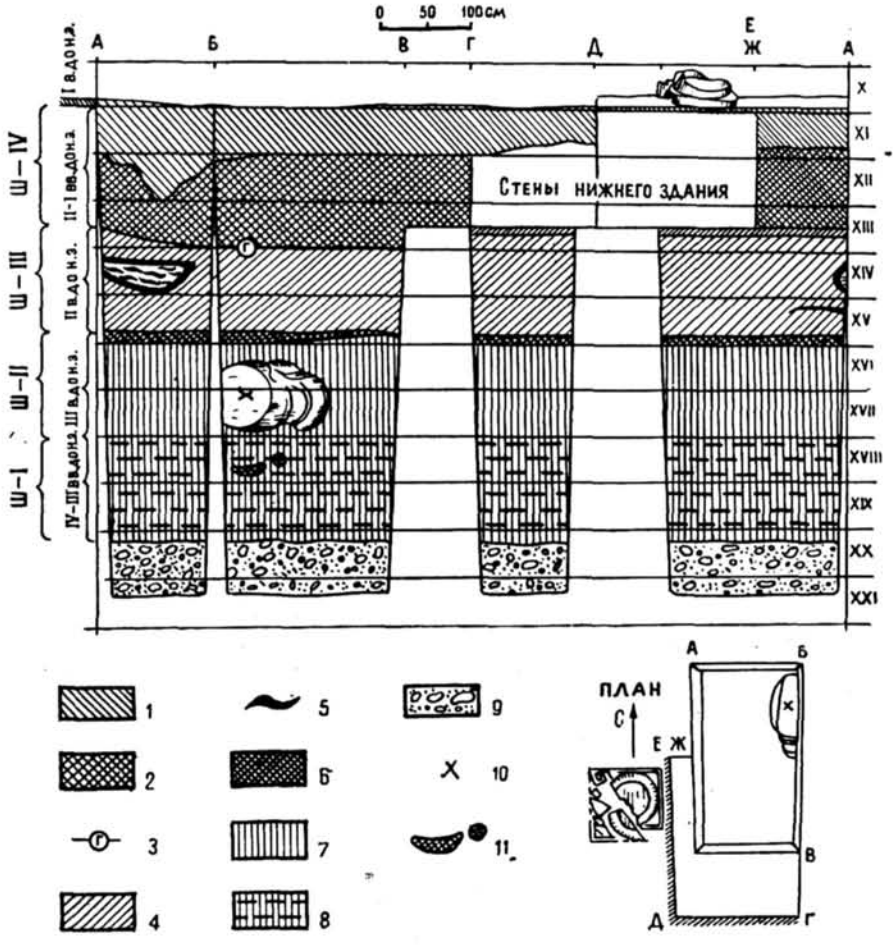

Рис. 10. Стратиграфический шурф. Развертка и план.

1—плотный слой разрушения с редкими фрагментами керамики; *2*—рыхлый завал с кусками сырца, галькой, фрагментами керамики; *3*—тонкий натечный слой желтоватой глины; *4*—плотный слой с кусками сырца, галькой, угольками, керамикой; *5*—очажные остатки; *6*—зеленоватый органический слой; *7*—плотный слой, насыщенный керамикой, галькой, костями животных; *8*—то же с включением болотных глин; *9*—материковый слой: крупная и мелкая галька, речной песок; *10*—хум с человеческими костями; *11*—зернотерка и пест.

Специфическую форму составляют банкообразные сосуды с надломленной стенкой при переходе к плоскому дну (диаметр их в месте подкоса 13—15 *см*). Извлечены основания горшков с плоскими донышками. Венчики горшков либо плавно округлены наружу, либо слегка утолщены и горизонтально срезаны по краю (для установки крышки), либо имеют подтреугольное сечение. Больших хумов не встречено. Хумча диаметром

до 30 *см* — почти прямые, с утолщенно-заостренной закраиной. Найдены основания чаш, слегка утоненные к середине, с маленьким, рельефно выраженным поддоном. Края чаш — трех типов: с клювовидным венчиком при почти прямых стенках; с оттянутой наружу закраиной и выпуклым вверху очертанием стенки; с плавно загибающимся внутрь краем. Чаши первого типа массивней (6—8 *мм* в сечении), грубее по обработке, на внешней поверхности сохранились отчетливые следы вращения на круге; они имели, очевидно, чисто хозяйственное назначение, так как на двух закраинах сохранился слой копоти. Чаши второго и третьего типов играли роль столовой посуды — они изящней, тоньше, достигают 3—5 *мм* в сечении, тщательно обработаны.

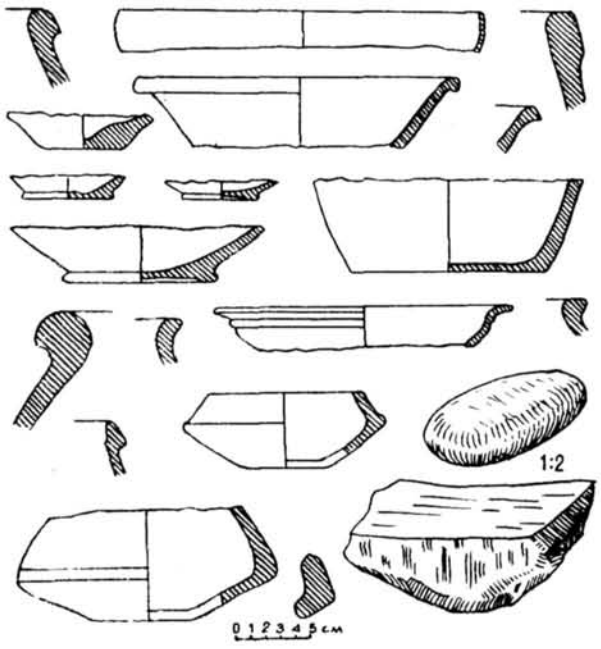

Рис. 11. Шурф. Археологический комплекс Ш-I; IV—III вв. до н. э.

При анализе данного керамического комплекса прежде всего обращают внимание банкообразные сосуды с подкошенным дном. Они хорошо известны археологам по ряду среднеазиатских памятников, где встречены в комплексах VI—IV вв. до н. э. Ареал распространения этих „баночных" форм весьма широк. Он захватывает области древней Парфии (Анау-IV)[46], Маргианы (Яз-депе-II-III[47], нижние слои Эрк-калы[48] и Гяур-калы[49] древнего Мерва), Согдианы (нижние слои Афрасиаба)[50]. На территории Бактрии эти баночные подкошенные формы были также широко распространены. Если провести треугольник от Кала-и-Мир на востоке[51] к поселению Кучуктепа Ширабадского района на юго-западе[52] и к Балху на юге[53], то в этот ареал естественным образом включается и халчаянское городище[54].

Следует, однако, подчеркнуть, что форма придонного подкоса у халчаянских сосудов не столь заостренно-ребристая, как у сосудов из упомянутых древнебактрийских поселений, что позволяет думать о несколько более поздней датировке — поры изживания и замены данного профиля иными посудными формами. Показательно, что если там цвет черепка ярко-красный или сандалово-розовый, то в слое Ш-I преобладает розовато-кирпичный. Важно отметить и появление — пока на двух черепках — красного ангоба, хотя в основном преобладает светлый ангоб, характерный для архаической керамики VI—IV вв. до н. э. Датировку нашей керамики следует отнести к последнему рубежу этого периода

с переходом в следующий, поскольку ряд форм из слоя Ш-I уже встречался в комплексах «греко-бактрийского» Кобадиана и «ранне-кангюйского» Хорезма (III—II вв. до н. э.). Так, форма чаши с откинутыми бортиками находит себе параллель в красноангобированных чашах из архаического поселения Дингильджа в Хорезме[55]. Встречается она и в погребениях Персеполя, которые датируются концом ахеменидского или самым началом послеахеменидского периода[56]. Однако все три сечения чаш из слоя Ш-I находят аналогии и в «греко-бактрийской» керамике Кобадиана, для которой типичны также небольшие, рельефно выступающие поддоны с выгибом сечения к центру дна[57]. Но наряду с тем

Рис. 12. Шурф. Слой Ш-II. Костные остатки в хуме.

в слое Ш-I еще не встречено ни одного фрагмента от бокалов, появление которых отмечается в среднеазиатской керамике III—II вв. до н. э. и которые, с известной эволюцией, сохраняются на протяжении всей античной поры.

Таким образом, датировка слоя Ш-I устанавливается в пределах IV—III вв. до н. э.

Слой Ш-II толщиною до 1 *м* (XVII—XVI ярусы) очень плотный, хотя и содержит керамику, каменные точила, кости животных, уголь и золу; вверху он отчетливо выделен горизонтальной, 10-сантиметровой зеленоватой прослойкой органического происхождения. Большой интерес здесь представляет группа раздавленных хумов, в одном из которых, лежавшем на боку и прикрытом крышкой, оказался человеческий череп и несколько костей (рис. 12). Хум выполнен вручную, из плотной, сандалово-розовой в изломе глины, покрыт ангобом цвета светлого лёсса (рис. 13, *а*). Размеры его: 90 *см* высоты, максимальный диаметр 68 *см*,

горловины — 48 *см*, вместимость до 250 литров, сечение стенок 1,5—2 *см* вверху, до 4 *см* внизу. Хум имеет высокий (5,5 *см*), слегка утолщенный, прямой венчик, бочковидное тулово, с изломом у придонной части, при переходе к выпуклому днищу. Оригинальна массивная крышка — в виде толстого (до 4 *см*) диска диаметром 47 *см*, по середине которого налеплена крупная горизонтальная ручка наподобие полумесяца, с выемом

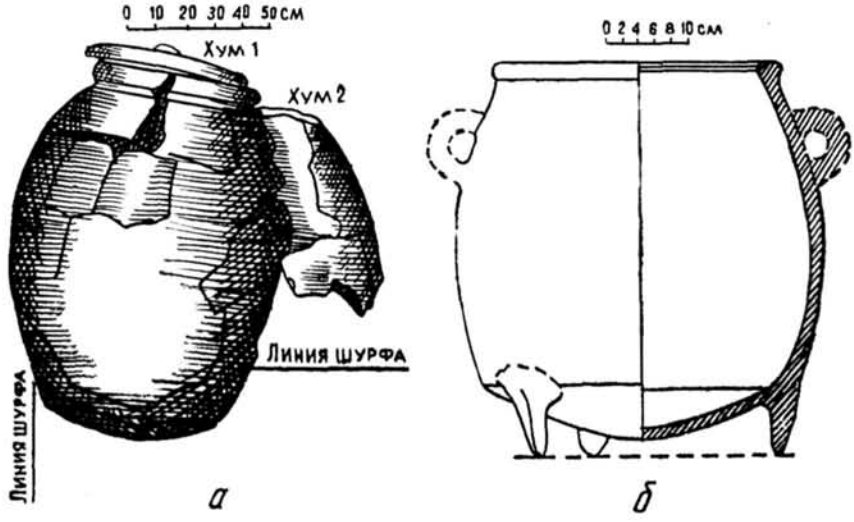

Рис. 13. Положение хума с костяком в подбое шурфа (*а*); хум на трех ножках из Зартепа (*б*) — Термезский музей.

для пальцев. Сходен по типу с первым и кусок другого лежавшего на нем крупного хума (диаметр устья = 45 *см*), оформленного под венчиком шнуром сделанных пальцами вмятин.

Сосуды из слоя Ш-II, за исключением хумов, выполнены на гончарном круге (рис. 14). Среди них преобладают такой же, как в предыдущем комплексе, розовато-кирпичный в изломе, мелкопористый черепок и светлоангобное покрытие. Но уже отмечается появление очень плотного, тонко отмученного черепка с красным ангобом по поверхности и светло-серого черепка, иногда с черным ангобом.

Банкообразные сосуды с подкошенным дном исчезают. Зато появляется особая форма крупных сосудов (типа хумчи) с плоским или слегка выпуклым дном, опертым на толстые, полуовальные «пятки», иногда с прочерченным на их оси желобком. В слое Ш-II найдены лишь фрагменты днищ и стенок таких сосудов, но представление о их полной форме дает целая хумча этого типа с античного городища Зартепа (Термезский район), хранящаяся в Термезском областном музее (рис. 13, *б*) — с широким, слегка выпуклым туловом, рельефной закраиной и тремя пятками. Фрагмент подобного днища с пяткой найден при раскопках кобадианского городища Мунчактепа[58]. Такие фрагменты встречаются в Халчаяне в значительном количестве в подъемном материале на распаханных полях и попадаются в вышележащих слоях наших раскопов. По-видимому, эти крупные трехножные хумча составляли специфиче-

скую форму раннеантичной керамики Северной Бактрии (Термез — Саганиан — Кобадиан).

Среди керамических форм в слое Ш-II еще сохраняется тип светлоангобированных чаш предшествующего периода с отлогими стенками и подтреугольным венчиком. Отметим распространение такого профиля чаш в эллинистическом по времени (III-II вв. до н. э.) поселении Нимруда[59]. Однако преобладают тонкостенные чаши с плавно или круто загну-

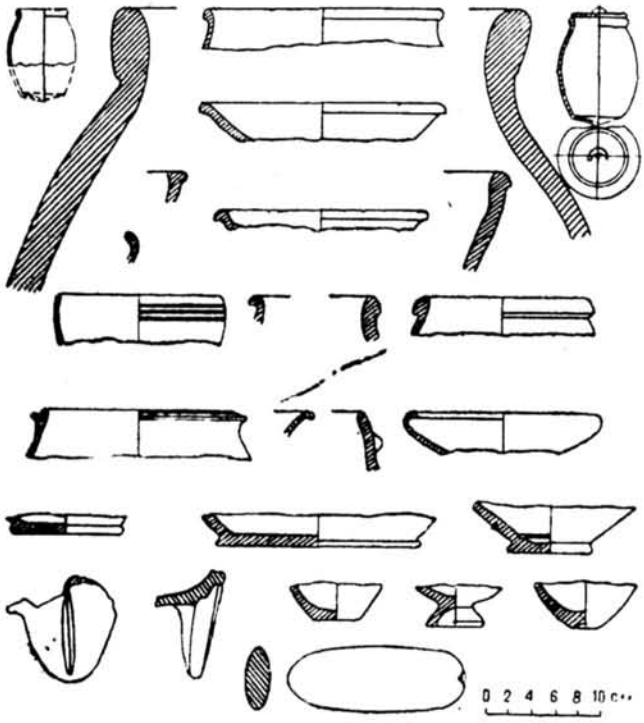

Рис. 14. Шурф. Археологический комплекс Ш-II; III в. до н. э.

тым внутрь краем. Горшки имеют подтреугольную закраину, а иногда — горизонтальный срез или выступ для упора крышки и просверленные (еще до обжига) ниже закраины четыре отверстия для продевания шнура. Характерны налепы-шишечки у края горшков для лучшего закрепления на очаге. Донья горшков — плоские или с чуть рельефными поддонами; донца чаш — небольшие, с заметно выделенным поддоном. Оригинальна нижняя половина небольшого бокаловидого сосуда превосходного темно-розового черепка с тщательно заглаженной внешней поверхностью, с заострением стенок у дна, имеющего посредине выпуклость. Имеется одиночный фрагмент плавно круглящейся кверху стенки бокала с тремя концентрическими линиями у края. В комплексе встречена сероглиняная ножка чаши в виде полого конуса, от которой отходит сильно расширяющаяся стенка резервуара.

Анализируя рассматриваемый комплекс, следует отметить в нем еще

связь с предыдущим, но наряду с тем явное видоизменение типов и форм. Подкошеннодонные баночные сосуды исчезают, хотя основания хумов еще и имеют перелом у приостренного дна. Преобладают светлоангобные покрытия, но применяется красный ангоб и появляется керамика сероглиняная, что сближает наш комплекс с керамикой второго слоя Кобадиана-II (Кб-II)[60]. Сходны с кобадианскими сечения чаш с загнутой внутрь закраиной и с рельефно выделенным поддоном[61]. Но если датировку Кб-II относят к III—II вв. до н. э., то керамика Ш-II восходит, очевидно, к верхнему рубежу этой даты — к III в. до н. э. Здесь уже появляются, но еще не получают широкого распространения типичные для Кб-II тонкостенные бокалы на профилированной подставной ножке. Отметим также, что описанное выше основание бокаловидного сосуда из нашего комплекса встречает параллели в керамике «раннекангюйского» комплекса Кой-Крылган-калы (IV—II вв. до н. э.)[62], где в эту пору также уже получают распространение бокалы на небольшой, возвышенной ножке[63]. Но в целом следует указать, что отличия типа халчаянских посудных форм от хорезмийских (особенно хумов и чаш) отражают локальные различия в облике материальной культуры Бактрии и Хорезма III в. до н. э.

Слой Ш-III толщиной 1,25 *м* (XV—XIV ярусы) хорошо зажат между упомянутой зеленоватой прослойкой и полом вышерасположенного здания. Слой плотен и включает следы строительных разрушений (глина, куски сырца, галька) и хозяйственно-бытовые остатки (фрагменты керамики, очажную линзу с золой и угольками в северо-восточной части шурфа).

В сравнении с комплексом Ш-II керамика претерпевает заметную эволюцию (рис. 15). Черепок очень плотный, в изломе ярко-красного или кирпично-красного цвета. В керамическом тесте крупных (главным образом кухонных) сосудов имеется мелкий кварц, у сосудов же тонкостенных глина тщательно отмучена, крайне уплотнена и лишена каких-либо добавок. Светлоангобное покрытие имеется на крупных горшках и хумах, изредка на чашах, но преобладает превосходный красный ангоб. Встречено несколько фрагментов сероглиняной, черноангобированной керамики (в частности конусовидное донце чаши).

В профилировке хумов отмечается вогнутость очертания закраин; профиль хумча более сложен, имеет двойной и тройной перегиб у шейки и сильное нависание закраины. Под закраинами горшков иногда проходит рельефный валик, под которым палочкой вдавлены треугольные вмятины. Впервые встречены горловины кувшинов (диаметр — 8—9 *см* при высоте 5—6 *см*) с откинутой наружу закраиной, под которой иногда сделано четыре отверстия для продевания шнура. Некоторые горловины имели ручку (может быть две) фасолеобразного сечения. Общая форма кувшинов, видимо, кринкообразная. Донья кувшинов и горшков — плоские, с утонением сечения к центру. Очень многочисленны и типичны небольшие подставные ножки бокалов и чаш разнообразных сечений — от простых конических до рельефно профилированных извне, но всегда с внутренним конусовидным выемом. Стенки чаш отлого отходят от невысокой ножки и получают плавный выгиб при переходе к слегка отогнутой закраине. Закраины бокалов тонкие (сечение 2—2,5 *мм*), чуть изгибающиеся вовнутрь. Интересен фрагмент слива на стенке котла,

покрытого ярко-красным ангобом. Встречено терракотовое, параболическое в сечении пряслице со сквозным отверстием и сегментовидная костяная пуговица.

Профили чаш, ножки бокалов, плоские днища, красный черепок изделий и широко применяемый красный ангоб, при небольшом еще проценте сероглиняной керамики — все это встречает параллели в комплексе Кобадиан-II (III—II вв. до н. э.)[64]. Однако вопрос о датировке

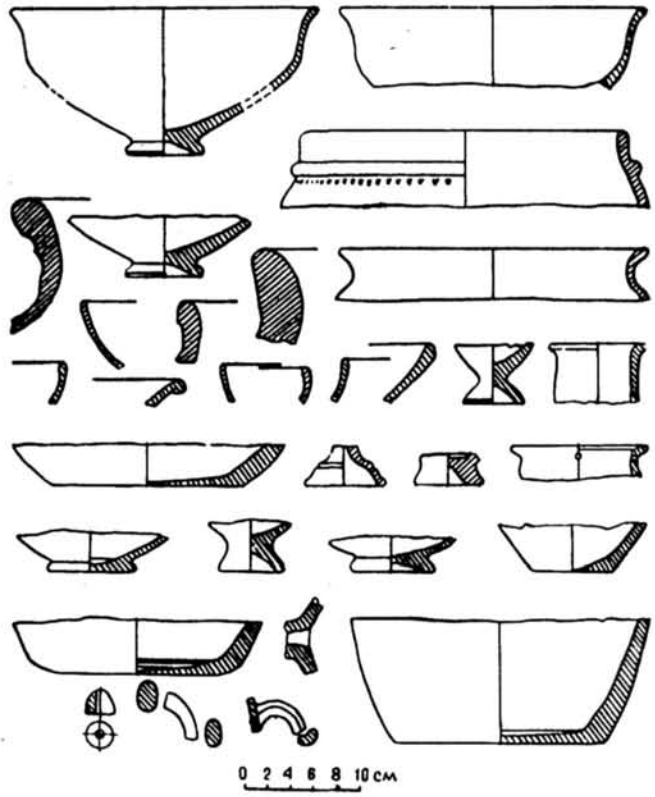

Рис. 15. Шурф. Археологический комплекс Ш-III; II в. до н. э.

слоя Ш-III пока оставим открытым, к его уточнению мы возвратимся после рассмотрения вышележащего археологического комплекса.

Слой Ш-IV (XI—XIII ярусы). Ввиду того, что этот слой непосредственно подстилает исследуемое нами здание, помимо главного шурфа, в нескольких помещениях были заложены шурфики на 1—2 *м* ниже уровней полов: в центре главного зала, в северо-восточном углу комнаты *4*, на площади 4 × 1,5 *м* вокруг каменных баз комнаты *7* и вплоть до подошвы фундаментов у северной и южной стен комнаты *8*. В результате нам удалось изучить не только фундаментные конструкции основного здания, но и получить данные для характеристики периода, предшествующего его возведению, в частности, извлечь значительный массовый археологический материал (главным образом керамику).

Выяснено, что под нашим зданием в слое Ш-IV, на глубине от 1,80 *м* (под комнатами) до 1,30 *м* (у айвана) таятся руины какой-то более древней постройки. Условимся именовать ее домом Ш-IV. Остатки сырцовой стены (размеры сырца 35 × 35 × 12 *см*), следовавшей с востока на запад параллельно стенам дома Х-1, обнаружены под комнатой *4*. С южной стороны внешней стены коридора *2* расчищена уходящая под эту стену сырцовая отмостка, которая прослеживается в южном направлении до 3 *м*. Сырцовые кирпичи имеют знаки: варианты С-образного начертания, стрелки, двух скобок и др. (см. ниже рис. 24). В главном же шурфе, сразу под полом айвана, близ каменной базы, оказался угол какого-то нижележащего помещения, стены которого сложены из пахсы, оштукатурены глиной, а пол имеет хорошую глиняную смазку. Перекрытия дома Ш-IV были балочными с плоской глиняной кровлей по камышовому настилу. Об этом свидетельствует строительный завал под полом комнаты *8*, где обнаружены крупные куски толстой смазки со следами древесной трухи на одной стороне, продольных отпечатков и характерных белых волокон камыша — на другой.

Период заброса дома Ш-IV, стены которого сохранились не более чем на 1,50 *м*, отмечен строительными разрушениями (куски сырцовых кладок, штукатурок, остатки перекрытия), после чего руины его забрасывают рыхлыми хозяйственными отвалами. В них содержится зеленоватая органическая масса, зола, косточки животных, фрагменты керамики. Разрез по поперечной оси главного зала здания Х-1 (см. ниже рис. 41) дает наглядную картину того, как при устройстве его сырцовых фундаментов в рыхлый культурный слой были опущены широкие котлованы. После выведения фундаментов незаполненные участки котлованов были плотно забутованы глиной и затем по всему помещению над рыхлым слоем произведена общая плотная забутовка глиной с галечником (от 20 до 60 *см*), выравнивающая под горизонтальную плоскость пол, покрытый глиняной смазкой.

Таким образом, извлеченный из-под полов дома Х-1 археологический материал, накапливающийся в основном уже после заброса нижележащего здания Ш-IV, соответствует не столько времени возведения этого здания, сколько периоду, непосредственно предшествовавшему постройке дома Х-1, хотя какая-то доля керамики из строительных завалов здания Ш-IV отражает его собственные даты. При всем том полученные в стратиграфическом уровне Ш-IV керамические фрагменты в общем однородны (рис. 16—20).

Керамику этого слоя характеризует превосходное качество красноватого (кирпично-красного) по цвету черепка, который отличается плотностью замеса и высокой прочностью. Большие сосуды — хумы, хумча, тагара, часть крупных кувшинов и горшков — покрыты светлым ангобом. Подавляющее же большинство изделий — в том числе и крупных посудных форм, например горшков и кувшинов, — покрыто плотным вишнево-красным ангобом. Примерно 5% составляет сероглиняная керамика, иногда с черноангобным покрытием (небольшие горшки и крупные чаши).

Перечислим типы встречающихся сосудов.

Х у м ы. Найдены лишь в виде некрупных фрагментов, и потому в целом форма их не восстанавливается. Закраины хумов имеют неболь-

шие утолщения и желобки у выгиба шейки; днища утолщены, либо основаны на крупных пятках. Вариантом этих трехножных хумов являются основания каких-то крупных сосудов с плоскими днищами на трех маленьких округлых ножках. Возможно, они близки по форме к цилиндрическому сосуду с такого рода днищем из нижнего слоя городища Узбекконтепа в Южном Таджикистане[65].

Широко представлены кринкообразные к у в ш и н ы (высота в среднем 30—40 *см*, диаметр горловины 8—12 *см*, но иногда достигает 20 *см*). Они имеют яйцевидное тулово, плавно сужающееся к плоскому дну, и невысокую горловину (соотношение ее диаметра к высоте от 1:2 до 3:5). Профиль горловин иногда разработан у перехода к тулову концентрическими полосками; закраина рельефная, нередко с горизонтальным срезом для установки крышки. Кувшины бывают безручные, с одной и с двумя небольшими ручками фасолеобразного сечения, спускающимися от закраины к перегибу плеч.

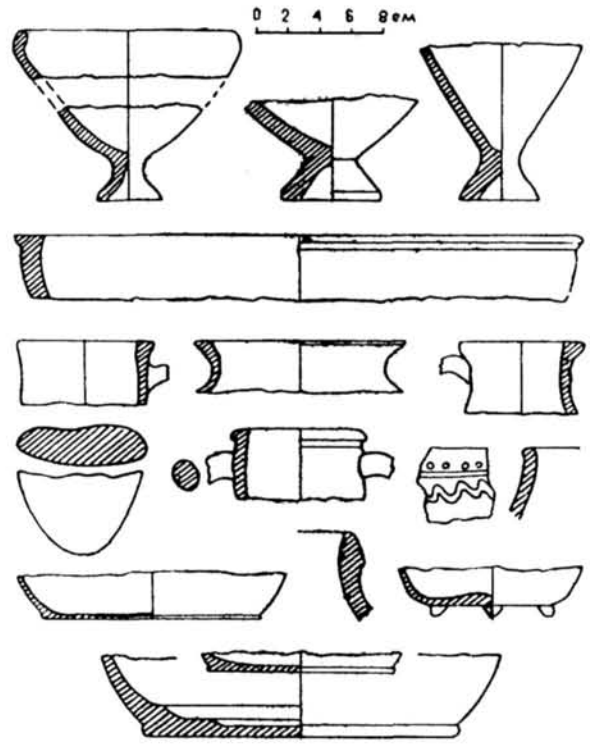

Рис. 16. Шурф. Археологический комплекс Ш-IV; II—I вв. до н. э.

К р у п н ы е г о р ш к и имеют сферически круглящееся тулово, изредка — слегка наклонный борт по краю. Для установки на очаге их иногда снабжали выступающими налепными шишечками; на одном фрагменте сохранился оригинальный налеп в виде опущенного вниз рогами полумесяца и треугольника под ним.

С р е д н е р а з м е р н ы е г о р ш к и плоскодонные, иногда с рельефным поддоном, со сферически круглящимся туловым и крутой шейкой под отогнутой закраиной, нередко имеющей поверху горизонтальный срез.

Встречены т а г а р ы (диаметр — 40—45 *см*) с плавно-круглящимся или надломленным профилем стенок, а также ж а р о в н и с плоским днищем и невысокими бортиками.

Для закрывания хумов и кухонных сосудов употреблялись к р ы ш к и, круглые, лепные, с налепной ручкой посредине. Крышки иногда орнаментированы — либо вмятинами пальцев, либо парой крестообразно пересекающихся линий, на концах которых пальцем сделаны вмятины.

Среди тонкостенной столовой посуды большое место занимают чаши

и бокалы. Чаши — на небольшой конусовидной ножке-подставке, или на более устойчивом, невысоком, рельефном, утоняющемся к центру поддоне. Резервуар их отлого отходит от дна, плавно круглится у середины, а у края либо изгибается внутрь, либо слегка отогнут наружу;

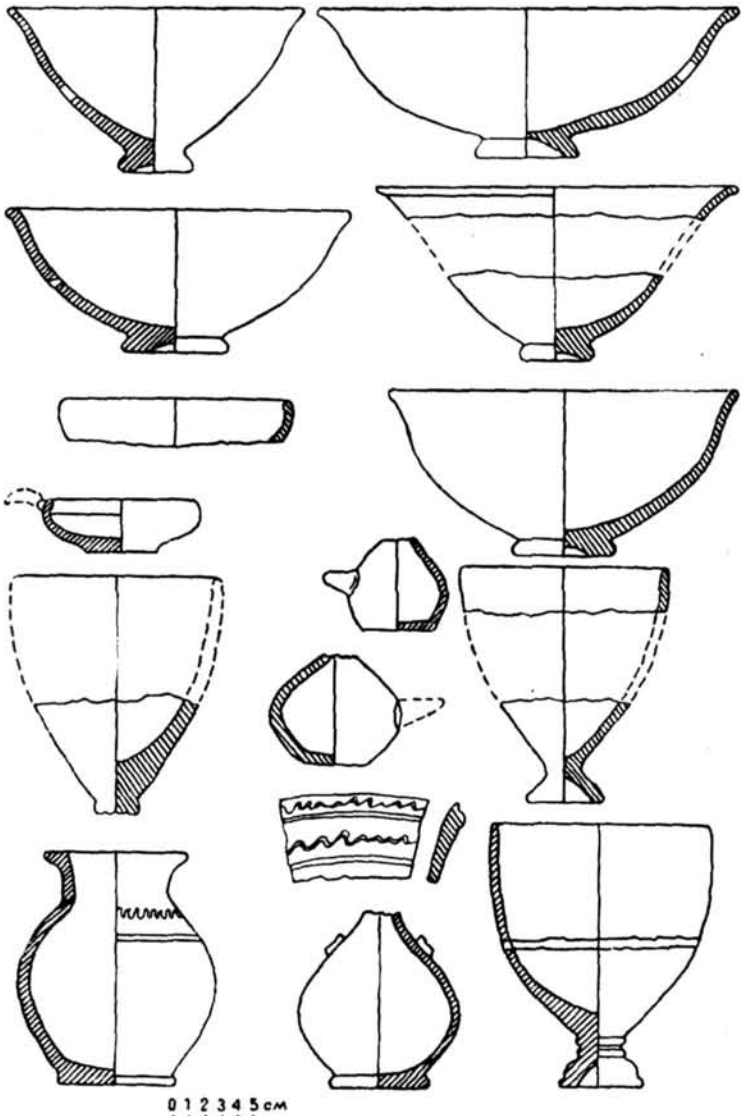

Рис. 17. Керамика слоя Ш-IV (под первым полом комнаты *8*); II — I вв. до н. э.

на внутренней поверхности дна иногда отчеркнуто линией небольшое зеркало. Бокалы имеют разнообразные подставные ножки — от простейших в виде полого конуса до мягко профилированных двойным и тройным перегибом, с высоко заведенной (в целях, очевидно, луч-

шего обжига) внутренней полостью. Резервуар бокалов либо очень круто, либо отлого поднимается вверх, плавно скругляясь у середины и почти спрямляясь вверху у приостренного в сечении края.

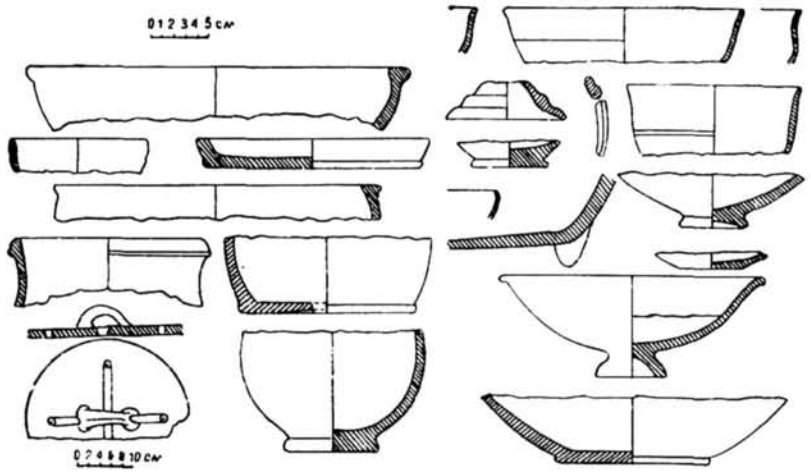

Рис. 18. Керамика слоя Ш-IV (под первым полом комнаты *8*); II — I вв. до н. э.

Светильники — ч и р а г и имели вид круглой плошки с загнутым внутрь краем и прикрепленной у закраины ручкой.

Характерна форма маленьких сосудиков в виде чайничка с узким

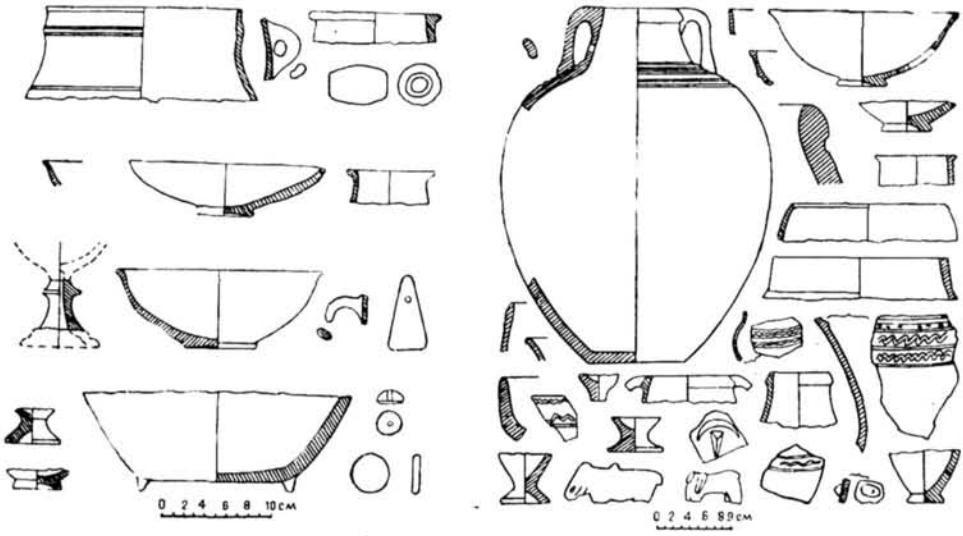

Рис. 19. Керамика слоя Ш-IV из-под полов (слева — комната *2*, справа — зал); II— I вв. до н. э.

горлышком, расширяющимся книзу туловом и тонким носиком. Это явно *с о с к и для молока или воды, которыми поили младенцев.*

В слое Ш-IV появляются немногочисленные образцы орнаментиро-

ванной керамики — главным образом плечевые части стенок красноангобированных кувшинов или небольших горшочков. Орнаментация выполнена в процессе вращения сосуда на гончарном круге путем нанесения палочкой концентрических линий, пунсонных вдавлений и волнистых линий в один, два и три ряда.

Среди керамических изделий из слоя Ш-IV следует упомянуть четырехгранное пирамидальное ткацкое грузило (рис. 21), а также пряслица бочковидной, полусферической и плоской круглой формы. Эти

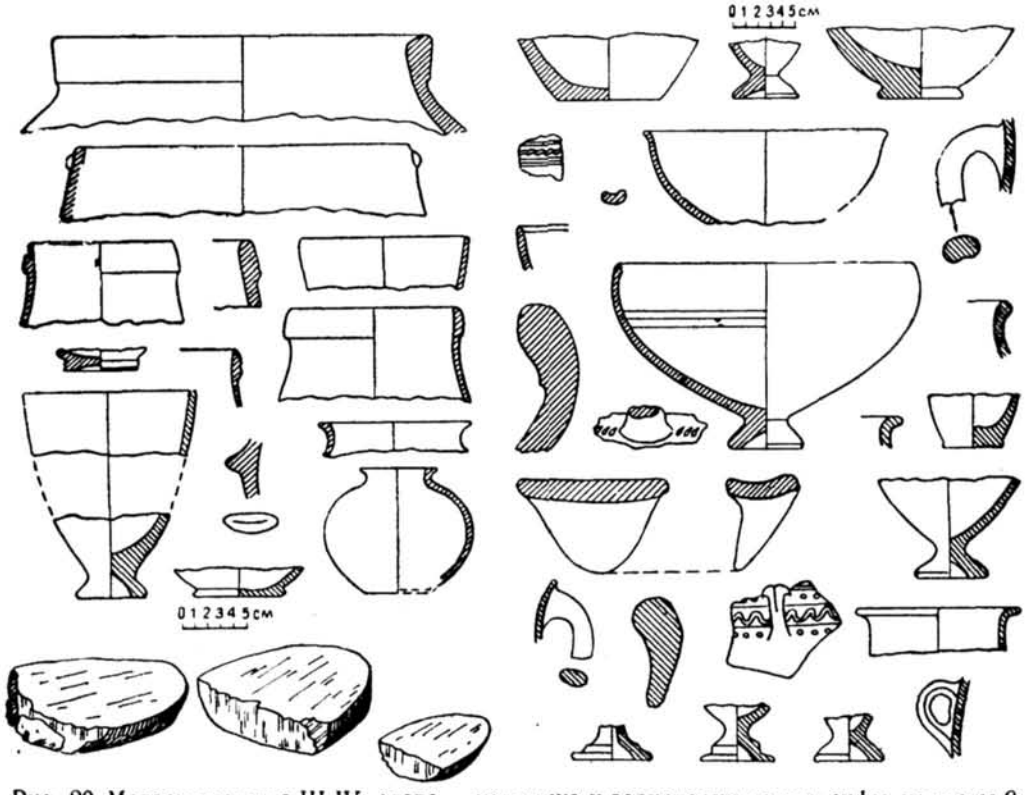

Рис. 20. Материалы слоя Ш-IV: слева — керамика и зернотерки из-под суфы комнаты *9*; справа керамика из-под пола комнаты *7*, у забутовки баз; II — I вв. до н. э.

детали ткацкого дела были широко распространены в Средней Азии на протяжении всей античной эпохи.

Найдены также терракотовые статуэтки с отбитыми деталями — бык (рис. 19), многочисленные лошадки со следами всадничков и без них (см. рис. 108, 109), фигурка обнаженной богини (см. рис. 103, *1*). Характеристика и анализ их даны нами в другой главе. Здесь лишь отметим, что если датировка статуэток животных затруднительна, то женская фигурка получает прочную дату в пределах III—II вв. до н. э. Упомянем также крупную, хорошо отполированную костяную ложечку (ручка утрачена), очевидно косметического назначения, извлеченную в главном шурфе, весьма типичную для античного инвентаря.

Датировка данного слоя уточняется анализом всего керамического комплекса. Появление на плечиках горшков и на чашах несложной орна-

ментации в виде прямых концентрических линий, волнистой линии, либо пунсонных вдавлений, отмечается в слое Беграм-I, который, судя по монетным находкам (от Эвкратида до Сотера Мегаса), охватывает широкий интервал со II в. до н. э. по I в. н. э.[66] Характер профилировки ножек бокалов близок к арретинским кубкам I в. до н. э.[67] Профили халчаянских бокалов чрезвычайно схожи с бокалами из Тулхарского могильника (Южный Таджикистан), основная часть которых восходит ко II—I вв. до н. э.[68] Наиболее уточненный круг аналогий для всего керамического комплекса Ш-IV дает кобадианская керамика групп Кб-II (III-II вв.

Рис. 21. Ткацкие грузила.

а – здание Х-1, из-под пола комнаты 8; *б, в* – здание Х-2, в слое Ш-а.

до н. э.) и частично Кб-III (I в. до н. э. — I в. н. э.). Соотношение красно- и сероглиняных фрагментов; преобладание красноангобных покрытий: начало появления (но еще в очень небольшом количестве) простейшего орнамента — в виде волнистой линии или вмятин пунсоном; варианты профилированных ножек бокалов; типы горловин, безручные и двухручные формы кувшинов — все это еще остается в пределах группы Кб-II[69]. При сопоставлении же с керамикой Кб-III, для которой также присуще сосуществование красноглиняных и сероглиняных образцов, обращает внимание, что в нашем слое Ш-IV еще не встречено ни единого оттиска орнаментальным штампом, ни горизонтальных витых ручек — как характерных элементов слоя Кб-III, не говоря уж об отличии большинства профилей[70]. Попутно отметим, что профили наших чаш на подставной конической ножке сходны с «докушанскими» (V—III вв. до н. э.) чашами из Балха[71], в слоях же Балха I в. до н. э. — II в. н. э. они исчезают.

Подчеркнем, что в формах керамики Кобадиана и Сагаииана уже отмечается ряд существенных, очевидно, чисто локальных отличий (профили чаш, бокалов, горшков); в еще большей мере отличия эти предстают в сопоставлении с керамикой Хорезма и Согда.

Таким образом, керамический комплекс Ш-IV, который примерно

соответствует позднему этапу Кб-II, в своем целом может быть отнесен ко второй половине II в. до н. э. и не позднее начала I в. до н. э.

Среди объектов из слоя Ш-IV заслуживает особого внимания половина каменной базы (рис. 22), обнаруженной под полом зала и поставленной впритык к его стене, у угла центрального прохода. Она попала сюда в процессе строительства, будучи, очевидно, взята с какого-то пришедшего в негодность здания и применена в качестве не архитектурной детали, а фланкирующего конструктивного элемента. При расчистке противоположного угла прохода выяснилось, что его закрепляет просто крупный, окатанный белый камень. Вероятно, этот камень и полубаза играли роль подпятников основной обвязочной рамы проема дома X-1.

Рис. 22. База под полом зала, у стены.

Полубазу нашу правильнее назвать половиной базы: она была отколота от целой архитектурной формы и несколько стесана по бокам. Материалом служит плотный белый известняк. База вытачивалась с помощью вращения инструмента, для установки которого в центре было высверлено квадратное гнездо; оно могло использоваться затем и для закрепления ствола колонны на деревянном шипе или на металлическом пироне. Размеры базы: верхний диаметр — 27 *см*, нижний — 29,5 *см*, высота — 18 *см*.

Профилировка базы сложная, измельченная, рассчитанная на глубокую светотень. Она включает (сверху вниз) четвертную выкружку, вал, маленькую скоцию, валик, большую скоцию и два небольших вала, разделенных узенькой скоцией. Эта дробно-разработанная модентура нетипична для каменных баз античного среднеазиатского зодчества II *в.* до н. э. — первых трех веков нашей эры, когда были широко распространены торовидные или «аттические» базы (см. стр. 132). Но близкие ей параллели (хотя и без полного совпадения очертаний) дают базы ионических колонн в группе эллинистических памятников IV—II вв. до н. э. малоазиатских городов (Галикарнасс, Сарды, Приена, Магнесия на Меандре и др.)[72]. Халчаянская база явно создана мастером, знакомым с традициями эллинистического зодчества, а может быть воспитанного на них. Она, очевидно, принадлежала какой-то постройке поры Греко-Бактрийского царства (III—II вв. до н. э.), пришедшей к моменту строительства дома X-1 в упадок так же, как и погребенное под этим домом здание Ш-IV.

На основании датировок каменной базы, терракотовой статуэтки и массового состава керамики и, наконец, даты сооружения здания X-1, о чем детальнее будет сказано ниже, стратиграфический слой Ш-IV может быть отнесен к II—I вв. до н. э., причем верхний рубеж этой дати-

ровки, очевидно, связан со зданием Ш-IV, а нижний — с возведением на его руинам дома Х-1. При этом разрыв дат, отделяющих одну постройку от другой, мог исчисляться даже не столетием, а лишь несколькими десятилетиями — срок, вполне достаточный для того, чтобы заброшенное (а может быть и разрушенное) сырцовое здание Ш-IV пришло в полный упадок.

Возвращаясь к вопросу о хронологии предыдущего слоя (в большом шурфе) Ш-III, отмечаем, что характер и состав его керамики — по технологии, облику и типу посудных форм — почти не отличается от керамики из слоя Ш-IV. Если он и является предшествующим в стратиграфическом отношении, то лишь как подстилающее основание здания Ш-IV, от которого, очевидно, отделен небольшим интервалом времени, оставаясь, таким образом, где-то в пределах II в. до н. э.

Раскопки здания Х-1 — небольшого, прямоугольного в плане (35 × 26 *м*), ориентированного главной осью с востока на запад (со склонением около 20°) и обращенного главным фасадом на восток,— выявили *два основных периода его обживания* (*рис.* 23).

Планировочно дом как бы подразделен на три части. Центральную группу образует несколько выступающий относительно линии главного фасада четырехколонный айван *1* (16,5 × 7,0 *м*). Три прохода —обширный средний (2,40 *м*) и два боковых (по 1,30 *м*) ведут из айвана в поперечно вытянутый главный зал *3* (17,60×6,10 *м*). Прямоугольник центрального прохода, судя по остаткам, сохранившимся над полом, был охвачен рамой, имеющей профиль выкружки и полочки. В зале, на противоположной от него стене, расположена обширная ниша, в которой устроен просторный (3,60 *м*) вход в двухколонную комнату *7* (7,40×6,20 *м*). По обе стороны ниши и в юго-западном углу зала выведены суфы высотою 45 *см*; у середины юго-западной суфы в стене сделана высокая, подковообразная в плане нишка, вверху разрушенная поздним погребением; нишка эта какого-то специального назначения, видимо, для установки светильника или курильницы.

Северная часть здания Х-1 включает сообщающуюся с айваном дверным проемом квадратную комнату (4,60 × 4,60 *м*), в которой также есть суфа; отсюда можно попасть в узкий внешний коридор *6* и затем во второй внутренний коридор *5*, сообщающийся с прямоугольной комнатой *9*, обведенной широкими суфами.

В южной группе утрачена срезанная бульдозером ниже полов внешняя часть здания. Судя по торцовым срезам стен главного и заднего фасада, здесь тянулся, как и в северной части, длинный коридор *10*. Сейчас сохранилась лишь стена коридора *2*, с проходом в его юго-восточный участок, напротив которого в стене устроена нишка. Коридор *10* тянется вплоть до расположенной с запада комнаты *8* (7,05 × 5,50 *м*), обведенной вдоль северной и восточной стен неширокой суфой. Все коридоры очень узкие — от 1,20 до 1,40 *м*, что особенно бросается в глаза при сопоставлении их с массивами стен.

Фундаментные кладки, как правило, продолжают линию стен, но у основания имеют уширенную подошву. При этом строители учитывали характер грунта, на котором возводилось сооружение, и потому варьировали устройство фундаментов. Так, в комнате *8* котлован был углублен в нижележащий рыхловатый культурный слой на 1,40 *м* ниже уровня

пола и усилен некоторым уширением его подошвы. В комнате же *9* котлован опущен на 65 *см*, так как здесь он «сел» на более древнюю кладку дома Ш-IV, образующую широкий (65 *см*) выступ. По внешнему фасу

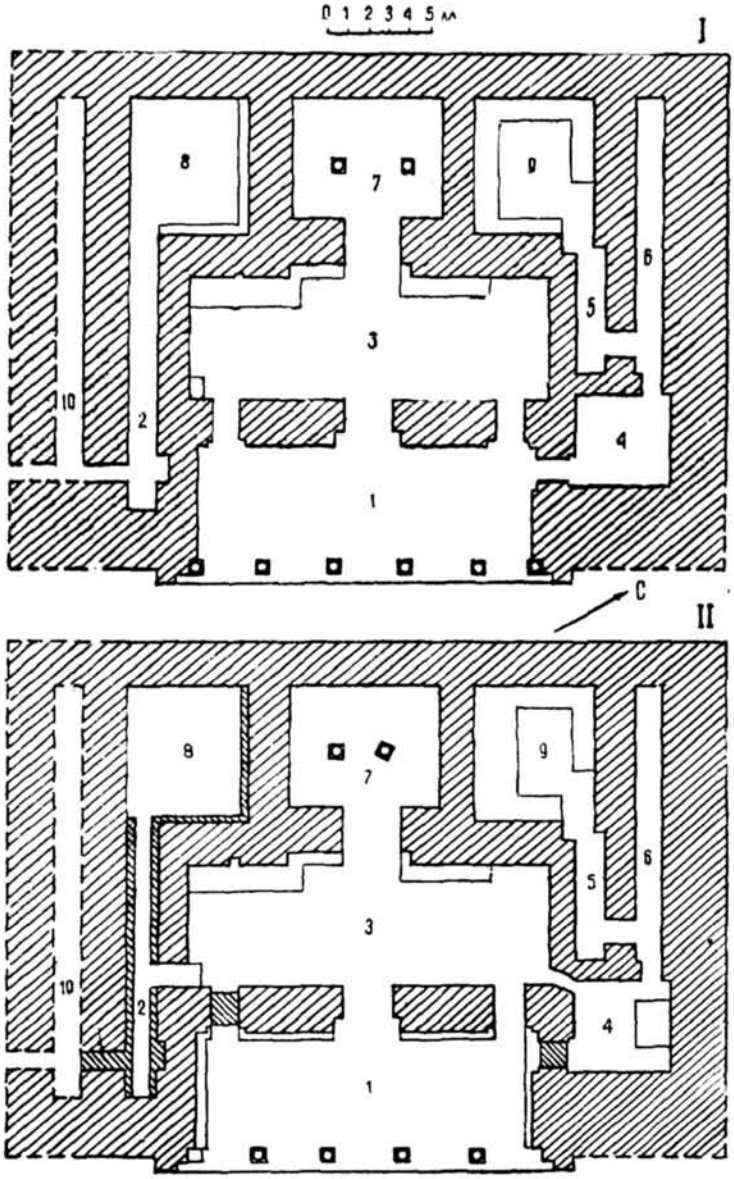

Рис. 23. Дворцовое здание (X-1). Планы первого и второго строительного периодов.

северной стены в процессе строительства основание было уширено до 50 *см*. Характерно, что при выведении фундамента использован прием ленточной кладки — по всему периметру внешних и внутренних стен, без учета предусмотренных планом проемов. Так, фундамент восточной сте-

ны комнаты 8 проходит под пролетом сообщающегося с ним коридора *2* и тянется под обширным проемом, соединяющим зал с комнатой *7*.

Фундаменты и стены сложены из квадратного сырцового кирпича. Чаще всего встречается сырец размером 34×35×36 *см* в стороне квадрата на 12 *см* (варианты до 13—14 *см*) толщины; в меньшем количестве употреблен (вперемежку с первым в кладке стен и фундаментов южной части, частично — зала) сырец 40—41 *см* при тех же толщинах; изредка в сочетании с первым в кладке на западной стене зала применен сырцовый кирпич 31×31×12 *см*.

Большинство кирпичей имеет на одной из постелей прорисованный пальцем знак (рис. 24, второй и третий ряд сверху). При специальной разборке кладок в юго-восточной части здания установлено 15 типов знаков с некоторыми вариантами начертания (одна и две поперечных черты, пересекающиеся диагонали, разнообразные знаки — крючковидный, петлеобразный, подковообразный, в виде трехконечной стрелы, букв H, S, двух завитков). Кладка осуществлена на толстом слое глиняного раствора.

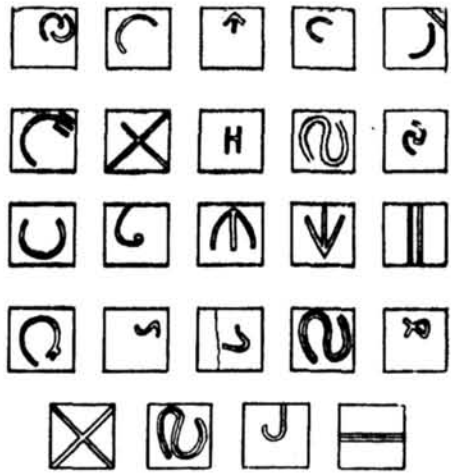

Рис. 24. Клейма на сырцовых кирпичах: в первом ряду—из здания Ш-IV; во втором и третьем — из кладок дворцового здания X-1; в четвертом и пятом — из ремонтной закладки прохода этого здания в коридоре *2*.

Здание было одноэтажным. Стены его чрезвычайно мощные: наружные достигают в толщину 2,10—2,20 *м*, внутренние — 1,40—2,30 *м*, а массив сырцовой кладки северо-восточного угла — 4 *м*. Стены сохранились по высоте на 2—2,50 *м* в центральной части (зал, комната *7*); до 1,50—2 *м* — в южной, северной группе и в айване. Перекрытия были балочными, о чем свидетельствует использование колонных систем, применение черепиц и, наконец, огромное количество в южной половине дома древесного угля от сгоревших во время пожара балок. Что же касается дверных проемов, то большепролетные входы, лежавшие на оси главного зала, имели деревянные перемычки, а малые проходы (например, боковые входы в зал пролетом 70 *см*) могли быть и балочными и арочными — по типу проходов, обнаруженных при вскрытии юго-западного дома на Ханакатепа.

Балки перекрытий покоились на мощных стенах, а в айване и в комнате *7* — на прогонах, поддерживавшихся колоннами — шестью в айване, двумя в комнате *7*. От колонн сохранились лишь каменные базы; стволы их были деревянными. Такое сочетание встречается и доныне в народной архитектуре Средней Азии, в частности в горных кишлаках Денауского и Байсунского районов, хотя сама форма баз заметно видоизменилась с тех далеких времен.

В халчаянском здании имеется два варианта торовидных баз: в айване — с сильным, но невысоким тором (максимальный диаметр

80 *см*, диаметр верхней постели 60 *см*) на двухступенчатом плинте (95 *см* в стороне), верхний уступ которого имеет профиль четвертной выкружки (см. ниже рис. 79), а в комнате 7 (рис. 25) — с очень массивным тором (диаметры соответственно 65 и 46 *см*) на простом плинте (со стороною квадрата 60 *см*).

Изготовление баз осуществлялось на месте строительства — при исследовании основания торовидной базы в комнате 7 (рис. 25) в его забутовке обнаружена крупная галька, куски жженого кирпича, песок, а также куски неудачной заготовки для базы в виде нагрубо околотого

Рис. 25. Комната 7, южная база.

тора с гнездом на верхней постели, видимо для закрепления вращательного инструмента.

Базы изготовлены из светлого палеогенного известняка, выходы которого, по данным геолога З. Ибрагимова, имеются у подножья ближайшей горной гряды.

В айване в неглубокие котлованы под базами насыпан слой (15—20 *см*) речного песка, образовавший как бы эластические подушки под колонны. Прием этот явно использован для повышения сейсмостойкости здания во время землетрясений, столь частых в здешних краях. Такие песчаные подушки отмечены, между прочим, в фундаментной конструкции колонных портиков Северного комплекса Старой Нисы (II в. до н. э.)[73].

В конструкции и оформлении кровли применена черепица — плоская и полуциркулярно-желобчатая (диаметром 7,5 *см*), так называемые антефиксы (см. рис. 80). Все они найдены во фрагментах, собранных у торцовой стены айвана и у главного прохода в зал, и, очевидно,

входили в оформление карниза несколько возвышенного над кровлею остальных помещений объема зала. На угловом фрагменте из плоских черепиц сохранилось клеймо в виде римской цифры VI (рис. 26); на другой черепице процарапаны какие-то тамговидные знаки (рис. 27).

В большом количестве собраны по периметру всего здания, особенно зала, фрагменты крупных терракотовых зубцов от былых венчающих парапетов. Зубцы по размерам двух вариантов (45×35×7—8 *см* и 40×35×4—4,5 *см*), четырехступчатые, со стреловидной, незамкнутой снизу прорезью (рис. 28). На одном фрагменте имеется прочерченный еще до обжига фигурный знак (рис. 26).

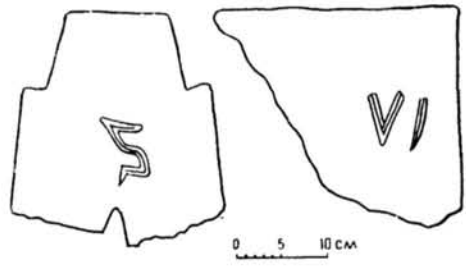
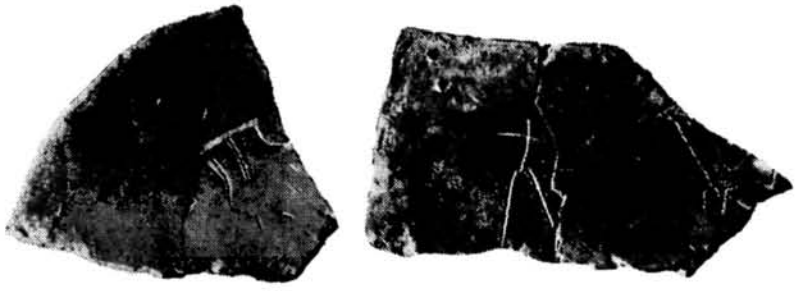

Рис. 26. Знаки на фрагментах зубца и черепицы из дворцового здания.

Полы всех помещений и пол айвана, идущий с небольшим скатом (до полуметра при шестиметровом пролете айвана), были смазаны плотным 5-сантиметровым слоем хорошо отмученной желтоватой глины, который отчетливо выделяется при расчистке завалов.

Стены были покрыты толстым (6—8 *см*) слоем глиняной штукатурки с очень большой добавкой рубленого самана. Саман со временем истлел, вследствие чего штукатурка в значительной части давно уже опала, а небольшие сохранившиеся главным образом в нижних участ-

Рис. 27. Тамговидные знаки. Слева — на фрагменте крышки хума, справа — на фрагменте черепицы.

ках стен куски ее в процессе расчистки оползали при легком прикосновении. К великому сожалению, именно на этом разрыхлившемся ныне слое (участники раскопок назвали его «гречневой крупой») на стенах зала и айвана была нанесена живопись, безвозвратно погибшая — если не считать нескольких кусков, упавших на плотные сырцовые кладки и прилипших к ним своим окрашенным слоем. В айване на первом по времени штукатурном слое также уловлены незначительные следы росписи. Побелка поверх глино-саманной штукатурки ганчем была нанесена, по-видимому, во всех помещениях — она прослежена в зале, в айване, в комнатах *7, 8, 9*.

В оформление айвана, но особенно главного зала, входила распола-

гавшаяся в верхних участках стен глиняная пристенная скульптура, на характеристике которой мы остановимся особо.

При определении времени возведения здания на основе одних лишь археологических данных возникают известные трудности, поскольку оно существовало длительно. Тем не менее мы располагаем некоторыми исходными данными. К числу их относятся прежде всего архитектурные приемы и детали.

Рис. 28. Фрагменты зубцов-мерлонов.

Каменные торовидные базы деревянных колонн весьма типичны для античной архитектуры Средней Азии. По своему облику базы из исследуемого нами здания ближе всего к торовидным базам парфянских построек Нисы — например, портика храма III—II вв. до н. э. у крепостной стены этого города, или двора и помещений Северного комплекса Старой Нисы, главный Квадратный дом которого возведен был еще во II в. до н. э., а застройка и эксплуатация всего комплекса осуществлялись на протяжении II—I вв. до н. э.[74]

Весьма интересную группу находок составляют детали перекрытия — плоские черепицы, антефиксы и зубцы. Применение черепиц в зодчестве Средней Азии имело явно неместный генезис. Эти конструктивные детали заимствованы из эллинистического зодчества. Антефиксы, оформленные пальметками, встречаются в парфянских постройках Вавилона[75]. Плоские и желобчатые (на стыках) черепицы использовались в постройках II в. до н. э. в южном и северном комплексах Старой Нисы[76], что, несомненно, связано с влиянием греческой строительной техники. Больше в Средней Азии таких примеров пока не установлено. На территории Саганиана появление черепиц, по-видимому, связано еще с греко-бактрийской эпохой и с участием в строительстве мастеров, осведомленных в приемах эллинистического строительства. Использование черепицы продолжалось в течение какого-то времени в местной строительной практике и после падения Греко-Бактрийского царства, но постепенно она вышла из употребления, поскольку в системе типичной для среднеазиатского зодчества

плоской глинобитной кровли черепичное покрытие практически неоправдано. В Халчаяне в рассматриваемый период антефиксы имели довольно широкую сферу применения, о чем свидетельствуют находки антефиксов при раскопках здания X-1, Западного дома, на Карабагтепа, а также в подъемном материале на буграх к востоку от Ханакатепа. Антефиксы эти имеют полужелобчатую форму, высокий щиток, оформленный схематизированным акантом или пальметтой. Аканты и пальметты здесь претерпевают заметное видоизменение в сравнении с греческими; плохо понятая мастером чужеземная декоративная деталь «варваризована», хотя и сохраняет несомненную связь с исходным прототипом.

Черепицы и антефиксы синкретически сочетались в халчаянском здании с терракотовыми зубцами-мерлонами. Последние представляли собой чисто азиатскую архитектурную деталь и были широко распространены на Среднем Востоке в античное время (см. стр. 138). Халчаянские зубцы более всего сближаются с терракотовыми зубцами парфянских построек III—II вв. до н. э. из Старой Нисы[77] — отличаются они друг от друга размерами (нисийские зубцы меньше и тоньше), а также тем, что стреловидные прорези у старонисийских зубцов замкнуты у основания, а у халчаянских открыты, поскольку под ними располагались краевые черепицы. Мерлоны же кушанского времени из Сурх-Котала (начало II в. н. э.) и из Свата (первые века нашей эры)[78] уже декоративно усложнены: в сурхкотальских, помимо стреловидных прорезей, появились добавочные треугольные просветы и барельефная человеческая фигурка, а многоуступчатые зубцы из Свата украшены рельефным растительным орнаментом.

Приведенные аналогии говорят о том, что элементы халчаянского здания X-1 относятся ко времени более позднему, чем эпоха Греко-Бактрии, но более раннему, чем период Великих Кушан, т. е. ко второй половине II в. до н. э. — I в. н. э. Эта датировка в дальнейшем будет еще более уточнена.

В смазке пола в центральной части зала был обнаружен миниатюрный (2 *см*) бронзовый трехгранный, втульчатый наконечник стрелы, хронологически, очевидно, предшествующий датам нашего здания. Археологи относят этот тип к скифскому времени — V—III вв. до н. э.[79], хотя использование его, возможно, продолжалось и позднее, наряду с занявшими ведущее место в вооружении стрелами железными[80]. Но принципиальное значение для уточнения времени возведения здания имеет находка в смазке пола помещения *4* пяти железных наконечников стрел (рис. 29). Были ли все эти стрелы вмазаны с магической целью в самом процессе строительства, или же, из-за негодности, выброшены, а затем случайно втоптаны в глину пола уже возведенного здания, или, наконец, попали во время строительства вместе с глиной, взятой где-то по соседству? Но глина пола тщательно очищена, тонко отмучена, в силу чего случайное появление в ней стрел исключено. Наиболее вероятно первое предположение. Общеизвестна роль стрелы в магических обрядах многих народов, пережиточно сохранявшихся в течение тысячелетий[81]. Стрела как защита от врага, как главное боевое оружие древних азиатских народов, издавна приобрела функции оберега, заклинательного знака. Со временем изображение стрелы широко входит в искусство народов Среднего Востока. Одно из свидетельств ее символико-магического зна-

чения — широкое употребление стреловидных прорезей на среднеазиатских оссуариях (Хорезм, Мерв, Согд, северно-туркестанские районы). Изображение стрелы входило и в символику Бактрии, где в античное время помимо архитектурных зубцов (Халчаян, Сурх-Котал), оно иногда встречается на штампованной керамике, причем, очевидно, в оформлении сосудов особого назначения; таковы керамические находки из раскопа Шахри-Бану (северный Афганистан)[82], таков фрагмент из накоплений кушанского слоя в коридоре *6* описываемого халчаянского здания.

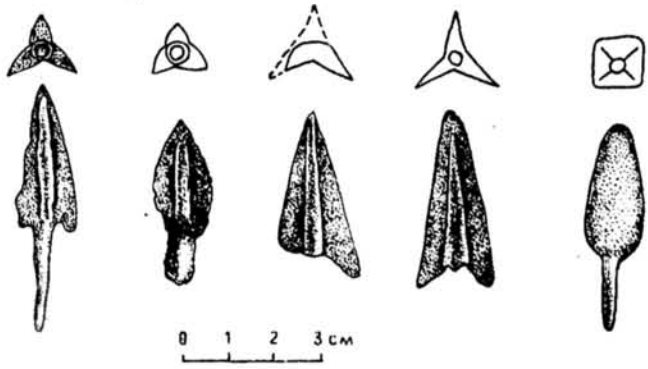

Рис. 29. Железные наконечники стрел из смазки пола в комнате *4*; II—I вв. до н. э.

Все пять наконечников из смазки пола комнаты *4* — железные, черешковые, маленькие (размер боевой части от 22 до 33 *мм*). Три из них — трехгранные с прямыми гранями, одна — трехлопастная с ланцетовидным очертанием граней, одна — пулевидная.

Уже в позднеахеменидском (IV в. до н. э.) инвентаре Персепольской сокровищницы[83], где преобладают бронзовые наконечники стрел, встречен трехгранный железный наконечник. В дальнейшем, со II—I вв. до н. э., мелкие трехлопастные черешковые наконечники стрел широко представлены в сарматском археологическом инвентаре[84]. В нашем комплексе особый интерес представляет трехлопастной наконечник с ланцетовидными гранями. Эта форма известна по бронзовым, трехлопастным втульчатым стрелкам скифского типа VI—III вв. до н. э., имевшим, в частности, распространение и в Средней Азии (Бабиш-Мулла, Кюзели-Гыр)[85]. Халчаянская стрелка является интересным образцом переноса формы, определившейся в бронзе, на железное изделие. Очевидно, здесь запечатлен тот переходный период, когда протекал процесс изменения военной индустрии древнего мира. Возможно, попытку создания каких-то новых форм отражает и пулевидный наконечник, боевые качества которого невелики, так как он ударяет, но не пронзает, в силу чего в последующей практике форма эта была отвергнута.

Исходя из сочетания указанных двух архаизирующих образцов с наконечниками ранесарматского типа, можно комплекс вмазанных в пол стрелок отнести ко времени не позднее II—I вв. до н. э.

Таким образом, опираясь на нижний хронологический рубеж приведенных дат керамики и наконечников стрел, не выходящих за грань нашей эры, учитывая также, что пределами I в. до н. э. определяется нижележащий стратиграфический слой Ш-IV, уточняем по археологическим данным время возведения нашего здания — I в. до н. э. и, возможно, переход к самому началу нашей эры. Как будет показано дальше, стилистический анализ глиняной скульптуры из айвана и зала под-

водит к более уточненной датировке его — вторая-третья четверти I в. до н. э.

Небольшое по масштабам здание имело явно особое назначение, о чем свидетельствует великолепие его пластического и живописного убранства. В силу этого оно не раз подновлялось — так у основания стен комнат *7* и *9* выявлено по три рыхловатых штукатурных слоя с ганчевой побелкой (выше они опали), а в углах айвана — до десяти ганчевых штукатурок. Все помещения, пока чрезвычайные обстоятельства не оборвали на некоторое время функционирования здания, поддерживались в идеальном порядке. Именно по этой-то причине вплоть до внезапного прерыва в его жизни в нем и не могли отложиться те археологические накопления, которые именуются «культурным слоем».

Для выяснения основного периода о б ж и в а н и я здания принципиально важен археологический материал из южной группы помещений,

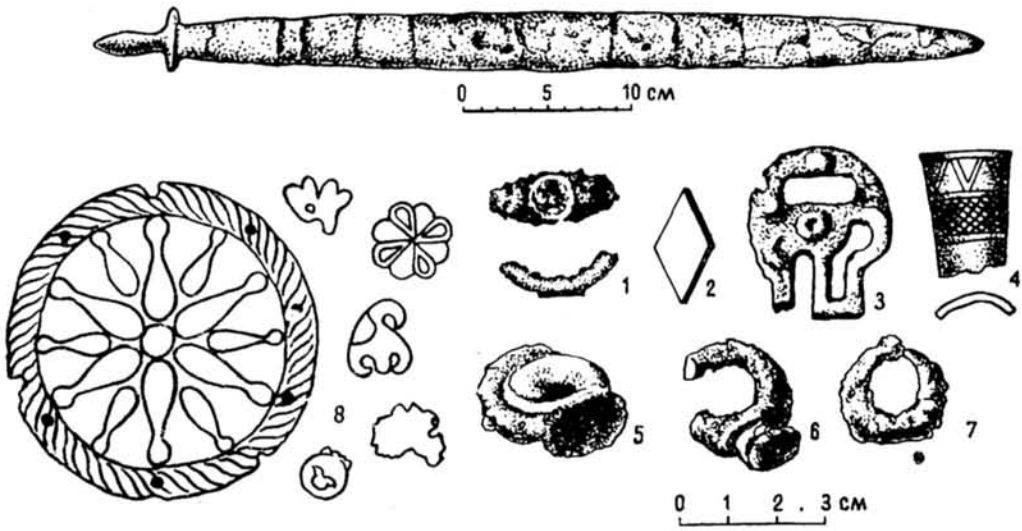

Рис. 30. Железный меч (вверху); железные кольца (*1, 5—7*); перламутровая вставка (*2*); бронзовая поделка (*3*); костяная обкладка (*4*); золотые фигурные бляшки (*8*).

зажатый между первоначальным полом и новым полом, появившимся после реставрации дома во втором строительном периоде. Помещения эти, вероятно, были подвергнуты ограблению, причем некоторые небольшие ценные предметы оказались во время похищения оброненными в комнате *8* и в узком полутемном коридоре *2*. Последний первоначально, видимо, подразделялся на отсеки небольшими поперечными стенками, которые были разобраны грабителями с целью проникновения в комнату *8;* отсюда понятно, как между первоначальным и последующим ремонтным полами оказался рыхловатый завал кусков сырца и глиняного раствора, в котором и были обнаружены эти объекты (рис. 30) — изделия из драгоценных металлов: крупная, рельефно орнаментированная золотая бляха, два фрагмента мелких, тоненьких золотых пластинок с проушинами по краю для нашивания на ткань, а также серебряная с позолотой деталь в виде отлогого полого конуса (диаметр — 2 *см*).

Показателем хранения в комнате *8* дорогих изделий служит обнаруженный в завале между нижним и верхним полами, кусок ткани, распавшийся на мелкие розоватые фрагменты. Анализ показал, что то была тонкая, плотная шелковая ткань, первоначально окрашенная в излюбленный в древнем мире ярко-красный цвет. Значение этой находки нельзя недооценить, если напомнить, что развитие собственного шелководства и шелкоткачества на Среднем Востоке начинается не ранее V—VI вв. н. э.[86], а в античную пору монополию на шелк держал Китай, когда даже главные международные торговые магистрали, соединявшие ближневосточный и дальневосточный мир, именовались Великим Шелковым путем. В то время шелк ценился исключительно высоко, и одежды, изготовленные из шелковой ткани, были предметом роскоши, доступной для немногих. Отметим попутно, что на пороге центрального проема,

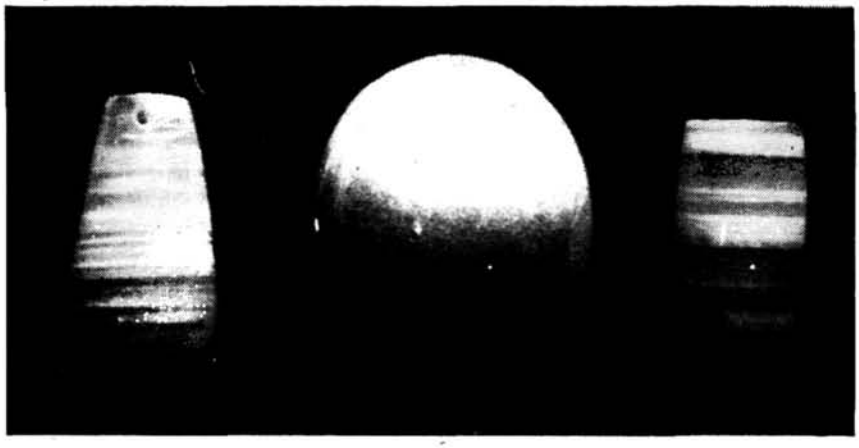

Рис. 31. Сердоликовые бусы и заготовка для геммы.

который вел из айвана в зал, под завалом рухнувшей расписной штукатурки обнаружен отпечаток тканевого плетения и тонкие золотые нити— очевидно фрагмент завесы, прикрывавшей проем.

В юго-западном углу комнаты *8* на первом полу найдено три сердоликовых изделия — две крупных бусины и не то подвеска, не то заготовка для геммы (рис. 31). Сердолик — великолепного качества, оранжевато-красного тона, у «геммы» — однородный, у бусин — с красивой поперечной структурой тонких белых прослоек; поверхность изделий идеально отполирована. Одна из бусин — удлиненно-боченкообразная (длина — 15 *мм*, диаметр — 7—9 *мм*) с продольно-осевым отверстием; другая — каплевидная подвеска (длина — 20 *мм*, диаметр — 4—10 *мм*) с поперечной проушиной у узкого конца; заготовка для геммы полуэллипсоидная (высота 15 *мм*, диаметры зеркала 20 и 24 *мм*) с тонким отверстием по продольной оси.

Форма удлиненных боченкообразных бус, известных уже с эпохи Ахеменидов[87], характерна для раннеэллинистических погребений Кавказа (например для погребения Нижнего Голи)[88]; встречаются они также и на раннеантичном (III—II вв. до н. э.) городище Хорезма Джанбаскала[89]. В упомянутом колхидском погребении Нижнего Голи оказалась

и каплевидная подвеска[90]. Однако выполнены указанные бусы не из сердолика, а из иных материалов. Сердолик в Среднюю Азию доставлялся из Индии и с Аравийского полуострова, причем аравийский ценился выше, благодаря красоте своего густо-красного цвета. Халчаянские находки изготовлены как будто именно из сердолика этого типа и во всяком случае являются предметами далекого импорта.

Между полами коридора *2* оказалось два фрагмента стеклянных сосудов (рис. 32). Один принадлежал полусферической чаше, меридионально гофрированной по внешней поверхности, с гладкой закраиной (диаметр — 20,2 *см*, высота — 9,4 *см*). Стекло литое, толстое (от 3 до 7 *мм* на утолщениях гофр), в волнистых, побежалых светлых узорах. Фрагмент сильно патинирован в процессе разложения стекла, но на просвет местами видна рубиново-красная основа. Второй сегментовидный фрагмент представляет собой край плоского, блюдцеобразного резервуара с плавно откинутым бортиком (диаметр—17 *см*, высота—1,8 *см*, сечение—1,5—2 *мм*). Цвет стекла (также сильно патинированного по поверхности) ярко-синий. Фрагмент этот принадлежал либо вазе с плоским резервуаром на подставной ножке (подобный профиль дают образцы эллинистического и римского стекла[91]), либо, что вероятнее, — плоскому, крупному блюдцу того типа, который во II—I вв. до н. э. встречается в восточно-парфянских областях[92].

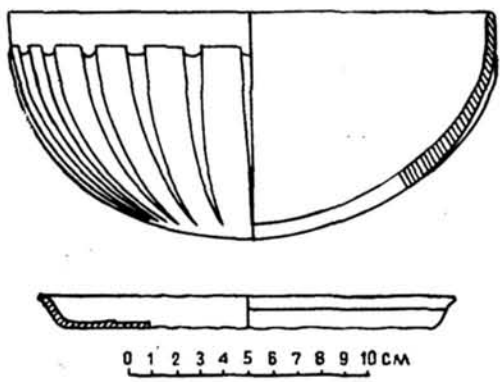

Рис. 32. Стеклянные сосуды (реконструкция форм по фрагментам).

Что касается рубчатой чаши, то она входит в категорию хорошо известных «мурринских» сосудов, лучшие образцы которых баснословно высоко ценились в Риме, а изделия более широкого изготовления (к ним принадлежит и наш объект) служили предметом экспорта. Появление мурринских изделий, выполненных путем мозаичного спаивания различных стеклянных кусочков вдутым слоем стекла иного цвета, восходит еще к эпохе эллинизма[93] и получает дальнейшее развитие в продукции Рима и восточно-римских колоний. Широкое распространение рубчатых чащ во всем римском мире и в качестве предмета экспорта — далеко за его пределами отмечается с конца I в. до н. э. вплоть до конца I в. н. э. Прямую аналогию нашей находке дают римские чаши из многих музейных собраний[94], некоторые — с уточненной датировкой I в. до н. э.[95] Значительное число их найдено в Помпеях (I в. до н. э. — I в. н. э.), в инвентаре гальских погребений (I—II вв. н. э.). Чаши, совершенно аналогичные описанной, обнаружены в Арикамеду (юго-восточная Индия)[96] и в кушанской столице Каписи — Бегараме (одна из чаш — «рубиново-агатовая», подобно халчаянской)[97]. Беграм, как известно, вообще дал богатейший набор привозных стеклянных изделий, относящихся к I—II вв. н. э.[98].

В античное время, особенно в странах, не овладевших техникой стекольного производства, стекло ценилось исключительно высоко, почти наряду с самоцветами. Знаменательно засвидетельствованное халчаянскими находками появление привозных стеклянных изделий в северной Бактрии. Они, очевидно, завозились сюда в период налаженных торговых связей с ближневосточными провинциями эллинистически-римского мира.

Неподалеку от фрагмента мурринской чаши обнаружен распавшийся от времени на куски узкий, небольшой двулезвийный железный меч (рис. 30). Общая длина его 54 *см*, длина лезвия —48 *см*, наибольшая ширина —3,5 *см*, толщина —1 *см*, сечение линзообразное, без продольного ребра. Форма плавно утоняется к острию и слегка сужается к небольшому (4,5 *см*) перекрестию у черенка с обломанным концом, который, очевидно, входил в оправу несохранившейся рукояти. Предмет был поломан уже в древности и потому брошен, богатая оправа рукояти, а может быть и парадные ножны, сорваны и унесены.

Короткий двулезвийный меч с небольшим перекрестием и с рукоятью, нередко имевшей кольцевое навершие, которое обкладывалось деревом, костью или драгоценными металлами, широко входил в состав сарматского вооружения в I в. до н. э. — II в. н. э.[99]. Античное оружие Средней Азии пока еще слабо изучено. Находки мечей и кинжалов здесь пока единичны, причем обнаружены они преимущественно в курганных погребениях, т. е. связаны с экипировкой кочевников. Но если даже считать, что принципиальных отличий в вооружении кочевников и организованных военных контингентов античной городской среды не существовало, то и при этом мы располагаем небольшим сравнительным материалом. Сводка данных о среднеазиатских мечах и кинжалах, осуществленная О. В. Обельченко в связи с анализом оружия из могильников — II—I вв. до н. э. в Бухарском оазисе, привела его к заключению о преобладании в первых веках до нашей эры мечей с коротким, прямым перекрестием, а иногда навершием в виде круглой пластинки и о смене их на грани нашей эры мечом без перекрестия и навершия[100].

Халчаянский короткий двулезвийный меч с небольшим перекрестием (может быть имевший и округлое навершие) сближается именно с ранней группой среднеазиатских мечей и с мечами сарматского типа. Датировка его, таким образом, стоит где-то на рубеже нашей эры. Размеры его значительно меньше, чем у мечей из Лявандакского могильника и близки именно к сарматским (имевшим от 40 до 65 *см* по длине), но длинные и короткие мечи могли сосуществовать в различной социальной или этнической среде в единую эпоху.

В кушанское время, а вероятно и ранее, в знатной среде в состав мужских аттрибутов входили и длинные мечи (известная статуя Канишки из Матхуры[101]) и короткие мечи-кинжалы (либо просто кинжалы): на статуе кушанского царя (предполагают, что также Канишки) из Сурх-Котала[102] можно видеть такого рода короткое оружие в парадных ножнах, подвешенное на поясе, под верхним кафтаном.

Керамический комплекс основного периода обживания дома X-1, невелик и включает небольшие фрагменты, втоптанные в смазку полов айвана и зала (весь вышерасположенный археологический материал мог накопиться на последнем этапе использования здания), и фрагмен-

ты, зажатые между полами первого и второго строительных периодов в комнате *8* и коридоре *2* (рис. 33,34).

Фрагменты керамики из смазки полов типологически почти идентичны извлеченным из-под полов. Для них присуще высокое техническое качество. Преобладает плотный, тонко отмученный черепок красноватого или кирпично-красного цвета, нередок темно-красный ангоб, встречается сероглиняная керамика. Типичные формы: плоскодонный сосуд на трех

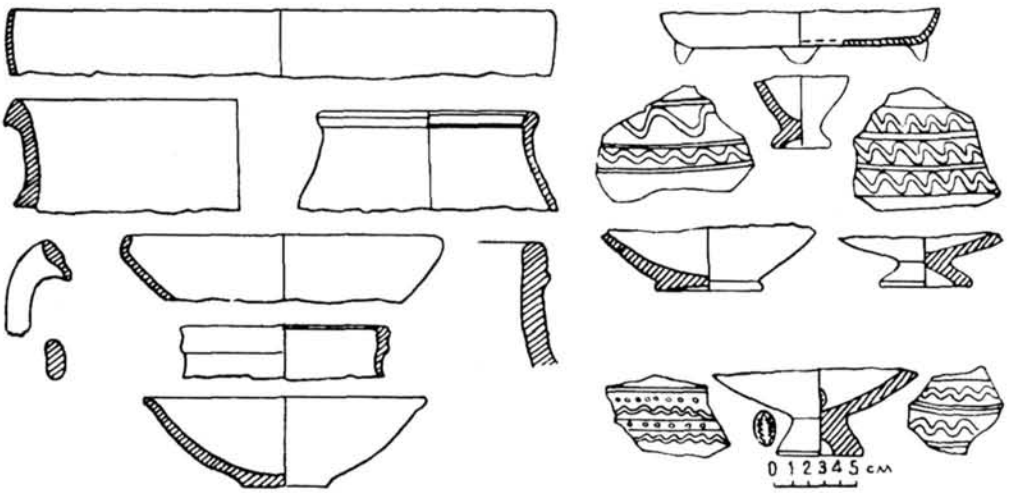

Рис. 33. Керамика, извлеченная между первым и вторым полами комнаты *8*; I в. до н. э. — II в. н. э.

низеньких небольших пятках; котел с бугорками у закраины (для установки на очаге); горшки и кувшины с плоским дном и выпуклым туловом, на плечах которых иногда имеется орнаментация в виде волнистых и концентрических линий; чаши с откинутой или чуть загнутой внутрь закраиной; тонкостенные бокалы на полой конической ножке. Найдено также керамическое красноглиняное, красноангобированное грузилко или пряслице в виде плоского диска с оттянутым в центре ушком; несколько фрагментированных терракотовых лошадок, покрытых красным ангобом; от одной из них сохранилась отлично моделированная, небольшая, суховатая головка с крутой, подстриженной гривой, (см. ниже рис. 109,*3*) от других — лишь торсы с широким поставом отбитых по низу ног, причем на спине у одной видно место прикрепления всадничка. Интересен фрагмент основания керамической подставки светильника или курильницы с налепной скульптурной головкой коня (рис. 108).

Число фрагментов, обнаруженных в забутовке между первым и вторым полами южной группы помещений, невелико — очевидно, целые сосуды, которые здесь находились до разграбления здания, были унесены и лишь фрагменты разбитой посуды попали в забутовку. Черепок плотный, красноватый. Чаши на подставных ножках, бокалы, орнаментированные горшки покрыты красным или коричневым ангобом, плоскодонные чаши, горшки, хумча — светлым ангобом. Найдено несколько фрагментов стенок сероглиняных сосудов. Горшки — с утолщенной подтреугольной или профилированной закраиной, плавно расширяющейся к

округленному тулову, с плоским дном; встречено также днище горшка на трех невысоких ножках. Горловины кувшинов — с утолщенной, плавно профилированной закраиной; ручки их — фасолеобразного сечения. Чаши — с плавно откинутыми или чуть скругленными поверху стенками, на рельефном поддоне или на полой конической ножке. Такие же ножки характерны и для яйцевидных в нижней части резервуаров

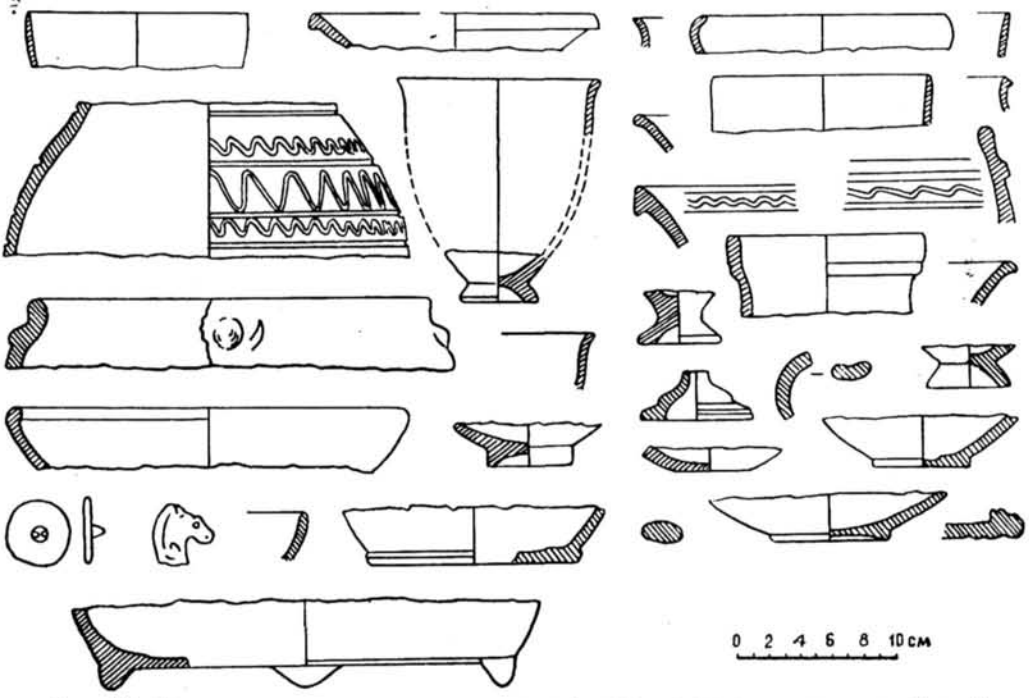

Рис. 34. Керамика из смазки первого пола (слева — в зале, справа — в айване).

бокалов. Найдено несколько орнаментированных (чередуются концентрические прямые и волнистые линии, иногда — пунсонные вдавления) черепков от плечиков красноангобированных горшков. Принципиально интересен фрагмент дна чаши на подставной конической ножке, на зеркале которой оттиснуто три штампика в виде овальной пальметки.

Соотношение красно- и светлоангобных покрытий; профилировка чаш; размещение на днище чаши трех знаков-штампиков; характер орнаментации на плечиках горшков; подтреугольные закраины горшков — все это находит прямые параллели в керамическом комплексе из коридора здания на Кей-Кобад-шахе, который датируется I в. до н. э. — I в. н. э.[103].

Появление штампиков в керамике Кобадиана относится, по М. М. Дьяконову, к той же эпохе (Кб-III), хотя они существовали в Кобадиане на протяжении всей кушанской эпохи. Рельефно профилированные же закраины кувшинов и горшков, подобные халчаянским, отмечены в слое Кб-IV (II в. н. э.), который уже характеризуется почти полным исчезновением сероглиняной керамики[104]. Яйцевидное, на полой конической ножке основание бокала имеет параллели в кушанском слое древ-

ших Бактр[105], для которого пока установлены очень протяженные даты — с I в. до н. э. до начала III в. н. э. Одним из основных мотивов керамических штампиков из Бактр являются овальные пальметки[106]. В широких датах кушанского времени мотив этот известен по находкам в Айртаме[107], Термезе[108], Зартепа[109], Хайрабадтепа[110], Халкаджаре[111]. Ко времени Беграм-II и -III (II-IV вв., по Р. Гиршману) относятся штампики в керамике Беграма[112]. Мотив пальметты входит в репертуар штампованной орнаментации на керамике из городища Шахри-Бану (северный Афганистан), датировка которого охватывает первые века до нашей эры и первые века нашей эры[113].

Вопрос о времени появления штампиков в керамике Бактрии пока не разрешен. В керамике средиземноморского античного мира штампик-

Рис. 35. Остраки с процарапанными письменами. Слева — из дворцового здания на полу зала; справа — из западного дома, между полами *3* и *3а* комнаты *5*.

пальметка появляется еще в IV в. до н.э. [114]. Уже в III—II вв. до н. э. мотив этот входит в орнаментацию черно- и красноангобированной керамики эллинистических поселений Ближнего Востока (Нимруд)[115]. Матрица III—II вв. до н. э. с такими пальметками и розетками, расположенными по кругу, найдена была в парфянском Мерве (городище Гяуркала)[116]. Очевидно, появление на Среднем Востоке данного орнаментального мотива было связано с влиянием завозимых эллинистическиримских посудных изделий (керамика и металл). Судя по комплексам из Кобадиана и Халчаяна, введение его в местную керамику могло иметь место уже на рубеже нашей эры и сохранялось на протяжении всей кушанской эпохи.

На полу зала, под завалом глиняной скульптуры, обнаружен фрагмент небольшого остракa, на котором сохранилось четыре знака, видимо,

искаженного греческого письма (рис. 35) кушанской эпохи. Крупный Ш-образный знак имеется на фрагменте крышки хума (рис. 27).

Среди находок, скопившихся над полом коридора *6*, большой интерес представляет терракотовый медальон с изображением тронной сцены, датировка которого восходит к I в. н. э. (см. стр. 235 сл. и рис. 110).

К I в. до н. э. — I в. н. э. относятся два фрагмента статуэток Великой богини, вышедших, видимо, из единой матрицы и передающих изображение женщины, одетой в струящееся тяжелыми складками платье и плотную мантию (см. стр. 221 сл. рис. 104). Найдены они—один на полу помещения *4*, второй — на полу предполагаемого коридора *10*, у стены.

Итак, материал, извлеченный между полами первого и второго строительного периодов, хронологически относится к I в. до н. э. — II в. н. э., который и определяет собою длительность основного этапа использования халчаянского здания. Состав находок позволяет считать, что изолированная узким, замкнутым коридором комната *8* служила сокровищницей, в которой хранились драгоценные предметы. Среди них — привозные изделия китайского, римского, аравийского экспорта — важный показатель широких историко-культурных связей Саганиана в кушанскую эпоху.

Несомненно, какая-то доля керамических фрагментов, собранных над полами северной и центральной групп помещений, также связана с этим основным периодом обживания здания, но отчленить здесь более ранний материал, не зажатый, как в южной группе, между двумя полами, затруднительно. В целом археологический комплекс отражает здесь последний период существования дома, наступивший после известного перерыва в его функционировании.

Этот перерыв засвидетельствован следами разграбления сокровищницы, откуда похищены были драгоценные изделия, от которых сохранились лишь случайно оброненные обломки. В комнате *7* — очевидно также в поисках сокровищ, а может быть при выносе располагавшегося здесь между колоннами трона, либо алтаря, была сдвинута, сильно при этом оббита и перевернута тором вниз одна из баз. В айване ударами тяжелого орудия были отколоты некоторые участки баз колонн. Несомненно, имели место и иные, археологически незапечатленные акты разрушения. Что касается скульптуры, то она, как будто, не подверглась существенным повреждениям — потому ли, что располагалась в верхних участках стен, или (что вероятнее) из суеверного страха варваров к выразительным образам богов и царей, чьей потусторонней мести они могли опасаться.

По прошествии какого-то (судя по составу керамического материала не очень значительного) интервала почитаемое здание вновь приводят в порядок. При этом осуществляется не очень качественный текущий ремонт (рис. 23). В комнате *7* сдвинутую и опрокинутую базу подтыкают фрагментами терракотовых зубцов и желобчатой черепицы, ставят принесенную откуда-то вторую, тоже сильно обколотую базу аттического профиля, на которой и водружается новый деревянный ствол (рис. 36, 37). В комнате *8* и коридоре *2*, взамен расчистки накопившегося на полу завала разрушений, делается забутовка и новый пол, лежащий на 50 *см* выше первоначального. Коридор сужают почти вдвое (до 70 *см*) за счет облицовки его стен от уровня нового пола сырцовой рубашкой, положен-

ной в полкирпича, на глиняном растворе, восточную же стену комнаты *8* облицовывают поверх старой штукатурки сырцом — плашмя. Выход из коридора *2* в южную сторону и вход из айвана в комнату 4 плотно закладывают сырцовым кирпичом. В юго-восточном углу зала, над суфой, прорубается вход в коридор *2*, а в северо-восточном углу — в комнату *4*. В самом зале наглухо закладывается сырцом южный боковой про-

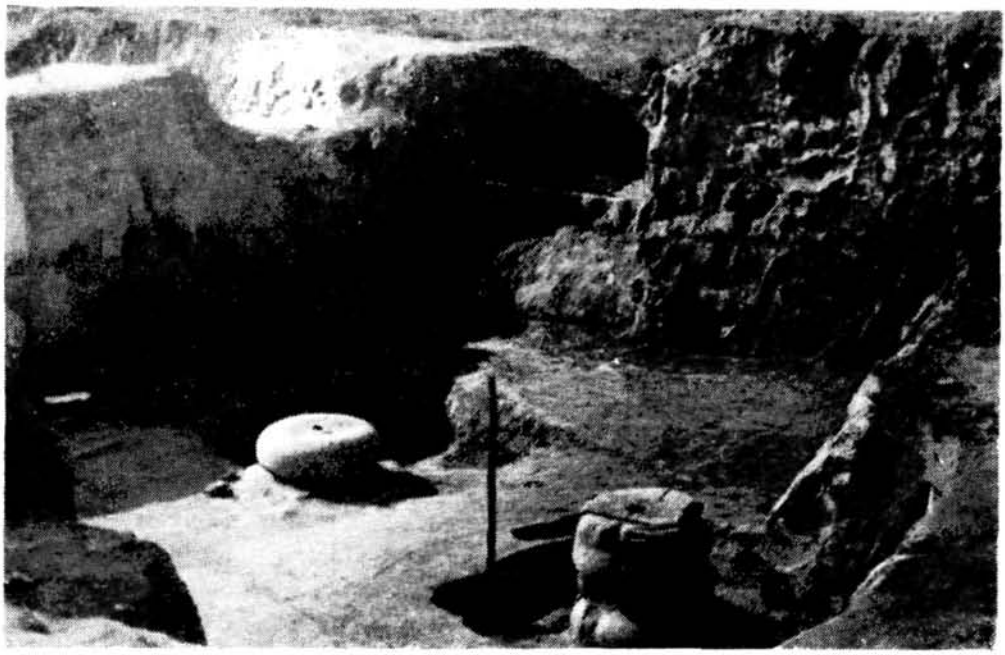

Рис. 36. Базы в помещении *7*.

ход из айвана (отчетливо видно, как эта закладка наступает на щековые ганчевые обмазки прохода) так, что в айване и зале образуется небольшая нишка (рис. 37). В комнате *9* обводящие ее по периметру суфы расширяются, а в айване вдоль стен выводится узкая (до 40 *см*) суфа. Очевидно, осуществляются и какие-то ремонтные работы по восстановлению перекрытий.

Сырец второго строительного периода заметно отличается от сырца основной кладки стен своими размерами —31×31×10 *см* (варианты сторон —30—32 *см*, толщина —11—12 *см*) и низким качеством — в массе его замешано много мелкой гальки и дробленых фрагментов керамики. При выемке сырцовых кирпичей из закладки южного прохода коридора *2* выяснено, что клейма на них отличны от обнаруженных на кирпичах основных стен здания (рис. 24). Здесь отмечено четыре типа знаков, среди которых преобладает прочерченная посредине прямая черта, иногда она дополнена полудугой (наподобие «бемоля»), имеется также две вмятины пальцев посредине, а в одном случае И-образный знак.

Стратиграфически последний период функционирования здания отмечен накоплением над всеми полами (кроме зала) утоптанного слоя

глины с керамическими черепками, а в северной группе — раздавленных сосудов.

Принципиальное значение имеют находки в северной группе помещений и прежде всего — монета чекана Васудевы I (185—228 гг.), обнаруженная вверху накопленного слоя в VIII ярусе (см. стр. 120).

Чрезвычайно важен также комплекс железных наконечников стрел (*рис. 38*). *Они были сконцентрированы на западной суфе и на полу перед* нею в комнате *9*, в двух участках коридора *5* и в комнате *4*. Общее число наконечников равно 80, но отдельные мелкие железные фрагменты

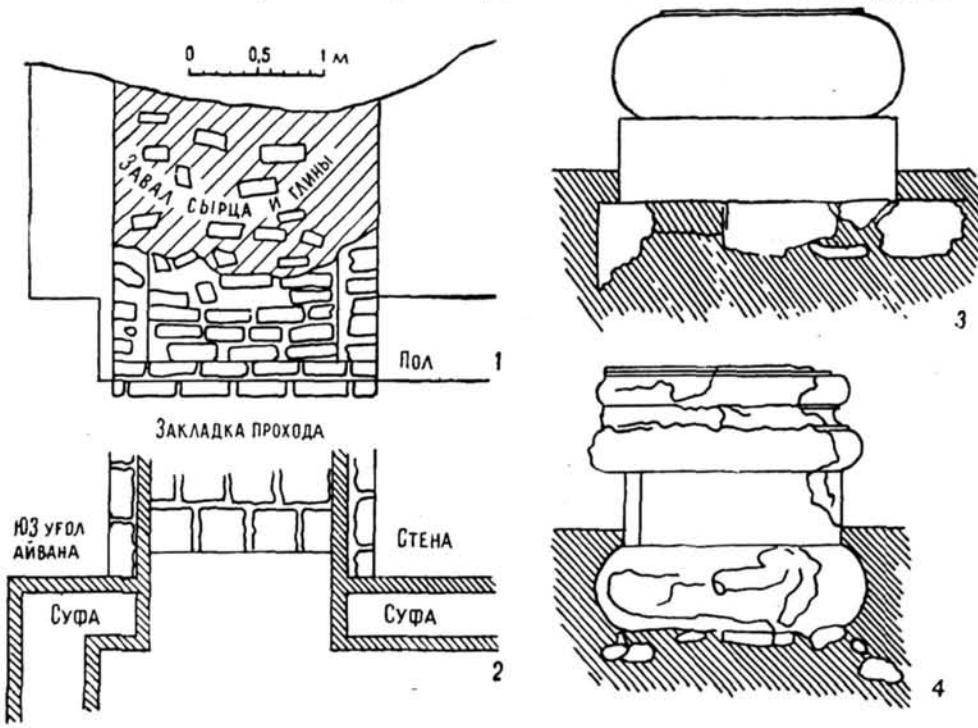

Рис. 37. Ремонтные закладки южного прохода из айвана в зал (*1*, *2*) — фасад и план; южная база комнаты *7* (*3*); северная база комнаты *7* (4).

позволяют думать, что первоначально их было еще больше. Концентрация как бы отдельными «гнездами» дает основание предполагать, что стрелы лежали в колчанах, не сохранившихся из-за пожара. Это обилие стрел позволяет с уверенностью считать, что северная группа помещений была связана с местопребыванием стражи, служа кордегардией; причем, судя по вышеописанной находке пяти более ранних наконечников стрел в смазке пола у прохода комнаты *4*, можно думать, что уже с самого начала она имела охранные функции.

По своему составу наконечники могут быть разбиты на четыре типологических группы, причем встречаются они вперемежку и принадлежат, таким образом, к единой историко-культурной эпохе. В приведенном ниже описании даются размеры только боевой части, так как черенки (длиною 2—3 *см*) в подавляющем большинстве обломаны.

Первая группа (29 экз.). Трехгранные черешковые наконечники с

прямыми гранями и опущенными жальцами. Форма преимущественно удлиненная (соотношение основания к высоте 1 : 3), лопасти сходятся с отчетливым надломом. Основные, поддающиеся определению разме-

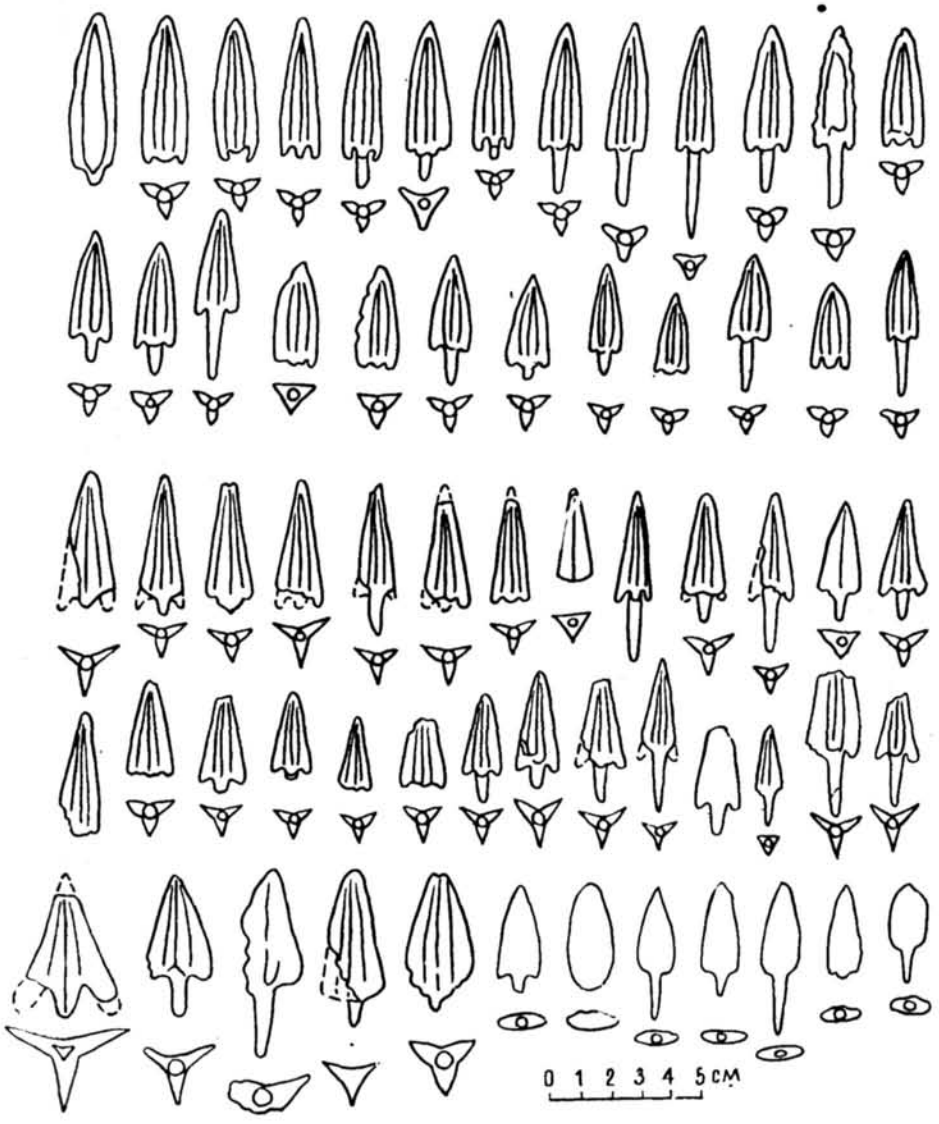

Рис. 38. Наконечники стрел из комнаты *9* и коридора *2*.

ры : 26 *мм* (2 шт.), 32—33 *мм* (6 шт.), 35 *мм* (5 шт.), 40—44 *мм* (7 шт.), 48—50 *мм* (3 шт.), неопределенных — 6 шт.

Вторая группа (28 экз.). Трехгранные черешковые наконечники с плавно круглящимися гранями, припухлыми в сечении лопастями и опущенными жальцами, которые иногда крючкообразно загнуты на концах. Формы крупных наконечников удлиненные (соотношение основания к высоте 1 : 4—1 : 3), малых — умеренно вытянутые (2 : 3). Размеры:

28—30 *мм* (4 шт.), 33—34 *мм* (6 шт.), 37—38 *мм* (2 шт.), 42—43 *мм* (6 шт.), 45—47 *мм* (5 шт.), 50 *мм* (1 шт.), 55 *мм* (1 шт.), неопределенных — 3 шт.

Третья группа (5 экз.). Крупные трехгранные черешковые наконечники размерами 43—45 *мм*, с тонкими в сечении, чрезвычайно широкими, раскинутыми лопастями, которые дают соотношение основания к высоте от 1 : 2 до 7 : 9.

Четвертая группа (7 экз.). Небольшие ланцетовидные по очертанию, линзообразные в сечении наконечники, может быть первоначально (судя по двум экземплярам) — с двумя опущенными жальцами. Высота — 30 *мм* (один экземпляр —34 *мм*), сечение —4—5 *мм*, длина черешков — до 20 *мм*.

Десять сильно фрагментированных экземпляров типологически принадлежали к наиболее характерным первой и второй группам; один фрагмент — пулевидного типа.

Наконечники четвертой группы из халчаянского комплекса стрел прямых аналогий пока почти не имеют. Крупные, плоские, листообразные и ромбические наконечники появляются в составе лучного вооружения лишь много веков спустя, в пору развитого средневековья. Маленький, ланцетовидный, утолщенный к середине железный черешковый наконечник встречен в Персепольской сокровищнице[117]. Мелкие же, ланцетовидные по форме, но линзовидные в сечении наконечники представлены также единичными находками в Таксиле — вне строго определенного слоя (парфянской или кушанской поры)[118]. Таким образом, Халчаян дает новый в археологии тип античных среднеазиатских стрел.

Что касается двух первых разновидностей трехперых черешковых наконечников с опущенными жальцами, то они широко известны по всему кругу сарматских культур в первых веках до и первых веках нашей эры[119]. Они имели широкий ареал распространения и в Средней Азии, однако единодушия в их датировке нет. Так, исследователи усуньских могильников Семиречья датировали такие наконечники первыми веками до нашей эры[120]; аналогичный наконечник стрелы из нижнего слоя Афрасиаба отнесен А. И. Тереножкиным к II в. до н. э. — I в. н. э.[121]; группу крупных и малых наконечников этого рода из погребений Лявандакского могильника О. В. Обельченко ставит в пределах II—I вв. до н. э.[122], в то время как Б. А. Литвинский датировал подобные наконечники из погребений Кара-Мазара не ранее чем II—III вв. н. э., обосновывая это всем комплексом археологического инвентаря могил[123].

Несомненно прав О. В. Обельченко, который, в противовес существующей точке зрения, будто более крупные размеры наконечников указывают на их более позднюю по отношению к малым дату, выдвигает предположение об одновременности употребления тех и других уже в первых веках до нашей эры[124]. Это положение справедливо и для I—III вв. н. э. Различие размеров наконечников было скорее всего обусловлено различием боевого назначения. Вообще же колебания размеров в пределах определенной эпохи не были очень велики. Вместе с тем позднеантичной эпохе присуща тенденция к увеличению размеров. В нашем комплексе они варьируют от 27 до 55 *мм*. По-видимому, позднейшей датой употребления трехлопастных наконечников с опущенными жальцами является III в. н. э. Подтверждением служит не только ин-

вентарь упомянутых могильников Карамазарских гор, но и находки из кушанской столицы Каписи — Беграма. Здесь в слое Беграм-II были встречены среднеразмерные трехлопастные наконечники, наряду с очень крупным (до 7 *см* в боевой части) наконечником с тонкими, раскинутыми лопастями[125] (типа нашей третьей группы). Р. Гиршман датирует этот слой временем «второй кушанской династии» — от середины II до середины III в. н. э. Уже в слое Беграм-III (время поздних Кушан и Кедаритов) встречаются чрезвычайно крупные — до 7—9 *см* трехгранные наконечники[126], подобных которым халчаянский комплекс не дает.

Очевидно, два первых типа наконечников, представленных в Халчаяне, употреблялись в Средней Азии в первых веках до нашей эры и в первых веках нашей эры вплоть до заката местной античности. И лишь глубокие социальные причины, которые привели к изменению всей военной техники и вооружения, определили собою последующее вытеснение их иными формами наконечников стрел, да, вероятно, в какой-то степени изменился и сам лук.

В уровне верхних культурных накоплений в коридоре *5* обнаружено три железных кольца (рис. 30). Металл их в результате разложения сильно деформировался. От одного сохранилась лишь половина (диаметр —15 и 22 *мм*) со вставным овальным, плоским литиком светлого стекла. Второе совсем миниатюрное (диаметр —11 и 20 *мм*), с плоским срезом с одной стороны и со следами как будто бы припая на противоположной. Третье очень толстое в сечении (диаметр —26—28 *мм*) имеет незначительное отверстие (до 9 *мм*); оно, даже с учетом разбухания металла, едва ли могло быть надето на палец.

Обращает внимание, что с одной стороны у этого кольца есть овальный срез, а с другой концы его не сомкнуты, спиралеобразно нахлестывают друг на друга. Возникает предположение — не является ли оно кольцом для натягивания и спуска тетивы; для удобства упора большого пальца на нем сделан плоский срез. Древние кольца использовались для продевания в них самой тетивы. Р. Гиршман посвятил специальное исследование вопросу о древних кольцах для натягивания тетивы при стрельбе из лука, привлекая некоторые находки бронзовых колец особого вида из Ирана, а также изображения на Кульобской вазе, Аниковском блюде, щите с г. Муг, сасанидском блюде с фигурой стреляющего царя[127]. О железных кольцах автор не упоминает. Железные кольца сохраняются в составе лучного вооружения в течение многих последующих веков — так, на известном портрете Шейбанихана работы Бехзада (XVI в.) можно видеть железное кольцо лучника, надетое на верхний сустав его большого пальца[128]. Не исключена возможность, что кольца из коридора *5* предназначены были именно для продевания тетивы и функционально связаны с описанным комплексом наконечников стрел.

В коридоре *6*, рядом с несколькими из описанных наконечников, найдена терракотовая статуэтка обезьянки.

Керамический комплекс последнего периода жизни халчаянского здания весьма характерен (рис. 39, 40): черепок крупных изделий (хумы, горшки, кувшины, некоторые чаши) светлый — розоватый, иногда цвета лесса; покрытие — светлый ангоб, части кувшинов и чаш — коричневатый ангоб. Черепок столовых сосудов (чаши, бокалы) кирпичного цвета, ангоб — коричневатый, реже красный. Сероглинная керамика

исчезает (отмечены единичные фрагменты на полу айвана и зала, принадлежащие обломкам посуды предшествующего периода). Преобладают сосуды крупных, несколько огрубленных форм. Все эти особенности керамической технологии сближают наш верхний комплекс с кобадианской керамикой Кб-IV (II в.) и Кб-V (III—IV вв.).

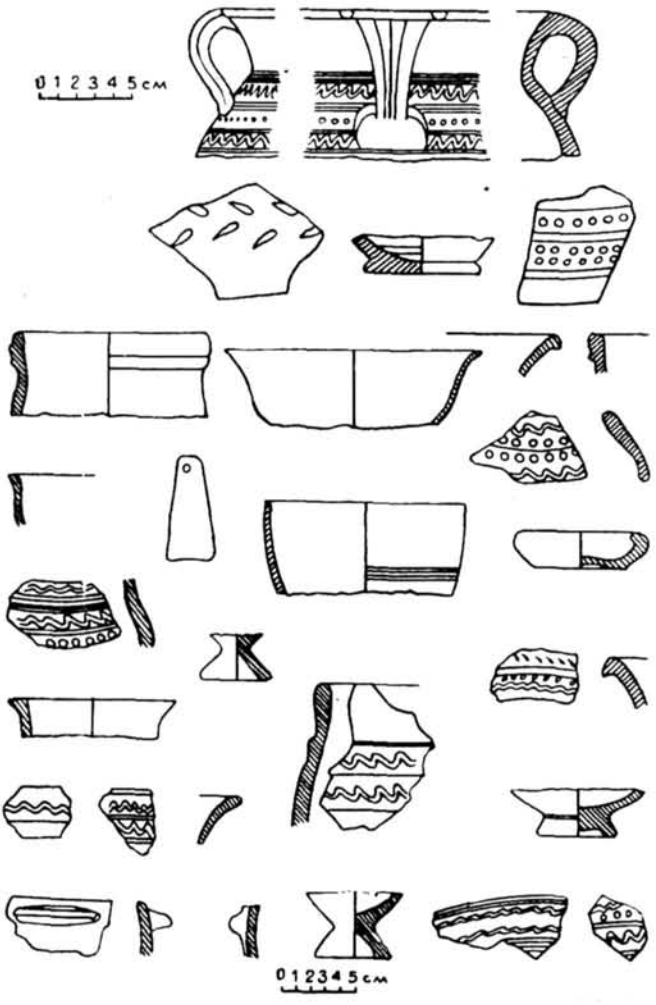

Рис. 39. Фрагменты керамики из завалов над полами (VIII ярус); II—III вв.

При сохранении отдельных типов и форм сосуды вообще претерпевают известную эволюцию. Число бокалов заметно сокращается. Они либо повторяют формы предыдущего комплекса, либо имеют основанную на полой конической ножке иную форму резервуара — с отлогим основанием при почти вертикальных стенках, с рельефным пояском в верхней трети. Подобные бокалы типичны для комплекса Кб-V (III—IV вв. н. э.)[129], для Беграма, где они встречены в слое Б-III (III — первая

четверть IV в.)[130] и при раскопках беграмского «базара», нижние даты которого определяются монетами Васудевы (II—III вв.)[131].

Типичны в халчаянском комплексе крупные безангобные чаши с плоским дном, округлыми стенками и откинутым бортиком, причем на бортике и на внутренней поверхности проведены волнистые линии, а у дна — пунсонные вдавления. Повторяется и обычный профиль чаш с

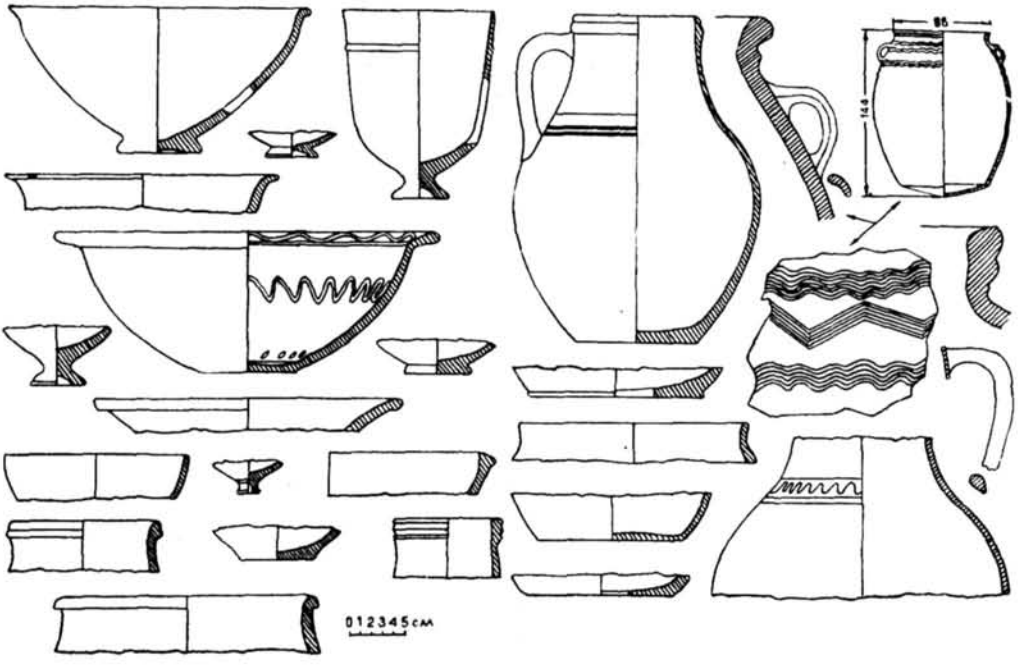

Рис. 40. Керамика из коридора *6*, у прохода; II—III вв.

красным или коричневым ангобом на выпуклом, утоняющемся к центру поддоне, обязательно с наружным отгибом закраины. Такие чаши имеют распространение начиная от слоя Беграм-I (конечная дата I в. н. э.)[132], но особенно в эпоху Великих Кушан — в слоях Кб-IV и -V на Кей-Кобад-шахе (II—IV вв.)[133] и в слое III—IV вв. на Мунчактепа[134].

Волнисто-линейный орнамент, концентрические линии и пунсонные вдавления, располагавшиеся, как и ранее, на плечиках кувшинов, обнаружены и на нескольких фрагментах позднехалчаянского комплекса.

Характерны для рассматриваемого комплекса керамики кринкообразные формы кувшинов с плоским днищем, невысоким горлом, с ручками или без них. Горловины, как правило, профилированы легкой выпуклостью у края.

В коридоре *6* обнаружен раздавленный хум, стоявший у прохода и, вероятно, предназначенный для воды, которой пользовалась пребывавшая здесь стража. Черепок в изломе — плотный, ярко-розовый, сечение стенок от 1 до 2 *см*. Хум имеет почти бочковидный профиль (высота —72 *см*, диаметр горловины — 41 *см*) с надломом у округленного днища, рельефную закраину, две небольших петельчатых ручки под шейкой, явно непригодных для переноски сосуда, но предназначенных, очевидно, так

же как два просверленных на закраине отверстия, для привязывания крышки. Принципиальный интерес имеет орнаментация на плечах хума в виде волнистых линий, исполненных не палочкой, а гребенчатым инструментом. Орнамент этого типа в последующем займет ведущее положение в массовых безглазурных керамических изделиях и сохранится в практике народного гончарства до наших дней. Появление же его на Среднем Востоке падает на III—IV вв. Аналогичные хумы с маленькими петельчатыми ручками и волнистым гребенчатым орнаментом на плечах обнаружены в квартале мукомолов античного Мерва, верхние слои которого датируются монетами первых Сасанидов[135]. Гребенчатый орнамент встречен и в кушанской керамике Айртама[136].

Таким образом, верхний археологический комплекс, накопившийся после осуществления ремонта здания X-1, восходит в своих крайних датах к III — не позднее начала IV в. н. э.

Коснемся вопроса о первоначальном назначении исследуемого здания. Богатство пластического и живописного декора — при небольших размерах самого сооружения, устройство сокровищницы и специальных охранных помещений не оставляют сомнения в его особом назначении. Был ли то храм или дворец? На первое предположение как будто наталкивают образы божеств в составе скульптуры — Афины, Ники, Митры. Но против этой гипотезы говорит прежде всего отсутствие той, присущей храмовым композициям в архитектуре античного Востока, планировочной замкнутости, которая отвечает идее запретности здания, сокровенности совершаемых в нем религиозных таинств и ритуалов. Между тем, наше здание обращено во двор открытым четырехколонным айваном, откуда три входа — из них центральный очень обширный — ведут прямо в главный зал, из которого открыт еще более широкий проем в расположенное за ним двухколонное помещение. Для храмовой архитектуры азиатского Востока первых веков до и после нашей эры характерны обводные коридоры и замкнутые композиции святилищ — таковы парфянские храмы[137], таковы чаитьи буддийской Индии[138]. Чтобы подчеркнуть, сколь отличен планировочный принцип халчаянского здания, сошлемся также на обводную галерею, изолирующую святилище Джандиал-храма в Таксиле парфянского времени[139], и, наконец, на династийный кушанский храм Сурх-Котал в правобережной Бактрии[140]. Если же добавить, что в составе халчаянской скульптуры явно преобладают светские образы — цари, придворные, конные воины, музыканты, что если здесь и есть божества, то лишь божества-покровители, то все это будет свидетельствовать против храмового истолкования постройки в пользу ее дворцового назначения.

Представляется, что здание создавалось в качестве небольшого приемного дворца-ападаны, располагавшегося в родовой резиденции правителя Саганиана (столица которого находилась на Дальверзинтепа) или же его наследника. Со времен функции дворца могли несколько измениться, о чем детальнее будет сказано позже.

Окончательный заброс дворца красноречиво запечатлен картиной археологических слоев, которые отражены на разрезах, проходящих по продольной и поперечной осям и через комнаты *8—7—9—6* (рис. 41).

С уровня VIII яруса в помещениях *4, 7, 8* и коридорах *2* и *6* находится 1—1,5-метровый завал разрушенных сырцовых кладок, глиняных

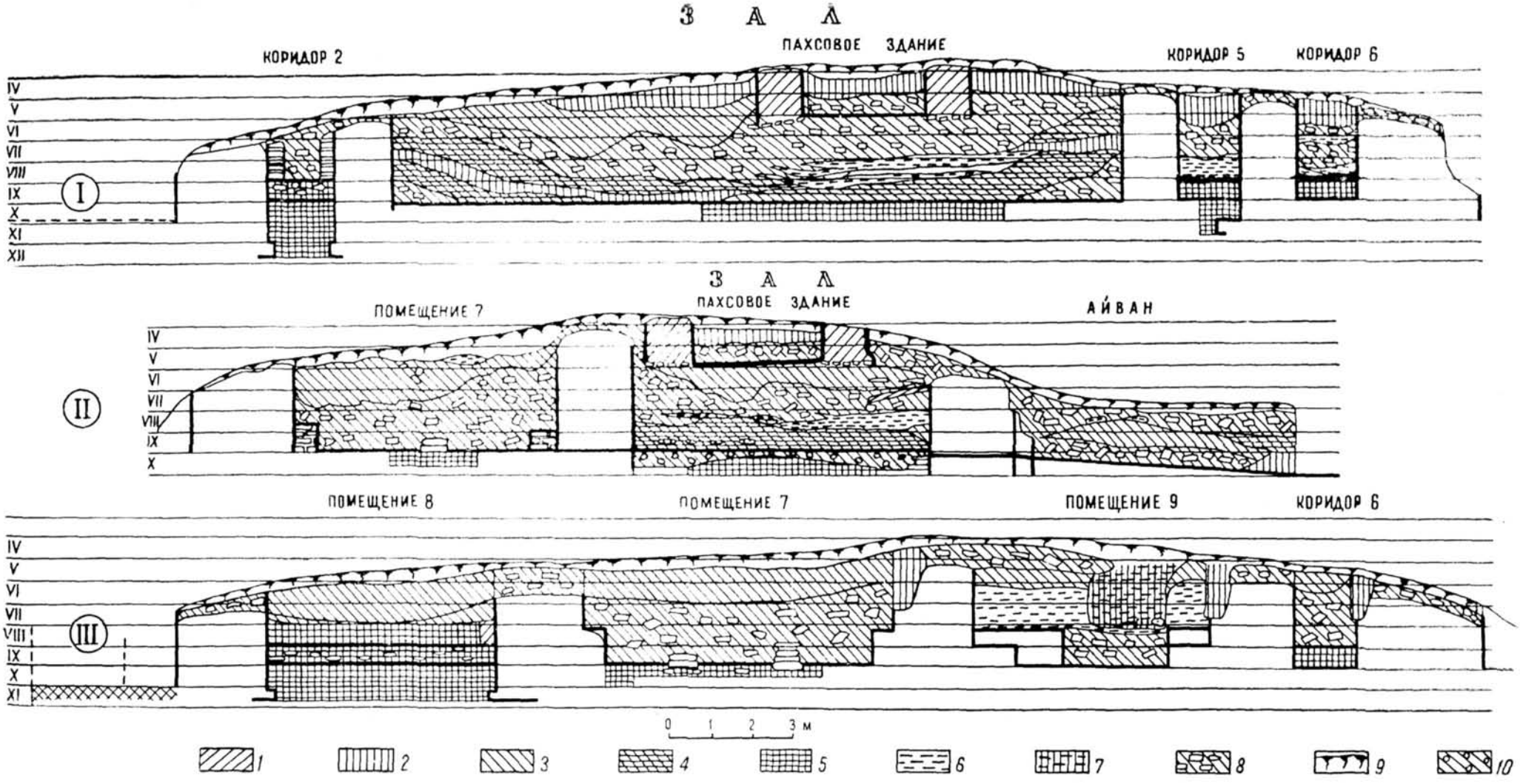

Рис. 11. Здание X-I:

Разрезы: *I* – через зал и коридоры *2*, *5*, *6*; *II* – через зал, комнату *7* и айван; *III* – через комнаты *6*, *7*, *9* и коридор *6*.
1 – пахса; *2* – рыхлый серый слой; *3* – глинобитный слой средней плотности; *4* – рыхлый завал сырца и глины с фрагментами скульптуры; *5* – рыхловатый слой с керамикой, кухонными остатками; *6* – среднеплотный горелый слой; *7* – рыхлый горелый слой; *8* – завал сырцовых кладок; *9* – деревянный слой; *10* – забутовка глины с галькой.

штукатурок стен и потолка. Над завалом — слой разрыхленной глины, а поверх нее — дерновая рубашка. В этом глино-сырцовом завале в юго-западном углу комнаты *4*, на высоте 70 *см* от пола, обнаружена бронзовая мо[illegible]а Сотера Мегаса; к сожалению, культурные накопления над [illegible]десь оказались потревоженными, так как на этом участке в средневековье были захоронены три черепа и при вскапывании ямы слой был перемешан.

Стратиграфическая характеристика в зале более сложна. Здесь прямо над полами лежит завал глиняной скульптуры и штукатурок со следами росписей (рис. 42), который устилает центральную часть

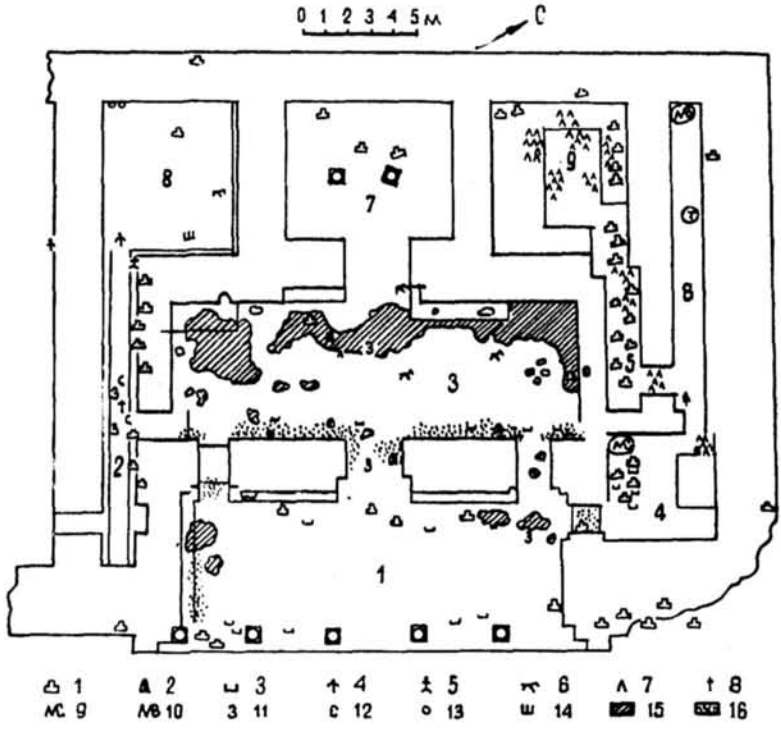

Рис. 42. Схема концентрации находок.

1—фрагменты зубцов; *2*—фрагменты антефиксов; *3*—фрагменты черепиц; *4*—терракотовые фигурки женщин; *5*—терракотовые фигурки мужчин; *6*—терракотовые фигурки коней; *7*—наконечники стрел; *8*—железный клинок; *9*—монета Сотера Мегаса; *10*—монета Васудевы I; *11*—мелкие золотые детали; *12*—фрагменты стекла; *13*—бусы; *14*—кусочки шелка; *15*—фрагменты глиняной скульптуры; *16*—труха опавшей живописи.

зала. Толщина его в пределах всего VIII яруса равна 50 *см*, нарастает до 1,5 *м* в южном и до 2,50 *м* в северном направлениях, где рухнувшие статуи чередуются с кусками сырцовых кладок с участков прикрепления этих статуй к стенам. В северной половине зала над скульптурным завалом обнаружен значительный (от 50 *см* до 1,50 *м*) слой разрушенных сырцовых кладок, местами — со следами истлевшей древесной трухи перекрытий. Далее — над всем зданием начинается слой неплот-

ной глины, разрыхленной влагой и корнями растений; над ним — дерновая рубашка.

Особая картина наблюдается в комнате *9*, в западной половине коридора *5* и в северной половине зала. Здесь бушевал пожар, который начался в комнате *9*,— видимо в ее юго-восточном углу, над суфой, где стены крайне прокалены. Над полом и над суфою этой комнаты на высоте от 1,5 до 2 *м* следует слой обгорелой глины вперемежку с огромным количеством древесного угля. Слой этот продолжается в коридоре *5*, постепенно ослабевая у начала коридора *6*, а также захватывает северную половину зала (над скульптурным завалом), откуда устремляется к проходу в айван, охватывает центральную часть айвана и сходит здесь на нет. Следовательно, пожар разыгрался в то время, когда скульптура в зале уже рухнула на пол. Начавшись в комнате *9*, в которой обгорели все балочные перекрытия, он перекинулся на перекрытие зала, откуда воздушная тяга, очевидно, увлекла огонь через дверной проем в айван, но в остальных частях дома он либо был затушен, либо сам захлебнулся и угас.

Обстоятельства этих губительных разрушений остаются неясными. Как уже отмечено, вся рухнувшая скульптура лежит в центре зала прямо на полу и лишь над ней отмечен горелый слой пожарища, хотя одиночные, мелкие угольки прослежены и под нею. Но следов обгорелости на самой скульптуре нет. Имело ли здесь место нарочитое ее разрушение и поджог дома? Если это так, то варвары, уничтожавшие здание, должны были сначала с систематической планомерностью сбить скульптуру, располагавшуюся в верхнем участке стен вместе с сырцовыми кладками, а затем устроить пожар. Но почему они при поджоге кордегардии не унесли оттуда полнехонькие колчаны стрел? И еще: обращает внимание, что на лицах статуй не видно преднамеренного разрушения, того глумления, которое рождает ненависть победителей. Их повреждения связаны лишь с падением наземь с большой высоты; у целых фризовых композиций, упавших на пол вверх фасом, сохранились нетронутыми лица горельефных фигур, которые столь легко можно было бы растоптать. Характерно также одностороннее падение скульптуры в восточном направлении. Не было ли здесь повинно сокрушительное землетрясение, сбросившее слабозакрепленную скульптуру, располагавшуюся вверху стен, а затем обрушившее на нее куски самих стен и перекрытия? При этом в комнате *9* мог вспыхнуть от горевшего светильника-чирага пожар, охвативший упавшее перекрытие и перекинувшийся на соседние участки. К разбору этих гипотез мы еще вернемся в связи с наблюдениями над скульптурой.

Как бы то ни было, функционированию некогда парадного здания был положен конец. Проходят века, руины оплывают, превращаясь в невысокий (до 3,5—4 *м*), окатанный бугор, который едва возвышается в заболоченном районе. Но на каком-то периоде он вновь привлекает к себе внимание в качестве холма, пригодного для небольшого кладбища (рис. 43). При раскопках было обнаружено 17 мусульманских погребений, опущенных до уровня VII—VIII ярусов на участках былых помещений и их стен и до IX—X ярусов в пониженной части айвана. Кроме того, в двух местах оказались захороненные в уровне V—VI и VI—VII ярусов кучки сильно истлевших черепов с небольшим количеством ко-

стей. Возможно, что это головы воинов, отсеченные в бою, или же людей, подвергшихся казни.

Что касается мусульманских погребений, то их продолговатые в плане могильные ямы, углубленные до 1,50 *м* от современной дневной поверхности, ориентированы осью с юго-востока на северо-запад; черепа обращены лицом на юго-восток, т. е. на кыблу. Никакого веще-

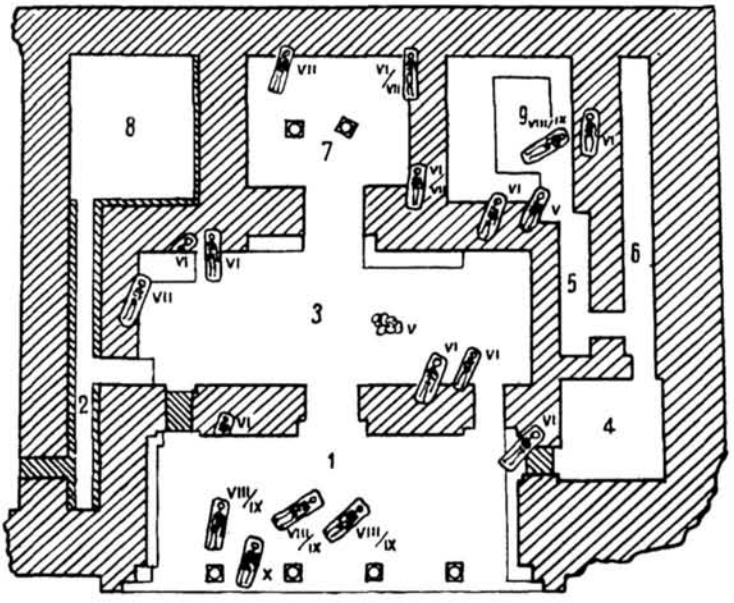

Рис. 43. План расположения могил. Римскими цифрами отмечены археологические ярусы.

вого инвентаря, как это и положено по правилам мусульманского захоронения, в могилах нет. На поверхности найдены единичные черепки средневековой неполивной керамики, иногда — с волнисто-гребенчатым орнаментом, широко распространенным в Средней Азии с середины I тыс. н. э. вплоть до наших дней. Таким образом, материала, уточняющего датировку этих погребений, не было получено — они могли принадлежать более чем тысячелетнему периоду закрепления ислама в области Саганиан.

Совершенно иным оказалось погребение, располагавшееся над комнатой *9*, в тех же стратиграфических уровнях, что и прочие могилы, и потому явно им современное, но радикально отличное своим обликом и содержимым[141]. Ориентация его следует строго с севера на юг. Покойник лежал на спине, прямо, головою на север, лицом вверх; руки его несколько согнуты в локтях, ноги раскинуты — первоначально они, очевидно, были согнуты в коленях. От тазовой части до колен земля перемешана с коричневатой трухой. Эта труха и поза скелета получают свое объяснение в связи со всем сопровождающим инвентарем. Ноги покойника вдеты в железные стремена, по обе стороны костяка в нижней его половине оказались многочисленные железные скрепы и мелкие бронзовые накладки. Находка деталей конской сбруи разъясняет упомя-

нутую выше коричневатую древесную труху — это остатки деревянного седла, может быть обтянутого кожей. Среди других предметов в погребении оказались орнаментированные дутые позолоченные бляшки, железные наконечники стрел, серебряная чашечка и монета.

Характер захоронения явно связан с кочевническими традициями азиатской степной среды. Уточнение в его датировку вносит монета, по определению М. Е. Массона, принадлежащая к безымянному монгольскому чекану начала XIV в. Указанной датировке вполне отвечает и состав предметов из погребения. Характерен комплект крупных железных наконечников стрел (рис. 44), лежащих единой кучкой лезвиями вверх и, очевидно, заполнявших кожаный, либо деревянный с кожаной обкладкой колчан, со временем истлевший так же, как и древки стрел. Из семи наконечников шесть черешковых, плоских, веслообразной формы с поражающей частью в виде чуть округленного плоского треугольника. Размеры их: длина от 8,5 до 10 *см* с черешком, от 6 до 7 *см* без черешка, ширина в наиболее расширенной у края части от 1,5 до 5,1 *см*, при почти плоском сечении. Один наконечник, также черешковый, но бипирамидальный, четырехгранный (1,3×1,3 *см* в наибольшем сечении, при длине без черешка 5,5 *см*, с черешком — 9,5 *см*).

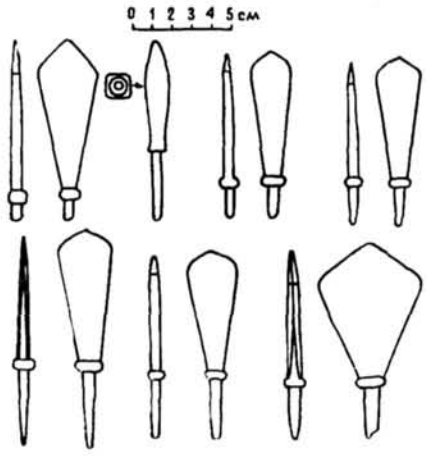

Рис. 44. Монгольское погребение XIV в. Наконечники стрел.

Аналогичные плоские, веслообразные наконечники стрел представлены в археологических памятниках XIII—XV вв. Сибири[142] и Северного Казахстана[143].

Весьма интересен в составе халчаянского погребения сбруйный набор (рис. 45). Стремена здесь (размеры 16 *см* в основании, 14 *см* по высоте), выкованные из единого с дуговой частью куска железа, имеют плавно расширяющуюся форму, широкую пластинчатую подножку и оставленную при ковке петлю для продевания ремня. В состав сбруйных приспособлений для скрепления ремней входили железные 6-сантиметровые кольца, полусферическая накладка (диаметр — 6,4 *см*) и многочисленные скобки.

У середины скелета обнаружены оловянные бляшки (рис. 46). Три из них представляют собой высокие (до 1,6 *см*) дутые круглые медальоны (диаметр —4,6 *см*) с двумя припаянными внизу петлями, через которые пропускался кожаный ремень (кусочки кожи прилипли вследствие окисления металла). Внешняя поверхность блях орнаментирована чеканом и позолочена. Они имеют форму восьмидольной розетки с петельками у стыка лепестков; на внутреннем, более возвышенном круге размещена гибкая фигурка зверя (как будто волка?). Изображение сильно стилизовано, тело зверя повторяет форму круга, уши загнуты внутрь наподобие рожек, глаза огромны. Три другие, очень тонкие, небольшие по

размеру бляшки (1,8—2 *см*), имеют нечеткую, благодаря облому краев, форму. На них представлена фигурка козла с поджатыми в позе прыжка ногами; вокруг — неопределенные выпуклые узоры в виде завитков.

Некоторые параллели для халчаянских бляшек дают орнаментальные мотивы серебряных сосудов восточного происхождения, которые Я. И. Смирнов определял „временем татарщины"[144]. Особенно близка орнаментация богато оформленной полусферической чашечки с Иртыша с восьмилепестковой рельефной отороченной розеткой, внутренние острия которой завершены выпуклыми трехдольными петельками, а в кругах на стенках чаши, наряду с типичными для XIV в. мотивами „лотоса" и летящей утки, есть изображение скачущего козла или лани среди рельефной, стилизованной листвы. Подобный же мотив можно видеть на чаше одного из белореченских курганов. А на дне чаши из бывшего Алмалыкского уезда имеется шестилепестковая, с рельефно отороченным контуром розетка, в которой представлен бегущий волк со стилизованным хвостом.

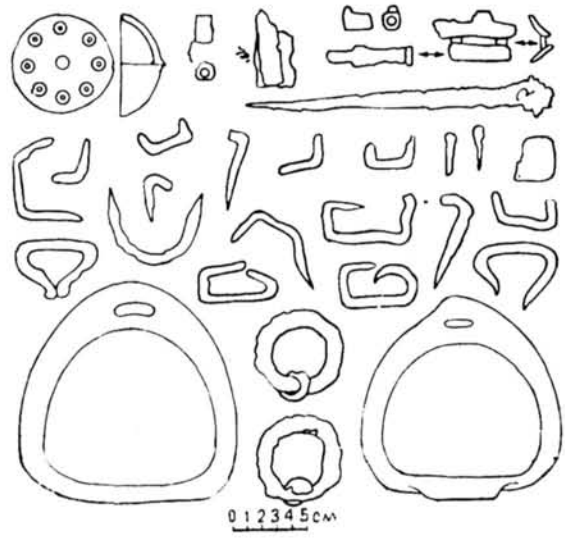

Рис. 45. Железные детали сбруйного набора из монгольского погребения.

Все перечисленные изобразительные мотивы взывают к «звериному стилю» полукочевых народностей азиатского северо-востока, хотя большинство из этих мотивов уже в предмонгольское время вошло, с определенной переработкой, и в орнаментальное искусство феодальных городов Средней Азии.

Серебряные накладки из халчаянской могилы скорее всего также служили оформлением сбруйного набора, либо украшали пояс усопшего.

В составе находок из погребения имеется еще один предмет — небольшая, полусферическая с уплощенным дном чашечка (диаметр — 7,2 *см*, высота —1,9 *см*). Своей формой и небольшими размерами она близка к упомянутой орнаментированной чашке монгольского времени с Иртыша[145]. Халчаянская чашечка изготовлена из серебряного сплава, со значительной добавкой меди, зеленый окисел которой целиком покрыл поверхность изделия. Благодаря окислению на чаше превосходно сохранился налипший на нее кусочек плотной ткани бурого цвета. Лабораторный анализ показал, что изготовлена она была из кенафа, но в отличие от современной кенафной ткани, имеющей грубую мешочную структуру с толстыми нитями, ткань из Халчаяна похожа на тонкую мату. Она могла принадлежать либо одежде покойника, либо специальному мешочку для чашки, которой владелец нередко пользовался на

пиру и брал с собою в походы, подвешивая на поясе. Изображения таких подвесных мешочков нередки на каменных балбалах.

Таким образом, датировка халчаянского погребения, по всем данным, восходит к эпохе монгольского владычества и уточняется, благодаря монете, началом XIV в. Сам же комплекс археологических предметов входит в тот цикл материальной и художественной культуры, смешанное существо которой складывалось в процессе отюречивания (по языку и обычаям) монгольских родов, осевших в завоеванных при Чингисхане областях Средней Азии — процесса, начавшегося еще ранее в коренных тюрко-монгольских областях.

В событиях завоевания Средней Азии монголами Саганиан не упоминается, но позднее земли его входили во владения потомков Джагатая[146]. Монгольское погребение из Халчаяна вносит любопытный штрих к характеристике оседания монголов в богатой долине Сурхана. Подтверждение того, что покойник из халчаянской могилы принадлежал к монгольской среде, дает его антропологическая характеристика. По данным В. Я. Зезенковой, череп его имеет четко выраженные монголоидные черты. То был могучий мужчина — почти двухметрового роста, широкий в плечах, с сильными костями и крупной головой.

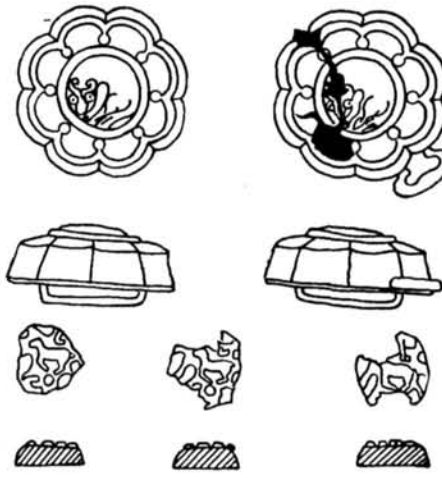

Рис. 46. Детали накладных украшений из монгольского погребения.

Что касается самого обряда захоронения, то языческий характер его вполне очевиден. Уже с глубокой древности у многих народов осуществлялись погребения воинов с боевым конем, либо с атрибутами кавалериста, при сохранении позы всадника — как переживание более древнего обряда захоронения с конем. В Средней Азии курганы с костяками, лежащими в подобной позе, известны уже с первых веков нашей эры в погребениях Лявандакского могильника на окраине Бухарского оазиса[147].

Есть историческое свидетельство, что монгольский правитель Баракхан, обладатель наследственного удела в Саганиане, лишь в конце своей жизни, зимою 1270/71 гг. принял в Ташкенте ислам[148]. Халчаянское погребение подтверждает, что какая-то часть его соплеменников, проживавших в долине Сурхана, еще в начале XIV в. придерживалась языческих верований и обрядов.

Данные о погребальных обычаях и обрядах в среде монгол очень скудны, и в этом отношении халчаянская могила дает реальное представление об определенном обряде захоронения, существовавшем при Джагатаидах на территории Мавераннахра. Показателем типичности его в среднеазиатской монголизированной среде служит могильный курган конца XIII — начала XIV в. в районе Пскента (Ташкентская область). Погребение произведено здесь в выдолбленном гробе-колоде,

опущенном в узкую могильную яму, вытянутую с севера на юг. Покойник был обращен головой на север и лежал на спине; в составе могильного инвентаря оказались монеты анонимного джагатаидского чекана конца XIII — начала XIV в., колчан, серебряная чашка, а в ногах — остатки седла[149]. Новое в этом захоронении — деревянный гроб, все остальные его особенности — ориентация, трупоположение, инвентарь здесь вполне совпадают с погребением в Халчаяне.

Помимо кладбища позднейший этап использования бугра X-I, образовавшегося на месте античного здания, отмечен возведением в его центральной части небольшой постройки с единственным помещением, выступающие торцовые стенки которого образовывали айван (видимо сводчатый). Стены, толщиною до 80 *см*, выведены из пахсы, основание их углублено в грунт, выстлано булыжником и кусками терракотовых зубцов и черепицы из разрушенного древнего здания. Вероятно, это был небольшой мазар или кладбищенская мечеть, давно покинутая и оплывшая почти вровень с холмом.

После XIV в. бугор больше уже никогда не использовался, если не считать устроенных на нем в недавнее время двух саманных ям.

Юго-западный дом (X-3)

Южная группа Ханакатепа вытянута в линию длинным, сплошным массивом (рис. 47). При первом взгляде возникает впечатление, что это единое строение типа городской стены. Однако значительная ширина гряды (в среднем до 20 *м*) и выделяющиеся поверху холмы и увалы позволяют также предполагать здесь цепочку шести — восьми примыкающих друг к другу домов. Решить окончательно этот вопрос могли лишь археологические вскрытия.

В осеннем сезоне работ 1961 г. на крайнем юго-западном участке гряды был поставлен разведочный раскоп (экспедиционный шифр X-3). Первоначально была заложена сквозная борозда, рассекавшая бугор с севера на юг, затем, после определения границ попавших в этот разрез стен, начата раскопка верхнего этажа на площади 250 $м^2$ и осуществлено углубление в нижний этаж в пределах комнаты, замыкающей западный конец постройки. Условная нулевая точка для вертикальных отсчетов ярусов, следующих через 50 *см*, взята на наивысшей западной части бугра.

Суммарный итог сделанных наблюдений сводится к следующему.

Бугор заключает остатки двухэтажного здания, насчитывающего три строительных периода (рис. 48). Здание имело мощные стены (порой превосходящие пролеты ограниченных ими помещений), толщиною 3 *м* с южной и западной стороны, 2,65 *м* — с северной. Стены сложены из сырцового кирпича размером 40×40×14 *см* (варианты толщины от 12 до 16 *см* — видимо в зависимости от заполнения съемной формы глиняной массой), на глиняном растворе. Все кирпичи несут на нижней постели знаки — клейма, проведенные пальцем. Поражает обилие типов этих клейм, насчитывающих до 25 видов, притом варьирующих в начертании. Помимо простых линейных мотивов (черта посередине, крестовина, диагональная линия, две перекрещивающихся диагонали, две либо три параллельных черты), имеются клейма, наподобие букв С, Т,

P, Z, D, Э, V, B, CK, S, X, и, наконец, еще более сложные фигурные изображения (рис. 49, 50).

От второго этажа сохранились лишь гребни оконтуривавших помещения стен и сырцовые забутовки, или отмостки под полами междуэтажных перекрытий. Западный край постройки замыкало узкое, длинное помещение 1 (7, 50 × 2 *м*). Перпендикулярно к нему с восточной стороны лежали отделенные стеной толщиною в 2,65 *м* две комнаты —*2* и *3* Комната *3* (южная) шириной 2,40 *м* в длину прослежена до 8,50 *м*, где стена идет на смыв. На каком-то этапе она была сплошь забутована таким же крупным сырцовым кирпичом. Комната *2* тянется от поперечной

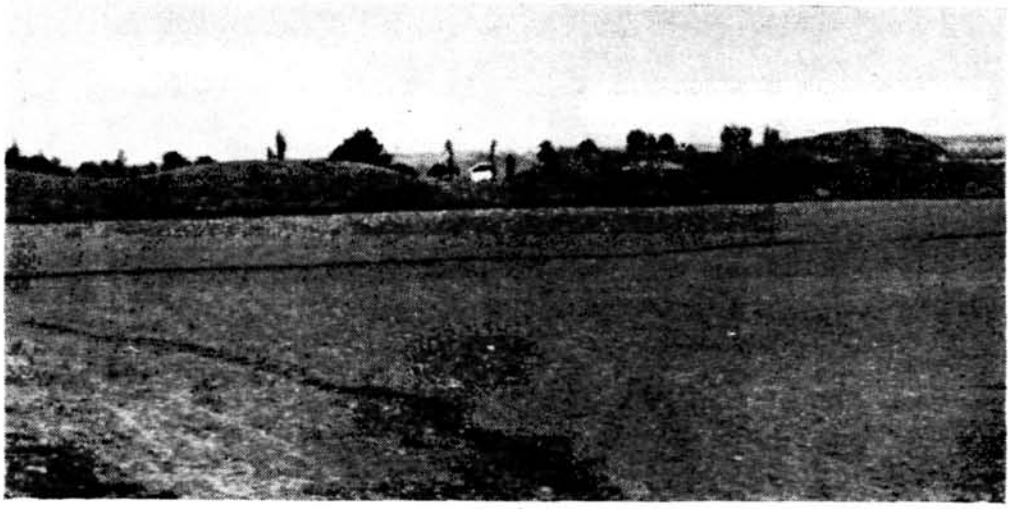

Рис. 47. Ханакатепа. Южная свита бугров.

стены на 3 *м* и образует здесь полутораметровый выступ, отмечающий проход в лежавшую к западу комнату *4*. К сожалению, холм далее смыт и проследить западные и южные границы указанных помещений невозможно. Кладка стен комнат *2* и *3* начинается на границе IV—V ярусов, ниже следует пахсовый забутовочный слой. Между тем пол комнаты *1* лежит в середине III яруса, т. е. на 75 *см* выше. Междуэтажное перекрытие над нижележащей комнатой *1 а* было основано на балках, заделанных до 30—40 *см* в толщу продольных стен; труха и куски истлевшего дерева доныне сохранились в гнездах и параллельными коричневыми следами отчетливо выступали при расчистке археологических слоев. Число балок (диаметром 16—18—20 *см*) равнялось восемнадцати. Потолок первого этажа был оштукатурен ганчем: куски обмазок, иногда повторяющих форму балок, обнаружены в завале.

Углубление в первый этаж комнаты *1 а* показало, что размеры ее те же, что и комнаты второго этажа. Обращает, однако, внимание сильная деформация контуров стен, имеющих заметное распучивание у середины, местами — смещение кирпичных рядов. Заложенный в южной половине помещения шурф был доведен до XII яруса (т. е. до 5,5 *м* от дневной поверхности холма и на 4 *м* ниже балок междуэтажного пере-

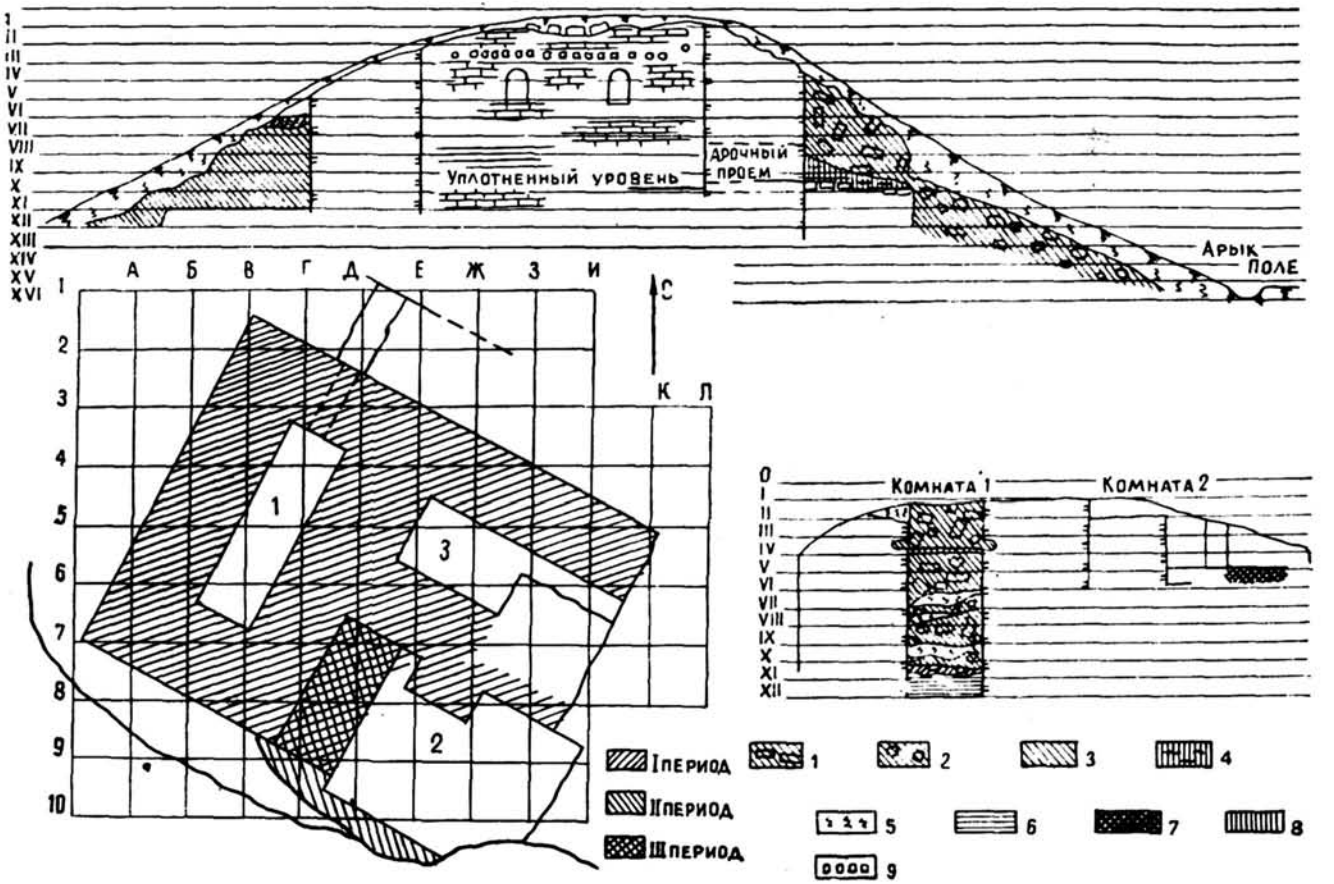

Рис. 48. Юго-западный дом (X-3). План, разрез по продольной оси комнаты *1* и поперечный разрез через комнаты *1* и *2*.

1—завал сырца; *2*—комковатый завал; *3*—плотный завал с кусками сырца, керамикой, галькой, *4*—слой глины с угольками, истлевшим камышом, керамикой; *5*—рыхлый слой; *6*—однообразная рыхлая земля; *7*—забутовка; *8*—слой истлевшего дерева; *9*—гнезда балок.

крытия), но опуститься до пола, лежавшего еще глубже, не удалось, так как резкие просадки стен грозили обвалом. На северной и на восточной стенах комнаты *1 а* было обнаружено два почти смежных арочных проема (рис. 51). Северная арка (расчищенная не только в интерьере, но и на внешнем фасаде) имеет пролет 72 *см,* высоту 1 *м*. Очертание кривой — полуциркульное. Выкладка осуществлена в два ряда. Клинчато

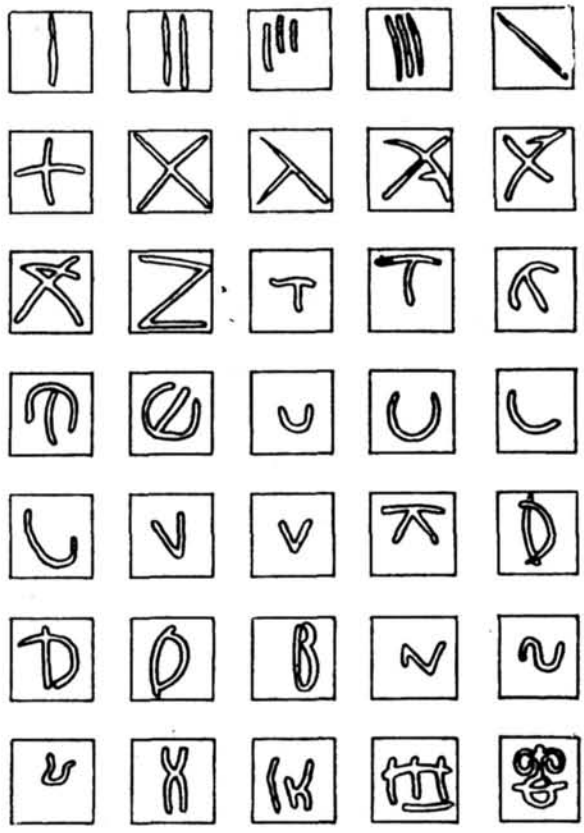

Рис. 49. Юго-западный дом. Клейма на сырцовых кирпичах I строительного периода; III—II вв. до н. э.

выложенные по радиусам кирпичи с треугольными разделительными швами образуют основную арочку; верхнюю половину ее дуги обнимает отрезок верхней разгрузочной арки, кирпичи которой выведены также радиально, но два кирпича у края уложены касательно к кривой, а далее следуют горизонтальные ряды. Восточный проем немного шире (84 *см*) при той же высоте и сходной конструкции нижней несущей и верхней разгрузочной арок. Прием кладки здесь несколько отличен: обе арочки выведены в верхней половине своей дуги радиальной выкладкой торцов кирпича, а в нижних участках — со свесом горизонтальных рядов. На одном из строительных этапов арки были плотно заложены кусками кирпича, между которыми попадаются керамические фрагменты.

Последний период существования здания отмечен радикальной пе-

Рис. 50. Юго-западный дом. Клейма на сырцовых кирпичах I строительного периода.

рестройкой комнаты *2*, когда впритык к ее западной стене выводят сырцовый забутовочный массив толщиною 1,10 *м*, оштукатуренный глиной, а уровень нового пола опускают до конца V яруса (т. е. на 1,20—1,30 *м* ниже пола второго этажа). Кирпичи этой закладки имеют размер 31×31×10 *см* и несут Э-образное клеймо, варьирующее по величине и начертанию (рис. 52).

Разведочная борозда, заложенная через весь бугор по оси комнаты *1*, выявила картину постепенного разрушения второго этажа, в результате чего образовался плотный завал комков сырца. На южном склоне завал идет равномерно вкось, но на северном — в расстоянии 2,80 *м* имеет крутой перепад. Здесь, на уровне основания арочного проема (в середине X яруса), отчетливо видна отмостка в два ряда сырца размером 40×40×14 *см* и 36×36×14 *см*. Она явно выделяет уровень какого-то пола, на котором накопились хозяйственные остатки — зола, кости животных, керамические фрагменты. Под этой отмосткой зафиксирована комковатая масса глин. Очевидно, этот уровень отмечает при-

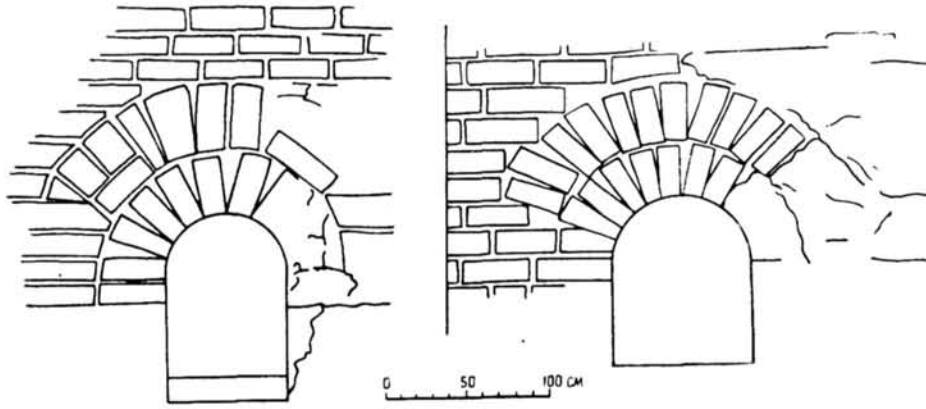

Рис. 51. Арочные проемы в северной и восточной стенах комнаты *1*.

мыкавший к зданию с северной стороны айван, или же продольный ряд одноэтажных комнат с каркасными стенами, от которых, в силу недолговечности конструкции, не осталось следа. Плоская крыша этих легких построек лежала в уровне полов второго этажа и могла использоваться обитателями дома, как это и доныне распространено на Востоке.

Стратиграфический разрез через комнату *1* показал, что в заполнении второго этажа и ниже балок междуэтажного перекрытия вплоть до середины VI яруса следует комковатый завал разрушенных сырцовых стен. Дальше картина меняется — здесь чередуются рыхлые слои то сероватой, сухой надувной земли, то мелкокомковатой глиняной массы — и так вплоть до X яруса, где выделяется уплотненный горизонтальный слой толщиною до 15 *см* с кусками кирпича и гальки. Под ним — однородная рыхлая глина, которая прослежена до начала XII яруса. Где-то еще ниже должен быть первичный пол.

Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений рисуется следующая картина периодизации в истории юго-западного дома.

Период I. Возведение двухэтажного здания с мощными стенами

из крупноразмерного сырца (40×40×14 *см*). Оно включало длинные, узкие комнаты (пока вскрыты комнаты *1* и *3*), значительные по высоте (до 5 *м*, если не более), с балочными перекрытиями и арочными проемами. На каком-то этапе своего существования здание было заброшено, в силу чего на полу комнаты *1* накопился значительный надувной слой.

Период II. В процессе нового обживания дома комнаты его не очищают от этих наслоений, но над скопившимся слоем утрамбовывают пол, а так как он лежит в уровне основания арочных проемов (из которых северный, во всяком случае, играл роль окна), то эти проемы наглухо закладываются кирпичом. По северному фасу здания устраивается

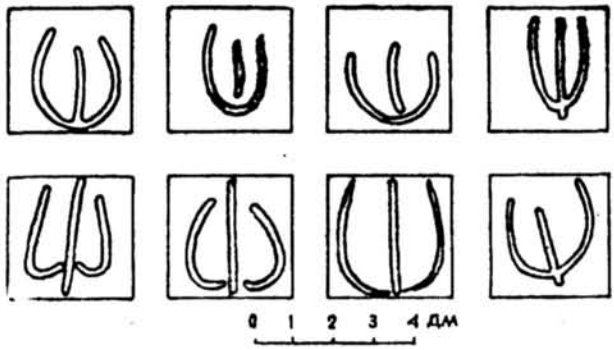

Рис. 52. Клейма на сырцовых кирпичах III периода; III в.

айван, или каркасная пристройка, где пол отмащивается сырцовым кирпичом размером 40×40×14 и 36×36×14 *см*. Тогда же комнату *2* во втором этаже частично заполняют кирпичной забутовкой из крупноразмерного сырца.

Период III. Отмечен перестройкой, во время которой возникает забутовочная стена в комнате *2*, сложенная из сырца 31×31×10 *см*. При последующем, уже окончательном забросе начинается процесс разрушения здания. При этом в комнате *1* первоначально накапливаются надувные слои, которые перемежаются с остатками внутренних разрушений, а ко времени, когда истлели балки междуэтажного перекрытия и были сильно размыты верхние участки стен, куски сырцовых кладок стали валиться внутрь помещения первого этажа.

В эту относительную периодизацию могут быть внесены хронологические уточнения, основанные на характере археологических находок — преимущественно фрагментов керамики, извлеченных из разных уровней.

Материалов, относящихся к I периоду, т. е. ко времени строительства и изначального обживания юго-западного дома, пока очень немного — для получения их необходимо опуститься к нижнему полу комнаты *1* и других еще невскрытых помещений. Тем не менее, извлеченные при разборке кладок стен (для выяснения клейм на кирпичах) отдельные мелкие керамические фрагменты довольно типичны. Подобные осколки тонкостенных бокалов и чаш очень плотного, красноватого черепка с красным ангобом, или серого (порой почти черного) черепка, нередко с черным ангобом, входят в комплекс бактрийской керамики III—II вв. до н. э. (Кобадиан, Балх[150]). Чрезвычайно интересна уникаль-

ная обезглавленная терракотовая статуэтка нагого атлета, найденная прямо в кладке между двух рядов кирпича, датировка которой восходит к III—II вв. до н. э. (см. рис. 106). Упомянутые керамические фрагменты попали в кладку, когда и сосуды, и статуэтка уже были разбиты. Но если они дают верхнюю возможную датировку, то отсутствие более поздних керамических типов позволяет считать III—II вв. до н. э. также и нижним пределом времени возведения здания.

II период, как уже отмечено, отделен временным забросом здания, на протяжении которого его стены и междуэтажные перекрытия не разрушились; таким образом, разделяющий интервал был едва ли значителен и исчислялся, может быть, пределами нескольких десятилетий.

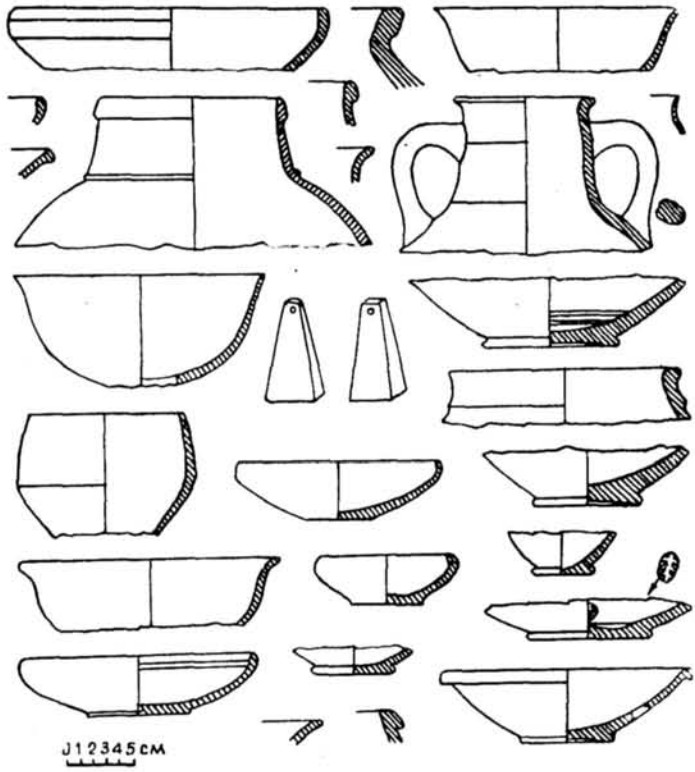

Рис. 53. Керамика II периода; I в. до н. э.—II в. н. э.

Обживание же дома вплоть до его последующей перестройки было довольно длительным. Керамический материал, сконцентрированный в основном над уровнем нового пола (в комнате *1* и за ее южной и северной стенами), очевидно, связан по преимуществу с последним этапом функционирования здания, но ряд фрагментов был извлечен из закладок арочных проемов, куда они попали при оформлении этого пола (рис. 53). Здесь отмечено значительное число (до 15%) сероглиняных фрагментов, в большинстве с черноангобным покрытием. Среди них преобладают крупные чаши — толсто- и тонкостенные. Толстостенные чаши (диаметр — 24—25 *см*) имеют плоское или чуть утопающееся к середине дно, плавно

отходящие от него, скругленные вверху очертания стенок, выпуклую или горизонтально срезанную закраину На одном из фрагментов у выгиба стенки ко дну сохранился овальный штамп с мотивом пальметки в овале. Тонкостенные сероглиняные чаши (диаметр — 20—24 *см*, сечение — 3—3,5 *мм*) имеют то слегка прогнутый наружу, то плавно закругляющийся внутрь край и плоский слегка рельефный поддон.

Преобладает, однако, керамика с черепком красноватого (ярко-кирпичного) цвета. В незначительном числе встречены покрытые плотным красным ангобом бокалы с тонкими стенками, почти прямыми у края и мягко круглящимися к массивному сечению при переходе к ножке. Многочисленны чаши диаметром 20—22 *см*, глубокие, округлые внизу, со спрямленными или чуть отогнутыми у закраины стенками, покрытые внутри и по краю снаружи ярко-кирпичным, не очень стойким, или же светлым (цвета лёсса) ангобом, а также чашки (диаметром 16—18 *мм*, высотой — 4,5 *см*), пологого профиля, с изогнутыми внутрь стенками, плоско срезанным дном или слегка рельефным поддоном. Сходен по

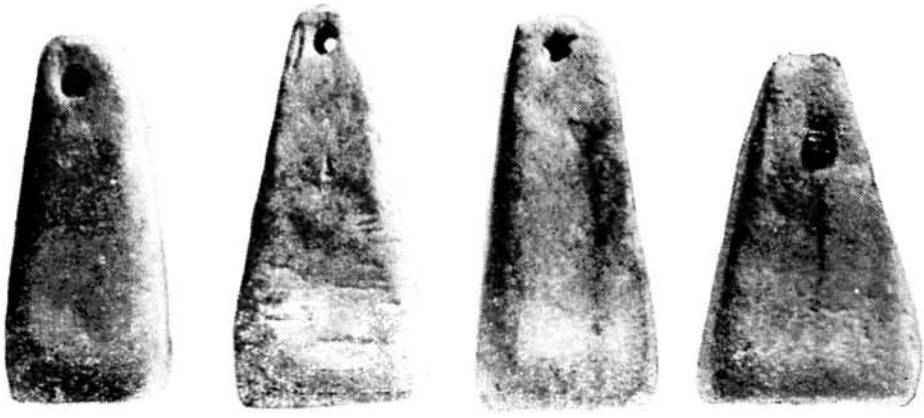

Рис. 54. Ткацкие грузила из комнаты *1* (II период).

форме с последними светильник-чираг (диаметр — 10 *см* вверху, 15 *см* в наиболее выпуклой части, при высоте 4 *см*) из светлой глины. Типичны кринкообразные кувшины с рельефной закраиной и несколько расширяющимся книзу горлом, с подчеркнутым отгибом при переходе к плечам. Сохранилась горловина двухручечного сосуда, покрытого грубоватым коричневым ангобом, с опускающимися к началу выгиба плеч овальными в сечении ручками.

Среди предметов, скопившихся над уровнем второго пола комнаты *1*, оказалось пять керамических ткацких грузил в форме высокой усеченной пирамидки, с просверленным еще до обжига в верхней части сквозным отверстием (рис. 54). Наклон граней крутой, варьирующий, размеры основания — от 3 до 3,7 *см*, высота — от 7,5 до 8,5 *см*, но вес почти одинаков — от 120 до 125 *г*. Извлечено также три небольших дисковидных терракотовых пряслица. Имеются две головки терракотовых коньков; одна из них выполнена в обобщенной манере, другая — с гравировкой (до обжига) различных деталей сбруи. Характерны находки в этой

комнате значительного числа бараньих астрогалов для доныне излюбленной узбекскими мальчуганами игры в «ашички».

Аналогии для керамических типов и форм описанного комплекса дает керамика типа Кобадиан-III (I в. до н. э. — I в. н. э.)[151]. Там также преобладают красноглиняные, но встречаются и сероглиняные, черноангобированные изделия. Среди посудных форм характерны глубокие тарелки со штампиками в виде пальметки[152], сходного сечения чаши[153], двухручечные кувшины, впрочем несколько иной профилировки[154]. О пальметтообразных штампиках в кушанской керамике Бактрии уже говорилось выше.

Итак, датировка II (наиболее длительного) периода обживания здания устанавливается в пределах I в. до н. э.— I в н. э., может быть

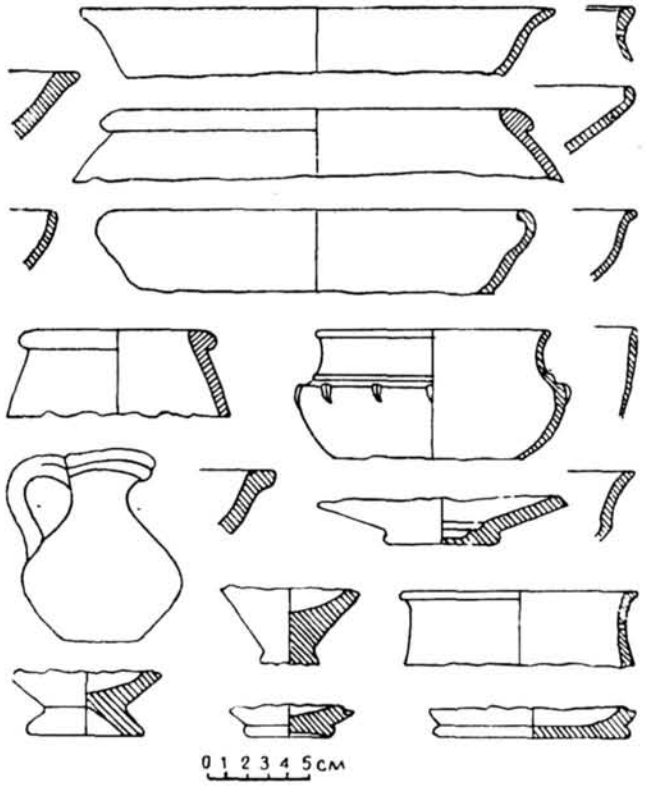

Рис. 55. Керамика III периода; III—начало IV в.

он захватывает и несколько более поздний отрезок времени (по II в. н. э. включительно).

III период в истории Юго-западного дома характеризуют фрагменты, извлеченные из верхних археологических слоев заполнения еще функционировавших в это время помещений второго этажа (рис. 55). Черепок их — преимущественно цвета лёсса, или рыжевато-коричневого «кирпичного» тона. Керамическая масса плотная, иногда мелкопористая, порой — с добавкой мелкого речного песка. На внешней поверхности нередко нанесен ангоб такого же кирпичного или лессового цвета

В составе сосудов кухонные горшки, большие и малые, с утолщенной закраиной и пузатым туловом. Другой тип небольших горшков — с прямым или выемчатым срезом по краю (для крышки), вогнутой по очертанию плечевой частью, плавно переходящей к выпуклому тулову; нередко у закраины высверлены еще до обжига отверстия для продевания шнура. Имеются фрагменты чаш с загибом закраины внутрь; донца их — то плавно утоняются к середине, то имеют перелом профиля на внутренней поверхности, то представляют род пологой конической подставки.

Описанные керамические типы принадлежат к категории тех форм, которые имели долговременное распространение в кушанской керамике Тохаристана. Из сосудов более индивидуального характера отметим два. Один из них сохранился полностью (высота — 10 *см*, максимальный диаметр — 8 *см*). Это небольшой энохоевидный кувшинчик с подтреугольным устьем, несколько утяжеленным книзу туловом, чуть выпуклым дном и овальной в сечении ручкой. Фрагмент другого сосуда дает графически восстанавливаемую форму широкого кратерообразного сосудика (диаметр горловины — 11,5 *см*) с выгнутой шейкой, выпуклым туловом, круто уходящим к несохранившемуся дну; у плеч имеются налепные рельефные миндалевидные шишечки. Черепок обоих сосудов плотный, желтоватый (цвета натурального лёсса), ангоба на поверхности нет.

Энохоевидные сосуды сходного типа встречены были при раскопках Хайрабадтепа, у стены сложенной из сырца 32 × 32 × 10 *см*, на полу помещения, датировка которого определяется находкой позднекушанских и раннесасанидских монет III—IV вв.[155]. Примечательно здесь совпадение не только данной керамической формы, но и размеров сырцового кирпича — такого же малоформатного, как в позднейшей закладке комнаты *2* на последнем этапе существования самого юго-западного дома.

Небольшие сосуды энохоевидной формы сохраняются в приамударьинских районах в V—VI вв. (красноангобированные образцы из Балалыктепа)[156], а в Согде — вплоть до VII в. — таковы, например, миниатюрные (3—5 *см* в диаметре) сосудики из Пянджикента[157]. Однако появление этой формы, как видим, восходит еще к позднекушанскому времени. Небольшие энохоевидные кувшинчики со сферическим (еще не столь утяжеленным книзу) туловом встречены в Бегараме в слое Беграм-II (II — середина III в., по классификации Р. Гиршмана)[158].

Что касается второго из описанных нами сосудов, то очень близкую параллель ему дает подобный же горшочек из Беграма, найденный при раскопках так называемого «базара» Беграма в кушанском слое. Он имеет вогнутую широкую горловину, сильно выпуклое тулово, оформленное у плеч налепными миндалевидными шишечками и небольшой петлеобразной ручкой (вероятно, такая ручка была и на описанном халчаянском сосуде)[159].

Близкие по форме (но без налепов) некрупные кратерообразные горшочки оказались также в разведочных зондажах древнего Балха, на границе слоев Бактры-II (кушанская эпоха) и Бактры-III (сасанидское время)[160].

Таким образом, приведенный материал определяет датировку по-

следнего периода перестроек и использования здания Юго-западного дома в пределах III — начала IV в. н. э.

Теперь о назначении здания. Если при внешнем осмотре высокая, изолированная южная гряда бугров Ханакатепа воспринимается почти как фортификационное сооружение, то раскопки этого не подтверждают. Предположению этому противоречит планировка вскрытых помещений, отсутствие башен и бойниц. Но особенно характерен археологический инвентарь, в составе которого нет ни ядер, ни стрел, а преобладает исключительно бытовая керамика, грузила для ткацкого станка, детские игрушки — лошадки и ашички. Здесь занимались женским трудом, здесь пребывали дети. И если учесть замкнутый быт женщин той поры, можно высказать предположение, что южная группа в застройке Ханакатепа являла род изолированного «гарема» — в виде свиты капитально отстроенных, двухэтажных смежных домов, где проживали жены и дети многих поколений владетелей Халчаянской округи и их отпрысков и где пребывала многочисленная обслуживающая челядь, рабы и рабыни.

Западный дом (X-2)

Расположенный в западной части Ханакатепа объект исследования (рис. 56) привлек наше внимание своим изолированным положением, что давало основание увидеть остатки целостного, довольно значительного по размерам сооружения, причем находки на склоне холма двух

Рис. 56. Ханакатепа. Холм X-2 (Западный дом). Вдали Байсунский хребет.

фрагментов антефиксов позволяли думать о его парадном архитектурном оформлении.

До начала работ вытянутый с юга на север бугор рисовался крутым силуэтом, нарастающим к середине. В плане он имел как бы Т-образную форму, с плавно скругленными выгибами углов и небольшим, обращенным к востоку выступом. Длина его в оплыве у подошвы достигает 60 *м*, ширина — 30 *м*, в средней части — 45 *м*, максимальная высота центральной части от уровня прилежащих хлопковых полей — 8 *м*. Крутой западный скат, образующий строго прямое направление,

имел примерно на середине своей высоты отчетливый уступчатый перепад, как бы выделяющий линию внешней стены, наличие которой было затем подтверждено раскопками.

Первоначально от середины холма нами была заложена разведочная борозда шириною 1,5 *м*, протянувшаяся с запада на восток на 22 *м*. За нулевую отметку была принята наивысшая точка холма, от которой

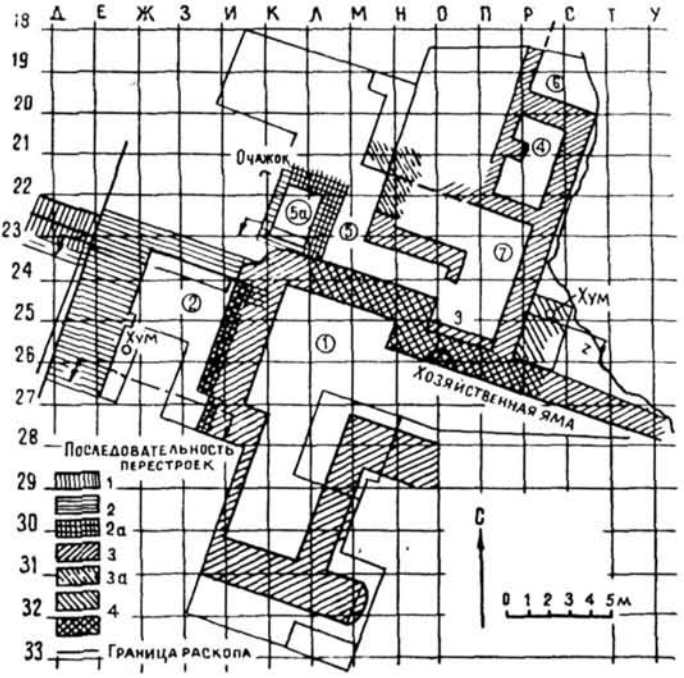

Рис. 57. Западный дом. План вскрытых помещений.

велся отсчет полуметровых ярусов. Борозда дала четкий стратиграфический разрез, рисующий картину археологических наслоений, позволила сразу же уловить в разрезе остатки трех параллельных стен и заключенных между ними помещений, а также определить глубину заложения наиболее древних кладок, уходящих на 3,5 *м* ниже уровня хлопковых полей. Свита культурных слоев и здесь еще не кончалась, но дальнейшее вскрытие пришлось остановить, так как проходящий рядом арык делал небезопасными последующие углубления.

После того наверху, в уровне выявленных отрезков стен, раскоп был расширен на площади свыше 500 $м^2$ (рис. 57), с сохранением в этих пределах контрольных останцов. Большие объемы земляных работ пока не дали возможности полностью вскрыть объект.

Раскопки выявили чрезвычайную сложность стратиграфической картины, отмечающей несколько хронологических периодов и этапов застроек и перестроек (рис. 58). Суммарная характеристика их приводится ниже.

Период I. В шурфе, заложенном на западном краю холма на уровне XXI—XXIII ярусов т. е. на 10,0—11,5 *м* ниже верхней реперной

точки), обнаружена грань оштукатуренной стены с белой обмазкой. Несколько выше, на рубеже XXI—XX ярусов, отмечена горизонтальная белая смазка, уходящая в толщу холма, которая выделяет уровень какого-то древнего пола. Выше следует на 2,50 *м* (XX—XVI ярусы)

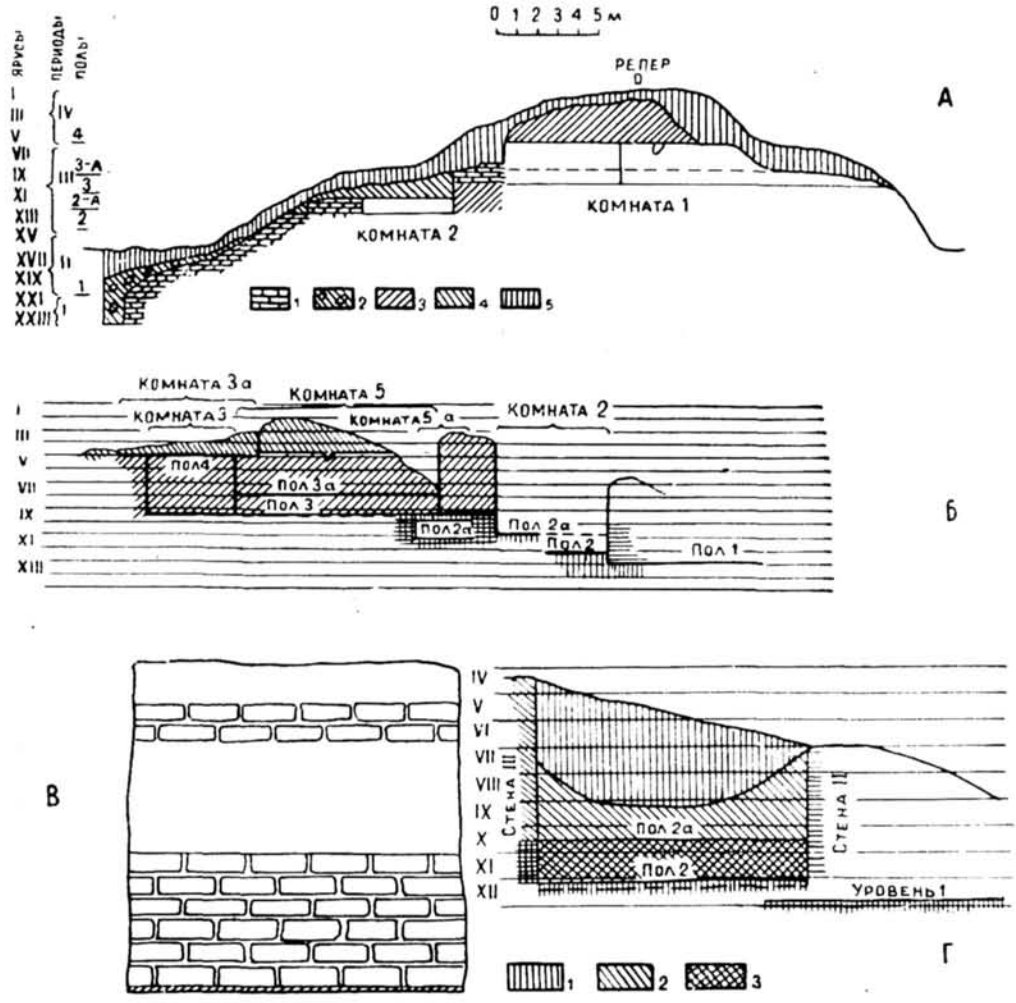

Рис. 58. Западный дом

А — разрез через холм по линии запад—восток (*1* — сырцовая кладка; *2* — плотный слой с кусками сырца; *3* — пахса; *4* — слой средней плотности с включениями кирпича, ганча, керамики; *5* — рыхлый слой под дерновой рубашкой). *Б* — разрез через комнаты *3, 5, 2* со взглядом на юг, с показанием уровней полов. *В* — прием комбинированной кладки сырца и пахсы; *Г* — поперечный разрез через комнату *2* со взглядом на юг (*1* — рыхлый завал; *2* — плотный завал; *3* — забутовка между полами).

массив кладки из квадратного сырца размерами 31—32 × 13—14 *см*, принадлежащий либо стене, либо платформе древнего здания.

Период II. Эту кладку сменяет монолитная, очень плотная кладка какого-то сооружения из сырца 36 × 36 × 14 *см*, ряды которого перемежаются истлевшими прослойками камыша, оставившими четкие белесоватые следы. По-видимому, камыш вводился для предотвращения

подтягивания почвенных солей, которые доныне являются бичом в обильных водою низменных районах правобережья Сурхандарьи. Кладка следует до 2,50 *м* по высоте (XVI—XII ярусы), образуя общую платформу для возведенного на ней крупного здания.

В сооружении и эксплуатации постройки установлено два этапа (II и IIа). Первоначально на платформе из того же сырца 36 × 36 × ×14 *см* выводятся ее стены — в частности вся длинная стена западного фаса и северная стена помещения. Они оштукатурены в интерьере толстым слоем (до 15—20 *см*) глины с включениями дробленых фрагментов керамики, костей животных, мелкой гальки и покрыты легкой ганчевой побелкой. Пол, лежащий в середине XII яруса, смазан плотным слоем желтоватой глины (3,5—5,0 *см*). В процессе раскопок удалось оконтурить на 7,5 *м* по длине западную стену помещения *2*, которая по высоте сохранилась до 2,0—2,5 *м* и на 4,5 *м* по длине его северную стену, которая уходит под более позднюю кладку восточной стены.

Этап IIа отмечен заметным на 70—75 *см* выше первоначального повышением пола комнаты *2*. В процессе перестроек в этом уровне возникает комнатка *5а* (размеры 2,60—1,85 *м*) с глинобитными стенами, покрытыми глиняной штукатуркой. Новый пол лежит над забутовкой из комковатой и рыхлой глины, с дроблеными фрагментами керамики, зольными остатками и пр. Пол этот местами сохранил булыжную отмостку и глиняную смазку; булыжник уложен довольно плотно в восточной части комнаты *2*, более разреженно — в ее середине и в комнате *5а*.

Период III — один из основных в истории изучаемого объекта; разделяется на два хронологических этапа (III и IIIа). С ним связано возведение крупного капитального здания и его долговременное обживание. Старое сооружение частично преобразуется в платформу для нового, для чего срубаются и уходят под новый пол стены комнатки *5*, но сохраняется и функционирует внешняя западная стена и ограниченные ею помещения западной группы. При этом между вновь выстроенными комнатками и западной группой возникает значительный перепад уровней полов.

Перестройка осуществляется по совершенно новому плану, но с сохранением прежней ориентации осей. Материал стен — сырцовый квадратный кирпич 35—36 × 35—36 × 12—14 *см* толщины (преобладающий размер 36 × 36 × 14 *см*). На снятых и перевернутых кирпичах южной стены комнаты *1* обнаружен повторяющийся знак в виде двух проведенных посредине параллельных черт. Сохранность стен различна: от 50 *см* на южном участке до 2,50 *м* в центральной группе. Наиболее сохранившаяся стена между комнатами *1* и *5* выведена комбинированной кладкой: внизу 6 рядов сырца, затем на 80 *см* ряд отличной, плотной пахсы, далее два ряда сырца и опять 30 *см* пахсы. Стены массивные — 1,80—2,00 *м*, перегородки до 1,30 *м*.

С третьим периодом связано появление комнат *1, 3, 4, 5, 6, 7* (см. план), и, очевидно, некоторых других, пока невскрытых. Функционирует несколько измененное по ширине помещение *2* и, вероятно, весь ряд следующих за ним комнат западного фаса, сохранивших свой прежний, отмеченный булыжной отмосткой пол. Пол же новых комнат, выделяющийся плотной глиняной смазкой, перекрывает стены и забутовки прежних помещений II периода и лежит выше старого на 60 *см* (в IX

ярусе). В комнате *4* отмечены остатки первоначальной штукатурки с ганчевой побелкой по глино-саманной подготовке. В небольшой комнатке *3* в завале над полом были обнаружены ганчевые обмазки потолка, повторяющие форму упавших балок, а также остатки истлевшего камыша, входившие в систему перекрытия. Несомненно, балочными были и перекрытия более крупнопролетных помещений *1, 2, 5*. К III периоду относится оформление карнизов дома фигурными черепицами-антефиксами, два фрагмента которых были обнаружены на склонах бугра, а два — прямо в завале у западной стены. Здесь же найден фрагмент зубца-мерлона. Таким образом, в оформление дома входил парапет, видимо, так же как во дворце сочетавший зубцы и антефиксы, хотя орнаментальное оформление щитков у последних и было отличным.

Здание функционирует длительное время, над полами накапливается культурный слой, и на хронологическом этапе III *а* происходит некоторая его перестройка. При этом в комнате *4* по обветшавшей ганчевой побелке наносится толстый слой глиняной штукатурки, а в комнатах *3, 5* и *7* появляется новый пол, лежащий на 60 *см* выше первого (на границе VII и VIII ярусов); возникают небольшие, глинобитные, с глиняной оштукатуркой перегородки. Новый пол в комнате *5* выстилается жженым кирпичом — тонкоплиточным, сравнительно хрупким; размеры его 30 × 30 × 3 и 31 × 31 × 3,5 *см*. Кирпичи сохранились лишь местами, так как были расхищены еще в древности, очевидно на следующем периоде обживания изучаемого объекта; мы встречаем их не только *in situ* на полу, но и в вышележащих оплывах более позднего здания.

Вплоть до конца периода III а в комнате *2* сохраняется более древний, отмеченный булыжной вымосткой пол. Несомненно, что в западную группу комнат вел особый вход, так как перепад между их полами и полами средней группы теперь уже достигал 1,20—1,30 *м*.

Период IV. Большой дом приходит в упадок, его капитальные стены оплывают, сохраняясь по высоте лишь до 2,50 *м*, а местами и менее (в южной части комнаты *1* — до полуметра). На руинах средней, наиболее возвышенной части здания осуществляется нивелировка (до 1,70 *м* выше кирпичного пола *3а*), создающая горизонтальную строительную площадку, на которой возводится небольшой дом. Стены его сложены из пахсы — то комковатой, выполненной из старых, разрушенных кладок, то плотной и однородной; на одном участке (над северной стеной комнаты *3*) виден отрезок стены из сырца 36 × 36 × 8—9 *см*. Все пахсовые кладки крайне оплыли и потому план верхнего дома уже невосстановим; лишь в южной части удалось оконтурить комнату *3а*, лежащую над прежней комнатой *3*, но иную по своим размерам (3,20 × × 4,80 *м*). Над полом ее след пожарища — сплошной слой обгорелого потолка.

После гибели этого последнего здания бугор больше не использовался, если не считать устройства лет 20 тому назад в его южной части халчаянскими жителями саманных ям.

Такова относительная периодизация, выявленная наблюдениями над стратиграфией объекта. Она хронологически уточняется на основе изучения археологических комплексов, зажатых в разновременных стратиграфических уровнях. Учитывая возможность перемещения ряда фрагментов из нижних слоев в верхние (переброшенных при перестройках, либо попавших в кладки более поздних стен или в засыпки под

полами), фиксируем внимание преимущественно на тех группах керамических фрагментов, которые в слоях нижележащих не встречаются.

Для выяснения I и II строительных периодов потребуются дополнительные, более широкие раскопки нижних слоев бугра, так как на вскрытом участке выразительных фрагментов, которые давали бы характерные формы и типы керамики, пока не получено. В забутовку между полами *1* и *1а,* как уже было сказано, попали лишь мелкодробные черепки. Они не дают отчетливых форм, за исключением нескольких маленьких конусовидных (сплошного сечения, а не полых) донец от бокаловидных сосудов. Черепок этих фрагментов плотный, красноватый; на поверхности — коричневый, но чаще — светлый ангоб. Встречаются также кусочки сероглиняной керамики.

Над вымощенным булыжником полом *2а* в комнате *2* собрано значительное число фрагментов, но так как помещение это функциони-

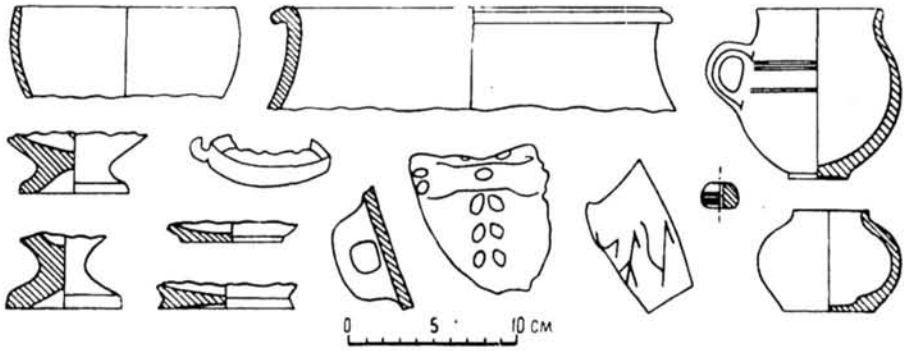

Рис. 59. Западный дом. Комплекс керамики, извлеченной между полами *3* и *3а* в комнате *5*; II—I вв. до н. э.

ровало вплоть до конца периода III а, то они могли скорее всего принадлежать этому последнему этапу ее эксплуатации.

Отчетливо предстает керамический комплекс III периода, который хорошо зажат между двумя полами 3 и 3 *а*. Здесь преобладают фрагменты очень плотного красноватого или коричневого черепка с красноангобным покрытием; значителен процент сероглиняных фрагментов, иногда покрытых жирным черным ангобом. Основная масса изделий выполнена на гончарном круге. Среди характерных форм — тонкостенные бокалы или вазообразные чаши на небольших в виде полого конуса ножках.

Встречено свыше десятка кусков зернотерок (толщиной до 10 *см*), очевидно, попавших в качестве забутовочного материала при подготовке пола 3*а*.

Приведем описание характерного комплекса керамики (преимущественно тонкостенной), сосредоточенной на одном из участков комнаты *5,* прямо на полу 3 (рис. 59). Он включает стенки красноглиняных, красноангобированных бокалов плавного очертания, широких вверху, конусообразно сходящих к основанию и имеющих донца в виде небольшого, полого конуса; сходные с предыдущими по типу, или же слегка рельефные, более широкие донца сероглиняных, черноангобированных чаш;

изящный красноангобированный горшочек со слегка отогнутым краем, шаровидным туловом и округлой ручкой; миниатюрный, приземистой формы горшочек (черепок его коричневатый, с большой добавкой песка); верхние части горшков с клювовидной закраиной или с мягко отогнутым краем, покрытые двусторонним коричневатым ангобом; плоские донья крупных горшков и слегка рельефное донце небольшого горшка; миниатюрный лепной светильник, листовидный в плане, с почти прямыми бортиками и крючковидно приподнятой ручкой, сохранивший остатки жирной копоти; фрагмент светлоангобированной лепной крышки с большой добавкой кварца в глине — имеет вертикальную ручку с округлым просветом, на крышке и на ручке сделаны округлые вмятины; фрагмент тонкостенного, с двусторонним красным ангобом остракa (рис. 35), на котором выгравировано три раздельных буквенных знака остроугольного очертания (целиком из них сохранился лишь один Ч-образный); терракотовая курильница, оформленная человеческими фигурками (о ней см. стр. 229, рис. 107).

Датировка керамического комплекса III периода определяется сравнительными данными. По своему составу он близок к этапу Кобадиан-II (III — II вв. до н. э.)[161]. Комплекс наш также характеризуется сосуществованием керамики красноглиняной (с красным или коричневым ангобом) и сероглиняной (с серым и черным ангобом). Для нее присуще высокое качество черепка, тонкость сечения, изящество форм, изготовленных по преимуществу на гончарном круге. Видное место здесь занимали чаши на полой конической ножке или на рельефном поддоне, а также бокалы на небольшой конически полой ножке. Сходные с ними ножки красноангобированных бокалов можно указать в раннекангюйской керамике Хорезма (IV—II вв. до н. э.)[162]. Там же находит себе аналогию и миниатюрный сосудик[163]. Прямую параллель формам бокалов дает краснолощеный бокал из докушанского Балха[164]. Лепные, орнаментированные крышки появляются в Бегараме, в докушанском слое Беграм-I[165]. Особого внимания заслуживает остракa. Письмо его сходно по манере начертания раздельных, угловатых буквенных знаков с надписью, выгравированной на хуме из нижних горизонтов Кой-Крылган-калы, которая датируется IV—II вв. до н. э.[166] Среди археологических находок периода III следует отметить также терракотовую фигурку обнаженной богини, извлеченную из завала разрушенной стены, типологически восходящую к изделиям II—I вв. до н. э. (см. стр. 87 сл., рис. 103).

Вполне согласуются с приведенными датами и приемы строительной техники Западного дома. Выведение стены путем чередования сырцовых кладок и пахсовых рядов известно в оборонительных сооружениях Кей-Кобад-шаха (III—I вв. до н. э.)[167] и в первоначальных стенах Карабагтепа, сооруженных не позднее III—II вв. до н. э. (см. ниже, стр. 100 сл.). Косвенную датировку дают также находки зернотерок, при отсутствии еще ручных жерновов, применение которых в Средней Азии отмечается лишь в первых веках нашей эры.

Следовательно, по археологическим данным можно датировать основной, III строительный период в истории Западного дома пределами II—I вв. до н. э.

Период IIIа характеризуется весьма значительным числом керамических фрагментов. Некоторые из них взяты прямо на полу с кирпич-

ной отмосткой, другие извлечены в завалах, заполнявших помещения *2, 3, 5, 7* (рис. 60, 61).

Черепок сосудов плотный, но уже не столь тонкий, как в предыдущем комплексе. Цвет его розоватый (тон сандалового дерева) или же «кирпичного» оттенка. На внешней поверхности нередко светлый ангоб (цвета лёсса), довольно нестойкий, отслаивающийся, реже ангоб красный или коричневатый. Керамика сероглиняная исчезает. Сечения несколько толще, грубей, чем в предыдущем комплексе.

Состав сосудов весьма широк, но бокалы среди них довольно редки. Характерные формы — бокал с почти вертикальным вверху резервуаром и выпуклым переломом при переходе к конически сходящимся ко дну стенкам; крупные чаши: а) плавно-выпуклого профиля вверху, почти конусовидные внизу, видимо на конусообразных ножках, найденных отдельно, б) с откинутым бортом, плавно округленными вверху и отлогими внизу стенками, на такой же ножке; на внутренней поверхности и по борту нередко наносится в одну линию орнамент „волны"; на одном экземпляре — небольшие горизонтальные ручки; в) конические чаши с треугольной закраиной; невысокая лепная миска с плоским дном, низким бортом и ручкой (или двумя?); горшки с прямым дном, широким туловом, выпукло-округлой или подтреугольной в сечении закраиной. Некоторые горшки имели горизонтальные ручки (округлые в сечении) — витые либо гладкие, иногда с налепной лепешкой вверху для упора пальца и с вмятинами в местах прикрепления к тулову. Кринкообразные кувшины, чаще всего одноручные, с невысокой, профилированной горловиной, имеющей выпуклую закраину, нередко горизонтально срезанную для установки крышки; тулово кувшинов широкое, яйцевидное, дно прямое; крышки для горшков или кувшинов — плоские, круглые, лепные, иногда с вертикальной ручкой и вмятинами на поверхности (на одной из крышек имеется тамговидный Х-образный знак); пряслица (рис. 62—63): а) плоские, округлые, с отверстием, выточенные из пришедших в негодность сосудов, б) биконические, с тонкой профилировкой концентрическими линиями. Найдены два пирамидальных терракотовых грузила (рис. 21, 63).

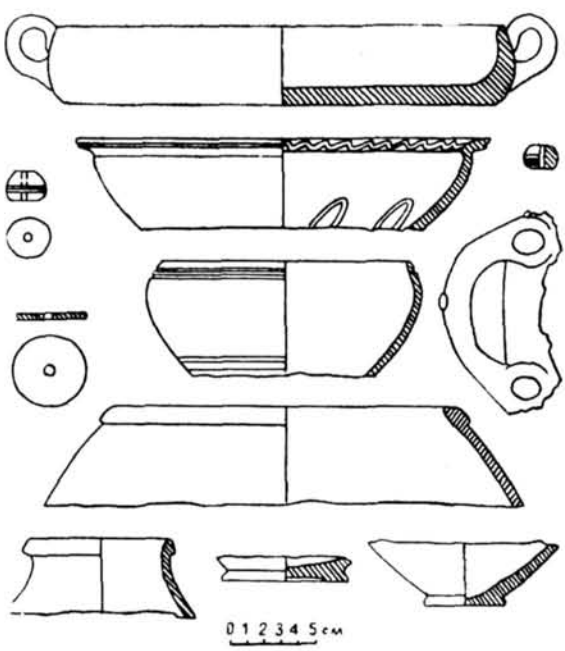

Рис. 60. Комплекс керамики, извлеченной над полом *3а* в комнате *5*; II в. н. э.

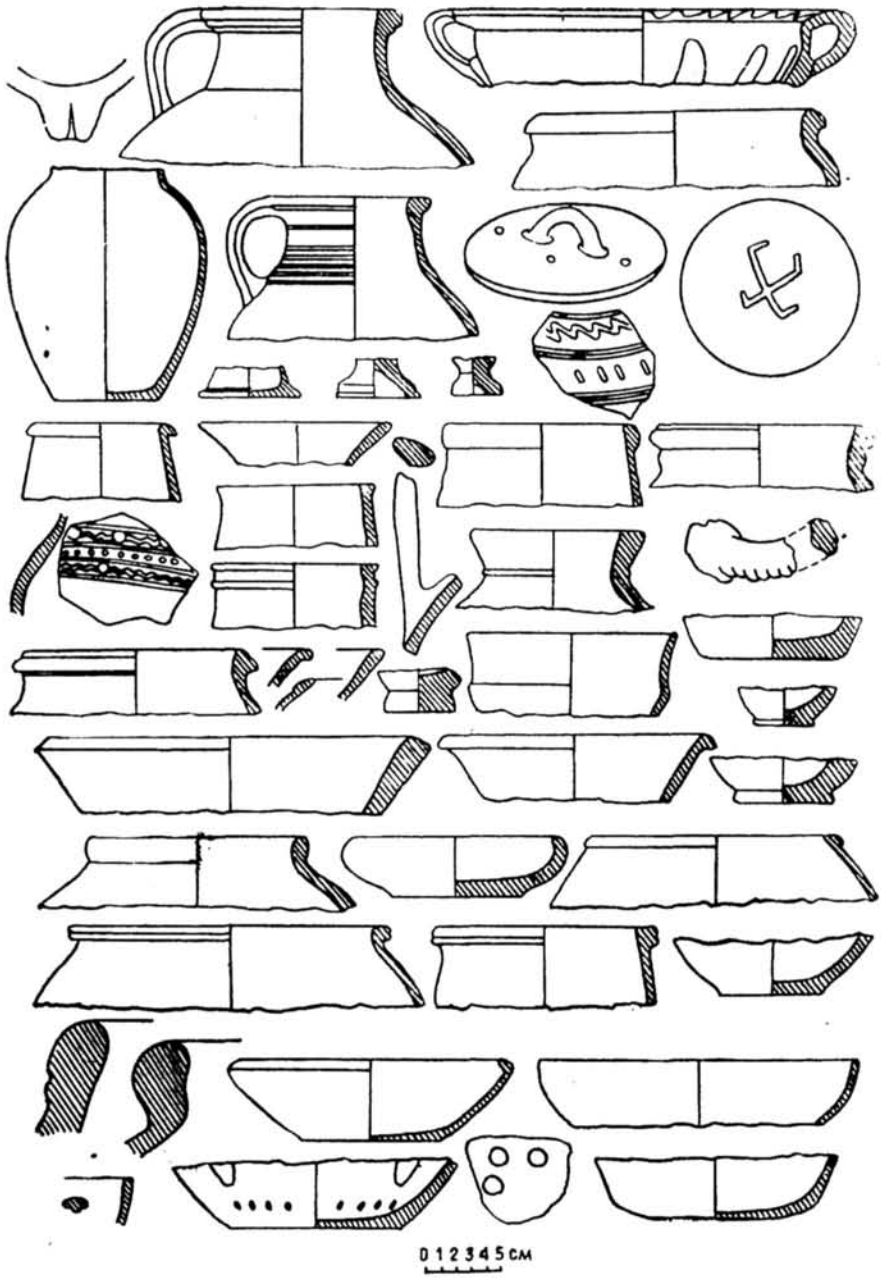

Рис. 61. Комплекс керамики периода III*а*; II в. н. э.

На некоторых фрагментах, принадлежащих плечикам горшков или кувшинов, имеется орнаментация, выполненная палочкой, в виде концентрических полосок, волнистой линии, округлых или овальных нажимов.

Ряд посудных форм из данного комплекса имеет большую общность с кушанской керамикой Айртама (I—III вв.). В их числе — бокал со слегка надломленной стенкой, конические чаши-миски, кувшины с профилированной, плоско срезанной закраиной, орнаментальные мотивы из волнистых и концентрических линий[168].

Наиболее близкие аналогии дает керамика из слоев Кб-IV (II в.) и отчасти Кб-V (III—IV вв.). Существенное отличие лишь в том, что если в Кобадиане, где в эту пору также исчезает сероглиняный черепок, до конца кушанской эпохи преобладает красноглиняная керамика с

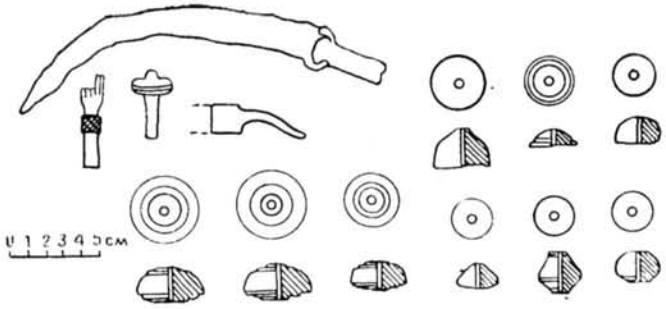

Рис. 62. Фрагмент костяного стиля, каменные и терракотовые ткацкие грузики (период III*а*); железный серп и фрагмент ножа (период IV).

красно- и коричневоангобным покрытием, то в нашем комплексе цвет черепка сандаловый и кирпичный, а ангоб преимущественно светлый, хотя встречается и красно-коричневый. Очевидно здесь сказались локальные отличия в развитии керамической индустрии Кобадиана и Саганиана. Но зато совпадение многих посудных форм вполне очевидно. Для позднекушанских слоев Кобадиана также характерны чаши с отогнутым бортом, оформленные волнистым орнаментом, иногда — с двумя ручками; кувшины с аналогичным нашим профилем горловины и закраины (но там они преимущественно двухручечные); горизонтальные ручки котлов (гладкие и витые), профилированные закраины слегка расширяющихся книзу горловин, волнистый орнамент на плечах горшков[169].

Сошлемся также на появление витых горизонтальных ручек котлов в парфянской Селевкии, в слоях I—II вв.[170]

Круглые крышки-лепешки (но без ручки) типичны для раннего кушанского комплекса хорезмийской керамики (I—II вв.). Именно в этот период в Хорезме получают наибольшее распространение и разнообразие типы одноручных кувшинов. Очень характерно здесь также появление отлогих, светлоангобных мисок с плоским дном и почти вертикальным бортиком[171].

Терракотовые биконические пряслица, вообще говоря, имели широкое распространение в античном мире. Они, между прочим, встречены в слоях Каунчи-II под Ташкентом (I—III вв.)[172].

Заслуживают упоминания найденные в комнатах *2, 4, 5, 7* в накоплениях над полами полусферические поделки из молочно-светлого камня с просверленным отверстием и концентрической профилировкой поверхности (рис. 62). Может быть это пуговицы мужского костюма, но скорее всего грузилки, употреблявшиеся женщинами в ткацком деле. Находки аналогичных каменных поделок очень многочисленны в жилых помещениях II—III вв. квартала мукомолов античного Мерва[173].

В слое Ш-а были найдены два фрагмента антефиксов, относящихся к III строительному периоду и оказавшихся здесь уже в пору заброса и разрушения здания (см. стр. 136, рис. 80).

Среди прочих находок следует отметить терракотовую кушанского типа фигурку мужчины в кафтане и широких штанах, датировка которой восходит ко II—III вв. н. э. (см. стр. 227, рис 107, *1*).

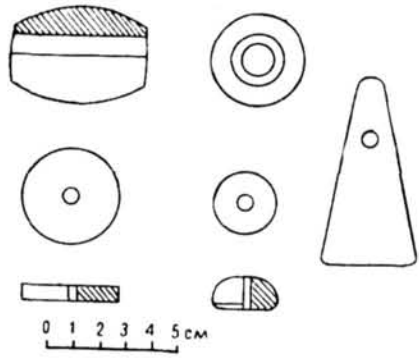

Рис. 63. Ткацкие грузила: период IIIа; II в.

На полу помещения *2* найдена часть костяного стиля (рис. 62), заостренный конец которого отломан, а противоположный завершен человеческой ручкой со сжатыми тремя пальцами и вытянутыми, сомкнутыми двумя — большим и указательным. Предметы этого рода очень широко представлены в составе археологических находок в Средней Азии — в Нисе[174], Мерве[175], Хорезме[176], причем многие из них увенчаны изображением человеческой руки. В литературе они чаще всего фигурируют как «заколки» или «шпильки». Между тем, эти прямые, гладко отполированные, заостренные на одном конце, недлинные костяные палочки непригодны для «закалывания», так как они выскользнут и из волос женской прически и из петель одежды. Вероятнее всего, — это орудия письма — те стили, изображения которых имеются уже на краснолаковых греческих вазах и в римской живописи[177]. Прямую аналогию им дают древнерусские писáла, найденные при раскопках в Новгороде[178]. И может быть, советским археологам надлежит, используя выразительное русское слово, вернуть его к жизни при описании этих предметов, нередко находимых при разведках или в процессе раскопочных работ. Такого рода костяные писáла найдены были и при археологических работах в правобережной Бактрии. На городище Хайрабадтепа они связаны со слоем I в. н. э., датируемым монетами Нерона, Сотера Мегаса и Кадфиза II[179]. Встречены они также в сако-парфянских и ранне-кушанских (не позднее I в. н. э.) слоях Сиркапа в Таксиле[180], в ранне- и позднекушанском Беграме[181] и на кушанском по времени городище древнего Хорезма Аяз-кала[182].

Приведенный выше круг основных аналогий устанавливает датировку описанного археологического комплекса в его целом в пределах эпохи Великих Кушан, точнее — с конца I по III в. н. э. Для описанной керамики свойственно, так же как и для иных историко-культурных провин-

ций среднеазиатского мира этого времени, некоторое снижение технологических качеств черепка и утрата былого изящества, но наряду с тем большое разнообразие самих посудных форм.

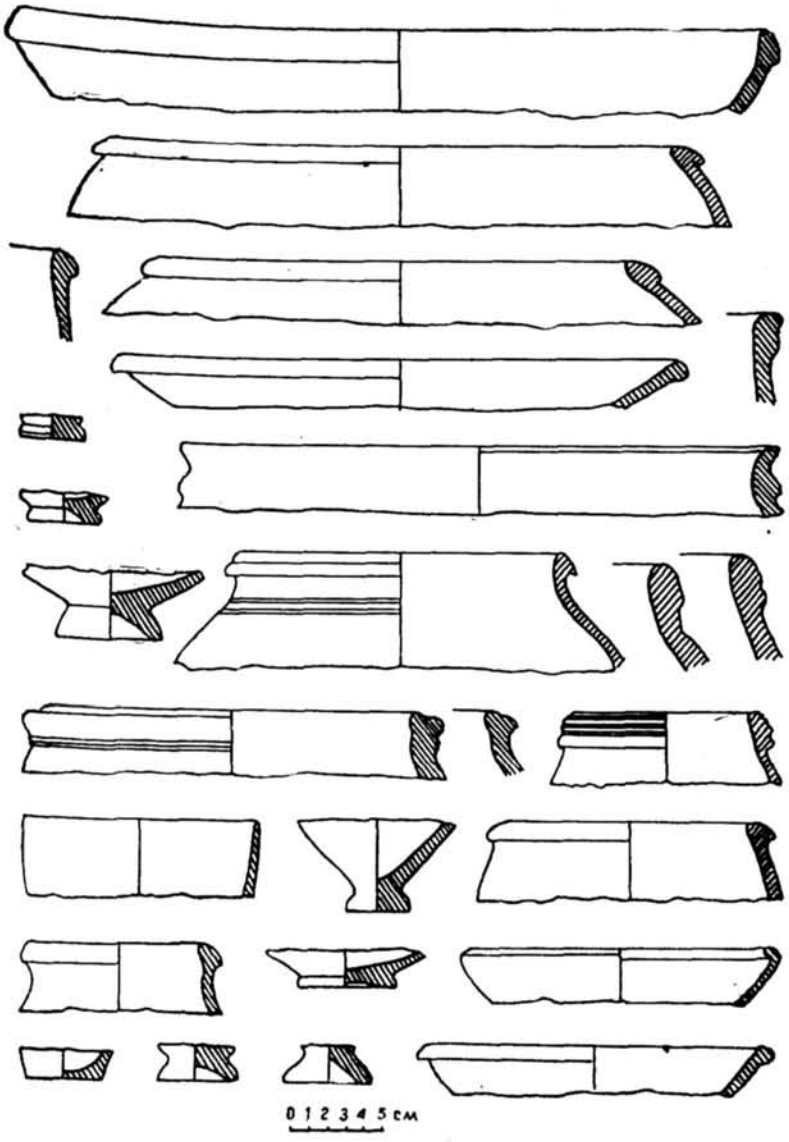

Рис. 64. Фрагменты керамики из комнаты *2*; последний период ее обживания — III—IV вв.

Окончательное уточнение датировки дают две монеты чекана Хувишки (II в.), найденные на полу комнаты *7*. Они определяют, очевидно, последний этап обживания дома до его запустения. Для IV периода характерна керамика, сохранившаяся лишь в самом верхнем горизонте центральной части холма (над комнатой *3*) и в верхних накоплениях

комнаты *2*. Мелкие фрагменты керамики из этих накоплений (рис. 64) дают рельефные, иногда сложно профилированные закраины горшков и кувшинов, утолщенные наружу или внутрь закраины чаш, сплошные или конически полые донца бокалов (в общем малочисленные). Черепок изделий рыхловатый, «кирпичного» цвета; сосуды либо безангобные, либо со светлым, изредка с коричневым ангобом.

Характерен археологический комплекс, сконцентрированный в перестроенном помещении *3а*. Он включает шесть разбитых каменных ручных жерновов диаметром 30—35 *мм* (с отверстием посредине) и фрагменты двух крупных, сильносработанных каменных зернотерок шириною — 30 *см*, толщиной — 10—18 *см*, при первоначальной длине до полуметра (рис. 65). Найден небольшой железный серп или нож для под-

Рис. 65. Куски зернотерок и жерновов из верхнего строения; период IV, III—IV вв.

резки винограда; судя по размерам (длина его, вместе с рукоятью, достигает лишь 20 *см*), можно предположить именно это его назначение[183]. Здесь же обнаружена целая группа раздавленных хумов (рис. 66). Они имеют яйцевидную форму, широкое горло (диаметр — 25—30 *см*), прямое днище, разнообразного вида венчики с округленно-утолщенной, либо мягко профилированной закраиной. Черепок — кирпичного или лессового цвета, снаружи — светлый ангоб. Под горловиной одного из хумов — оттиснутый до обжига знак (в виде «очков»), на другой горловине, сохранившей след ручки, имеется гребенчатый орнамент.

Прямых данных для датировки полученного комплекса у нас немного. Пользуясь методом исключения, мы должны отметить, что аналогий в среднеазиатской керамике раннефеодального периода (VI—VII вв.) данные хумы не имеют (хумы Пянджикента, афригидского Хорезма[184]). «Очковидный» знак на хуме нередко встречается в сарматской керамике еще на рубеже нашей эры[185] и предстает в виде пары завитков в «сарматоидных» культурах Средней Азии I—III вв.[186] По качеству же черепка и характеру ангоба хумы из верхнего слоя Халчаянского Западного дома близки к описанным сосудам, извлеченным из нижележащего кушанского слоя Ш-а; длительного перерыва в развитии керамической технологии здесь явно не было. Важным индикатором является сосуществование каменных ручных жерновов и зернотерок, при явном преобладании первых. Аналогичное явление отмечено в античном Мерве (Гяур-кала) в верхнем стратиграфическом слое квартала муко-

молов, хорошо датирующемся сасанидскими монетами III— начала IV в.[187] Эта дата может быть принята и для верхнего археологического комплекса халчаянского здания.

На основе произведенных исследований главнейшие этапы истории объекта рисуются в следующих чертах.

Первоначально (не позднее III—II вв. до н. э.) здесь существовало какое-то крупное сооружение. Оно пришло в упадок и во II—I вв. до н. э. было частично преобразовано в платформу вновь возводимого большого здания, а частично (в западной части) включено в его плани-

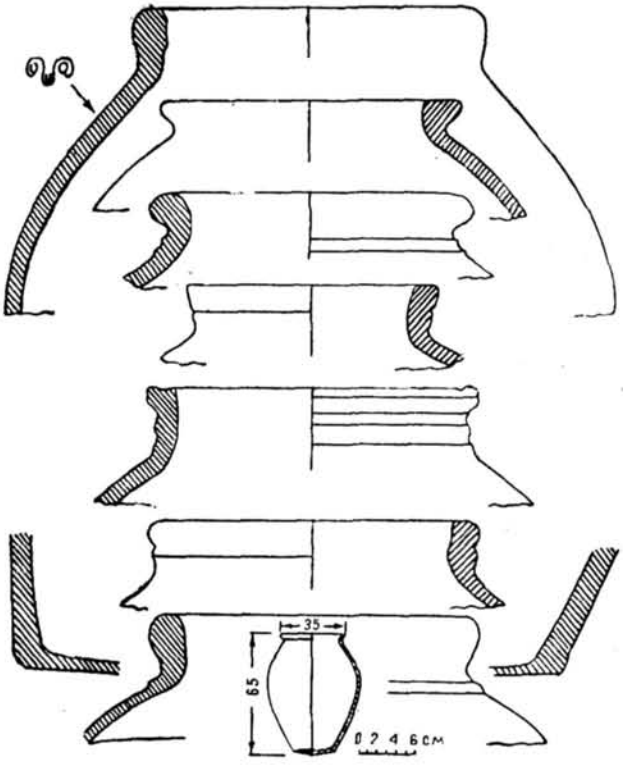

Рис. 66. Фрагменты хумов из верхнего помещения; период IV, III—IV вв.

ровку. Судя по характеру архитектуры и по типу бытового инвентаря, то был крупный, изолированно расположенный дом жилого назначения, принадлежавший, очевидно, знатной и обширной семье местного рабовладельца. После долговременного обживания здание было подвергнуто некоторым реставрациям, но сохраняло до II в. включительно те же свои бытовые функции. Вслед за тем оно приходит в упадок, разрушается, погребая себя оплывами собственных стен. И лишь после некоторого интервала (спустя по крайней мере несколько десятилетий) на центральном, наиболее возвышенном участке бугра осуществляется нивелировка и возводится небольшой пахсовый дом. В нем проживала сельская семья, выращивавшая на окрестных землях хлеб, может быть

и виноград, и изготовлявшая с помощью ручных жерновов и зернотерок муку, запасы которой сохранялись в хумах. Дом был предан огню, очевидно, во время вторжения завоевателей и погиб вместе со всем халчаянским поселением еще до середины I тысячелетия нашей эры.

Карабагтепа

В целях выяснения вопросов, связанных с фортификацией античного Халчаяна, в 1962—1963 гг. были поставлены раскопы на двух участках городища Карабагтепа — на западном склоне у северо-восточного угла (К-II, рис. 67) и на северном участке предполагаемого главного въезда у середины западного фаса крепостной стены (К-I).

Вскрытия (рис. 68) подтвердили, прежде всего, что территория Карабагтепа была обведена массивной крепостной стеной, что укрепле-

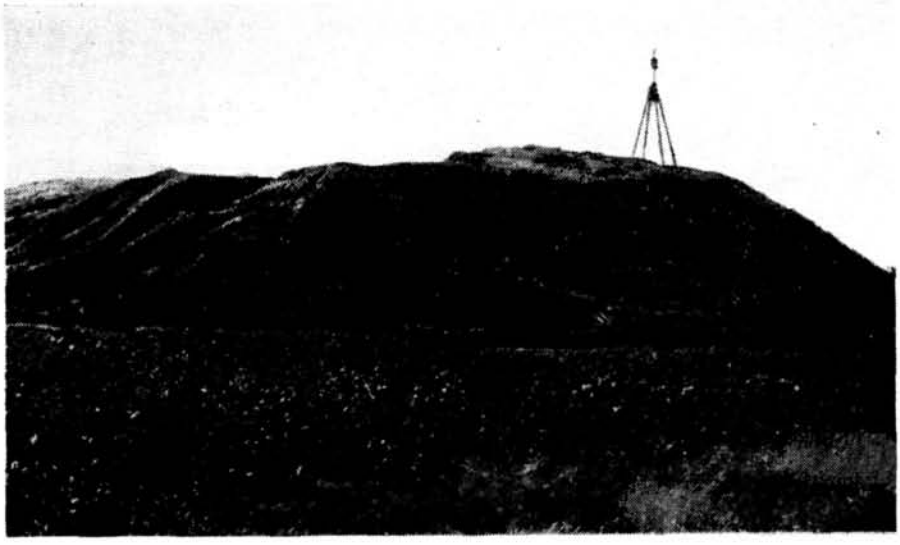

Рис. 67. Карабагтепа, юго-восточный угол. Археологический разрез К-II.

ния эти восходят целиком к античной эпохе и насчитывают три основных строительных периода, последний из которых, пожалуй, следует именовать ремонтно-восстановительным (рис. 69).

Первоначальная крепостная стена уходит в своем основании почти на 2 *м* глубже уровня примыкающих хлопковых полей и даже ниже ложа современного арыка, тянущегося вдоль вала. Раскоп К-I показал, что ее фундамент был опущен в обширный котлован, предназначенный одновременно и для опоясывавшего крепость рва. Фундамент выведен из сырцового кирпича (40—41 *см* в стороне квадрата на 10—12 *см* толщины) и достигает по высоте 80 *см*. На нем покоится кладка собственно стены и охватывавшей ее с юга и с запада невысокой (1,10 *м*) барьерной стенки, сложенной из сырца 44 × 44 × 12—15 *см* и выступавшей на 1,30 *м*. Основная стена состоит из рядов пахсы, из которых третий и четвертый, считая снизу, разделены прокладкой (в два ряда) сырцовых

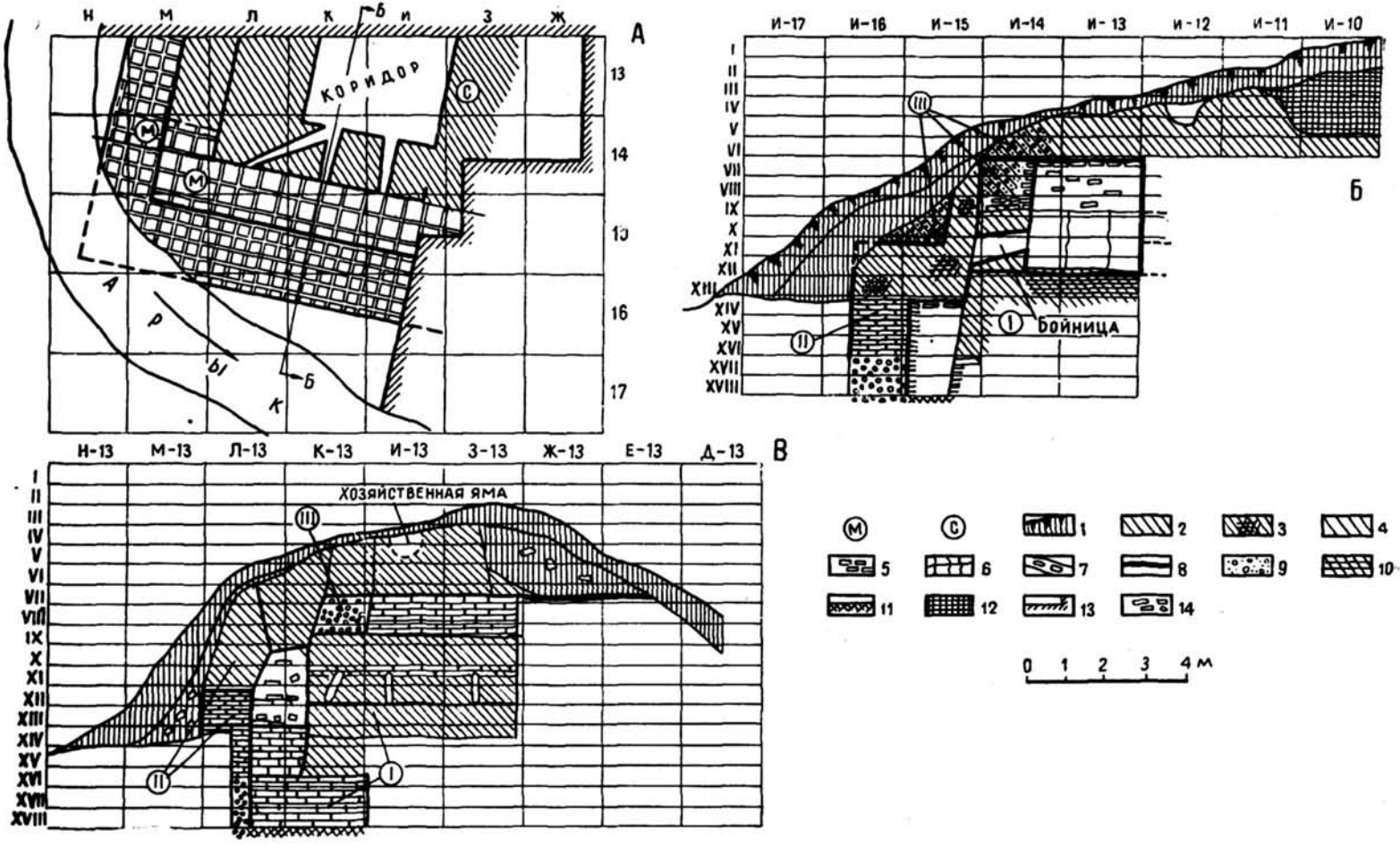

Рис. 68. Карабагтепа. Раскоп К-I. *А*—план; *Б*, *В*—разрезы.

М—монета; *С*—скелет; *1*—рыхлый слой земли; *2*—пахса средней плотности с примесью галечника; *3*—очень твердая пахса; *4*—пахса; *5*—кладка из сырца, *6*—стена из пахсовых блоков; *7*—вымостка из галечника; *8*—зольный слой; *9*—галечник; *10*—уплотненный слой земли; *11*—материк; *12*—пахса XVI в.; *13*—граница раскопа; *14*—забуговка из целого и кусков сырца; I—основная античная стена; II и III—перестройки кушанского времени.

кирпичей указанного размера. Пахса превосходного качества, из чистой, плотно утрамбованной глины. Ряды пахсы (75—80 *см* по высоте) разделены надрезами на блоки (до 1,10 *м* по ширине). Наружная грань нижнего ряда, образующая цоколь со скосом, выше кладки отвесна. В третьем ряду пахсы по южному фасу устроены бойницы — две прямых и третья косая; размеры их 75 *см* по высоте, 25 *см* по ширине, перекрытие — прямое, образованное вышележащим рядом сырцового кирпича. Внутри, за линией этих бойниц, оказалась дозорная камера для стражи, охранявшей ответственный участок фортификации города — крепостные ворота. Пол камеры лежал в уровне пола внешнего барьерного отступа, на 75—80 *см* ниже бойниц, которые по существу обеспечивали лишь подошвенный обстрел врага. Верхних кладок первоначальной стены, где, очевидно, по западному фасу следовали ряды бойниц, не сохранилось.

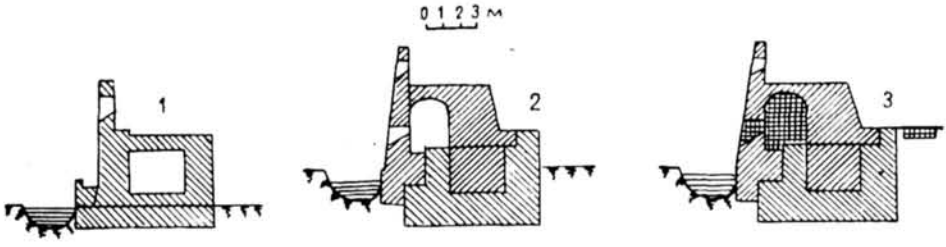

Рис. 69. Реконструкция привратного укрепления (разрезы с запада на восток).
1—II в. до н. э.; *2*—конец I—II вв. н. э.; *3*—конец II—III в н. э.

Ширина дозорной камеры равна 3,10 *м*; второй размер ее из-за значительного объема трудоемких земляных работ пока не определен. По той же причине нельзя пока сказать, располагался ли далее на всем протяжении стены стрелковый коридор, одиночные камеры или же здесь тянулась лишь стрелковая площадка.

Новый период радикальной перестройки стены отмечен существенным изменением ее конструкции. В эту пору первоначальное крепостное ядро, сохранившееся по высоте на 3,40 *м*, считая от фундамента, попадает как бы в сплошной футляр. Дозорную камеру заполняет рыхлый мусор и над остатками ее выводится семь рядов сырцового кирпича размером 32—33 × 32 × 33 × 10 *см*, реже — 35 × 35 × 10 и 30 × 30 × × 10 *см*; на кирпичах имеются клейма — в виде диагональной линии, скобки, двух вмятин пальцами, наподобие греческой буквы «лямбда». В основании древней стены, примерно до уровня середины расчищенных нами бойниц, выводится обкладка шириной 1,38 *м* с западной стороны и 1,80 *м* с южной из сырца 32 × 33 × 12 *см*. К этому времени ров был сильно затянут по дну (до 1 *м*) галечником и песком, подобно тому, как и доныне заносит ложа халчаянских арыков бурная Сурхандарья, из которой поступала вода и в древний ров. На этой-то песчано-галечной основе былого рва выведена упомянутая сырцовая обкладка, ставшая как бы цоколем для возведения на ней сплошного (без членения на ряды) пахсового массива. Пахса плотная, но не столь чистая, как пахса первоначальной стены, — в ней замешаны фрагменты керамики, костей и другие археологические остатки. Внешняя грань пахсы идет со значительным откосом (до 80°). В массиве этой новой пахсовой стены, на

высоте 3 *м* от первоначальной подошвы, устраивается стрелковое помещение шириною 2,30 *м*; по-видимому, здесь располагались бойницы, которые не сохранились, так как верхние участки западного фаса сильно оплыли. Перекрытие стрелковой камеры (или галереи) было балочным. В какой-то период оно сгорело, в силу чего на полу, имеющем уступчатый перепад (видимо, для удобной позиции стрелков у стены), лежит сплошной горелый слой.

Общая толщина стены Карабагтепа после перестройки уже достигла в основании 8 *м*. С внутренней стороны крепости в это время к стене примыкала какая-то постройка. Она впоследствии погибла при пожаре, случившемся незадолго до окончательного заброса укреплений Карабагтепа, когда предвратная часть его крепостной стены и прилежащих изнутри строений претерпели разрушения. На последнем этапе существования стены верхнюю стрелковую камеру забутовали комковатой глиной с обильным включением речной гальки, черепков керамики и пр. Вероятно, забутовочная масса бралась прямо из рва — таким путем одновременно осуществлялась и его очистка. Стена превратилась уже в сплошной массив — обстрел осуществлялся, очевидно, лишь с гребней. Но вскоре после заключительного ремонта крепостные сооружения Карабагтепа были навсегда покинуты, начался многовековый процесс разрушения, запечатленный слоями оплывших, разрыхленных кладок и натечно-надувными прослойками.

На самых гребнях оплывшей стены прослежены ничтожные остатки глино-каркасных строений, где найдены одиночные фрагменты глазурованной керамики XVI—XVII вв.; в одном из участков обнаружена хозяйственная яма, а с внутренней стороны городища на глубине 1,20 *м* — позднее погребение с раздавленным и почти рассыпавшимся в прах костяком.

Керамические фрагменты из кладок — дробные, маловыразительные, но хронологически все они, во всяком случае, не выходят за пределы античных дат: даже самая последняя по времени глино-галечная забутовка содержит характерные донца бокалов и чаш в виде пологого конуса, красноглиняные, красноангобированные стенки и закраины крупных сосудов (изредка с волнистым орнаментом).

Датировка коренной перестройки укреплений Карабагтепа, а также последнего ремонтно-строительного этапа уточняется монетными находками.

В рыхлой забутовке из глины с галечником оказалась монета Васудевы I, которая определяет верхний хронологический предел последних ремонтных работ не ранее конца II — начала III в. н. э.; отсутствие же в составе попавшей сюда керамики фрагментов, относящихся к послекушанскому времени, позволяет считать III в. также и нижней возможной датой. Позднее наблюдается заброс стен; прилежащие изнутри города постройки предаются пожарищу, а сами стены в течение долгих веков постепенно оплывают.

Время появления мощного «футляра» в процессе коренной перестройки стен — сырцового в цокольной части, пахсового в своем основном массиве в известной мере определяется керамическими фрагментами, попавшими в пахсу. Их наличие само по себе служит показателем того, что глина бралась в местах скопления культурных слоев. Вся керамика античного типа, датировка ее может быть поставлена в широ-

ких пределах — от I в. до н. э. до II в. н. э. В ее составе фрагменты бокалов и чаш на поло-конической подставной ножке, уплощенные в сечении ручки кувшинов, закраины горшков, кувшинов, чаш, хумча и пр. Однако мелкие размеры этого боя не позволяют воссоздать сколько-нибудь целостных археологических форм. Черепок плотный, в основном красноватый, на поверхности нередко нанесен красный ангоб; сечения тонкие; изредка попадаются сероглиняные фрагменты.

Для датировки этого материала наиболее существенны, разумеется, нижние даты. Среди отдельных фрагментов отметим следующие (рис. 70):

часть горизонтальной витой ручки котла, аналогичной найденным в раскопе Западного дома в слоях II в. и в слоях Кобадиан-III и -IV (I—II вв.)[188];

ручка небольшого сосуда (видимо, горшочка) в виде фигурки животного, как будто собаки, с большими ушами и поджатым хвостом. Такие

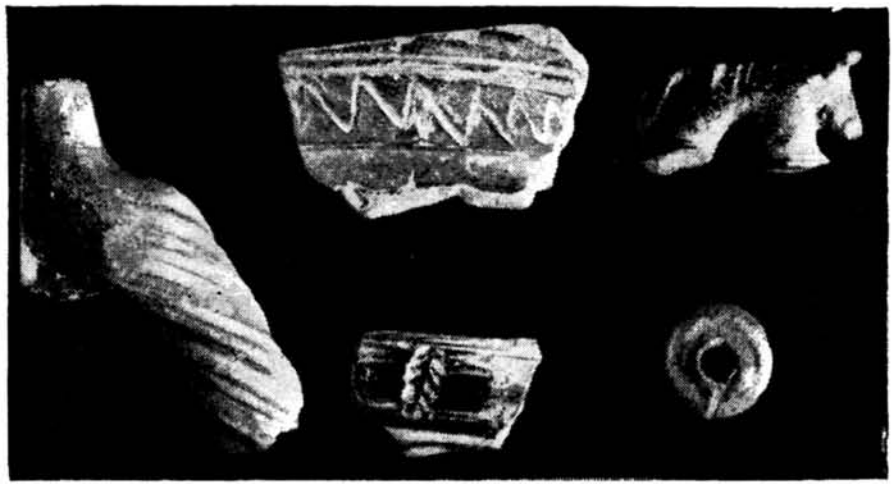

Рис. 70. Карабагтепа. Крепостная стена. Фрагменты керамики из кладок „футляра" II в.

зооморфные ручки широко известны в круге «сарматоидных» культур Средней Азии первых веков нашей эры. Они отмечены при археологических раскопках в поселениях и курганах Ташкентской области[189], Ферганы[190], Каршинского оазиса[191], где, однако, преобладают ручки со стилизованными изображениями баранов. Миниатюрная ручка в виде фигурки собаки, сходная с карабагтепинской, найдена в шурфе на городище Ходжа-Аждувани на окраине Бухарского оазиса в слоях кушанского времени[192]. Ручки сосудов в виде фигурок зверей-хищников, грифонов, обезьян типичны для кушанской керамики Хотана[193].

Имеются фрагменты стенок красноглиняных, красноангобированных горшочков, на одном из которых дан орнамент в виде волнистой линии между двумя концентрическими полосками, а на другой — оттиснутый штампик в виде овальной пальметки; датировка их может быть отнесена к периоду с I в. до н. э. до II в. н. э.

Окончательное уточнение даты появления внешнего «футляра»

крепостной стены Карабагтепа определяется извлеченным между двух кирпичей в угловом участке сырцового цоколя крупным халком Канишки (78—123 гг.). Монета (рис. 71) попала сюда явно не случайно, а была заложена в краеугольную часть кладки при возведении нового «футляра» крепостной стены в магических целях — обычай бросать монеты при закладке здания в фундамент вновь возводимой постройки сохранялся среди народных мастеров Средней Азии до недавних времен. Очевидно, именно в царствование этого могущественного правителя и были осуществлены капитальные работы по усилению фортификации Карабагтепа.

Что касается первой, «коренной» стены, то датировка ее определяется на основе следующих соображений:

прежде всего стена эта была возведена не на культурных слоях, как Западный дом, датируемый II—I вв. до н. э., или дворцовое здание,

Рис. 71. Монета Канишки из кладок „футляра" крепостной стены.

построенное в I в. до н. э., а на материке, и, таким образом, она им явно предшествует. В составе немногочисленных керамических черепков, извлеченных из кладки этой ранней стены, преобладают тонкостенные, красноглиняные фрагменты, нередко с красноангобным покрытием (среди которых нет ни одного орнаментированного или сероглиняного), типологически близкие к керамике III—II вв. до н. э. из Кобадиана и Балха. Характерны также архитектурные особенности данной стены. Сочетание пахсовой кладки с прокладками рядов сырцового кирпича в ее основном массиве сближается со строительными приемами в выкладке крепостных стен Кей-Кобад-шаха, датировка которых устанавливается в пределах III—II вв. до н. э.[194] Пахсовой, с бойницами является и первоначальная, наиболее ранняя стена Хайрабадтепа (вскрыт пока незначительный участок ее угла), которая в первом веке нашей эры уже была заключена, как и в нашем случае, во внешний «футляр» новой крепостной стены с устройством в ней обводной стрелковой галереи или же камер для стрелков.

Вероятно, должно было пройти значительное время, прежде чем изначальная стена Карабагтепа пришла в известный упадок, а главное — ее оборонные качества перестали удовлетворять условиям развиваю-

ищейся военной техники древних и искусству осады городов. Потребовалось создание более капитальных укреплений, неприступных для стенобитных орудий, что и было осуществлено при Қанишке в конце I—II вв. н. э. Датировка же первоначальных стен Қарабагтепа может быть отнесена ко времени около III—II вв. — не позднее I в. до н. э. Их появление, скорее всего, связано с деятельностью греко-бактрийских царей, создававших укрепленные форпосты в подвластных областях.

На самом возвышенном участке северо-восточного углового массива Қарабагтепа был произведен раскоп К-II, опущенный широким раз-

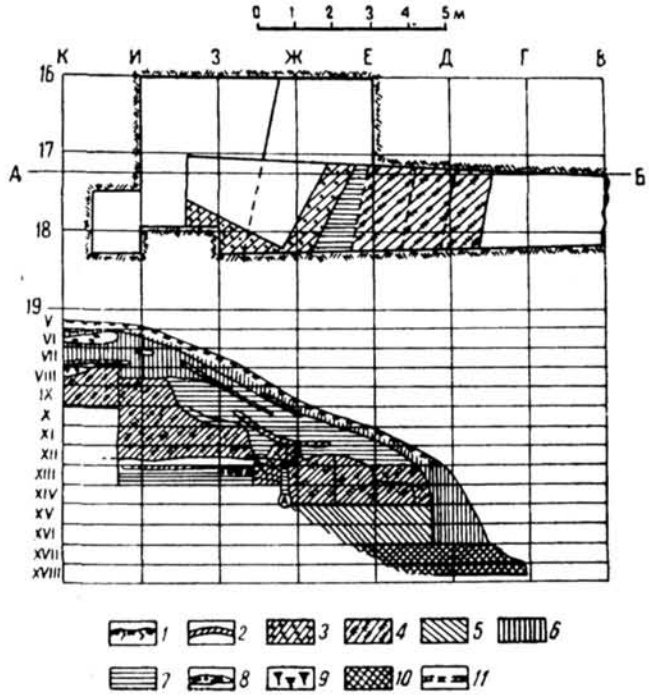

Рис. 72. Карабагтепа. Раскоп К-II. План и разрез.

1—уровень дневной поверхности; *2*—камышовая промазка; *3*—пахса с примесью гальки; *4*—очень плотная пахса; *5*—пахсовая платформа; *6*—мусорный завал; *7*—рыхлая земля с керамикой, костями; *8*—горелая глина, зола; *9*—зеленоватый органический слой; *10*—лесс; *11*—жженый кирпич; *А*—антефикс.

резом по склону на восток, до подошвы холма. Общее протяжение разреза — 16 *м* по горизонтали и 7 *м* по высоте. Разрез дал четкую стратиграфическую картину (рис. 72).

Естественный лёссовый останец был выровнен на этом участке под горизонталь, наподобие платформы. По-видимому, где-то в глубине не вскрытых нами толщ таится та древняя крепостная стена, остатки которой обнаружены в раскопе К-I.

На каком-то этапе к этой стене было пристроено снаружи здание; в наш разрез попала угловая часть одного из его помещений. Стены толщиною 80 *см* выведены из пахсы и сохранились по высоте лишь на 1,20 *м* от древней платформы. Помещение имеет два пола, разделенных

полуметровой засыпкой, — показатель длительного обживания дома, подвергавшегося ремонтам. Нижний пол выделяется плотной обмазкой, верхний был подложен жженым кирпичом, впоследствии выбранным, в силу чего сохранились лишь обломки толщиною 4—5 *см*. Над этим полом скопился значительный (до 20 *см*) слой рыхлой глины с хозяйственными остатками — фрагментами керамики, костями животных, органическим перегноем. Отмечена масса штукатурной глины с камышом — это, видимо, рухнувшая обмазка потолка. У подножья стены, с восточной стороны, обнаружены керамические черепки и фрагмент антефикса.

Следующий большой строительный период ознаменован созданием мощного глинобитного массива, который поглощает разрушенное при этом здание. Массив прослежен в глубь холма до 12 *м*, продолжается еще и дальше в восточном направлении, а к западу он следует от внешней стены упомянутого здания еще на 3,5 *м*. Массив этот сохранился по высоте, считая от горизонтальной лёссовой платформы, до 4,5 *м*. Пахса здесь выведена последовательно тремя слоями, швы между которыми отчетливо видны в разрезе. В этот участок раскопа попала разрыхленная глина с черепками керамики.

Очевидно, прорезанный нами огромный пахсовый массив создавал монументальную платформу каких-то располагавшихся вверху оборонительных сооружений — может быть главного бастиона; сооружения эти не сохранились. Спустя много веков возвышенная часть покинутого холма была использована вновь. Здесь обнаружены остатки помещений какого-то дома с глинобитными стенками толщиной 75 *см*, сохранившимися по высоте на 0,5—1,0 *м*, с обмазанными глиной полами, на которых обнаружены фрагменты керамики, кусочки дерева, угля, керамического шлака, истлевший камышовый пух. Ко времени возведения этого дома древний пахсовый массив уже разрушился — по восточному краю он идет на скат, по которому сбрасывали хозяйственный мусор, образовавший по склону холма значительный (до 1,5 *м*) верхний культурный слой. В составе его преобладают кухонные остатки — зольники, обгорелая глина, угольки, кости животных, керамические черепки. Слой этот задернован по поверхности. На самой вершине бугра, где еще недавно высилась колхозная постройка, ныне водружен триангулационный знак, принятый нами за репер при отсчете археологических ярусов.

Внесем в описанную стратиграфию раскопа К-II на северо-восточном участке Карабагтепа хронологические уточнения. Древнейшая стена III—II вв. до н. э. не попала в наш разрез — она уходит в невскрытую толщу поглотившего ее пахсового массива. Что касается здания, то сооружение его за внешним фасом крепостной стены, очевидно, могло иметь место уже в тот период, когда последняя пришла в упадок, почти потеряв свое оборонное значение, — возведение каких-либо бытовых построек возле стены противоречит основным принципам крепостной обороны. Таким образом, здание это отделено определенным хронологическим промежутком от времени возведения первоначальных укреплений Карабагтепа. Для его датировки можно привлечь некоторые собранные на полу помещения археологические материалы, отмечающие последний этап его функционирования. Вымостка верхнего (второго) пола жженым кирпичом напоминает аналогичный прием ремонтной отмостки пола I—II вв. в Западном доме на Ханакатепа. Фрагменты кера-

мики принадлежат грубоватым хозяйственным сосудам — котлам, хумча, горшкам красноватого, плотного черепка с красным или со светлым ангобом; сероглиняная керамика совершенно отсутствует. Датировка этих фрагментов едва ли ранее II в. н. э. В состав находок входят бронзовое кольцо и сильно позеленевшая бронзовая с посеребрением толстая монетка (диаметр — 17—20 *мм*), определить которую, к сожалению, не удалось даже после очистки, настолько стерты на ней изображения.

Среди находок с внешней стороны этого дома чрезвычайно интересен фрагмент антефикса. Трудно судить, входил ли он в архитектурное оформление кровли попавшего в разрез здания того первоначального периода его сооружения, который выделяется первым (нижним) полом, или же связан с другой постройкой, так как он извлечен из рыхлого слоя промоины. Во всяком случае, все намытые через эту промоину керамические фрагменты безглазурные, в значительной части, по облику

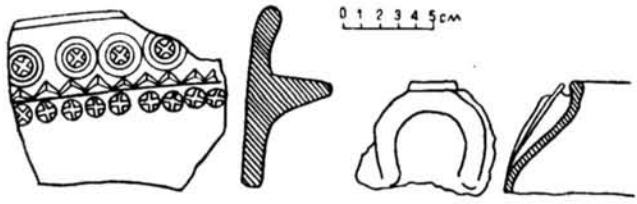

Рис. 73. Карабагтепа, раскоп К-II. Фрагменты оссуария (?) и сосуда с налепом для упора.

своему, античного типа, но, видимо, разновременные. В составе фрагментов — плоские донца; носик чайникообразного сосуда — может быть «соски»; фрагмент крупного горшка с подковообразным налепом для упора. Особый интерес представляет закраина какого-то очень крупного сосуда (рис. 73). Черепок его плотный, розоватый; снаружи светлый ангоб. Цилиндрическая стенка с чуть скругленной закраиной имеет расположенную на 2 *см* ниже ее на внутренней поверхности выступающую внутрь на 2,8 *см* поперечную полочку. На одном из участков этой полочки наискось вниз проходит круглое сквозное отверстие, выведенное снаружи налепным кольцом (диаметр — 9 *мм*). Снаружи сосуд был украшен орнаментом в виде двух рядов крупных и малых кружков с перекрестиями, разделенных полосой врезанных треугольничков.

По своей форме и орнаментации указанный фрагмент очень напоминает орнаментированные овальные оссуарии, которые в большом числе обнаружены в Согде (Самарканд, Пянджикент). За последнее время овальный оссуарий был открыт и в Южном Таджикистане (Дангара), но орнаментации на нем нет[195]. Орнаментальные же мотивы халчаянского фрагмента очень близки именно к орнаментированным оссуариям V—VII вв. из Пянджикента[196], и сам он, возможно, восходит к этой же дате. Своеобразную деталь представляет внутренняя полочка у края, обеспечивавшая бо́льшую устойчивость крышки.

Пахсовый массив, поглотивший первоначальную крепостную стену, и упомянутое здание дали в нашем разрезе лишь незначительные фрагменты керамики античного облика, — видимо, глина для него бралась на необжитом людьми участке.

Позднейший период обживания и застройки возвышенного северо-

восточного угла Карабагтепа падает на конец XV—XVI вв. Фрагменты глазурованной керамики, полученные в верхних слоях, принадлежат несколько грубоватым по форме крупным чашам на невысоком, профилированном в основании поддоне. Черепок светлый, пористый, глазурь и роспись легко отслаиваются от основания. Роспись выполнена кобальтом, коричнево-марганцевой и растекающейся голубой глазурью. Мотивы стилизованно-растительные (лепестки, цветочки, ветки). Орнаментация обычно дана в радиальном расположении на дне и концентрическими окружностями по борту.

Дальнейшие исследования Карабагтепа сулят интересные результаты, поскольку укрепленная часть древнего города в своей основе относится, как и Ханакатепа, к античной эпохе. Здесь, очевидно, концентрировались правительственно-административные здания и казармы, где пребывал гарнизон, охранявший спокойствие города.

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ

В процессе работ в Халчаяне было собрано свыше полусотни монет. Десять из них извлечены при раскопках из определенных стратиграфических слоев, остальная часть передана колхозниками (главным образом мельником Т. Пардаевым), которые нередко находят монетные кружки при вскапывании огородов, рытье арыков, распашке полей. В подавляющем большинстве это бронзовые экземпляры; к северу от Халчаяна иногда находят серебряные монеты; так, был обнаружен клад монет XVI в., разошедшийся по рукам; один образец нам удалось осмотреть в ожерелье колхозницы. К сожалению, сохранность большинства переданных нам монет весьма плоха, так как владельцы, в надежде на золото, механически затирали или стравливали их керосином и кислотой, порой почти до полного исчезновения изображений. Тем не менее, сам состав монет весьма характерен и обрисовывает определенные хронологические вехи истории исследуемого пункта.

В приведенном описании монет местонахождение их оговаривается лишь в том случае, если оно четко определено. Все прочие — подъемные (точнее — «подземные», так как они извлечены из земли), но обнаруженные, как правило, в пределах античного городища.

Деметрий (рис. 74,*а*). Подъемная, на Ханакатепа. Серебро. Вес — 2,97 *г*, диаметр — 17 *мм*. Сохранность хорошая, но рельеф изображений потерт. Аверс — бюст государя вправо, в слоновьем скальпе и диадеме; по краю мелкоточечный ободок, попавший при чеканке лишь слева вверху. Реверс — Геракл, стоящий в фас, с приподнятой к голове правой рукой и полуопущенной левой, придерживающей дубинку и львиную шкуру; слева внизу монограмма. Надпись справа — ΒΑΣΙΛΟΣ, слева — ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ.

Монета представляет собой основной тип чекана греко-бактрийского царя Деметрия (около 200 г. до н. э.), правление которого было ознаменовано наибольшим расширением границ Греко-Бактрийского царства. Включение в его состав индийских владений нашло свое отражение и в монетном чекане Деметрия: подобно тому, как Александр изображался то с рогом бога Амона, то с львиным скальпом Геракла, голову греко-бактрийского царя венчает скальп слона — как бы персонифици-

Рис. 74. Монета Деметрия (*а*); монеты „варварского Гелиокла" (*б*).

рованный симовл самой Индии, а может быть индийского слоноглавого бога мудрости Ганеши. С деятельностью Деметрия связано основание многих городов, в том числе крупного города Деметрия на берегу Амударьи, который ряд исследователей отождествляет с Термезом[197].

Варварский Гелиокл (рис. 74,*б*). Так именуют весьма характерный цикл монет, подражающих серебряным тетрадрахмам Гелиокла — последнего видного государя Греко-Бактрии (156—140 г. до н. э.), после которого царство распалось на мелкие владения. Монеты членятся на две типологические группы. Первой присуще изображение массивного профиля царя в диадеме вправо на аверсе, а на реверсе — фигуры Зевса с пучком молний и легенда, писанная несколько искаженными знаками греческого алфавита — ΒΑΣΙΛΕΟΣ (справа), ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ (слева), ΔΙΚΑΙΟΥ (внизу), причем последнее слово нередко опускается. Вторая группа, при сходном аверсе, отличается от первой оборотной стороной, где имеется та же легенда, но представлен конь влево, с приподнятой передней ногой. Оба типа встречаются в халчаянских находках. Все монеты бронзовые, на некоторых есть следы посеребрения.

Даем полное описание двух наилучших по сохранности экземпляров первой группы.

1. Бронза. Вес — 15,64 *г*, диаметр — 30 *мм*. Сохранность хорошая, края неровные. Аверс — бюст государя вправо с правильными чертами лица и несколько утяжеленной щекой. Намеченные петельками кудри перехвачены двойной диадемой с ниспадающими позади концами, плащ разработан рельефными складками. Реверс — фигура божества с лучистым нимбом за головой, с жезлом в левой руке и связкой молний в правой, под которой Т-образная тамга. Надпись справа — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ,слева — ΗΛΙΙΙ·Λ, внизу — ΔΙΙΑΙΥ.

2. Бронза с посеребрением. Вес — 12,64 *г*, диаметр — 28 (ширина) — 26 (высота) *мм*. Края неровные. Аверс — голова государя вправо. Тяжелое, мясистое лицо, очень широкая бровь, выпуклые губы, массивный подбородок. Волосы, перетянутые двойной диадемой с ниспадающими позади концами, разделаны условными, петлеобразными завитками. Реверс — фигура божества в фас, с семилучевым нимбом за головой, с крупной связкой молний в правой руке, над которой нечеткая тамга, и с жезлом в приподнятой левой. Надпись справа — ΑCΙΛΕ..., слева — ΗΛΙΙΛΕ.

3. Бронза с посеребрением. Сохранность посредственная. Вес — 13,3 *г*, диаметр — 30 *мм*. Тот же тип.

4. Бронза. Полуобрублен правый край. Вес — 10,88 *г*, диаметр — 27—28 *мм*. Тот же тип.

5. Бронза с посеребрением. Сохранность посредственная. Вес — 9,12 *г*, диаметр — 26 *мм*. Тот же тип.

6. Бронза. Сохранность плохая. Вес — 4,22 *г*, диаметр — 20 *мм*. Тот же тип.

7. Бронза. Сохранность посредственная. Вес — 3,22 *г*, диаметр — 18—17 *мм*. Тот же тип.

8. Бронза. Сильно потертый экземпляр второго типа. Вес —3,22 *г*, диаметр — 16—18 *мм*. Аверс — голова государя в профиль вправо. с крупноточечной разделкой кудрей, в двойной диадеме. Реверс —

конь, стоящий влево, с приподнятой передней ногой; слева и внизу — следы буквенных знаков.

Монеты «варварского Гелиокла» имеют довольно длительную историю изучения, первые экземпляры были открыты свыше ста лет тому назад, однако упоминались они специалистами лишь в попутных замечаниях и только в среде советских нумизматов послужили предметом специального исследования[198]. Ареал распространения этих монет в основном ограничен приамударьинскими районами Бактрии, хотя отдельные экземпляры встречены даже в Таксиле[199].

Поскольку общее число монет «варварского Гелиокла» в советских нумизматических собраниях не превышает и двух десятков, причем лишь некоторые из них имеют точно определенное местонахождение, находка восьми монетных кружков в Халчаяне приобретает особое значение, так как все они строго локализованы пределами единого археологического пункта.

Изображение на аверсах известных ранее монет рассматриваемой группы заметно варьирует. Одни следуют общему облику Гелиокла последних лет его правления, когда ожирелое лицо царя бугрится старческими складками, а другие дают идеализированно красивый мужской профиль (таков экземпляр № 1 из Халчаяна)[200]. В целом художественность чекана «варварского Гелиокла» явно ниже по сравнению с греко-бактрийскими подлинниками. Взамен исполненного психологической выразительности портретного образа здесь можно видеть несколько вариантов обобщенно выполненного массивного лица, взамен живой передачи неспокойных прядей, волосы трактованы равномерными петельками или бугорками. Что касается оборота монет, то на одних из них, по типу монет Гелиокла, изображена фигура Зевса с перуном и жезлом, которому, однако, придана несвойственная главе Олимпа деталь — лучистый венец, присущий для Гелиоса-Митры[201], надпись сохраняется справа и слева, но не всегда внизу, а фигурная монограмма Гелиокла преобразуется в Т-образный знак. На других же появляется новое изображение — конь — образ, игравший видную роль в среде кочевых племен. Характерно начало искажения греческого шрифта, где о-микрон превращается в точку, а каппа — в палочку.

Все эти черты присущи и монетам «варварского Гелиокла» из Халчаяна. При сопоставлении их с уже опубликованными экземплярами отмечаем для наших образцов № 1—5, 7 и 8 общность в весовом отношении (9,12—15,64 *г* в монетах большого номинала и 3,22 *г* в малом) и по размеру (диаметр — 26—30 *мм* и 16—18 *мм*). Но есть и варианты как изобразительных деталей[202], так и метрических показателей[203]. В частности, впервые в Средней Азии встречена монета первого типа под № 6 диаметром 20 *мм*, весом 4,22 *г*. Она, по-видимому, входила в особый номинал малого весового стандарта.

При сравнении монетных знаков из Халчаяна и других пунктов правобережной Бактрии (Зартепа, Шахринау, Душанбе) бросается в глаза большая неустойчивость метрических показателей основного номинала I группы с колебанием веса до 6,5 *г*. В этом — наглядное отражение той неустойчивости в денежном хозяйстве, которая была вызвана отсутствием общегосударственного единства в пору распада Средней Азии на ряд мелких владений в процессе сако-юэджийских вторжений.

Важную деталь составляют сохранившиеся на некоторых халчаян-

ских монетах следы посеребрения. В свое время исследователи высказывали предположение, что подражания тетрадрахмам Гелиокла принадлежат к категории субаэратных (т. е. утративших серебряную оболочку). Сейчас это получает прямое подтверждение. Чеканка посеребренных монет придавала бронзовым изделиям вид изготовленных из драгоценного металла. Они, очевидно, удовлетворяли запросам товарного производства, но вместе с тем отражали общий ущерб, нанесенный экономике Бактрии кочевническими завоеваниями, последствия которого были изжиты позднее лишь в системе огромного централизованного государства Кушан, когда был осуществлен переход на золотой стандарт.

В. М. Массон склонен считать, что на аверсе рассматриваемого типа монет «воспроизведены портретные черты неизвестного правителя»[204]. Но следует отметить, во-первых, что черты эти заметно варьируют, так как выполнявшие матрицы резчики, очевидно, брали за основу иконографический тип, не считая нужным следовать строго портретной иконографии позабытого греко-бактрийского царя или какого-то иного конкретного правителя. Во-вторых, почти полное совпадение самого монетного типа основной группы с чеканом Гелиокла, а главное — сохранение в обеих группах его имени и титула явственно указывают, что перед монетариями ставилась задача следования монетным знакам именно данного государя. Очевидно, Гелиокл рассматривался как почитаемый предок и к нему возводили свою генеалогическую линию правители тех мелких владений, на которые распалась во второй половине II в. до н. э. Бактрия. Этой династической преемственностью они как бы подтверждали право на свой маленький трон. Вместе с тем, изготовление в разных районах Бактрии типологически схожих монетных групп позволяло осуществлять денежные операции не только внутри каждого мелкого владения, но и поддерживать какой-то более широкий общий рынок.

Время обращения монет «варварского Гелиокла» охватывает вторую половину II — первую половину I в. до н. э.

«Сотер Мегас» — Кадфиз I (рис. 75). Этот цикл монет из Халчаяна включает 16 экземпляров двух вариантов единой типологической группы бронзовых монетных кружков; отличие вариантов лишь в наличии или отсутствии круговой легенды на оборотной стороне. Аверс — задрапированный бюст государя в диадеме вправо, со скипетром в приподнятой руке. Вокруг головы лучистый нимб, позади нее — трехзубчатая, над кружком с перекрестием тамга. Реверс — всадник в головном уборе, на коне вправо, с боевым клевцом (табарзагнул) в протянутой руке. В поле справа — та же тамга. Следы круговой легенды — ВАСІЛЄΥС ВАСІЛЄШN ΣШТЄР МЄГАС, — которая как правило, не целиком попадает на монетный кружок.

1. Подъемная. Сохранность средняя. Вес — 8,19 *г*, диаметр — 17—18 *мм*.

2. Подъемная. Хорошей сохранности. Вес — 7,81 *г*, диаметр — 17 *мм*. Следы легенды.

3. Найдена при вскапывании земли у Маслахаттепа. Хорошей сохранности. Вес — 7,75 *г*, диаметр — 20 *мм*. Круговая легенда.

4. Найдена при распашке поля у Кой-Турабектепа. Потерта. Вес — 7,71 *г*, диаметр — 20—17 *мм*.

5. Найдена при вскапывании земли у Маслахаттепа. Сохранность средняя. Вес — 7,55 *г*, диаметр — 20 *мм*.

6. Подъемная. Вес — 7,54 *г*, диаметр — 19—18 *мм*. Сильно потерта.

7. Найдена при рытье канавы у Гавтепа. Вес — 7,50 *г*, диаметр — 18—17 *мм*.

8. Подъемная. Вес — 7,53 *г*, диаметр — 18 *мм*.

9. Дворец, в завале сырца и глины в юго-западном углу комнаты *4*, в 70 *см* над полом. Вес — 7,36 *г*, диаметр — 20—19 *мм*. Сохранность удовлетворительная.

10. Найдена на бугре северо-западнее дворца. Вес — 7,40 *г*, диаметр — 19—18 *мм*. Сильно затерта.

11. Подъемная. Вес — 7,03 *г*, диаметр — 19—18 *мм*. Сильно потерта.

Рис. 75. Монеты Сотера Мегаса.

12. Подъемная, довольно хорошей сохранности. Вес — 6,65 *г*, диаметр — 20 *мм*. Следы легенды.

13. Подъемная. Потерта; следы легенды. Вес — 6,65 *г*, диаметр — 20—21 *мм*.

14. Подъемная. Вес — 6,64 *г*. диаметр — 19 *мм*. Сильно потерта.

15. Подъемная. Вес — 6,25 *г*, диаметр — 19—18 *мм*. Сильно потерта.

16. Подъемная. Вес — 4,69 *г*, диаметр — 18—17 *мм*. Сильно потерта.

Дискуссия о монетах «Сотера Мегаса» насчитывает более чем вековую давность. В обширной нумизматической литературе загадочные монетные знаки «Безымянного царя» относили то к чекану Кадфиза II, то — его наместника в Индии, то усматривали здесь собирательный чекан ряда правителей или ряда наместников. Детальный критический разбор этих точек зрения и тщательный анализ самих монетных знаков

Сотера Мегаса (с точки зрения палеографии, титулатуры, тамги, изобразительных деталей, а также состава и распространения монетных находок) на фоне общей картины развития монетного дела в индо-среднеазиатских областях I в. до н. э. был осуществлен в 1943 г. М. Е. Массоном. Анализ этот позволил прийти к твердому заключению, что огромная эмиссия «Безымянного царя» принадлежит чекану Кадфиза I той поры, когда он из удельного князька — ябгу — превратился в «царя царей» созданной им огромной Кушанской державы[205]. Однако в последнее время в советской литературе появились возражения против этого отождествления (Е. В. Зеймаль, Б. Я. Ставиский), и монетный чекан Сотера Мегаса предлагается относить к правлению Кадфиза II или Канишки[206]. В качестве основного аргумента при этом приводятся ссылки на недавние публикации видных зарубежных ученых — И. Лохвизен ван Лёев, Р. Гиршмана и Дж. Маршалла, материалы которых якобы опровергают интерпретацию М. Е. Массона.

Детальному разбору вновь возникшей дискуссии мы посвящаем особую статью, в которой показано, что новейшие научные данные не только не колеблют, но подкрепляют тезис Сотер Мегас — Кадфиз I[207]. Здесь отметим лишь основное. Прежде всего, ссылки на упомянутые иностранные авторитеты отнюдь не дают опровержения этой позиции, ибо Лохвизен ван Лёев сама решительно оспаривает отождествление Сотера Мегаса с Вимой Кадфизом или его наместником, отказываясь, однако от расшифровки инкогнито «безымянного царя»[208], а отнесение Р. Гиршманом чекана Сотера Мегаса к Канишке[209] основано на привлечении явно фальшивой монеты[210]. Что касается посмертной публикации Дж. Маршалла «Таксила», то здесь по существу повторено старое отождествление Сотера Мегаса с наместником Вимы Кадфиза в Индии, упоминаемым в китайских хрониках[211]. Однако этому противоречит чрезвычайно широкое распространение монет «безымянного царя» вне индийских провинций — в областях Кабулистана, к северу от Гиндукуша, по всему приамударьинскому бассейну, что было бы невозможно для чекана индийского наместника, но что могло иметь место лишь при признании общегосударственного значения чекана Сотера Мегаса, как прерогативы могущественного «царя царей», обладателя обширных владений.

В пользу идентификации «Безымяного царя» с Кадфизом I в настоящее время говорят значительные новые материалы. Так, чрезвычайно показательны опубликованные итальянским нумизматом А. Симонетта монеты с надчеканом Пакора (35—55 гг.) на монетных кружках Сотера Мегаса[212]. Хронология парфянских правителей относительно точна (при колебании некоторых дат в пределах лишь нескольких годов, в противовес кушанской, в отношении которой царит крайний разнобой датировок, исчисляемый разницей многих десятилетий), поэтому находки указанных монет приобретают огромное значение — они определяют даты монет «Сотера Мегаса» как предшествующие правлению Кадфиза II, но вполне отвечающие времени Кадфиза I.

Обратимся к некоторым археологическим наблюдениям. Со временем правления Кадфиза I (конец I в. до н. э. — первая половина I в. н. э.) вполне согласуется характер тех археологических комплексов, в которых обнаружены монеты Сотера Мегаса. Это в свое время отмечалось исследователями Кей-Кобад-шаха[213], этому положению отвечают и наши работы на городище Халчаян.

Весьма интересно сопоставить соотношение некоторых монетных находок, полученных в процессе археологических исследований на территории Афганистана, Узбекской и Таджикской ССР.

Раскопки Р. Гиршмана в западной части городища Беграм дали три стратиграфических горизонта. Нижний слой (Беграм-I) содержит 49 монет индо-греческих царей от Евкратида до Гермея, 25 индо-скифских и индо-парфянских (в основном Гандофара), 59 Кузулы Кадфиза (с Гермеем и одиночного), 29 Сотера Мегаса и 26 Вимы Кадфиза[214]. В составе монет из так называемого «Нового царского города» имеется значительное число монетных кружков всех кушанских государей, в том числе Сотера Мегаса[215]. Эти соотношения лишь свидетельствуют о том, что Кабулистан был подчинен Кадфизу I еще в пору его соправления с Гермеем, далее — как самостоятельного «ябгу», а затем уже и «царя царей».

Гораздо показательнее соотношение монетных находок из сектора «Базара» в Бегараме, обнаружение которых в участке рыночных строений большого античного города особенно важно, поскольку они показывают, какие монеты были наиболее ходовыми. Здесь при раскопках извлечено 3 монеты Гермея, 4 — Сотера Мегаса, 8 — Кадфиза II, 7 — Канишки и т. д.[216]; монеты Сотера Мегаса, таким образом, восполняют этап Кадфиза I, поскольку в жизни «Базара» не отмечено никаких археологических перерывов. Исключительно интересны стратиграфические наблюдения на участке «Южного въезда» у городских укреплений Беграма. Комплекс верхних построек здесь определяют два строительных периода, из которых верхний датируется монетами Хувишки и Васудевы[217], а нижний — монетами Кадфиза II и Канишки. Между тем в составе монетных находок, извлеченных в остатках самых нижних сооружений, предшествующих возведению при Кадфизе II и Канишке этих фортификационных построек, содержатся монеты Аполлодота, Гермея, Кадфиза I и Сотера Мегаса[218]. Здесь прямо подтверждается связь Сотера Мегаса со временем правления Кадфиза I, в то время как монеты Кадфиза II относятся к вышележащему стратиграфическому горизонту.

Весьма характерна также стратиграфия одного из шурфов в древнем Балхе. В уровне 5,70—8,50 *м* от репера здесь были найдены кушанские монеты (Канишки, Васудевы и др.), а в предшествующем им стратиграфическом слое на глубине 10,75 *м* оказалась монета Сотера Мегаса[219]. При разведочных раскопках на городище Шахри-Бану, близ Ташкургана найдены 1 монета Евтидема, 2 — Гелиокла (или его подражаний), 2 — Сотера Мегаса, 1 — Вимы Кадфиза, 1 — Хувишки[220].

Итак, и в Кабулистане, и Балхской области (т. е. на территории левобережной Бактрии) монеты Сотера Мегаса в ряде случаев либо заполняют лакуну между Гермеем, с одной стороны, и чеканом Вимы Кадфиза, с другой, либо стратиграфически предшествуют Виме Кадфизу.

Обратимся к материалам советских археологических экспедиций в различных районах правобережной Бактрии. В древнем Термезе, по данным М. Е. Массона, при работах Термезской археологической комплексной экспедиции 1936—1938 гг. обнаружены или зарегистрированы, помимо греко-бактрийских, монеты Вимы Кадфиза и последующих Кушан, большое число монет Сотера Мегаса и совершенно отсутствовали монеты Кадфиза 1. На античных в своей основе городищах Анхорского района Зартепа и Хайрабаттепа, где Л. И. Альбаумом и В. Д. Жуковым

получен большой нумизматический сбор, среди уже определенных монет имеется 2 монеты Гелиокла (точнее его «варварских подражаний» — II—I вв. до н. э.), 1 — Гиркода и 1— Сападбиза (I в. до н. э.), группа монет Канишки, Хувишки и Васудевы (конец I—III вв.) и 34 монеты Сотера Мегаса[221]. Среди монетных находок в Халчаяне мы имеем 8 монет «варварского Гелиокла», 16 — Сотера Мегаса, 2 — Кадфиза II, 7 — Канишки, 6 — Хувишки, 6 — Васудевы I и 5 — Васудевы II. При раскопках на городище Кей-Кобад-шах (древний Кобадиан) обнаружены 1 монета Герая, 2 — Сотера Мегаса[222] и 1 — Вимы Кадфиза[223]. Среди находок на античном городище Шахринау в Гиссарской долине имеются монеты «варварского Гелиокла», Сотера Мегаса и Вимы Кадфиза[224]. Суммарная же сводка монетных находок в Южном Таджикистане, уточненных по месту их обнаружения, а в ряде случаев полученных в археологически зажатых слоях, дает при 22 монетах Сотера Мегаса 5 кружков «варварского Гелиокла»[225], 1 — Герая, 4 — Кадфиза II, 8 — Канишки и ряд экземпляров последующих царей[226].

В правобережной Бактрии, как видим, лакуну периода правления Кадфиза I логически заполняет между монетами «варварского Гелиокла», Герая, Гиркода и Сападбиза, с одной стороны, и монетами Кадфиза II — с другой, монетный чекан Сотера Мегаса.

Таким образом, уровень современных знаний по существу не только не колеблет, а подкрепляет правомерность отнесения массового чекана Сотера Мегаса ко второму периоду правления Кадфиза I, когда он, подчинив ряд управляемых до того мелкими царьками областей, счел возможным именовать себя не «ябгу», а присвоить себе высокий титул «царя царей».

В свое время Маркварт уже отмечал последовательные фазы расширения титулатуры в «именном» чекане Кадфиза I, который вначале именует себя простым ябгу, далее — «магараджа-мага», что соответствует греческому «Базилеос Мегас» и совпадает с титулом «Великий царь», упоминаемым в отношении Кузулы Кадфиза в Ху-Хань-шу. Затем в титулатуре на монетах исчезает «ябгу Кушан» и царь фигурирует уже как «магараджа раджатираджа» — по-гречески «Базилеос Базилеон»; он вводит также промежуточное слово «кара», и именует себя «девапутра» (соответствует согдийскому ʾβγʾwr)[227]. Что касается эпитета «Сотер Мегас» в титулатуре «Безымяного царя», то здесь уместно вспомнить данные хроник II в. до н. э. о Бактрии, которая не имела верховного государя и была расчленена на пять мелких юеджийских княжеств[228]. Создав свыше столетия спустя единодержавную монархию, включившую все эти пять владений[229], и обеспечив подданым безопасность от внешних вторжений, Кадфиз I как бы возвещал о своей высокой спасительной миссии по отношению к вошедшим в его державу народам и ввел эпитет «Великий спаситель» в массовый общегосударственный чекан обширных монетных эмиссий, насчитывающий несколько близких типологических групп. Наиболее распространенная из этих групп (профиль царя на одной стороне, конный царь на другой, иногда — греческая легенда) представлена в составе монетных находок из Халчаяна.

Кадфиз II. Имеется два подъемных крупных халка диаметром 24 *мм*, при весе одного из них — 13,56 *г*, другого — 9,34 *г*. Оба экземпляра сильно затерты. По определению М. Е. Массона, они принадлежат

чекану Кадфиза II с изображением стоящей фигуры царя в широком кафтане с протянутой правой рукой на аверсе и Шивы с быком на реверсе.

Канишка (рис. 71, 76, *а, б*). В нашем распоряжении оказалось 7 бронзовых монет Канишки, из них 6 подъемных, а 1 из раскопа.

1. Карабагтепа раскоп К-I, кв. Н — 14/XII. Монета оказалась между сырцовыми кирпичами в нижних кладках внешнего кушанского «футляра» крепостной стены, которым обложено ее более древнее крепостное ядро. Крупный халк, вес — 16,44 *г*, диаметр — 25 *мм*. Сохранность

Рис. 76. Монеты Канишки (*а, б*) и Хувишки (*в*).

посредственная. Аверс — государь в широком кафтане и округлом головном уборе, стоит в легком обороте влево, лицо — в профиль. Правая рука протянута и полуопущена над алтарем, полусогнутая левая приподнята, опирается на копье или жезл с развевающимися лентами. Справа и вверху слева — несколько знаков легенды. Реверс — фигура божества в длинном кафтане с развевающимися за головою и за спиной лентами, стоит в легком повороте влево. Левая рука оперта у бедра, правая протянута над трехзубой тамгой в поле слева. Тип божества Атшо.

2. Крупный халк; вес — 15,92 *г*, диаметр — 24 *мм*. Сохранность хорошая. Аверс — тот же, реверс — четырехрукое божество в фас, с головою влево; справа надпись — ОНРО.

3. Крупный халк; вес — 14,59 *г*, диаметр — 25 *мм*. Очень потерта. Аверс неразличим. Реверс — силуэт фигуры божества в длинном кафтане, в полуобороте влево.

4. Крупный халк; вес — 13,85 *г*, диаметр — 25 *мм*. Очень потерт. Аверс — фигура государя в широком кафтане, округлом головном уборе, с приподнятой левой рукой и полуопущенной (над алтарем?) правой. Реверс — почти неразличимый силуэт какой-то фигуры.

5. Крупный халк; вес — 13,38 *г*, диаметр — 26 *мм*. Аверс — тот же, очень сильно потерт. Реверс хорошей сохранности: в точечном ободке стройная фигура солнечного божества, стоящего в полуобороте влево; голова в нимбе, полусогнутая правая рука протянута над четырехзубой на полукружии тамгой, согнутая левая оперта на меч; справа надпись — МІІРО.

6. Средний халк; вес — 22 *г*, диаметр — 21 *мм*. Монета потерта. Аверс — тот же, справа полукруговая легенда и часть ободка. Реверс — силуэт фигуры божества в полуобороте влево, в длинном кафтане, с приподнятой правой рукой и опертой у бедра левой.

7. Средний халк; найден на Ханакатепа к северу от дворца, при вскапывании земли. Вес — 6,95 *г*, диаметр — 20 *мм*. Потерт. Тот же тип.

Монеты Канишки из Халчаяна принадлежат к общеизвестному массовому чекану этого кушанского государя. Лицевая сторона их содержит традиционное изображение государя, стоящего у невысокого алтаря. На обороте же представлены образы того обширного цикла божеств, которые были связаны по преимуществу с пантеоном среднеазиатского маздеизма. Фигура на обороте монетного кружка № 1 сходна с Атшо — богом войны и огня[230]. На экземпляре № 2 — божество Охшо, которого отождествляют с Шивой[231]. На монете № 5 — солнечное божество Михро — авестийский Митра[232]. На монете № 7 — изображение сходно с другим солнечным божеством — Гелиосом[233]. Монеты № 3, 4, 6 крайне потерты, но и здесь угадываются аналогичные силуэты мужских божеств.

Из особых деталей отметим на монете № 1 остатки трехзубой тамги, в то время как для монетных эмиссий этого правителя присуща тамга четырехзубая на подковообразном основании с отходящими от него «усиками». К сожалению, нижний участок тамговидного знака на нашем экземпляре не сохранился, верхняя же часть его — как дань традиционной преемственности — вероятно, восходит к тамге Кадфиза I — Сотера Мегаса.

Хувишка (рис. 76,*в*). Мы располагаем 6 экземплярами монет Хувишки, 2 из которых найдены при раскопках. Общая черта всех монет — крайняя нечеткость изображений.

1. Средний халк; вес — 9,32 *г*, диаметр — 22 *мм*. Сохранность посредственная, изображения нечетки, верхняя половина их стерта. Аверс — фигура государя, полувозлежащего на тахте с высокими гнутыми ножками. Реверс — нижняя половина мужской фигуры в широком кафтане и узких сапожках; точечный ободок; два конечных знака надписи — РО.

2. Западный дом, комната *7*, над полом, кв. Р — 11/У. Средний халк; вес — 8,65 *г*, диаметр — 21—22 *мм*. Аверс неразличим. Реверс — фигура божества, стоящего в фас, с согнутой левой и протянутой правой рукой[234].

3. Средний халк; вес — 7,72 *г*, диаметр — 22 *мм*. Крайне потерта. На аверсе угадывается силуэт фигуры, сидящей со скрещенными ногами, реверс неразличим.

4. Средний халк; вес — 7,15 *г*, диаметр — 22—23 *мм*. Поднята на бугре к северо-востоку от дворца. Тот же тип, что и № 1; монета крайне потерта.

5. Средний халк. Потерт, с пробитой у середины дыркой (видимо, для ношения в качестве амулета). Вес — 3,75 *г*, диаметр — 22 *мм*. Тот же тип, что и № 1; на реверсе справа от фигуры стоящего божества две последние буквы легенды — РО.

6. Западный дом, комната *7*, над полом, кв. Р — 23/V. Средний халк; вес — 1,75 *г*, диаметр — 20 *мм*. Аверс — фигура царя, покоящегося на тахте с согнутой правой ногой, опущенной левой; следы круговой легенды. Реверс — фигура божества, сидящего со скрещенными ногами, следы круговой легенды.

Описанные монеты принадлежат к обычным разновидностям медного чекана Хувишки, передающим на лицевой стороне фигуру сидящего в традиционной азиатской позе государя со скрещенными ногами, или полувозлежащего на тахте, на подушках, а на обороте — образ божества[235], на монетах № 1 и 5 это либо АΘРО ,либо ОХРО, либо МIХРО[236]. Обращает внимание нечеткость всех изображений, как результат низкокачественной чеканки медной монеты (в противовес великолепным экземплярам золотого чекана того же государя), а также большая амплитуда весовых показателей, которые при близком диаметре монетного кружка (от 20 до 23 *мм*) колеблются в пределах от 9,32 до 1,75 *г*.

Васудева I (рис. 77,*а*). Халчаян дал 6 экземпляров монет Васудевы I.

1. Крупный халк Васудевы I обнаружен при раскопках дворца, в конце коридора *6*, над верхним полом. Сохранность средняя. Вес — 8,23 *г*, диаметр — 22 *мм*. Аверс — фигура государя, стоящего прямо, с обращенной влево головой, в заостренном головном уборе; одет в узкий панцирь с пластинчатым низом, в приподнятой левой руке копье, справа следы легенды. Реверс — Шива в фас, позади бык.

2. Подъемная. То же. Вес — 8,02 *г*, диаметр — 19—20 *мм*. Сохранность хорошая, на аверсе справа видны буквенные знаки легенды.

3. Подъемная. То же; монета потерта, края обрублены, но изображения довольно отчетливы. Вес — 7,95 *г*, диаметр — 20—22 *мм*.

4. То же. Монета сильно потерта. Вес — 7 *г*, диаметр — 20 *мм*.

5. Подъемная. То же, сохранность плохая. Вес — 6,8 *г*, диаметр — 21—24 *мм*.

6. Найдена при вскапывании земли на Маслахаттепа. То же. Сохранность плохая. Вес — 4,5 *г*, диаметр — 20—21 *мм*.

Все шесть халков Васудевы I из Халчаяна принадлежат к традиционному типу монет этого кушанского государя — по составу изображений и по метрическим показателям[237]. Обращает внимание сильное

колебание веса при почти едином диаметре монетного кружка — от 0,7 до 3,5 *г*.

Васудева II (рис. 77,*б*). Из пяти монет этого правителя, найденных в Халчаяне, четыре подъемных, а одна извлечена из археологического слоя при раскопках на Карабагтепа. Сохранность всех экземпляров весьма посредственная, изображения нечетки.

1. Средний халк. Вес — 5,35 *г*, диаметр — 18 *мм*. Наиболее отчетливый образец. Аверс — фигура государя, стоящего прямо, в кафтане с широкими рукавами и заостренными сбоку полами; в верхнем поле справа — ленты скипетра. Реверс—фигура богини Ордохшо, сидящей прямо, с раздвинутыми коленями, на троне с точеными ножками.

2. То же. Вес—7,54 *г*, диаметр—18 *мм*.

3. То же. Вес—5,9 *г*, диаметр—18 *мм*.

4. Карабагтепа. Раскоп К-I на крепостной стене, в пахсовой забутовке последнего периода ее перестроек, кв. Д—13/IX. Вес—5 *г*, диаметр—17—18 *мм*. Тот же тип, на лицевой и оборотной сторонах справа следы легенды.

5. То же, вес—1,49 *г*, диаметр—15 *мм*.

Рис. 77. Монеты Васудевы I (*а*) и Васудевы II (*б*).

Данный нумизматический тип монет Васудевы широко известен[238]. Большинство исследователей считает, что было два кушанских государя с этим именем[239], а в настоящее время наметилась тенденция предполагать существование и Васудевы III[240]. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что хотя образ Ордохшо на троне встречается на монетах у того и другого правителя, иконография Васудевы I и II между собой заметно различается характером царского одеяния; отличны и метрические показатели (вес, диаметр). Все это убедительно свидетельствует в пользу существования и последовательного правления двух кушанских государей с именем Васудева.

Так же, как и в чекане Васудевы I, обращает внимание, что при едином диаметре (18 *мм*) четырех из описанных халков Васудевы II из Халчаяна и единстве изобразительных мотивов имеются значительные весовые колебания — от 0,35 до 2,5 *г* при небольших размерах самого монетного кружка. По-видимому, факт этот служит указанием на определенную неустойчивость государственных весовых номиналов, связанную с общим неблагополучием экономики и денежного хозяйства, побуждавшим государство к спекулятивным мероприятиям по уменьшению веса металла, при сохранении внешнего единства монетного знака.

Монеты индийского и тюрко-согдийского типа (рис. 78). Число монет из Халчаяна периода кризиса рабовладения и раннефеодальной поры невелико. Все они — бронзовые.

1. Небольшая, тоненькая монетка, напаянная, может быть как амулет, на колечке (рис. 78,*а*). Поверхность потерта. Вес (с припаянными концами кольца) — 2,30 *г*. диаметр — 14 *мм*. Реверс содержит гибкую, с изогнутыми бедрами фигурку в высоком головном уборе, с

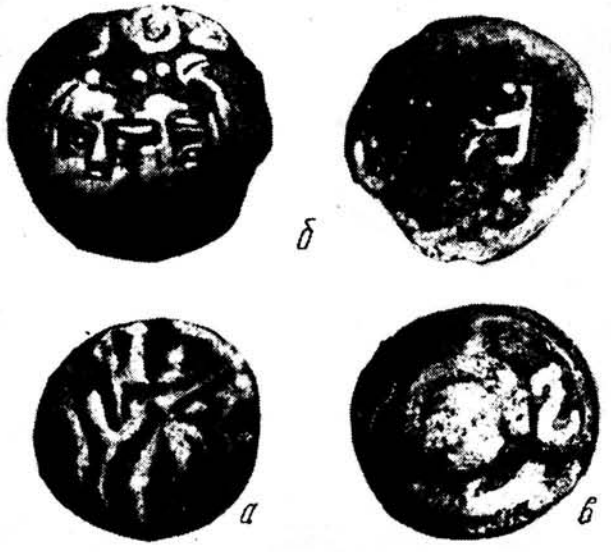

Рис. 78. Монеты VI—VII вв.

развевающимися лентами; справа и слева фигурные знаки (надписи или орнаменты). Напоминает изображение Лакшми на монетных знаках Чандрагупты II (380—414 гг.)[241].

2. Тонкая монетка, найденная при вскапывании земли на участке им. Коминтерна, неподалеку от обнаруженной здесь профилированной «аттической» каменной базы. Сильно затерта. Вес —2,67 *г*, диаметр — 18 *мм*. Аверс (более выпуклый) — как будто фигура человека со скрещенными ногами и воздетыми руками, у края идут вкруговую крупные, выпуклые точки. Реверс — трудно различимый силуэт человеческой фигуры с опертой у бедра левой и приподнятой правой рукой. Судя по тонкости и маловесности, монета эта явно послекушанская. Аверс ее напоминает монеты непальского правителя Пашупати из династии Сурьяванси (VII в.)[241], но реверс иной, взывающий к кушанской изобразительной традиции.

3. Тонкая, слегка скифатная монета, с довольно четким изображением, поднята на одном из бугров Ханакатепа, лежащем к северо-западу от дворца (рис. 17,*б*). Вес — 2,65 *г*, диаметр — 18—19 *мм*. Аверс — два соприкасающихся щеками лица, почти в фас; головы увенчаны полумесяцами рогами вверх, с точкой посредине. Реверс —

ромбовидная с крючкообразными загибами противоположно направленных концов тамга.

Монеты этого типа из самаркандской коллекции Петрова — Борзна уже были известны дореволюционной русской нумизматической науке. Они были отнесены В. Тизенгаузеном в разряд «предисламских»[242]. М. Е. Массон, встречавший их в составе монетных находок из областей древнего Шаша и долины Зарафшана, относил их к разряду тюрко-согдийских конца VI—VII в. и усматривал в характерных спаренных бюстах мужчины и женщины копирование чекана Византии, где подобные изображения появляются впервые на медных монетах Юстина II (565—578 гг.), ко двору которого около 568 г. впервые прибыло посольство от тюрок с участием купца-согдийца Маниаха[243]. О. И. Смирнова, опубликовавшая 4 монеты, которые варьируют данный нумизматический тип (в частности три из пянджикентских находок), относит их по надписям к согдийскому типу, отмечая, вместе с тем, «тюркский» тип лиц[244].

Халчаянская находка прибавляет новый, пока самый южный пункт распространения одного из вариантов этого монетного типа, с характерной тамгой, аналогии которой дает самаркандский экземпляр, опубликованный В. Тизенгаузеном[245].

4. Подъемная монета из Халчаяна — скифатная, с совершенно бесформенными краями. Вес — 2,51 *г*, диаметр — 18—20 *мм*. Сильно потерта. На аверсе внутри ободка видны следы округло-рельефного изображения в центре и две S-образных тамги по обе стороны от него; реверс почти неразличим.

5. Описанный экземпляр объясняет аналогичная по типу скифатная монета с раскопа на цитадели Дальверзинтепа, извлеченная из завала под платформой предарабского здания, воздвигнутого над гребнями античных стен цитадели (рис. 78,*в*). Вес — 1,73 *г*, диаметр — 17 *мм*. Она сильно потерта, тем не менее на аверсе видно лицо в фас, в слегка заостренном на макушке колпаке, над которым расположен кружок. Изображение на реверсе неразличимо.

Оба монетных кружка входят также в разряд «тюрко-согдийских» монет VI — начала VIII в.[246] Близкую трактовку лица в сходном головном уборе дает монета неизвестного согдийского правителя, найденная в Пянджикенте, которую О. И. Смирнова предположительно датирует VIII в.[247] S-образная тамга в единичном изображении встречена в Пянджикенте на монете другого согдийского правителя[248]. Но в целом обе наши монеты (из Халчаяна и Дальверзинтепа) дают совершенно новый вариант монетного знака с изображением лица правителя в фас, между двумя S-образными знаками; характерно также несовпадение метрических показателей (вес и диаметр)в сравнении с согдийскими монетами этого рода. По-видимому, наряду с предыдущей «двуликой» монетой они входили в чекан саган-худдатов VI—VIII вв., номинально подчиненных тюркскому каганату, но фактически, как и подавляющее большинство полунезависимых раннефеодальных владений Средней Азии, чеканивших для внутреннего потребления свои локальные образцы монетных знаков, варьирующих сходные типы общегосударственного чекана.

Чекан мусульманских династий. На территории самого Халчаяна число монетных находок этой категории невелико. Между тем к северу и юго-западу от него, как нам сообщали жители, находки монет с мусульманскими письменами довольно значительны — там

иногда попадаются даже небольшие монетные клады. В нижеприведенной описи даем перечень монет, найденных, по словам вручивших их лиц, в пределах Халчаяна, и двух экземпляров, обнаруженных нами при раскопках.

Монеты медные, сильно потертые, надписи на большинстве из них плохо различимы[249].

1. Саманидский фельс Мансура б. Нуха, 356 г. х. (966/7 г.), Бухара.
2. Саманидский фельс Мансура б. Нуха, 35? г. х. (между 961—971 гг.). Поднят на холме к северу от дворца.
3. Фельс XII в. Поднят в районе школы, близ участка им. Коминтерна.
4. Фельс XIV в., чекан Самарканда, Ханакатепа, Южный дом, кв. $\frac{\text{E}-6}{\text{XI}}$ (на склоне).
5. Фельс начала XIV в., анонимный монгольский чекан, Термез (?). Ханакатепа, дворец; из погребения монгольского воина.
6. Джагатаидский фельс, 773 г. х. (1371/2 г.), Бадахшан (?).
7. Фулюс XV в., Самарканд.
8. Тимуридский фулюс 83? г. х. (между 1426—1436 гг.), Самарканд.
9. Динар XV или XVI в., Бадахшан.

Состав перечисленных средневековых монет довольно случаен, но в хронологическом отношении он вполне совпадает и с появлением монгольского кладбища на Ханакатепа и с теми единичными фрагментами керамики X—XII, XV—XVI вв., которые попадаются на халчаянских полях (главным образом в северной части) среди огромной массы черепков античной поры.

В целом монетные находки из Халчаяна вносят существенные уточнения в периодизацию истории этого населенного пункта, восполняя общий комплекс археологических наблюдений.

Глава II

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ХАЛЧАЯНА

АРХИТЕКТУРА

Исследования Халчаяна расширяют общие представления об уровне, приемах и методах строительной техники бактрийско-кушанской поры на территории античного Сагаииана, а в более широком плане и всей правобережной Бактрии[250].

Круг применявшихся строительных материалов был довольно обширен. Ведущим строительным сырьем, как и по всей Средней Азии, служил лёсс — материал дешевый, прочный, пластичный, повсеместно распространенный. Он шел на выделку сырцового кирпича, который употреблялся в кладках фундаментов, стен и сводов; использовался в качестве заполнителя глинокаркасных конструкций стен; применялся в глинобитных массивах пахсы; служил связующим раствором, штукатурным и смазочным материалом; шел на изготовление штучных изделий — жженого кирпича для вымостки полов и выполнения некоторых конструктивных деталей — плоских и фигурных черепиц плоских кровель, венчающих зубцов — мерлонов. Видное место принадлежало также дереву (которым в древности были так богаты горные склоны и речные долины Средней Азии), употреблявшемуся в каркасных системах, несущих опорные стойки балочных перекрытий. Значительно меньше применялся камень, из которого вытачивались базы колонн, а иногда, видимо при возведении особо парадных сооружений, архитектурно-декоративные блоки. Таковы, например, два блока — один с бугра Кой-Турабектепа, другой — из арыка у Маслахаттепа, профилированные у края высокой полкой и четвертной выкружкой. Вероятно, это основания цоколей; угловой блок с Маслахаттепа мог служить краеугольным камнем такого цоколя.

Конструкции фундаментов халчаянских построек варьируют в зависимости от практических задач, возникавших перед строителями. Так, в Западном доме были использованы руины более древнего здания, которое выравняли наподобие платформы рядами сырцового кирпича,

Таблица

Место находки и памятник	Размеры кирпича, *см*		Датировка	Источник сведений (при отсутствии ссылок — данные автора)
	сторона квадрата	толщина		
Старый Термез*				
Крепость-кала	30	12,14		В. Д. Жуков
	35	14		(ТАКЭ, I, стр. 208)
Руины зданий на площади „В"	31,5—34	10—13		В. Д. Жуков (Там же, стр. 208)
Крепостная башня в северной части площади „В"	29,5 32—34	12—14		В. Д. Жуков (там же, стр. 209)
Здание к северу от площади „В"	32-33	14—15		М. Е. Массон, В. Д. Жуков (там же, стр. 72, 209)
Холм Чингизтепа, здание на южном склоне	35(основной) 31—38,5 (варианты)	12 9—11	I—III вв.	Б. Б. Пиотровский, В. Д. Жуков (там же, стр. 160, 208)
Стена на гребне холма Чингизтепа	33 (основной) 31—34,5 (варианты)	10 11—13		Б. Б. Пиотровский, В. Д. Жуков (там же, стр. 167, 208)
Башня Зурмала	30—35	10—13	II—III вв.	М. Е. Массон, В. Д. Жуков (там же, стр. 209)
Айртам				
Буддийский монастырь	27,5—33	10—12	I в. н. э.	М. И. Вязьмитина (ТАКЭ, II, стр. 38)
Развалины ступа	32	12	I—III вв.	
Кей-Кобад-шах	33—36	11—13		М. М. Дьяконов (МИА СССР, № 37, стр. 261)
	34 (основной) 32—35,5	10—12	III—I вв. до н.э.	А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер (МИА СССР, № 66, 1956, стр. 292); Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер (КСИИМК, 64, 1956, стр. 79)
Шахринау	36	12-14	Около II в. до н. э.	Е. А. Давидович (Труды АН ТаджССР, т. XIII, 1956, стр. 76—77)
Кумтепа	34—36	12—14	Около I в. до н.э.—I в н. э.	Б. А. Литвинский (КСИИМК, 64, 1956, стр. 73)
Кухне-кала	36	16—18	II—I вв. до н.э.	Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович (ДАН ТаджССР, вып. II, 1959, стр. 55)
Хайрабадтепа	38	10	I—II вв.	Л. И. Альбаум (Балалыктепе, стр. 42, 49—50)
	37—38	12—13		
	40	10—12		
	32	10	III—IV вв.	

* В опубликованной ранее сводке размеров сырца из построек древнего Термеза (см. ТАКЭ, I, стр. 208—209) датировки нет. Основная часть этих сооружений восходит ко времени Кушан, а некоторые, в частности крепостные стены, видимо, еще старше.

Продолжение таблицы

Место находки и памятник	Размеры кирпича, *см*		Датировка	Источник сведений (при отсутствии ссылок—данные автора)
	сторона квадрата	толщина		
Хан-Газа	43—45	12	II в. (?)	А. М. Мандельштам (Труды Инст. истории АН ТджССР, т. XXXI, 1961, стр. 69)
Тешиктепа	41	10	I—II вв.	
Дальверзинтепа				
Первичная крепостная стена цитадели	45	12—13	Около II в. до н. э.	
Вторичный „футляр" крепостной стены цитадели	35 32 (основной) 30—31	11—12 12	I—II вв.	
Крепостная стена города	42 (основной)—43 38, 40	10—12 10		Данные раскопок Л. И. Альбаума
Жилое здание в черте города	38 33	10 10	I—II вв.	
Халчаян				
Ханакатепа дворец	34—36 (основной) 40	12 12	I в. до н.э	
(ремонт)	30—32	10—11	II—III вв.	
Западный дом	36	14	II—I вв. до н. э.	
Юго-западный дом	40	14 (основной) 12—13 15—16	II—I вв. до н.э.	
(перестройка)	30—31	10	III—IV вв.	
Карабагтепа				
Фундамент древней крепостной стены	40—41	10—12	III—II вв. до н. э.	
Прокладки между рядами пахсы древней стены и протейхизма	44	12—15		
Вторичный „футляр" крепостной стены	31 (основной) 30—32 35	10	I—II вв.	

перемежающегося с камышовыми прокладками; последние, очевидно, призваны были препятствовать подтягиванию грунтовых солей и разрушению сырца. В дворцовом здании, воздвигнутом на культурных слоях, накопленных в предшествующие века, фундаменты из сырцового кирпича заглублены в грунт на 65 *см* — 1,40 *м*, иногда они имеют уширенные подошвы.

Устройство фундамента крепостных стен Карабагтепа иное. Здесь изначальная стена сооружалась не на культурном слое, а на материке, и потому строители, вырыв общий со рвом котлован, заложили плотный фундамент из сырца шириною 7 *м*, на котором были основаны комбинированные пахсово-сырцовые кладки коренной стены и сырцовые кладки протейхизмы. Чередование сырцовых и пахсовых кладок, как полагает Д. Шлюмберже, присуще и фундаментам ранних бактрийских укреплений древних Бактр (Балх, Бала-Хисар)[251]. Между тем фундаменты крепостных ограждений Кобадиана выполнены из однородной битой глины[252].

Стены монументальных халчаянских зданий выводились в основном из сырца, но также иногда применялась комбинированная кладка (сырец с пахсой). Так, ранняя (бактрийская) крепостная стена Карабагтепа, покоящаяся на сырцовом фундаменте, состоит из пахсовых блоков; кушанский «футляр» этой стены также имеет в основании сырцовый цоколь (7 рядов), на котором основан массив пахсы. В Западном доме на Ханакатепа стены основного (третьего) строительного периода (II—I вв. до н. э.) выведены либо сплошь из сырца, либо комбинированной кладкой. Комбинацию сырцовых и пахсовых рядов можно видеть в руинах Тешик-кала в Термезском районе Узбекской ССР; в крепостных стенах городища Кей-Кобад-шах, которые содержат чередование слоев пахсы (80, 75 и 100 *см*) с двумя, шестью и двенадцатью рядами сырцового кирпича[253], в платформе кушанских построек на Хан-Газе[254].

Сырец античных халчаянских зданий — квадратной формы, с добавками в хорошо очищенную глиняную массу рубленого самана; позднеантичный сырец (III—IV вв.) качественно ниже, в нем много шамота, песка дробленой керамики и пр. Необходимо отметить, что в отличие от иных среднеазиатских областей — Мерва, Хорезма, Нисы, где стандарт античного кирпича имел сравнительно стойкие пределы — около 40 *см* в стороне квадрата (варианты от 39 до 44 *см*) при толщине 10 *см* (варианты до 14 *см*), — в Бактрии не придерживались какой-то традиционной единицы линейного измерения — здесь размеры сырца варьируют в значительных пределах.

Ниже приводим сводную таблицу размеров античного сырцового кирпича из областей правобережной Бактрии.

Сравнивая данные таблицы, можно выделить три основных размера сторон кирпича: крупный (в среднем около 40 *см*), средний (около 35 *см*), малый (около 31 *см*), с колебаниями 1—2 *см* в ту и другую сторону, при толщине 10—12 *см* (изредка 14—15 *см*). Такие колебания могут быть объяснены отсутствием идеально строгих измерительных эталонов при изготовлении сырцового кирпича. Размеры деревянных форм принимались, очевидно, близкими к локальным линейным мерам, употреблявшимся в античное время в областях Бактрии, но при этом допускались некоторые отклонения, поскольку в процессе усушки кир-

пича его размеры в зависимости от сорта глины и качества замеса неизбежно колебались.

Таблица иллюстрирует одновременность употребления здесь всех трех основных размеров кирпича. Вместе с тем отмечается определенная тенденция уменьшения формата от более крупного в раннеантичное время к меньшему в постройках кушанского времени. Особенно это видно при сопоставлении сырца в изначальных кладках и кушанских «футлярах» крепостных стен Карабагтепа и Дальверзинтепа. К III—IV вв. преобладающим становится некрупный размер 30—32 × 10 *см*.

Во дворце и Юго-западном доме Халчаяна обращает на себя внимание тот факт, что если ранний сырец изготовлен из плотного, желтоватого лесса, то поздний — пепельно-серого цвета с большими добавками гальки и битой керамики; сырец этот четко обрисовывают желтые контуры лессовых швов. В поздних закладках дворца, наряду с квадратным кирпичом, встречается сырец 30 × 32 × 10, 30 × 34 × 11, 31 × 34 × 10 *см*. Таким образом, здесь как бы намечается переход к тому прямоугольному стандарту сырцовых кирпичей, который присущ тохаристанской и согдийской архитектуре V—VIII вв.

Для сырцовых кирпичей халчаянских сооружений (как и других перечисленных в таблице памятников бактрийско-кушанского зодчества) характерно наличие на одной из постелей разнообразных фигурных знаков, сделанных до просушки. Выполненные не штампом, а просто проведенные пальцем, даже одни и те же фигуры в пределах кладок единого здания заметно отличаются друг от друга по начертанию.

Вопрос о значении этих клейм, типичных для античной архитектуры различных районов Средней Азии (они обнаружены также в памятниках Хорезма, Мерва, Парфиены и др.), пока окончательно не разрешен. В научной литературе есть несколько предположений. С выдвинутой в свое время С. П. Толстовым гипотезой, будто они являют собою тамги — знаки родовой принадлежности[255], не согласуется ни то, что появление этих клейм отмечается на кирпичах построек периода не родового строя, а развитого рабовладельческого общества, ни то, что простейшие знаки (типа черты, крестовины, кружка или полукружия) встречаются повсеместно в самых разноудаленных областях античной Средней Азии разноплеменной этнической среды. В. Л. Воронина видела в них знаки учета работы мастеров или групп рабочих, поставлявших партии кирпича[256]. Исследователи же Кобадиана, начиная с М. М. Дьяконова, полагали, что в изготовлении сырца для оборонительных сооружений Кей-Кобад-шаха принимало участие все население города, объединявшееся в определенные группы, каждая из которых метила кирпичи особыми знаками для учета выполненной работы, и усматривали среди них, помимо чисто геометрических фигур, буквы греческого алфавита[257]. М. И. Филанович трактует клейма на кирпичах из Мерва как знаки владельцев специальных рабовладельческих мастерских, выполнявших поставки сырца для городского строительства[258].

Исследование халчаянских сооружений позволяет выдвинуть иное истолкование. Варианты знаков в них исключительно обильны, разнообразны по начертанию и в разных постройках не совпадают по типам. Особенно характерны в этом отношении клейма из вскрытий Юго-западного дома. Метки имеются здесь на всех кирпичах, причем они дают до 25 типов знаков, в каждом из которых вдобавок имеются различные

варианты начертаний. Свыше десяти знаков обнаружено на сырце из дворцовых стен. Предположение об обозначении им счета партий кирпича снимается, так как невозможно представить столь значительное число различных счетных знаков в эпохиально единых архитектурных сооружениях Халчаяна. По той же причине отпадает и истолкование их, как клейм определенных мастерских или каких-то объединенных групп горожан, ибо не могло 25 корпораций вырабатывать сырец для не очень крупного Юго-западного дома. В архитектуре средневековья — в период развития корпораций и сложения ремесленных цехов — проставление различных знаков на кирпичах сходит на нет (если не считать простейших черт, наносящихся для лучшего сцепления раствора). Наблюдение о сходстве некоторой части знаков с буквами греческого алфавита (скорее того искаженного смесью с карошти «кушанизированного» письма, которое бытовало в областях Бактрии — Тохаристана) основано лишь на очень приблизительном внешнем подобии знаков, причем немалое количество клейм ничего общего с ними не имеет.

Мы полагаем, что клейма эти наносились людьми едва ли грамотными, избиравшими определенный несложный личный знак (иногда может быть и букву) для выделения изготовленных ими кирпичей или партий кирпича, и это был знак р а б а, по которому его владелец, либо надсмотрщик определял проделанную работу.

Повторение сходных простейших знаков — таких, как кружок, скобка, крестовина и т. д. — в различных античных пунктах Средней Азии обусловлено именно простотою их начертания, благодаря чему они — совершенно независимо — могли избираться рабом или назначаться ему владельцем.

Характерно, что в закладке верхнего помещения Южного дома, восходящей к позднекушанской поре, все кирпичи (их, по подсчету, было сотни три) несут одно и то же, лишь варьирующее по начертанию клеймо, наподобие буквы Э; очевидно, все они изготовлены были одним рабом. Между прочим, на городище Айратам нами обнаружены остатки небольшого помещения, стенки, ступени, арочные ниши и своды которого выведены из квадратных, клинчатых или лекальных жженых кирпичей, несущих один и тот же стреловидный знак, принадлежавший изготовлявшему их лицу. Фигурные знаки отмечены также на фрагменте зубца и фрагменте черепицы из Халчаянского дворца.

Стены халчаянских построек крайне массивны и очень неэкономичны в смысле расходования строительного материала. Если в крепостных твердынях Карабагтепа, и особенно Дальверзинтепа, мощь кладок оправдана их фортификационной функцией, то и в домах на Ханакатепа, имевших чисто бытовое назначение, толщина стен непомерно велика. В какой-то степени, возможно, этим обеспечивался температурный режим помещений — прохлада в жаркие дни, сохранение тепла в зимнее время; той же цели служила и толстая земляная кровля. В этой связи уместно вспомнить указание Страбона о Сузиане, где царила чрезвычайная жара: «Поэтому жители покрывают крыши слоем земли толщиною в 2 локтя, а из-за тяжести такой кровли они вынуждены строить узкие и длинные дома; хотя у них нет длинных балок, им все же нужно строить просторные дома из-за удушливой жары»[259]. В конструктивном же отношении массивы кладок халчаянских зданий были явно излишни: так, во дворце наружные стены достигают 3,0 *м*, внутренние — 1,8—

2,2 *м*; в Западном доме наружные — 2,7 *м*, внутренние — 1,8—2,0 *м*; в Юго-западном доме толщина стен равна 2,65—3,00 *м* при двухметровом пролете ограниченных ими длинных, но узких комнат. Запасы прочности явно излишни и связаны, очевидно, с общим уровнем развития технических знаний в условиях рабовладельческого способа производства, где не щадили труд рабов и где количественная монументальность составляла определенное качество архитектурного стиля.

Полы халчаянских зданий обычно земляные, с плотной глиняной смазкой поверхности, но иногда в вымостке помещений применен жженый кирпич. Так, в Западном доме вторичный пол комнаты, датируемый II в., выложен квадратным кирпичом (30 — 31 × 3 — 3.5 *см*)[260].

В античном зодчестве Бактрии получили развитие две основные системы перекрытия — балочная и сводчатая, хотя явно преобладала первая. Конструктивные приемы балочных перекрытий выявлены в халчаянских домах. Так, в Юго-западном доме сохранились гнезда и истлевшие остатки балочек диаметром 18—20 *см*, размещенных, несмотря на небольшой, всего двухметровый пролет помещения, на близких (до 50 *см* по осям) расстояниях. Очевидно, на них покоился тот сплошной накат из горбыльков, который доныне широко распространен в народной архитектуре Средней Азии («васса») и который порожден был экономией строевого леса, стремлением использовать всякого рода древесные отходы. Поверх следовала массивная отмостка рядами сырцового кирпича и смазка пола II этажа. Остатки рухнувшей и частично сгоревшей кровли, перекрывавшей главный зал и колонный айван дворца, позволяют реконструировать ее, так же, как систему параллельных балок, наката-вассы, камышового покрытия (следы истлевшего камыша отчетливо видны в завалах) и глиняной смазки кровли. По краю крыши здесь следовали наполовину выступающие черепицы, свес которых обеспечивал сток воды. Размеры черепичных плит (судя по сохранившимся фрагментам) достигали 39,5 *см* по ширине, свыше 50 *см* по длине, при 4,5 *см* толщины; на трех сторонах верхней постели имеются рельефные валики. Стык этих плит перекрывали те полужелобчатые черепицы с вертикальным, фигурнооформленным щитком, которые в классических ордерах известны под наименованием антефиксов.

Развитие архитравных перекрытий было тесно связано с применением деревянных колонных систем. В комнате 7 дворцового здания на Ханакатепа две колонны поддерживали средний несущий прогон, а главный фасад был выделен шестиколонным айваном. Деревянные стволы старобактрийских колонн покоились на каменных базах с выточенным в центре гнездом для скрепления. Введение каменных баз преследовало, очевидно, чисто практические цели — сохранение колонн от загнивания, возможного на глинобитном полу, подтягивающем почвенную сырость, а также создание сильного основания для передачи тяжести от стоек и перекрытий на грунт. В известной мере они имели и антисейсмический смысл, так как опирание деревянной стойки, соединенной лишь при посредстве небольшого, неплотно сопряженного шипа, создавало свойства подвижного шарнира. Базы дворцового айвана покоились на песчаной подсыпке, заполнявшей небольшой котлован, что также являлось антисейсмической мерой; подобный прием устройства песчаного основания под каменные базы отмечен и в постройках парфянской Нисы[261].

Два типа баз, обнаруженных в Халчаяне, характерны для всех районов Бактрии. Базы одного типа имеют профиль сильного тора на квадратном, чаще о двух уступах, плинте; вторые следуют профилировке так называемой аттической базы — квадратный плинт и два вала, разделенных скоцией и полочками (рис. 79).

Материалом баз служила местная порода камня — сероватый третичный известняк, добывавшийся у подножья Байсунского хребта — километрах в 20 от Халчаяна. Они обтачивались путем вращения на специальном стане — концентрические следы работы резца отчетливо видны на поверхности.

Халчаянские торовидные базы заметно варьируют в своих пропорциях, имея то сильный, то как бы сплюснутый тор, основанный на прямом или профилированном четвертной выкружкой верхнем уступе, при прямом, либо слегка скошенном нижнем, который обычно наполовину уходит под пол.

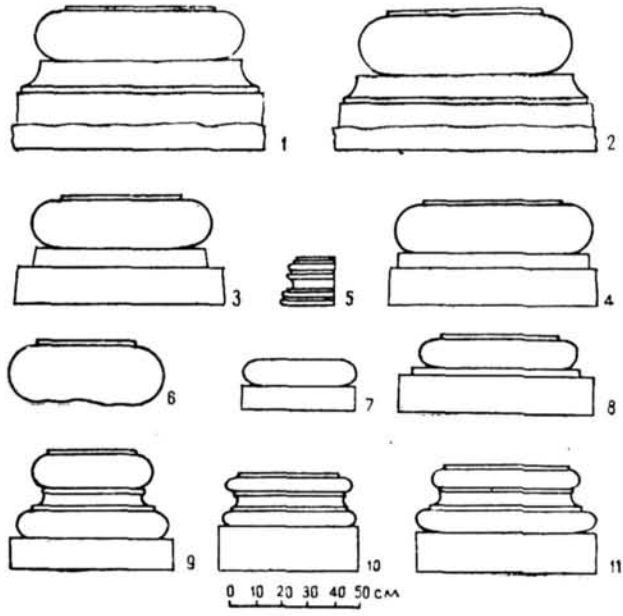

Рис. 79. Каменные базы.

1—5 — Халчаян, дворец; *6* — к востоку от дворца; *7—10* — на колхозных полях; *11* — с кладбища в колхозе „Ленинизм".

Торовидные базы, помимо Халчаяна, встречены в Термезе[262], в Микоянабаде[263] и Уштум-Булаке (Южный Таджикистан)[264]. Форма эта очень проста, создает естественный переход от квадратного основания к круглому стволу. Она имеет стародавний азиатский генезис. Такие базы обнаружены в Духтари-Нуширван (VI в. до н.э.)[265] и широко входят в ахеменидское зодчество (гробницы Нахши-Рустема[266], «Сокровищница» Персеполя[267]). В античную пору ареал их распространения простирался от Парфии (Ниса)[268] до Индии[269]. Вполне естественно обнаружение торовидных баз и в архитектуре промежуточной области древней цивилизации — Бактрии. Торовидные каменные базы пережиточно войдут в раннесредневековое зодчество Средней Азии, о чем свидетельствуют постройки Пянджикента[270].

Отметим, что базы хорезмийских античных зданий (дворец в Калалыгыре, дом в Гяур-кале) имеют иную форму — наподобие шаровидного горшка на трехступенчатом плинте[271].

«Аттические» базы обнаружены в Халчаяне на ремонтном участке комнаты 7 во дворце, а также при вспашке колхозных полей. База этого типа была нам указана В. А. Козловским на кладбище Сар-Мазар на землях колхоза «Ленинизм», неподалеку от Дальверзинтепа. В большом

числе «аттические» базы найдены в Старом Термезе[272], в Вахшской долине[273], одна обнаружена в Кобадиане[274].

Хотя само название, прочно вошедшее в архитектурную номенклатуру, как будто связывает эту форму с материковой Грецией, в действительности она и в классических ордерах имеет восточно-греческое происхождение (один из самых ранних примеров в греческой архитектуре — храм Артемиды Эфесской VI в.); видимо, в основе ее лежит азиатский генезис. Распространение «аттической базы» в среднеазиатской архитектуре первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры подтверждается все бо́льшим числом открытий в Парфии[275], в бактрийско-кушанских областях, в частности в памятниках левобережной Бактрии — в Сурх-Котале[276], Кундузе[277] и Кабулистана — в Шотараке[278], Бегараме[279]. Стойкая приверженность к этой форме свидетельствует о ее чрезвычайной традиционности в античном зодчестве Среднего Востока.

Наряду со стоечно-балочной системой в бактрийской монументальной архитектуре сосуществовала сводчатая. Основания сводов «отрезками» в перекрытии помещений пролетом до 2,0—2,5 *м* были выявлены в доме кушанского времени на холме Чингизтепа в старом Термезе[280], в укреплении Кум-кала[281], на безымянном тепа в Вахшской долине, где сохранилась часть свода пролетом 2,90 *м*, выведенного из специальных клинчатых сырцовых кирпичей[282]. Чудом уцелевшая часть свода на Тешиктепа в Анхорском районе свидетельствует, что кривая его имела слегка повышенное очертание, а кладка осуществлена радиальным расположением сырцовых кирпичей, с треугольными разделительными швами. Характерно, что высеченные в толщах приамударьинских песчаников коридоры буддийского пещерного монастыря первых веков нашей эры на холме Каратепа в Термезе также повторяют профиль повышенной кривой, явно имитируя форму сырцовых сводов.

Арки оконного и дверного проемов в Юго-западном доме на Ханакатепа (см. рис. 51) дают два варианта единого конструктивного приема. Они имеют полуциркульное очертание и выведены клинчатой кладкой, т. е., очевидно, с применением кружал. Кирпичи лежат тычком по радиусам кривизны, образуя треугольные швы. Выше следует отрезок разгрузочной, также выведенной клинчатой кладкой арки, обнимающей свыше половины нижнего архивольта и упертой в горизонтальные ряды, которые создают противодействие силам распора. Прямых аналогий этой конструкции в античном зодчестве Среднего Востока пока неизвестно. Систему двухрядной выкладки арок с верхним разгрузочным рядом можно видеть в позднеантичных хорезмских крепостях Аяз-кала и Топрак-кала[283], однако прием выведения здесь несколько иной, она не столь компактна, а внешний ряд полностью обнимает архивольт нижнего. Таким образом, в разных историко-культурных областях Средней Азии в античное время были самостоятельные методы выведения арочно-сводчатых конструкций.

Исследования, проведенные на Карабагтепа и на цитадели Дальверзинтепа, выявили новый материал для характеристики бактрийской фортификации. Общую черту обоих античных саганианских укреплений составляет отсутствие фланкирующих башен. Они неощутимы в микрорельефе, не обнаружены и при раскопках. Расчистка юго-западного участка стены Дальверзинтепа на протяжении 50 *м* показала, что даже

угловой бастион выступал лишь на 70 *см* относительно стены, хотя он, несомненно, над нею возвышался. Стена же выведена ровной кладкой, без выступов, фланкирующих башен и пилястр.

Принцип устройства ровных, безбашенных стен довольно архаичен, — по-видимому, он пережиточно восходит в обеих саганианских крепостях к домакедонским временам, когда в бактрийской среде были еще неизвестны достижения передовой эллинистической полиаркетики. Среди других подобных среднеазиатских античных крепостей можно сослаться на Джанбас-калу (III в. до н. э.) в Хорезме, гладкие стены которой пронизаны в два ряда множеством бойниц[284] и на Бабиш-Молла (IV — III в. до н. э.), имеющую веерообразные бойницы по фронту протяженных стен[285]. Вероятно, безбашенными были и крепостные стены бактрийского в своей основе городища Хайрабадтепа в Термезском районе[286].

На расчищенных нами участках стен обеих саганианских крепостей верхних бойниц не обнаружено. Объясняется это либо тем, что верхние кладки здесь не сохранились, так как на Карабагтепа остатки раннебактрийских стен вошли в «футляр» кушанских перестроек, а на Дальверзинтепа — под здание VI—VII вв., либо вообще отсутствием бойниц, кроме как на самых гребнях стен, откуда и велся обстрел врага. В стенах городища Кей-Кобад-шах — главного городского центра античного Кобадиана, при археологических раскопках также не обнаружено бойниц[287]. Однако в первоначальном караульном помещении укрепления ворот в крепости Карабагтепа сохранился внизу пучок из трех бойниц (одна косая, две прямых), которые могли использоваться лишь для подошвенного обстрела врага на случай, если бы он прорвался в ворота.

Подвергнутые до настоящего времени археологическому изучению античные крепости северной Бактрии дали в основном стены, фланкированные расположенными на довольно частых интервалах прямоугольными башнями. К числу таких относятся Кей-Кобад-шах (III—I вв. до н. э.)[288], Кухне-кала (предполагаемая дата II—I вв. до н. э.)[289], Кум-кала (около I в. до н. э. — I в. н. э.)[290] в Вахшской долине, Шахринау в Гиссарской долине[291]. Прямоугольные башни фланкируют и стены Беграма, воздвигнутые около III—II вв. до н. э.[292] Архитектура укреплений Кухне-кала усложнена введением на башнях и промежуточных отрезках стен сильных выступающих пилястр[293].

В раннекушанских укреплениях Кум-кала и Хайрабадтепа, помимо стрелковых камер в башнях, имеется внутристенный стрелковый коридор[294]; остатки стрелковой галереи обнаружены нами в ремонтном «футляре» времени Канишки на Карабагтепа (к III в. она была забутована). Неизвестно, были ли такие галереи в массивах ранних бактрийских стен Карабагтепа и цитадели Дальверзинтепа, но во внешнем кушанском «футляре» последней она, несомненно, была устроена, однако небольшая по толщине (дабы не делать чересчур глубоких бойниц) внешняя стенка здесь со временем разрушилась.

Характерно, что упомянутые выше раннекангюйские крепости Хорезма также дают два типа крепостных стен — прямых (Джанбас-кала, Бабиш-Молла) и укрепленных прямоугольными башнями (Хазарасп). По-видимому, фортификация во всем амударьинском бассейне развивалась в ту пору сходными путями.

В бактрийских укреплениях III—II вв. до н. э. мы отмечаем соблю-

дение ряда правил античной фортификации, подобных тем, которые к I в. до н. э. будут обобщены в архитектурном трактате Витрувия. Так, говоря о возведении крепостных валов в равнинных условиях, где враг может подойти по ровному месту к стенам на приступ (а большинство крупных городов правобережной Бактрии сооружалось именно в речных долинах), Витрувий указывает, что «в подобного рода местах надо, во-первых, делать как можно более широкие и глубокие рвы, а затем закладывать фундамент стены вала в дно рва и возводить его такой толщины, чтобы хорошо поддерживать насыпь»[295]. В другом месте он отмечает необходимость при закладке фундаментов башен и стен «копать ров до материка, если можно до него дойти, да и в самом материке, на глубину, соответствующую размерам возводимой постройки, и шириною больше будущих надземных стен, и заполнять его самой основательной каменной кладкой»[296]. Устройство оснований в укреплениях Карабагтепа почти в полной мере отвечает этим принципам. Строители здесь опустили котлован до материка, вывели сырцовый фундамент общей шириною до 8 *м*, сразу же оставив по фронту канаву обводного рва, и уже на этом фундаменте основали стену, привратное устройство и прилежащий к ней выступ барьерной стенки. Единственное отличие от цитированных правил состоит лишь в том, что вместо камня в основании употреблен сырец. Однако и здесь нет принципиальных отступлений от трактата Витрувия, в котором говорится следующее: «Что же до материала, из которого должно выкладывать или строить самую стену, то тут нельзя ничего предписывать из-за того, что далеко не всюду можно иметь достаточное количество нужных запасов. Но надо пользоваться либо тесаным камнем, либо базальтом, либо бутом, или же либо обожженным, либо сырым кирпичом, — где что найдется»[297]. В долине Сурхандарьи строительного камня нет — он мог быть привезен лишь от подножья Байсунского хребта, лёсс же для изготовления сырцового кирпича или пахсы лежит в неограниченных запасах под ногами. Отметим попутно, что бактрийские в своем основании укрепления Беграма имеют каменные цоколи при сырцовых кладках самих стен[298].

Важную деталь в раннеантичной фортификации Бактрии составлял тот внешний отступ понизу коренной стены, за которым уже начинался ров. На Карабагтепа отступ достигает лишь 80 *см*, но в Кей-Кобадшахе — 3,5 *м*[299]. Это, несомненно, та передняя барьерная стенка, которая в греческой фортификации именовалась протейхизмой. В сочетании со рвом она препятствовала непосредственному удару таранов об основную стену, суживала площадки подстенного движения врага, позволяя защитникам крепости обрушивать ему на головы камни и расплавленные вещества, а если к тому же она была разделена на отсеки, то создавала ловушки, в которых легче было справиться с горсткой проникших воинов. В Хорезме принцип устройства барьерной стенки был несколько иным — в раннекангюйском укреплении Хазараспа она отступает на 13,5 *м* от башен основной стены[300].

Раскопки зданий в группе Ханакатепа вносят новый материал к характеристике бактрийской гражданской архитектуры. Крупный Западный дом жилого назначения, построенный во II—I вв. до н. э. на руинах более древнего здания, функционировал на протяжении всей кушанской эпохи и подвергался многочисленным перестройкам. Кроме того, он сильно оплыл по контурам, отчего трудно составить полное пред-

ставление о его первоначальной планировке и объемной композиции. При всем том руины свидетельствуют о монументальности общего решения — что достигалось постановкой здания на возвышенной (до 5,5 *м* от подошвы) платформе и гладью сильных внешних стен. Не исключено, что с восточной стороны внизу были устроены легкие деревянные айваны. Взаиморасположение комнат довольно свободное, по-видимому, учитывались чисто практические запросы быта, но оси и стены их строго параллельны. Характерно, что нижняя — западная группа помещений — отделена от вышерасположенной восточной значительным перепадом — прямое сообщение меж ними могло осуществляться лишь с помощью лестниц в одном или в обоих концах дома. Следует полагать, что в этом нашли отражение особенности бытового уклада — например, выделение женской половины или людской для челяди.

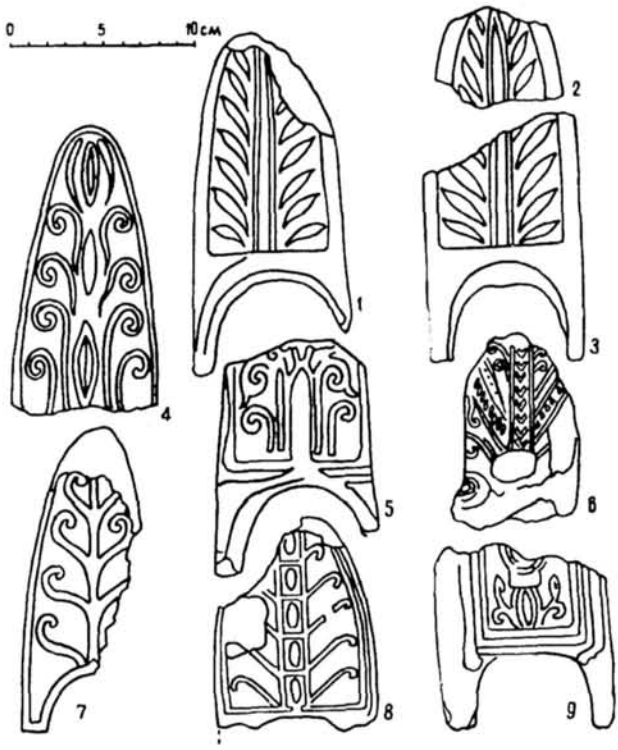

Рис. 80. Халчаян. Типы щитков антефиксов.

1—3 — дворец; *4—6* — Западный дом (X-2); *7* — бугор к востоку от Ханакатепа; *8* — у северо-западного бугра Ханакатепа; *9* — раскоп К-II на Карабагтепа.

Среди архитектурных деталей из Халчаяна заслуживают внимания терракотовые антефиксы (рис. 80), входившие в оформление черепичного края кровли. Фрагменты антефиксов найдены нами при раскопках Западного дома, дворцового здания, в разрезе К-II на Карабагтепа, в разрытом колхозниками бугре напротив РТС. Все эти находки подтверждают, что фигурные концевые черепицы использовались не только в зданиях особого назначения, подобно дворцу на Ханакатепа, но широко входили вообще в монументальную архитектуру античного Халчаяна.

В оформлении овального щитка халчаянских антефиксов использованы разнообразные, уже далекие от греческих образцов варианты мотива пальметт или аканта. Мотивы эти были бактрийскими архитекторами сильно видоизменены, несколько огрублены, но главное — не поняты. Изготовляя желобчатые черепицы, мастера следовали каким-то реминисценциям, не очень ясно представляя себе ни природы архитектурного аканта, ни канонической схемы архитектурных пальметт. Пальметты на халчаянских антефиксах дают любопытный пример того, как мотив, пришедший в греческое зодчество с Востока, видоизменился,

вернувшись снова на Восток. Антефиксы проникли из греческого зодчества в архитектуру причерноморских городов[301] и селевкидо-парфянского Вавилона[302], но столь дальнего продвижения этой формы в эллинистическое время на Восток, вплоть до Северной Бактрии, пожалуй, трудно было ожидать. Что касается аканта, то этот мотив появляется на среднеазиатской почве по крайней мере со II в. н. э. (Ниса), а в Бактрии сохранится на протяжении всей кушанской эпохи (Сурх-Котал, Термез, Кобадиан[303]). Мотив же пальметок пока известен на терракотовых плитах из парфянской Нисы (II в. до н. э.)[304] и на костяных пластинках из Беграма (I — начало II в. н. э.)[305]. Находки эти наглядно иллюстрируют процесс усвоения в бактрийской архитектуре эллинистических деталей, переиначенных на местный манер. Но зато глубоко традиционную форму азиатского зодчества являют в Халчаяне терракотовые зубцы — мерлоны, которые входили в венчание крыш дворцового здания.

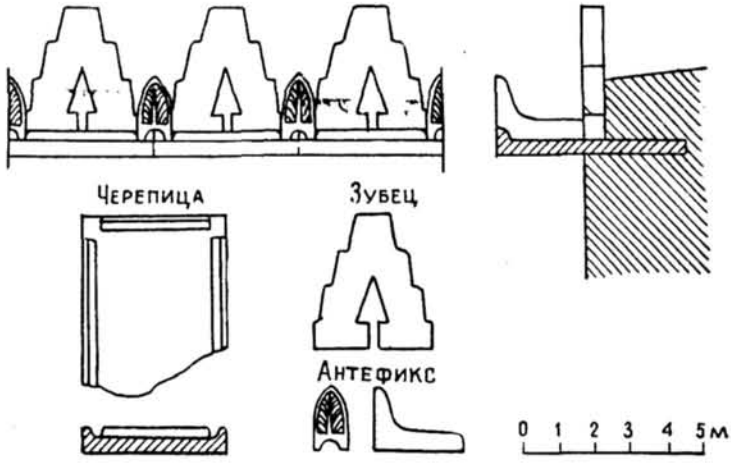

Рис. 81. Дворец. Детали и реконструкция карниза.

Выполнены они из превосходной кирпичной массы, формованы до обжига и имеют вид четырехступенчатого зубца со стреловидной (незамкнутой понизу) прорезью. Имеется два варианта зубцов, принадлежавших оформлению верхней и нижней крыш. В одном случае зубцы тянулись в виде простого зубчатого парапета, в другом — в необычном сочетании с антефиксами и плоскими черепицами (рис. 81).

Введение простых и фигурных черепиц явно имело в бактрийской архитектуре приносный характер, они были заимствованы из эллинистической архитектурной традиции, не очень поняты и потому «варваризованы» в своем декоративном выражении. Антефиксы не сочетаются с зубцами в органически единое целое, а плиточные черепицы слишком тяжелые, создают излишнюю перегрузку и конструктивно не согласуются с плоской кровлей. Они оправданы лишь при стропильно-скатной конструкции крыши. Вместе с тем, учитывая удобство применения черепиц для отвода дождевых вод, халчаянские строители употребляли их лишь по краю крыш, окрашивая свес их снизу в ярко-красный цвет.

Что касается зубцов-мерлонов, то они, напротив, представляют

собой типичную форму древнего восточного зодчества. Будучи связаны в своей изначальной основе с оборонной функцией крупных зубцов крепостных стен, за которыми располагались стрелки, мерлоны со временем мельчают, приобретая характер выразительной декоративной детали: зубчатые карнизы отлично обрисовывают верхнюю силуэтную линию зданий. Но если многочисленные примеры их применения издавна были известны по памятникам ближневосточного зодчества (древняя и парфянская Месопотамия, эллинизированная Сирия, ахеменидский, парфянский, сасанидский Иран[306]), то за последнее время установлено широкое распространение мерлонов в античной архитектуре Среднего Востока. Парфянская Ниса (в Туркмении[307]), кушанский Сурх-Котал (в Афганистане[308]), Хателей (в Пакистане[309]) дают тому красноречивые примеры. Исследования Халчаяна расширяют ареал их распространения в античное время в областях Средней Азии, где в последующем зубцы-мерлоны надолго, вплоть до периода развитого средневековья, задержатся в репертуаре архитектурных форм.

Халчаянский дворец исключительно интересен в архитектурном отношении, однако, чтобы составить представление об объемно-пространственной композиции этого здания, необходимо мысленно воссоздать его первоначальный облик. Хотя сохранность сырцовых стен не превышает 1,5—3,0 *м*, получено достаточно данных для графической реконструкции его фасадов и интерьеров (рис. 82). Основываясь на наблюдениях и фактах (глава I), выявленных в процессе археологических вскрытий, приведем обоснование к прилагаемым реконструктивным чертежам.

Исходя из средних соотношений нижнего диаметра колонны к общей высоте, обычных для местных деревянных колонных систем, и зная этот диаметр (59—60 *см*) по верхней постели тора каменной базы, устанавливаем, что высота колонн айвана составляла около 5 *м*. К этому прибавляется перекрытие: несущий прогон, поперечные балки, камышовый настил и глино-саманная смазка. По краям кровли проходил свес плоских черепиц, прижатых — с некоторым отступом — зубчатым парапетом, который тянулся не только над айваном, но и над прилежащими участками глухих стен.

Что касается формы самих колонн, то мы принимаем для них тот несколько специфический тип, который обнаружен экспедиционной группой Л. И. Ремпеля в жилых домах горных кишлаков Денауского и Байсунского районов — в Вахшуваре, Сайрапе, Дербенте, Аулате. Для них характерен расширяющийся книзу ствол, отделенный надрезом от закругленного «кузаги» при переходе к несложно профилированной базе, и продолговатая подбалка — капитель, фигурно оформленная по краям. Особенно интересны варианты оформления подбалки одинарными или парными волютами (рис. 83).

Изучение архитектуры небольших реликтовых горных племен Туркменистана — мурчали, нохурли, гоклен, этногенез которых уходит к античным временам в парфянскую среду, — уже дало превосходный материал[310], подтверждающий, что именно сложившаяся в народной архитектуре азиатского Востока форма стройных деревянных колонн с волютообразными капителями могла оказать влияние на формирование ионического ордера Греции. Районы древней Бактрии в своих этногра-

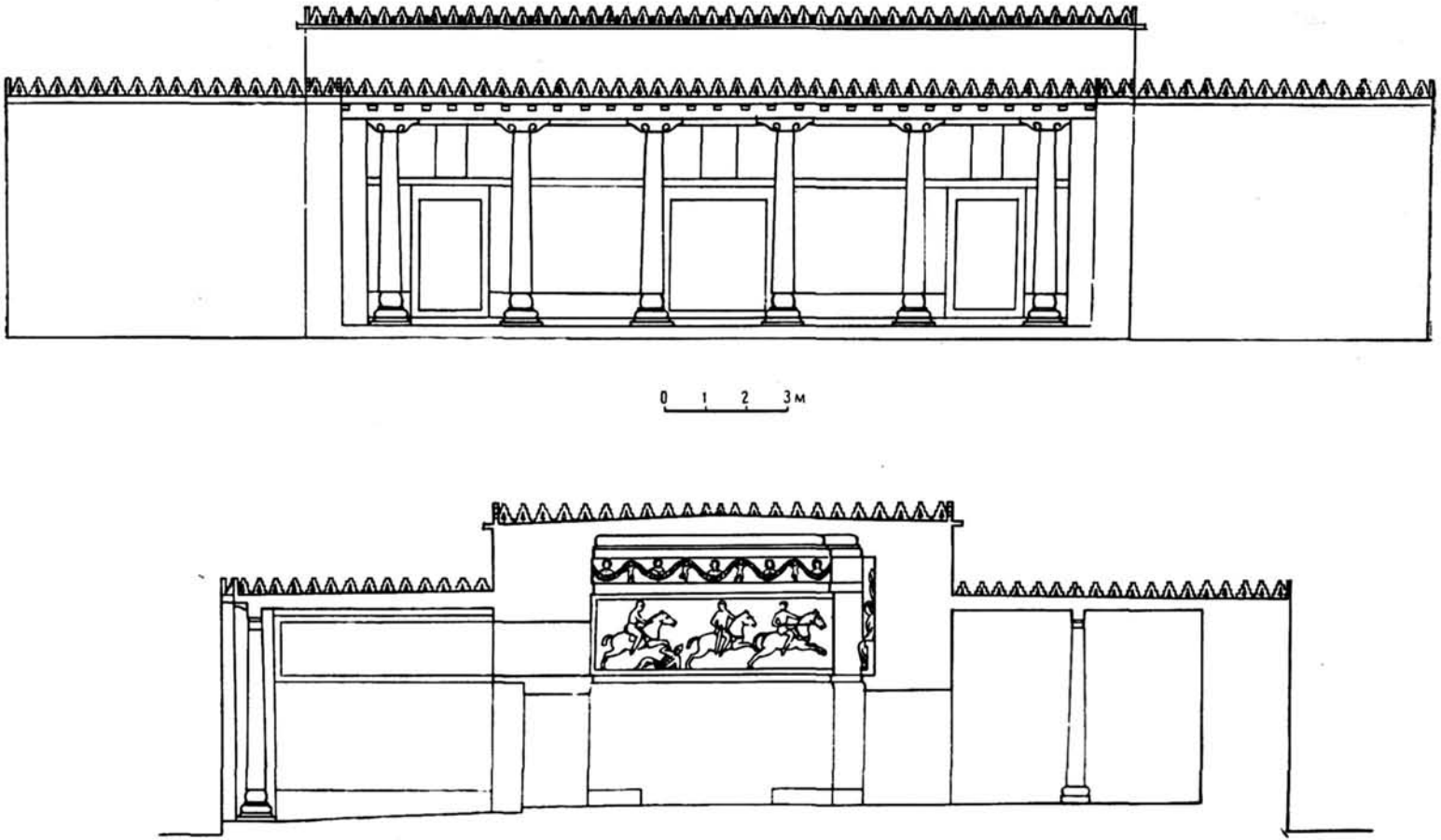

Рис. 82. Халчаянский дворец. Реконструкция (фасад и поперечный разрез).

фических реликтах дают подобный, но несколько отличный тип подбалки-капители, пропорции которой более удлинены, нежели в парфяно-туркменистанских образцах. Эта продолговатость формы побуждала мастеров к оформлению краев то одинарными, а то двойными волютами. Аналогичные двухволютные на концах подбалки были зарегистрированы в народной архитектуре Верхнего Свата А. Стейном, который отметил их поразительное сходство с подобными же архитектурными деталями из памятников первых веков нашей эры, открытых им в песках Такла-Макана, и высказал предположение, что формы их восходят еще к тем временам, когда Нижний Сват входил в орбиту буддийской культуры времени Кушан или к еще более раннему периоду индо-греческих правителей[311].

Стойкость стародавних архитектурных форм, закрепившихся на многие века в удаленных — а прежде большую часть года отрезанных от внешнего мира, глухих горных районах Бактрии, дает нам основания привлечь их при реконструкции исчезнувших деревянных частей Халчаянского дворца — колонн айвана и комнаты 7, а также системы перекрытий.

Три входа вели из айвана в главный зал. При расчистке их не было найдено каменных подпятников дверей, однако двери, разумеется, могли закрепляться в деревянной обвязке. Наряду с тем в проемах навешивались дорогие завесы — при расчистке среднего прохода над самым полом, на глине обнаружен отпечаток кусочка ткани и отдельные золотые ниточки, входившие в ее украшение; завеса исчезла, очевидно, при ограблении дворца, обрывки же ее оказались втоптанными в пол. Скорее всего над дверьми располагались окна — щипцовая стена айвана единственная, где можно было их устроить для освещения зала. Над верхней линией проемов, в верхней части стен айвана, над гладью белых штукатурок располагались росписи и горельефная скульптура.

Архитектурная и декоративная разработка интерьера главного зала была такова. Три стены (кроме восточной — смежной с айваном) на высоту до 3 *м* были оштукатурены белым ганчем (что хорошо прослеживается на северной стене) — этот размер определяет и высоту дверных проемов зала. Выше располагался двухметровый по высоте зофор, заполненный монументальной скульптурной композицией; размеры его помогают выяснить входившие в эту композицию людские фигуры, достигавшие 1,4—1,5 *м* в высоту. Кроме того, необходимо учесть обрамляющий бордюр. Далее, на 20 *см* следовала тяга, имевшая профиль полочки и выкружки (последняя была оформлена прорисованными черной и красной краской овами). Выше располагался скульптурный фриз (судя по размерам заполнявших его фигур, он достигал по высоте 60 *см*) и, наконец, профилированный карниз, над которым следовало балочное перекрытие. Балки шли поперечно залу параллельными рядами, очевидно, как в Юго-западном доме, на небольших друг от друга расстояниях; на них мог располагаться накат-васса.

Иным было оформление восточной стены зала, хотя основное горизонтальное членение ее также проходило на уровне дверных проемов. Здесь господствовали чисто живописные приемы. В основании тянулась расписная панель с мотивами легких белых завитков, листвы, цветочков, гроздей на густо-красном фоне. Выше в простенках между окон распо-

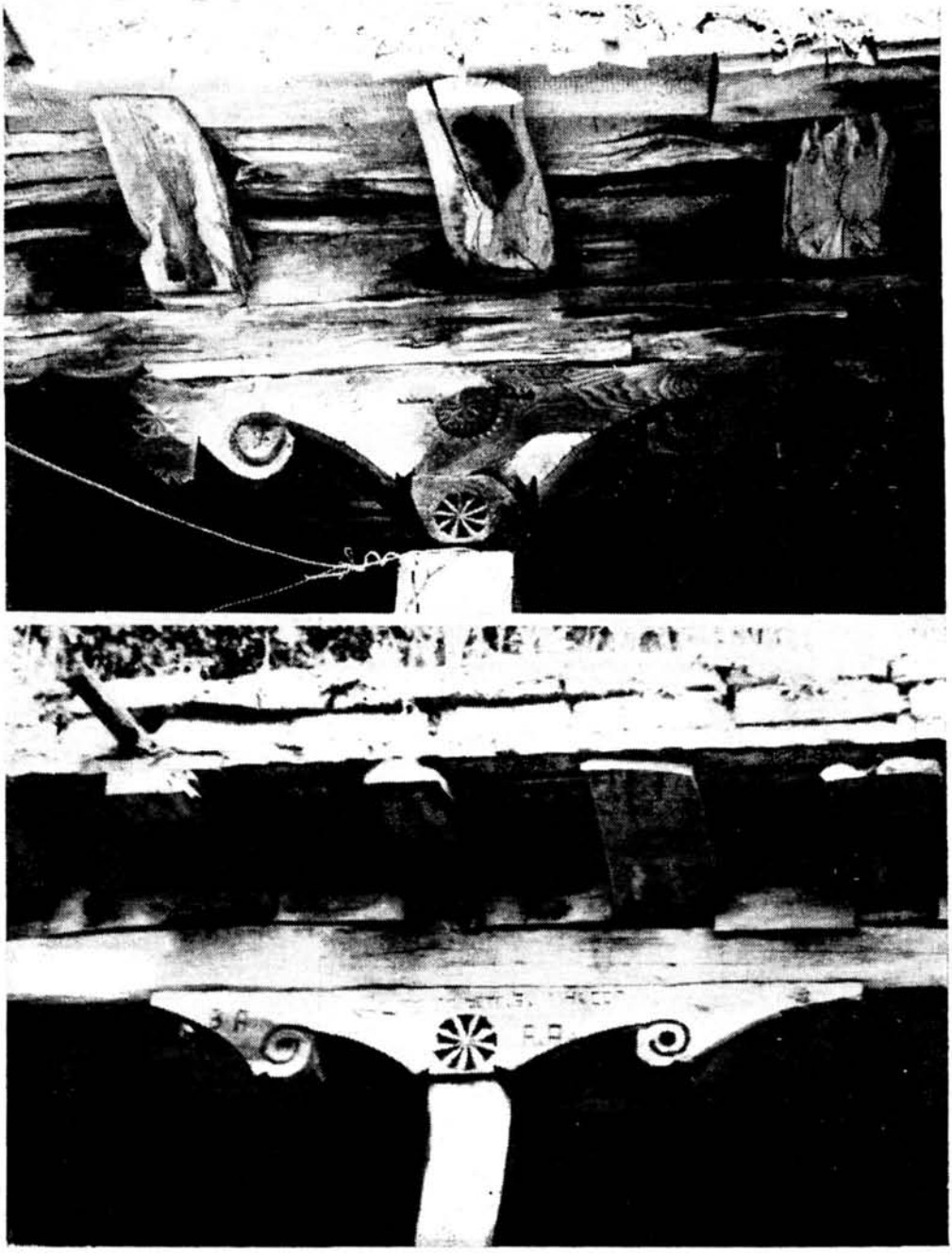

Рис. 83. Резные подбалки с волютами колонн народных жилых домов Байсунской горной системы.

лагались изобразительные композиции — образы мужчин и женщин; возможно, что был и живописный фриз.

Общая высота зала на 1,20 *м* превышала высоту айвана и, соответственно, всех примыкавших помещений. Зал возвышался над их кровлей продолговатым объемом, который был оформлен фигурным парапетом. Находки по контуру стен зала фрагментов зубцов, антефиксов и плоских черепиц позволяют воссоздать то своеобразное сочетание чисто азиатских и явно эллинистических архитектурных деталей, о котором сказано было выше.

Комната 7, лежавшая на главной оси и открытая в зал обширным проемом, отлична от остальных введением двух колонн. Вызвано это было не конструктивными соображениями, так как и смежные с ней комнаты и зал имели такой же шестиметровый пролет, однако перекрытия их покоились лишь на стенах, без промежуточных опор. Очевидно, колонны эти давали обрамление и подчеркивали местоположение располагавшегося между ними трона или алтаря. Дворцовое назначение здания позволяет думать, что то был скорее именно трон. Разумеется и во дворце мог быть установлен небольшой алтарь, но сама планировка здания указывает, что здесь — единственное место для трона, так как в зале для него нет ни ниши, ни специальной суфы, а все скульптурное оформление явственно нарастает от торцовых стен к центру западной стены, чем подчеркивается первенствующее значение центральной осевой композиции над проходом из зала в комнату 7. Через открытый проем здесь в дни аудиенций вступавшим в зал видна была в глубине торжественно восседавшая на троне царственная особа. Колонны выделяли архитектурный центр тронной комнаты; меж ними, возможно, протянута была особая раздвижная завеса, или возвышался балдахин. Образ государя, восседающего на троне, предстает и в скульптурных композициях халчаянского дворца, и в горельефе на терракотовом медальоне, найденном здесь при раскопках.

Что касается самих колонн, то они, очевидно, были сходны с колоннами айвана. Вероятно, в декоративное оформление стен тронной комнаты (покрытых побелкой) первоначально входили ковры или расшитые ткани. Искусством вышивки и изготовления ковровых дорожек и паласов доныне широко владеют женщины присурхандарьинских долинных и горных районов. Несомненно, что на полах и тронной комнаты и зала были растянуты паласы или же ворсовые ковры.

Приведенные наблюдения и общие соображения позволяют предложить графическую реконструкцию Халчаянского дворца, которая дает реальное представление об архитектурно-образных чертах этого небольшого по масштабам, но примечательного по своей архитектуре здания.

Халчаянский дворец очень своеобразен — прямых аналогий ему среди известных к настоящему времени памятников Востока нет. Оригинальна планировка. Мы считаем, что в своей основе она восходит к принципам местной народной жилой архитектуры. В жилых домах таджиков и узбеков Байсунской и Гиссарской горных систем нередка композиция колонного айвана, обжатого торцами двух смежных с ним комнат; иногда за айваном располагается продольно вытянутая комната (рис. 84). В большинстве своем планы этих жилых домов асимметричны — жилые и подсобно-хозяйственные помещения здесь группируются в зависимости от практических запросов и удобств. В Халчаянском

дворце, даже при небольших его размерах, все, разумеется, парадней, чем в рядовом жилье, композиция его подчинена осевой симметрии. Сложнее, соответственно, и план, включающий девять различных помещений.

В композиции Халчаянского дворца своеобразно пространственное решение главного зала — длинного (соотношение сторон около 1 : 3), вытянутого по поперечной оси. Между тем в парфянском зодчестве в ту пору традиционны были квадратные или продольно вытянутые планы парадных помещений (Ниса, Кухи-Ходжа, Ашур); в античном Хорезме также характерен либо подквадратный, либо прямоугольный, в продольно-осевом развитии — интерьер (Калалы-Гыр, Топрак-кала).

Фронтальное развитие пространственных композиций, в своих истоках связанное с традициями народного жилья, составляло, по-видимому,

Рис. 84. Жилой дом в горном кишлаке Аулата.

характерную черту севернобактрийской архитектуры. В Халчаянском дворце прием этот предстает как в разработке главного фасада, где господствует обжатый глухими стенами колонный айван, так и в главном зале, в котором смежная с айваном стена подчеркнуто отлична от остальных, — здесь введены дверные и оконные проемы и декоративное оформление, в то время как главные изобразительные композиции концентрируются на противоположной от нее длинной стене, переходя и на торцы зала.

Показателем того, что айванно-колонная композиция присуща была не только архитектуре уникальных зданий, подобных халчаянскому дворцу, служат многочисленные находки целых или фрагментированных каменных баз — аттических и торовидных — на территории Халчаяна при распашке полей. И если отдельные архитектурные детали (упомянутые «аттические» базы, антефиксы) и указывают на связи бактрийской архитектуры с эллинистическим зодчеством, то в своем планировочном и объемно-композиционном целом она радикально отлична от греко-римской и свидетельствует о собственных линиях развития местной архитектурной практики.

ЖИВОПИСЬ

В художественное оформление айвана и главного зала халчаянского дворца входила живопись. К сожалению, остатки ее ничтожны. Объясняется это отчасти долгим, почти трехвековым функционированием здания, когда уже происходило разрушение и опадание некоторых участков росписи, особенно в айване, подвергавшемся непосредственным атмосферным воздействиям. В процессе текущих ремонтов на стены айвана наносились новые штукатурные слои, перекрывавшие остатки еще сохранившейся росписи; так, в северо-западном углу удалось насчитать до десятка слоев ремонтных ганчевых обмазок. На участке стены близ северного прохода, где сохранилось три слоя обмазок, на самом нижнем оказались следы нанесенных по белому фону гибких красных линий, вышележащие же слои росписей не имели. Таким образом, живопись была нанесена в начальном периоде возведения и оформления дворца и более не возобновлялась.

Но основной причиной почти полного разрушения живописи является то, что она осуществлялась по очень слабой штукатурной поддержке. Поверх сырцовой кладки стен был нанесен толстый (6—8 *см*) штукатурный намёт из глины с очень большой добавкой крупнорубленного самана. С веками этот органический заполнитель истлел и глина превратилась в мелкую, разрыхленную массу, которую не могла бы соединить никакая пропитка клеющими веществами, так как объем пустот намного превышает здесь основной пластический материал. В восточной части зала особенно отчетливо видна картина полного оползания со стен этих штукатурок, которые вместе с покрывавшей их росписью обратились в мелкую труху. Лишь в двух нижних участках стен — у северо-восточного и юго-восточного угла зала — сохранились *in situ* два небольших фрагмента росписной панели. Кроме того, в тех немногих случаях, когда роспись попадала при падении на сырцовый кирпич и прилегала к его плотной основе, удалось расчистить, зарисовать и, закрепив раствором полибутилметакрилата (ПБМА), благополучно снять некоторые небольшие куски.

В 1963 г. при изъятии живописных фрагментов, обнаруженных на полу и на небольшом участке стены в северо-восточном углу зала, Д. Рузибаев удачно применил метод, разработанный Центральным институтом реставрации в Риме для снятия фресок[312]. Суть его в следующем: живописный фрагмент очищается механическим путем (скальпелем и кистями), сильно раздробленные участки закрепляются и после предварительной просушки на него густым раствором ПБМА на ксилоле (1 : 3) мягкой кистью наклеивается марля. На нее тем же путем наклеивается следующий слой марли, и так до трех-четырех раз. Через сутки после полной просушки полученный марлевый «пирог» сдирается с места, при этом марля увлекает всю живописную поверхность вместе со штукатурным слоем толщиною 1—2 *мм*. Вслед за тем обратная сторона подчищается, выравнивается, закрепляется раствором и в свою очередь проклеивается слоем марли. В лабораторных условиях проводится обратный процесс: слои марли, размоченные ксилолом, снимаются с лицевой стороны один за другим, и живопись, сохраняющая с оборота свою марлевую поддержку, может быть вмонтирована в соответствующую раму или на плоскость для музейной экспозиции.

Примененный древними халчаянскими живописцами метод нанесения росписей на толстый глиняный подслой с большими добавками самана, очевидно, со временем наглядно показал свое несовершенство, что было учтено в последующей позднеантичной и раннефеодальной практике среднеазиатских мастеров. Уже во дворце Топрак-кала в Хорезме (III в. н. э.) использована двуслойная оштукатурка. При этом нижний слой глины (от 2 до 8 *см*) со значительной добавкой рубленого самана и камыша служил для выравнивания сырцовых кладок стен, глубоко входя в их пазы, верхний же (1—4 *см*), служивший основанием под роспись, выполнен из хорошо промешанной глины с небольшим введением мелкорубленых растительных примесей (а иногда и птичьего пера) и затерт до блеска[313]. Прием этот еще более усовершенствован в росписях Пянджикента[314] и Варахши[315] (VII—VIII вв.). Здесь отличная связь штукатурного слоя со стеной и долговечность росписи обеспечиваются таким путем: нижний штукатурный слой, имеющий небольшую добавку самана, не превышает 2—2,5 *см* по толщине, а верхний, при 4—5 *см* толщины, иногда состоит из чистого лёсса и выполняет роль плотного грунта.

Халчаянская стенопись наносилась или непосредственно по глине, или на тонком слое белого грунта. Преобладающие цвета — белый и красный двух оттенков — киноварного и карминного. В окрасках использованы черный, ярко-голубой, светло-зеленый, желтый темно-медового или подсолнечного тона. Добавка белил создает различные нюансы цветов и оттенков. Анализ красок, осуществленный Е. Ф. Федорович, позволил установить их тождество с красками скульптуры, по поводу состава которых подробнее будет сказано в следующей главе.

Общий фон изобразительных и орнаментальных композиций белый, либо киноварно-красный. Роспись наносилась кистями различной толщины, движение которых иногда отчетливо запечатлено в форме и направлении мазка. Закраска значительных участков нанесена плотным слоем, линейные же элементы изображения даны то в плотном сгущении краски, то легким, почти просвечивающим мазком истощенной кисти. В целом манера росписи уверена и свободна, изобличает опытную руку и точный глаз художника. При выполнении орнаментальных мотивов не видно трафарета, и если в какой-то мере здесь и использовался на первоначальной стадии работы припорох, то в последующем мастер позволял себе вольные отступления от него; орнамент везде развертывается в свободном движении узора. Изобразительные мотивы характеризует та же свобода владения рисунком. Лица обычно очерчены тонким черным контуром, черты намечены также черным или красным.

О композиционном распределении росписи в айване трудно судить. Во всяком случае, в составе ее были изобразительные сюжеты, поскольку два фрагмента с рисунком мужских рук найдены были — один у южного прохода в зал, второй — в забутовке входа в комнату *4*. В зале же роспись концентрировалась на восточной стороне, в простенках между проемами. В основании, по-видимому, на полную высоту дверей располагалась панель, роспись которой переходила и на щековые стенки центрального прохода, вверху же, в простенках между окон, следовали панно с изобразительными сюжетами. Таким образом, членение стены с живописью соответствовало композиционной разбивке скульптурных панно на трех остальных стенах зала.

Панель имела в основании орнаментальный бордюр: над белой полосой (15 *см*) проходила полоса с красным фоном (13 *см*), по которому следовал нанесенный белой краской гибкий бордюр с отходящими от него на тонких стеблях пятилепестковыми цветочками, бутонами и заостренно-продолговатыми пятидольными листьями. На определенных интервалах от главного стержня размещалось по паре крупных черных не то листов, не то плодов. Шнуровидная полоска (1,5 *см*) создавала окаймление бордюра. Два фрагмента, из которых один оказался *in situ* у северо-восточного угла стены, а второй ополз на пол в простенке южнее центрального прохода, дают аналогичный мотив орнаментации

Рис. 85. Фрагменты росписей из главного прохода в зал.

бордюра, но остатки росписи на них отличны. Она выполнена на белом фоне, причем на одном фрагменте видны какие-то концентрические круги, отчеркнутые красными линиями с белыми горошинками на некоторых из них, а на другом — участок, окрашенный в черное, и две гибкие черные линии на красной основе. Трудно определить, были ли то орнаментальные или изобразительные мотивы.

Наредкость богато оформлены были щеки (а может быть и плафон) центрального прохода, на полу которого оказались фрагменты упавших росписей (рис. 85). Здесь были какие-то черные бордюры с ромбическими белыми фигурами, отчеркнутыми красной зигзагообразной линией, и параллельные ряды красных кружочков, заостренные листики плюща, также очерченные красным и окрашенные пополам то в красный, то в белый цвета. Но основное поле (а при 2,5-метровой глубине проема оно было значительным) было окрашено в красный цвет и по нему следовал свободно-живописный узор, нанесенный белой краской. Мотивы вино-

градных лоз, гроздий, листов, побегов сочетались здесь с какими-то круглыми плодами меж плотными листьями на тонких стеблях, а также с пятилепестковыми то фиалкообразными, то нарциссовидными венчиками цветов. Свободно-текучее распределение этих растительных мотивов создает иллюзию как бы богато расшитой ткани. Но если мы вправе предполагать, что именно тканевому узору подражает эта роспись, то вместе с тем она полна той живописной непринужденности и свободы узоропостроения, которая подвластна лишь искусной руке живописца.

Орнаментальные росписи зала не имеют прямых аналогий в древнем изобразительном искусстве Среднего Востока. Позднеантичная и раннесредневековая живопись Средней Азии, Восточного Туркестана, Индии также содержит иной круг мотивов и приемов орнаментального построения. И в то же время вряд ли халчаянские мотивы уникальны — все дело в том, что они принадлежат к иной, предшествующей эпохе, которой присущ был иной эстетический взгляд. Можно с уверенностью предположить, что будущие открытия хронологически близких памятников еще принесут цикл сходных живописных композиций. Явления стиля — как некоего художественного единства — широки и многообразны, но в пределах единой эпохи они захватывают искусство порою очень удаленных стран. Халчаянские орнаментальные росписи находят себе некоторые аналогии в памятниках эллинистического мира. Обратимся к этим параллелям.

Прежде всего явно эллинистическое происхождение имеет здесь мотив плюща. Мотивы свободного побега виноградной лозы, выполненные лёгким белым рисунком на малиново-красном фоне в росписях дома Саллюстия, или богатых, но также легких по своему рисунку гирлянд в доме Фавна в Помпеях, очень близки по манере, цветопостроению, свободному развитию и основному составу растительных форм к халчаянским[316]. В керченском доме, открытом в 1899 г. на Митридатовой горе, характерны бордюры, где на вишневом фоне легким движением кисти нанесены побеги, листики и свободно брошенные фиалкообразные цветочки, также по манере росписи и типу узоров очень сходные с халчаянскими. М. И. Ростовцев, отмечая сходные мотивы в декоре дома на о-ве Делос и дома Саллюстия в Помпеях, писал: «Материал Делоса, Приены и Керчи вполне однороден и одновременен... Везде мы имеем особый восточный тип так называемого первого стиля помпеянской росписи»[317]. Датировка первого помпейского стиля восходит ко II — началу I в. до н. э. Исследователь, усматривая именно восточное происхождение этого стиля, подчеркивает, что эволюция его устанавливается лишь на Востоке[318].

Мотив свободно распределенных виноградных побегов — с гроздьями, листьями, усиками — входит в оформление стены так называемого «росписного дома» в пригороде Петры (I в. до н. э.)[319]. Роспись осуществлена здесь темным по светлому фону: цветов и плодов нет, но общий прием широкого декоративного заполнения архитектурной поверхности легким растительным узором сближается с халчаянским. В римской архитектуре I в. н. э. подобные мотивы переходят в скульптурную технику, приобретая упорядоченно-орнаментальный характер, но еще сохраняя тенденцию сплошного узорозаполнения больших архитектурных полей, — таковы, к примеру, нижние панно на фасадах Алтаря Мира Августа в Риме[320].

В гандхарской скульптуре первых веков нашей эры нередок мотив виноградной лозы. В отличие от Халчаяна, здесь он передается строго ритмичным орнаментальным побегом, но любопытно, что, как и в халчаянском дворце, вводится в оформление наличников дверей[321].

Халчаянские декоративные росписи в большой мере сближаются с тканевым орнаментом. Мотив виноградных лоз был широко распространен в богатых тканных изделиях азиатского Востока, о чем свидетельствует фрагмент ткани из Лулана (парфянского стиля, по определению Ф. Аккерман)[322] и обрывок шелковой вышитой ткани, извлеченной из гробницы на кладбище Астана (сасанидского типа, по А. Стейну)[323]. И если в упомянутых выше памятниках Рима и Гандхары мы отмечаем ту строгую упорядоченность узора, которая определяется его чисто архитектурным композиционным распределением, то и в Петре и в Халчаяне прообраз орнаментальных мотивов восходит к традициям художественного текстиля.

Архитектурно-декоративная роспись на Востоке как бы заменяла те узорные ткани, вышивки и ковры, которые нередко навешивались на стенах помещений. Этот обычай сохранился до наших дней — в глухих кишлаках присурхандарьинских горных систем — в Бабатаге и в Байсуне доныне можно увидеть в доме любого колхозника развешанные на стенах приемной комнаты-михманханы вышивки и узорные тканные изделия, изготовленные хозяйкой, которая принесла их в приданое и неустанно пополняет все новыми образцами свой дом.

Изобразительные композиции в составе росписей халчаянского дворца, о которых можно судить лишь по незначительным фрагментам, были связаны, очевидно, с какими-то тематическими композициями, куда входили образы людей. Приведем их описание.

1. Фрагмент размером 32×22 *см*, найденный в сырцовом завале дверного проема из айвана в комнату *4* (рис. 86). Справа видны остатки мужской фигуры в богатом кафтане: окрашенная красным кисть руки, часть облегающего рукава и смежный участок белого костюма с темно-желтой каймой, орнаментированной красными линейными узорами; слева от фигуры — белый фон, расчерченные тонкими черными линиями непонятные детали и широкая, вкось идущая красная полоса.

2. В айване, на полу у южного прохода в зал совершенно раздробленный фрагмент 40×46 *см*, с которого удалось сделать лишь зарисовку. Слева проходит вертикальный бордюр шириной 15 *см*, по-видимому, некогда обрамлявший всю композицию, в виде крупных овальных арочек или архитектурных овов, очерченных на белом фоне черной краской, с нанесенными по внешнему контуру белыми горошинами. В основной композиции располагалась на красном фоне какая-то монументальная фигура в белом, от которой сохранилась часть драпирующегося белого рукава и прилежащего куска драпирующейся же рубахи или мантии, а также огромная кисть правой руки (29 *см*) с согнутыми мягкими пальцами и тщательно прорисованными ногтями; рука сжимает какой-то предмет с изогнутой фигурной рукоятью. Вероятно, перед нами остатки монументального изображения какого-то верховного божества или верховного правителя.

3. У южной щековой стены айвана лежало вниз лицевой частью несколько небольших фрагментов (7—9 *см*) орнаментальной росписи —

густо-красных цветов, листвы и стеблей на ярко-синем фоне. Надо полагать, что это детали богатой одежды или декоративной ткани.

4. Два небольших, близрасположенных фрагмента из завала разрушенных кладок в зале у восточной стены, несколько южнее центрального прохода. Росписи исполнены на белом фоне. Один фрагмент (11 × × 10 *см*) сохранил миниатюрную кисть руки с какими-то концентрически-овальными дисками над нею и фигурным завитком. Роспись осуществлена тонкими красными линиями и розовыми полутонами. На дру-

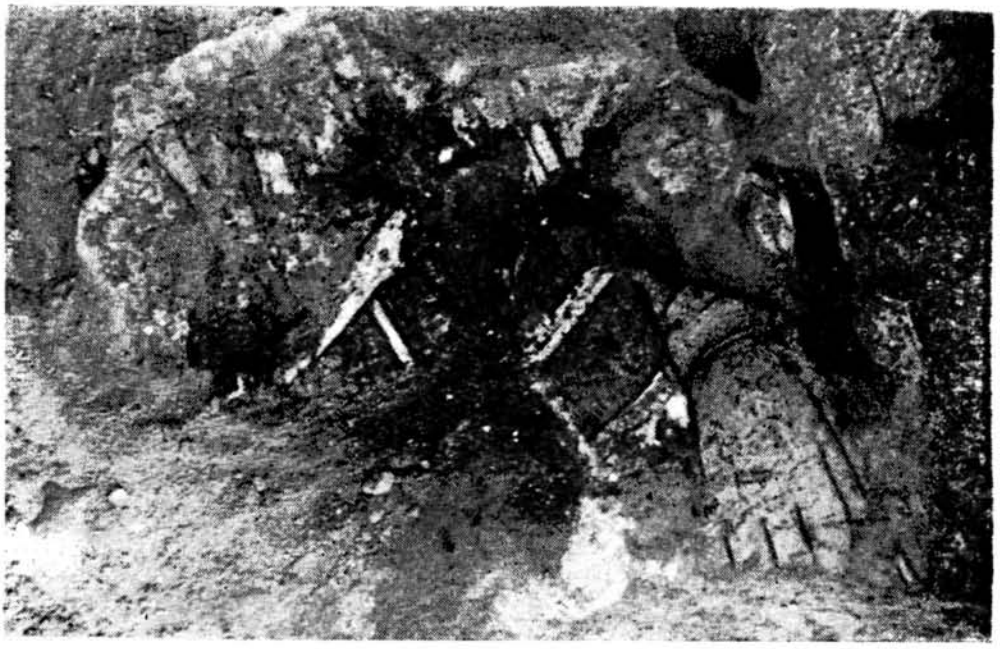

Рис. 86. Фрагмент живописи из айвана.

гом фрагменте (8 × 6 *см*) сохранилась часть крупного четырехлепесткового цветка, сердцевина и лепестки которого очерчены красными и черными полосками.

5. Наиболее интересны среди обнаруженных остатков живописи три фрагмента, принадлежавших общей изобразительной композиции, располагавшейся в простенке между северным и центральным проемами зала. Фрагменты оползли при падении кладок более или менее единым куском, но сильно раздроблены. Сохранился лишь верхний участок этой композиции — две обколотых понизу мужских головы и теменная часть, по-видимому, женской. Последняя лежала несколько поодаль, под углом к предыдущей, но остатки полосы верхнего обрамления не оставляют сомнения, что голова эта располагалась в одном ряду с двумя другими.

Роспись исполнена на белом фоне, масштабы голов одинаковы, живописная манера едина. А между тем индивидуальные особенности художественных образов разительно отличны. При всей фрагментарности, изображение это имеет огромный принципиальный интерес.

Размеры голов достигали около 15—17 *см* по высоте — изображения, таким образом, составляли около 2/3 от натуральных человеческих

размеров и масштабно были близки к фигурам основных скульптурных композиций зала. Справа была расположена мужская голова (сбита на уровне рта) в легком обороте вправо (рис. 87). Контуры щек мягко круглятся, волосы, уложенные правильными, коротко остриженными волнистыми прядями, обрамляют широкий, открытый лоб и оставляют приоткрытым ухо. Брови тонкие, вразлет. Глаза прямые, карие, с черным зрачком, черной обводкой радужной оболочки и белым бликом, внизу оставлена полоска белка («взгляд с поволокой»). Глаза постав-

Рис. 87. Фрагмент живописи из зала.

лены несколько асимметрично, левый — с удлиненным к виску уголком; веки отчеркнуты черными линиями. Нос некрупный, прямой, усов под ним нет; сохранился правый уголок рта. Лицо окрашено в телесно-розовый цвет, нос, подбровные тени, нижние веки и ухо моделированы темно-телесным и красным, волосы окрашены в красный цвет, а пряди их разработаны черной краской, сгущение которой у виска придает прическе известную объемность. Справа, на некотором расстоянии от лица, часть какой-то детали, окрашенной розовым и красным.

Влево от описанного персонажа расположена другая мужская голова в профиль (рис. 88). Она окрашена в телесный цвет, общий контур и черты лица обведены красной, а брови, глаза, растительность — черной. Лоб прямой, с угловатым надбровьем над слегка изогнутой линией носа, низ которого разбит и сместился; ниже изображение сбито. Удлиненная, вкось идущая бровь, маленький глаз с ясно выраженной монгольской складкой. Крупный, округлый череп с сильно выпуклым затылком, большое ухо с длинною серьгою, наподобие ни́зки из шести перлов. Чрезвычайно оригинальна подстрижка смоляно-черных волос — череп гладко обрит, но над лбом оставлен чуб, на темени густой пучок, а у виска —

небольшая миндалевидная не то бакенбарда, не то пейса. На белом фоне, за затылком видны остатки какой-то очерченной красным детали (наподобие развевающихся лент). А вверху проходит широкий горизонтальный бордюр в виде четырех параллельных, разделенных белыми линиями полос, которые следуют в таком порядке (считая сверху вниз): красная, розовая, красно-розовая (как бы моделирующая объемный вал) с вертикальной перебивкой и, наконец, более широкая и более темная красно-розовая. Этот бордюр продолжался и дальше над третьей уже женской головой, изображенной в фас, с легким оборотом вправо. От лица сохранился лишь лоб с тонкими дугообразными бровями. Черные

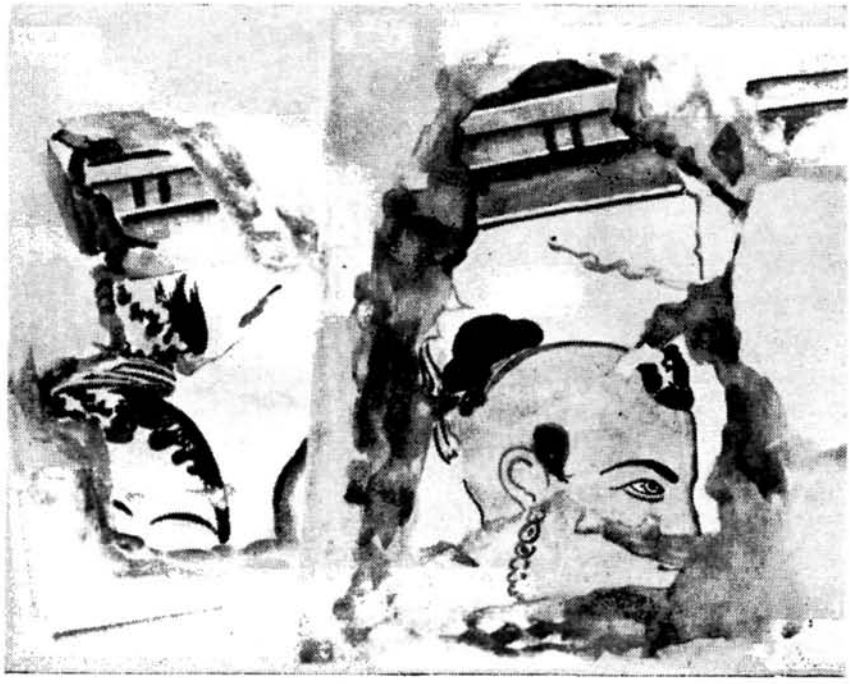

Рис. 88. Фрагменты живописи из зала.

волосы уложены над лбом фигурною прической, перехваченной у темени широкой красной с белым перетяжкой и приподнятой над теменем высоким пучком, напоминающим птичье крыло.

Оба мужских изображения, располагавшиеся рядом, в единой композиции и исполненные одним художником, совершенно несхожи по своему типу. Они явно принадлежат лицам из различной этнической и культурно-исторической среды.

Мужчина в фас причесан по-гречески, но это, очевидно, не грек, а представитель одной из тех азиатских расовых групп, которые антропологами именуются европеоидной расой среднеазиатского Междуречья. В подстрижке растительности он явно следует эллинизированным модам, не оставляя ни бороды, ни, по крайней мере, усов, как это было принято в среде азиатских народов. Лицо его гладко обрито, а волосы подстрижены и уложены (может быть не без участия парикмахера) короткими

волнами, явно в угоду греко-бактрийским традициям и модам. Такие же головы запечатлены на монетах греко-бактрийских базилевсов III—II вв. до н. э. и некоторых из их преемников вплоть до I в. до н. э. У халчаянского мужа нет лишь диадемы, которая на монетах подчеркивает царское достоинство. Анализ монетных изображений указывает на наибольшую близость его прически к прическе Эвкратида (II в. до н. э.). У других греко-бактрийских царей она несколько иная — у Диодота, Антимаха, Менандра и особенно Гелиокла она передана в виде многочисленных, густых, неспокойных прядок[324], у Эвтидема, Никия, Антиалкида, Аполлодота, Артемидора, Стратона, Гиппострата, Зоила и Гермея[325], наоборот, волосы убраны двумя-тремя упорядоченными венчиками. У Эвкратида же волосы уложены многочисленными волнистыми прядями, обрамляющими лицо[326], — этой манере следует и подстрижка халчаянского персонажа.

Очевидно, здесь представлен бактриец, воспитанный в традициях эллинизированной греко-бактрийской культуры, которые в I в. до н. э. еще не угасли в коренных бактрийских землях. Изображение это, при первом взгляде, вызывает в памяти и живопись Помпеи (например, портрет Теренция Неро и его жены) и раннефаюмский портрет. Однако это, скорее, общность художественного образа, но не художественной манеры. Халчаянская роспись не столь пластична и не столь живописно богата, она более линейна и графична, хотя оттенки розово-красного и придают известную объемность моделировке черт лица.

Вторая мужская голова радикально отлична от описанной прежде всего своим этническим обликом. Обращает внимание явно выраженная монголоидность типа — однако это и не та крайняя монголизация, которая определяет совершенно уплощенный профиль народов Дальнего Востока — очерк носа, нависание лба здесь достаточно отчетливы. Совершенно по-особому выглядит манера подстрижки растительности. Близкую параллель ей дает изображение мальчика в резьбе по кости на одном из беграмских объектов (I—II вв.)[327] и почти полное совпадение — образ амура-музыканта в медальоне из перлов в росписях Кучи[328], которые принято датировать VII в., хотя М. Буссальи, отмечая общность с искусством Гандхары, склонен считать их более древними[329]. И, наконец, неожиданную близость обнаруживает традиционная еще до недавних времен острижка мальчиков на Дальнем Востоке, череп которых был наголо обрит, но при этом оставлялся густой чубик надо лбом и два пучка волос возле ушей[330]. Такую стрижку мальчуганам сохраняли до отроческих лет[331]; здесь, несомненно, сохранение какой-то стародавней традиции, которая, может быть, восходит к обычаям одной из древних племенных групп. Если привлечь свидетельство Прокопия Кесарийского о гуннах, которые стриглись наголо, оставляя при этом чуб[332], если напомнить, что гунны принадлежали к какой-то из тюрко-монголизированных групп (а этому расовому типу отвечает и халчаянский образ), если учесть, наконец, что гунны со II в. до н. э. находились в непосредственном соседстве с юеджами, вытеснив их на юг, к Амударье, то вполне вероятно, что бактрийский художник на стенах халчаянского дворца среди других разнообразных персонажей пытался передать мало знакомый ему этнический тип. Описанный персонаж уникален — в обширном цикле скульптур, входивших в оформление халчаянского дворца, подобного нет. Живописец, наносивший роспись, явно ставил

задачей подчеркнуть его этнические особенности, его «непохожесть» на всех других. С ним рядом располагалась дама — может быть, представительница той же племенной среды, прическа которой также чрезвычайно своеобразна. Это позволяет вспомнить свидетельство о народе хойху, у которого «женщины, обернув бараньи кости в кожу, ставят на голову себе, а волосы вокруг завивают в локоны и спускают»[333].

Таким образом, росписи халчаянского дворца включали образы представителей и эллинизированно-бактрийской, и северно-среднеазиатской этнической среды. К сожалению, из-за малого числа дошедших фрагментов судить о сюжетной стороне этих живописных композиций не представляется возможным.

СКУЛЬПТУРА

Скульптура халчаянского дворца, входившая в оформление айвана и главного зала, это большая, многообразная тема, которой мы предполагаем посвятить специальное монографическое исследование. В данном контексте коснемся ее лишь в самых общих чертах — в той мере, в какой она раскрывает определенные этапы истории античного Халчаяна и затрагивает некоторые общие вопросы бактрийской художественной культуры.

Материалом скульптуры служил плотный, желтоватого цвета, тонко отмученный лёсс, обладающий хорошими пластичными свойствами. В целях уменьшения усадки и лучшего сцепления в глину вводился камышовый пух (прием этот доныне известен среднеазиатским строителям и гончарам). Показателем тщательной предварительной очистки и специального отмучивания скульптурной глины служит незначительное — в пределах 0,3% — содержание солей. Их гораздо меньше, чем в кирпичах стен, к которым крепилась скульптура — в процессе раскопок бросалось в глаза отсутствие на скульптурных фрагментах тех бледных солевых выпотов, которые встречаются на сырце.

Скульптура, как уже упомянуто, размещалась в верхней части стен над белою трехметровой панелью, в двухметровых по высоте панно и в отделенном от них архитектурной выкружкой венчающем 60-сантиметровом фризе. В больших панно статуи людей исполнены почти в полном объеме, с некоторым уплощением голов и лиц со стороны, обращенной к стене, к которой фигура непосредственно примыкает лишь с уровня плеч, где она уже передана в трехчетвертном объеме и сходит у ног на барельеф. Подобным же образом профильные фигуры скачущих коней имеют разработанные в полном объеме головы и сопряженный со стеною, начиная от плечевой части, корпус, который от высокого рельефа постепенно сходит к уплощенной лепке задних ног. Фигуры фриза выполнены в трехчетвертном рельефе.

Крепление скульптуры к сырцовой кладке стен осуществлялось с помощью отдельных стержней камыша и, может быть, деревянных пробок (поскольку пустоты на торцовой стороне фигур иногда имеют прямоугольное, а не округлое сечение), однако в основном закрепление обеспечивалось силой сцепления самой глины, которая, очевидно, заполняла пазы кладочных швов.

Процесс лепки, по наблюдениям Х. Хуснутдинходжаева, протекал следующим образом. По предварительно намеченным на стене конту-

рам будущей композиции скульптор устанавливал для соответствующей фигуры стержни, вводя их в гнезда сырцовой кладки и закрепляя их скульптурной глиной на предварительно смоченной водою стене. После того как стержни закреплялись, на их концы наматывались одиночные камышины или камышовые жгуты. На этом каркасе последовательно наращивались слои глины толщиною от 0,5 до 2,5 *см*, в зависимости от формы и масштабов объекта. Таким путем обеспечивалось равномерное послойное высушивание глины, которая не растрескивалась, поскольку на поверхности слоев не получалось образования корок, препятствующих испарению влаги. Внутренний камышовый каркас (от которого сохранились полости, отпечатки и беловатая труха) вводился лишь в объемно выступавших частях скульптуры — при лепке голов людей и коней комковатым жгутом, а в конструкции рук или выброшенных в галопе конских ног использовались одиночные тростинки. Наращивание слоев велось до нужной общей формы и уже по верхнему выполнялась тщательная скульптурная моделировка. Во избежание растрескивания глины сушка производилась в тени, с хорошим доступом воздуха, в условиях уже законченного строительством здания. В айване эти условия обеспечивались, очевидно, не только тенью крыши, но и специальным временным затенением участков работы скульптора. В зале же оставлялись открытыми дверные и оконные проемы, создававшие достаточную циркуляцию воздуха.

Скульптура окрашена по поверхности. Растирание красок, видимо, на клейком растворе, как для нанесения их на скульптуру, так и для стенописи осуществлялось древними мастерами прямо на месте работ. В процессе раскопок найдены попавшие в смазки и забутовки черепки разбитой посуды с остатками насохшей краски — в одном случае желтой, в другом — ярко-красной, в двух случаях светло-малиновой, полученной смешением красного с белилами.

Анализ красок указывает на их минеральное происхождение. Окраска обычно наносилась по тонкому белому грунту. Состав этого грунта и белых красок представляет собой смесь гипса с известью, которая составляла около 20—25%. Возможно, это природное соотношение гипса и извести, присущее местной разновидности ганча.

Большое место в покрытии скульптуры занимают красные цвета различной интенсивности и оттенков. Они варьируют от кирпично-красного, до карминного и нежно-розового. Химический анализ показал, что это киноварь, причем сравнение с окрасками полученной от геологов природной киновари, добытой в близких к Халчаяну месторождениях, дало полное совпадение тонов. Окраска в желтые и коричневые тона, которыми исполнены волосы некоторых персонажей и детали одеяний, выполнена, видимо, охрами (при малом количестве анализ был затруднен).

Черный цвет, которым окрашены волосы, подведены глаза, очерчены различные детали, сделан тушью, полученной из сажи. Последняя, как показал анализ, имеет повышенную устойчивость к прокаливанию, вследствие нанесения ее на гипсо-известковую основу.

Извлечение глиняной скульптуры, дошедшей до нас в виде сотен хрупких фрагментов, в археологическом завале айвана и зала дворца (рис. 89) — на площади около 60 $м^2$ потребовало шести сезонов полевых работ (в общей сложности до 200 рабочих дней при трех-четырех

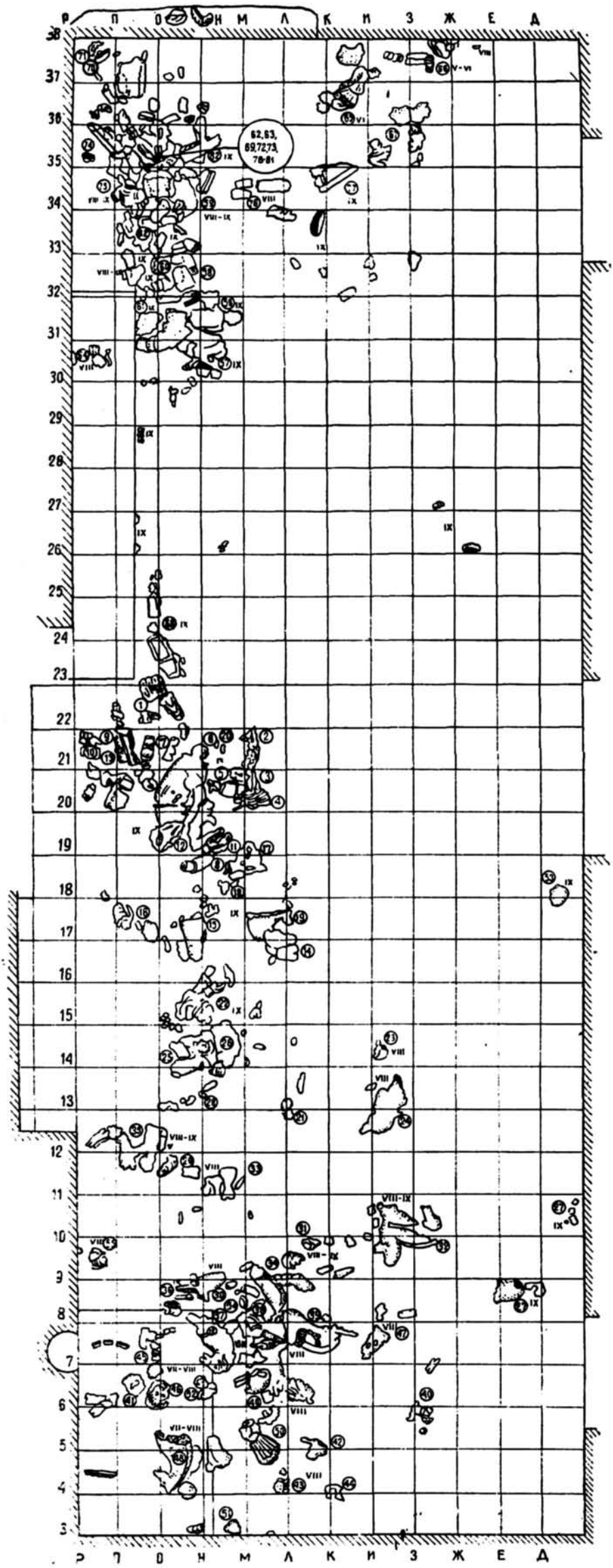

Рис. 89. Расположение скульптурных фрагментов в зале.

участниках); восстановление же привезенных в Ташкент остатков осуществляется уже третий год. Первоначально работы велись ощупью, пока, наконец, путем постановки ряда экспериментов, отработки и закрепления одних приемов и выяснения непригодности других, не была разработана последовательная методика расчистки, препарировки и извлечения фрагментов в поле, а также закрепления и сборки их в лабораторных условиях.

Общеизвестно, что процессы эти, требуют большой осторожности, тщательности и отнимают массу времени. Нетерпение археологов порой подхлестывает реставраторов, которые, однако, не имеют права на торопливость. Между тем фактор времени в условиях тщательной расчистки и последовательного закрепления распадающейся глины (будь ли то основа под живопись, или материал пластической лепки) неодолим. Форсировать процесс можно лишь поисками приемов и средств наиболее эффективной и ускоренной пропитки глиняной массы. Эта задача была разрешена лишь в последнее время. Тем не менее полное восстановление халчаянской скульптуры потребует еще, очевидно, не одного года.

Работы на раскопочной площадке протекали следующим образом: после снятия верхних археологических завалов вскрытие осуществлялось постепенным продвижением по фронту — со стороны дверных проемов или уже расчищенных до пола площадей; при этом перед глазами раскопщика всегда находился вертикальный разрез еще невскрытого массива. Основным инструментом служила среднеазиатская теша — маленькое тесло на рукоятке, — позволяющая постепенно снимать археологический слой по вертикали — в этом отношении она удобнее археологического ножа, который обычно ковыряет грунт. В получаемом при этом вертикальном разрезе наблюдатель уже не упустит из поля зрения появления скульптуры — будь ли то след окраски или просто скульптурная глина, которая отлична от глины сырца, строительных растворов и штукатурок цветом и плотной структурой.

При появлении в разрезе скульптурного элемента начинается более деликатная расчистка вокруг него ножом, но главным образом хирургическими скальпелями и кистями. Постепенно оконтуривается «островок» скульптурного завала, который тщательно расчищается и сверху и с боков (табл. II, III). Очень важно своевременно снять со скульптурных остатков налипшую и спрессованную массу упавших сырцовых кирпичей — чуть сыроватые в грунтовом залегании, они, просохнув на солнце, приобретают чрезвычайную прочность, после чего отделить их от скульптурной глины крайне трудно — скорее разрушается именно скульптурный фрагмент.

После расчистки скульптурный «островок» оставляется открытым на 1—2 часа, чтобы его провеял воздух и прокалили солнечные лучи. Горячее среднеазиатское солнце превосходно крепит глину. Однако под действием тепла и резкого изменения температурного режима от глиняной основы окраска отслаивается, а сами краски гаснут. В силу этого открытые окрашенные детали следует пропитывать клеющим веществом сразу же после их расчистки.

Открытые «островки» наносятся на чертеж. При малом количестве скульптурных фрагментов, как это было, например, в айване, оказалось достаточно обычной разбивки плана сеткой двухметровых квадратов. При чрезвычайной же насыщенности скульптурного завала, как это

имело место в зале, необходима в целях удобства шифровки и нанесения на чертеж, более детализированная разбивка площади полуметровыми квадратами. В процессе графической фиксации на чертеже дается условная порядковая нумерация скульптурных объектов, а также отмечается их поярусное (по отношению к принятой нулевой точке репера) положение в завале помещения.

Открытые скульптурные островки следует оставлять, осуществляя их постепенную пропитку ежедневно, через каждый час, на площадке не менее 5—7 дней, а при большой толщине — до двух недель.

В качестве основного материала пропитки глины нами были использованы проверенные в обширной практике лаборатории Государственного Эрмитажа на пянджикентских росписях и барельефах растворы блочной смолы — полибутилметакрилата (ПБМА). Отметим попутно, что в связи с возникшими было в 1961 г. трудностями получения ПБМА заводского изготовления, Е. Ф. Федорович поставила успешный опыт изготовления его на базе Института химии полимеров АН УзССР.

Разведение ПБМА осуществляется на ксилоле или на ацетоне. Последний удобен в полевых условиях, особенно в холодные осенние дни, так как он быстро крепнет. Густым ацетоновым настоем ПБМА целесообразно заполнять перед упаковкой объектов имеющиеся в них крупные щели.

Ксилол способствует более глубокому проникновению раствора в глину. Опыт показал, что наилучшие результаты дает такая последовательность: первая пропитка в соотношении ПБМА к ксилолу 1 : 4, последующие же в целях более глубокого проникновения — с разжижением до 1 : 7. Случается, что при первых пропитках на поверхности образуется очень плотный глянцевый слой — тогда его разжижают чистым ксилолом, «прогоняя» ПБМА вовнутрь.

Несмотря на многократные полевые пропитки, клеющие вещества создают лишь поверхностное (до 1 *см*) закрепление глины, однако и это уже гарантирует сохранность объекта, достаточную для его перевозки и дальнейшей консервации в лабораторных условиях.

Следующая стадия работ на археологической площадке связана с процессом изъятия скульптурных остатков. После закрепления их в массивах «островков» намечаются крупные швы и трещины расчленения отдельных кусков (принадлежащих одному, а иногда и разным скульптурным объектам), по которым будет осуществляться выемка фрагментов. Нижележащие археологические завалы или пол предварительно обкапываются так, что кусок оказывается как бы на отдельном «столике», что помогает свободно манипулировать вокруг. После того некрупный скульптурный фрагмент может быть снят в перевернутом виде на фанеру (с подсыпкой в нужных участках глины) с тем, чтобы сразу же на рабочей площадке осуществить расчистку и пропитку его обратной стороны. Этот способ, применявшийся нами в 1960—1961 гг., имеет, однако, существенный недостаток — вследствие перемещения центра тяжести и внутренних сил сцепления перевернутая деталь, особенно если это не монолитный массив, а барельеф, дает с оборота ряд дополнительных трещин. Объект при этом фактически разнимается на отдельные фрагменты, сборку которых предстоит осуществить в лабораторных условиях. С 1963 г. данный способ использовался лишь для извлечения некрупных объектов и деталей. При извлечении же значительных мас-

сивов были применены гипсовые блоки. На подготовленный к изъятию скульптурный массив — например, протому коня, торс человеческой фигуры — настилаются (во избежание проникновения влаги) листы фольги, накладывается арматура из нескольких отрезков толстой проволоки, а затем наносится раствор строительного гипса (рис. 90—91). После затвердения гипса (через 20—30 мин.) «столик», на котором покоится объект, подкапывается, весь блок переворачивается и далее в этом гипсовом футляре ведется расчистка и пропитка обратной стороны

Рис. 90. Армирование гипсового блока.

скульптуры. Плотно обжатой скульптуре уже не грозит появление новых трещин. В таком виде блоки благополучно прибыли в Ташкент, отлично пройдя «экзамен» нелегкого 1500-километрового пути в экспедиционной машине.

Метод изъятия скульптуры большими целостными массивами в гипсовых блоках радикально отличен от способа, принятого лабораторией Государственного Эрмитажа, который в 1961 году рекомендовал нам П. И. Костров. Суть последнего заключается в «вышелушивании» глины изнутри скульптуры, с оставлением лишь сравнительно тонкой (до 2 *см*) внешней корки, пропитанной снаружи и изнутри раствором ПБМА и дополнительно закрепленной изнутри воском с канифолью, а также мастикой из ПБМА, ксилола, глины и опилок; иногда применяется добавочный каркас в виде внутренних распорок. По мнению П. И. Кострова, этот метод обеспечивает подобающую пропитку внешнего слоя клеющими веществами, оберегает скульптуру от разрушения содержащимися в первоначальном массиве глины солями и от давления внутреннего массива незакрепленной глины на внешний пропитанный слой. Подобный способ был применен Л. И. Альбаумом в 1959 г. при извлечении глиняной скульптуры буддийского храма в Куве. Однако он таит и ряд отрицательных свойств. Во-первых, реставраторы, по существу, собственноруч-

но осуществляют разрушение той внутренней структуры статуй, которая дает представление о рабочем методе древних ваятелей. Во-вторых, как бы ни крепить оставленную внешнюю пластическую оболочку, она недостаточно прочна и может со временем дать трещины и деформации (о чем наглядно свидетельствует скульптура Кувы). В-третьих, сам процесс подготовки глиняных статуй к изъятию в полевых условиях очень трудоемок, а транспортировка на дальние расстояния сложна.

Метод гипсовых блоков лишен всех этих недостатков и вместе с тем он гораздо рентабельней. Даже в условиях сильного засолонения

Рис. 91. Скульптурный фрагмент в гипсовом блоке, подготовленный к изъятию.

глины рациональнее доставка скульптуры единым монолитом в лабораторные условия, где уже можно, по усмотрению, либо заняться химическим удалением солей, либо осуществить ее внутреннее «потрошение». Но можно обойтись и без него: привезенный нами еще в 1962 г. в гипсовом блоке массивный торс коня находится в превосходном состоянии, хотя к камеральной работе над ним еще не приступали.

Закрепление на месте цельным массивом крупной, разбитой глиняной статуи парфянского времени, упавшей еще в древности при землетрясении со второго яруса стены на пол в дворцовом зале Старой Нисы (в Туркменистане), уже было успешно осуществлено 15 лет тому назад М. Е. Массоном, который, не располагая в те времена современными пропитывающими веществами, использовал лишь гипс, парафин и очень жидкий раствор столярного клея. Статуя прошла проверку временем и благополучно хранится в Ашхабаде.

Что касается процесса реставрации халчаянской скульптуры в лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР, то здесь, наряду с использованием опыта Эрмитажа, были применены некоторые новые, разработанные сотрудниками лаборатории методы.

Общий принцип заключается в разъятии фрагментов по крупным трещинам, очистка их, пропитка и последующая сборка с максимальным восстановлением целостных скульптурных форм и деталей. Однако почерпнутый из существующей практики прием многократного — через каждые 20 минут — нанесения вручную жидкого (1:7) раствора ПБМА оказался крайне трудоемким и затяжным. Реставрация небольшого числа объектов из айвана длилась около полутора лет. Кроме того, при пропитке, осуществляемой шприцем и кистями, клеющий раствор все-таки не проникает вглубь более чем на 1—1,5 *см*.

Возникла неотложная задача сплошной пропитки всего скульптурного объема, причем не бесконечными ручными манипуляциями, а единовременным актом. В Эрмитаже при работе над снятой плоскими (1,5—2,0 *см*) плитами живописью Пянджикента применяется пропитка под высоким давлением, благодаря чему раствор «загоняется» в глубь глиняного слоя. Однако при работе с круглой скульптурой имеется определенный предел проникновения раствора (2,0—2,5 *см*), далее которого он уже не идет; к тому же нагнетаемая под давлением жидкость может повредить на поверхности тонкие пластические детали (крылья носа, веки и пр.). Сотрудники нашей лаборатории использовали вакуумные условия. В эксикатор заливается более густой чем при ручной пропитке раствор ПБМА (1:3), закладывается крупная скульптурная деталь, или несколько мелких, затем начинается откачка воздуха, и раствор устремляется вслед за уходящим воздухом, проникая во все пустоты, поры и капилляры глиняной массы независимо от толщины скульптурного массива. Операция эта повторяется два-три раза, в результате при большой экономии времени достигается глубокое проникновение закрепляющего вещества.

Основным достижением в работах лаборатории является совершенно новая идея Е. Ф. Федорович, которая заключается в использовании концентрированного раствора какого-либо мономера в органических растворителях, в присутствии инициатора, с последующим нагреванием, взамен раствора готового полимера. При этом процесс полимеризации совершается внутри самой хрупкой структуры, что обеспечивает абсолютное проникновение закрепляющего вещества во все поры и придает объекту твердость, не уступающую твердости камня. Нагревание осуществляется в сушильных шкафах, воздушных банях, а при крупных предметах — в особых камерах. Время полимеризации мономера занимает 4—6 часов. Процесс реставрации ускоряется в 10—12 раз, достигается необычайная прочность предметов, устойчивость их к влажности, температурным колебаниям, физическим ударам, биологическим факторам и, наконец, идеальная сохранность первоначального цвета окрашенных объектов.

Что касается последующей сборки, подгонки, соединения фрагментов халчаянской скульптуры, которые осуществляются вручную, то здесь уже вступает в силу мастерство скульпторов Х. Хуснутдинходжаева и Д. Рузыбаева — их чувство формы, знание анатомии, живое ощущение тех процессов работы древних ваятелей, вслед за которыми они как бы воссоздают некогда выполненные бактрийскими мастерами пластические произведения.

Перед нашими скульпторами была поставлена и еще одна задача:

творческая реставрация скульптурных объектов. Многие халчаянские статуи претерпели разрушение еще в древности, за время почти трехвекового функционирования и последующего заброса здания, когда отпадали и разрушались отдельные детали, а иногда, вероятно, и целые участки пластических композиций. В силу этого большинство скульптур дошло с огромными утратами. И, однако ж, по сохранившимся кускам можно порой представить первоначальный облик отдельных статуй, и не только представить, но и воссоздать. Разумеется, вносить какие-то современные добавки в подлинник реставратор не вправе. Но вполне закономерно предложить самостоятельный макет скульптурной реставрации этой статуи в глине или гипсе, с окраской поверхности, восстанавливающей первоначальный колорит. Такого рода опыт был проделан Х. Хуснутдинходжаевым с фигурой Афины из айвана, голова и фрагменты торса которой дали основание к восстановлению верхней половины статуи, причем недостающие детали были восполнены либо путем чисто скульптурного анализа формы, либо путем привлечения сравнительных аналогий (табл. IV).

Работа по реставрации халчаянской скульптуры еще предстоит немалая. Но в дальней перспективе мы предвидим вероятность восстановления в скульптурных моделях основных пластических композиций зофора и фриза главного зала дворца.

Воссоздать скульптурное оформление айвана не представляется возможным из-за малого числа дошедших фрагментов. Скульптурные остатки здесь концентрировались преимущественно в северо-западном и юго-западном участках. Они лежали в завалах разрушенного сырца, в уровне от 0,80 до 1,20 *м* от пола и лишь небольшие фрагменты оказались прямо на полу у центрального прохода и в северном проходе в зал.

Размеры статуй достигали от половины до двух третей натурального человеческого роста, за исключением мужской головы, приближавшейся к натуре. Голова эта прилегала вплотную своей разбитой частью к щипцовой стене айвана, близ южного прохода. От нее сохранилась лишь верхняя половина — с прямыми густыми прядями черных волос, приподнятых надо лбом и перехваченных начельным ремнем. Лицо окрашено в киноварный цвет. Суровый, нахмуренный лоб с бугристой лепкой мышц, сведенные к переносице, тонкие, отлетающие к вискам, брови, часть прямого носа и свирепый, чуть скосый черный глаз с сильным, нависающим веком. Мужские лица этого рода составляют особую типологическую группу, о которой детальнее будет сказано в связи с характеристикой скульптуры из зала.

Недалеко от южной щековой стены айвана оказалась женская голова и верхняя часть торса женщины, располагавшиеся во фронтальной позиции. Лицо широкое, несколько уплощенное, с мелкими, нечетко моделированными чертами, но вполне индивидуальное, не встречающее себе повторов среди других женских образов халчаянской скульптуры (табл. V). Прическа разделена на пробор и обрамляет его пышными прядями, на голове — панамообразный белый шлем со сколом на макушке, где, очевидно, возвышался султан или шишак. На плечи накинут переброшенный за спину, расходящийся веерными складками алый плащ, под ним — малиновое плотное платье, перетянутое белой опояской под грудью, с длинными, узкими рукавами, орнаментированными по

Табл. I. Женская голова из айвана.

Табл. II. Расчистка скульптурных фрагментов с оставлением их на земляных „столбиках".

Табл. III. Расчистка скульптурных фрагментов в центральном секторе зала.

Табл. IV. Афина (опыт реконструкции Х. Хуснутдинходжаева).

Табл. V. Голова Афины.

Табл. VI. Женская голова из айвана.

Табл. VII. Голова сатира (в завале).

Табл. VIII. Фигура мальчика-гирляндоносца в завале. Видны полости истлевшего каркаса.

Табл. IX. Фигура мальчика-гирляндоносца (после взятия в гипсовый блок).

Табл. X. Головка девушки с фриза (фас).

Табл. XI. Головка девушки с фриза (профиль).

Табл. XII. Голова юноши (профиль).

Табл. XIII. Голова юноши (фас).

Табл. XIV. Девушка с лютней.

Табл. XV. Голова арфистки.

Табл. XVI. Бюст бородатого божества.

краю остроконечными зубцами. Несколько поодаль оказался фрагмент тяжелых драпировок нижнего края одежды. Правая рука была полусогнута, левая отведена, причем на обломке ее кисти между согнутыми пальцами сохранился округлый след, видимо, от копья.

Фронтальная поза, положение рук, шлем и плащ (рис. 95) — все это не оставляет сомнения в том, что перед нами Афина[334]. Образ этой богини, проникший на среднеазиатскую почву еще со времен македонских и селевкидских завоеваний пользовался, по-видимому, высоким почитанием в среде местных правителей и их окружения, о чем свидетельствует, в частности, изображение ее на монетах греко-бактрийских и индо-парфянских царей.

С точки зрения иконографии и стиля халчаянская Афина наиболее близка к изображениям Афины на парфянских ритонах Нисы II в. до н. э.[335]. Локализация образа (грек сказал бы «варваризация») здесь несомненна: своеобразные детали одежды, панамообразный шлем, но главное — лица халчаянской и нисийских Афин отличны от традиционного в греческой пластике образа Паллады, хотя исходный образ их вполне очевиден. Детальный анализ позволяет прийти к заключению, что Афине в халчаянском дворце мог быть придан реальный облик одной из представительниц местной саганианской династии[336], подобно тому, как на монетах грекобактрийского царя Менандра Афине были приданы черты жены его Агафоклеи, имя которой приведено с титулом Теотропос — «Богоподобная»[337].

В северной части айвана, на расстоянии 1,5 *м* от щипцовой стены лежала сбитая по шею и со сколом у лба женская головка (табл. I). Лицо классически правильное, удлиненное, полное. с крутым подбородком, прямым носом, продолжающим линию лба, прямым разрезом глаз с рельефно моделированными зрачками. Пышные волосы группируются крупными прядями, над которыми проходит лента, подхвачены на макушке, волнистые прядки ниспадают к плечам. Классическая основа образа несомненна. Величаво-покойное выражение лица, идеальная правильность черт, чеканный профиль — все это явно следует традиционным идеалам греческой пластики.

В полном контрасте предстает другая женская головка, лежавшая несколько дальше, в завале у северо-западного угла (табл. VI). Скульптура некогда располагалась на стене в трехчетвертном обороте — отсюда уплощенность и неразработанность правого виска и, очевидно, с учетом раккурса, асимметрия черт. Лицо полное, овально утяжеленного книзу очерка; крутые брови и глаза в очень рельефных веках сбегают к вискам; нос прямой, опущенный; маленький рот — с припухлою нижней губой. Невысокий лоб перетянут лентой, волосы прядями обрамляют виски, приоткрывая мочки ушей. По белому грунту — следы окраски лица в красный цвет, а глаз, бровей и волос — в черный. Оригинальный венец из трех рядов разноцветных зубчиков (красных, черных) охватывает прическу наподобие кокошника.

Лицо очень индивидуально и внушает мысль о портретности образа, передавая какой-то своеобразный этнический тип и своеобразный эстетический идеал. Под этой головой лежали раздавленные куски от женского бюста в белой драпирующейся тунике, здесь же — плечо и украшенная браслетами рука другой женской фигуры. В северо-западном завале

айвана найден еще ряд фрагментов белых и красных драпировок одежд каких-то несохранившихся фигур, а также небольшая лобная часть головы с белой перевязью, отороченной черными полосками; а близ центрального прохода обнаружены пальцы крупных и пальчики маленьких рук.

Составить суждение о первоначальном цикле и взаиморасположении скульптур в айване не представляется возможным. Надо полагать, что значительная часть их исчезла еще в период более чем трехвекового функционирования дворца, и лишь какая-то доля упавших после окончательного заброса здания вместе с сырцовыми кладками кусков и деталей от статуй дошла до нас в составе описанных фрагментов.

Более четкое представление можно составить в отношении пластических композиций зофора и фриза главного зала, хотя и здесь нанесенные временем утраты велики и во многом невозвратимы.

Скульптура главного зала дошла в бесформенных завалах и неравномерных скоплениях разбитых фрагментов. Описание их приводится ниже не столько по месту находки (ибо при падении происходило большое смещение и смешение скульптурных кусков), сколько в связи с определенными композициями. Нумерация сохранена в соответствии с условными полевыми шифрами, которые по мере вскрытия наносились на рабочий чертеж (см. рис. 89).

Скульптурные образы из зофора входили в состав трех основных композиционных групп. Одна концентрировалась в центральной нише на восточной стене, в основном над проемом, ведущим в тронную комнату. Две другие располагались в северной и южной третях той же стены, переходя на торцовые стены зала. Поверху тянулся венчающий скульптурный фриз. Фриз в южной и северной третях зала был отделен от зофора архитектурной тягой в виде четвертной выкружки с прорисованными черной и красной краской овами. Мотив оформления его в этих участках был един: фигурки детей, несущих в приподнятых руках ниспадающие гирлянды, в свесах которых расположены более крупные мужские и женские погрудные полуфигуры.

Гирлянды шириною 10—11 *см* при толщине рельефа до 6 *см* и межосевых пролетах их свесов около 1,0—1,20 *м*, выполнялись путем налепа на стену глиняного валика, к которому прикреплялись отдельно изготовленные (может быть даже сформованные в матрицах) тонкие глиняные лепестки толщиною 3—5 *мм*, окрашенные по поверхности в белый или малиново-розовый цвет. Прочного соединения при этом, естественно, не получалось, в процессе падения скульптуры лепестки отлетали и лишь в редких случаях, при опадании целых кусков верхних сырцовых кладок, последние увлекали с собой прикрепленные участки гирлянд.

Гирлянды принадлежали к категории условно-декоративных. Лепестки располагались внахлестку, правильными рядами; на отдельных участках они имеют то сердцевидную, то овальную форму; местами размещены рельефные перехваты гирлянд.

Введение гирлянд в оформление архитектурных фризов характерно для эллинистического зодчества II в. до н. э.[338], в культовых постройках которого гирлянды нередко чередуются с различными атрибутами богов (например, лиры Аполлона, совы Афины, орла Зевса, букраниев жертвенных быков и т. п.)[339]. Наряду с реалистической передачей листвы,

плодов и цветов в эту эпоху разрабатывается декоративный тип гирлянд. Так, на фризе алтаря Артемиды в Магнесии на Меандре их оформляют набегающие друг на друга однородные остролисты[340], гирлянды же мраморного фриза храма Деметры в Пергаме (эпохи Атталидов) дают чередование на отдельных участках сердцевидных лепестков, остролистов и ромбических чешуек[341]. Именно этот декоративно-условный тип гирлянд характерен для Халчаяна.

Гирлянды входят и в римскую архитектуру времени поздней республики и Августа (I в. до н. э. — начало I в. нашей эры) — таковы фризы круглого храма в Тиволи, гробницы Цецилии Метеллы, арки в Солониках[342], но в императорский период гирлянды в монументальной архитектуре исчезают и на фризах преобладают мотивы пышнолиственного спиралеобразного побега, акантовых завитков и пальметт[343].

Что касается сюжета «амуров с гирляндами», то он обычно ассоциируется с римскими саркофагами II—III вв. н. э., на сопоставлении с которыми, в частности, иногда основывают датировку ряда гандхарских скульптурных рельефов не ранее указанной эпохи. Мотив этот, на котором строятся хронологические обоснования, имеет, таким образом, принципиальное значение и потому на нем следует остановиться особо.

Вопрос о возможности появления сюжета «путти с гирляндами» в индо-афганских областях еще в предкушанское и раннекушанское время был поднят в недавних публикациях Д. Шлюмберже и Э. Цанна[344], в обоснование чего ими приведен ряд памятников эллинистической и ранне-римской архитектуры, где предстают крылатые эроты, несущие тяжелые гирлянды: капитель времени Атталидов из Пергама (II в. до н. э.)[345], фриз арки Сергиев в Поле[346] и фриз мавзолея Юлиев в Сен-Реми[347], (оба эпохи Августа, второй половины его правления, т. е. конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.). Перечень этот может быть пополнен и другими аналогиями. В римском зодчестве отметим фриз храма Фортуны Вирилис (I в. до н. э.) с нагими человеческими фигурками, придерживающими свесы гирлянд[348]. Для эллинистической же эпохи можно сослаться на некоторые близкие по своему характеру мотивы живописи. Крылатые гении на фоне гирлянд типичны для росписей Помпей 2-го стиля (I в. до н. э.)[349]. Среди росписей же жилых домов III—II вв. до н. э. на о-ве Делосе характерен фриз с изображением эротов, танцующих между подъемами легкого, волнистого растительного побега[350]. По существу это прообраз эротов-гирляндоносцев на пластических фризах: в скульптуре, где даются материально плотные, объемные гирлянды, они уже не могут виться естественным побегом и тогда мальчуганы подхватывают их на плечи.

В монументальной архитектуре Рима мотив амуров с гирляндами после Августа не встречается. Но зато во II—III вв. он очень широко входит в небольшие декоративные рельефы (такова, например, плита в музее Терм с изображением театрального задника[351]) и особенно в оформление парадных скульптурных саркофагов[352]. В этой связи следует подчеркнуть, что перенос пластических композиций, связанных первоначально с архитектурой, на бытовые предметы, как правило, протекает не сразу, а лишь после того, как в архитектуре он становится традиционным (такова, например, природа архитектурных ордеров, которые входят со временем в оформление мебели, погребальных стел и тех же сар-

кофагов), а иногда заменяется иным. «Путти с гирляндами» широко фигурируют в пластическом оформлении римских саркофагов уже тогда, когда на архитектурных фризах этот мотив исчезает.

В Халчаянском дворце тема гирлянд, поддерживаемых детьми, входит в скульптурную композицию настоящего архитектурного фриза, выполнявшуюся с учетом перспективных ракурсов. Уже тем самым она сближается с упомянутыми памятниками II в. до н. э. — начала I в. н. э. и предшествует римским саркофагам, а не подражает им. Анализ же стиля располагавшихся здесь фигур уточняет датировку и подтверждает связь фриза не столько с римской, сколько с восточно-эллинистической традицией.

Судя по межосевым расстояниям свесов гирлянд, число гирляндоносцев во фризе дворцового зала достигало 16—20, при размерах фигур 35—40 *см* по высоте.

Рис. 92. Фигура мальчика-гирляндоносца (*после взятия в гипсовый блок*).

До нас дошли фрагменты лишь от шести. Преобладающий тип среди них — обнаженные мальчики (например, № 72, кв. П-37, 38 и № 79, кв. П-36), представленные в сложном обороте тела, с раздвинутыми в шаге ножками, приподнятыми руками и склоненной как бы под грузом перекинутой через шею гирлянды головой (рис. 92, табл. VIII, IX). Тела и лица окрашены в нежный малиново-розовый цвет, волосы — в черный, черными линиями резко прорисованы брови, удлиненные к вискам глаза и перекрещивающиеся на груди фигурные петли, очевидно, условно передающие перехваты, которыми прикреплялись гирлянды, придерживаемые изящными пальчиками маленьких рук. Мягкая лепка фигур превосходна, повороты разнообразны, строятся они на противоположно направленном движении головы и торса. Лицам — по-детски припухлым, с торчащими ушками, присущ несколько нависающий лоб и утяжеленный книзу овал — видимо, этим приемом корректировались ракурсы голов, расположенных на большой высоте, под самым потолком.

Другую группу гирляндоносцев составляли бегущие, или танцующие мальчики в развевающихся коротких туниках (№ 40, кв. З, И-6, № 64, кв. Р-31) с сильными, жилистыми ножками, раздвинутыми в бурном беге, также с воздетыми руками.

В этот же комплекс входили и девочки, размеры, стиль, приемы

окраски и лепки которых те же, что у гирляндоносцев. Вряд ли они выполняли функцию носительниц гирлянд — скорее это иеродулы, изящные маленькие танцовщицы, входившие в единый с ними пластический цикл. Сохранились три головки (№ 14, кв. Л-17; № 81, кв. П-35; № 61, кв. П-32, 33) с нежным, несколько утяжеленным книзу овалом лица, правильными чертами и обрамляющей его пышным валиком прической (табл. X, XI).

Всюду на участках падения фризов встречались фрагменты тонких крылышек, раздробившихся, благодаря своей незначительной толщине (от 0,5 до 1,0—1,5 *см*). Крылышки были окрашены в светло-малиновый цвет, оперенье прорисовано черными линиями. Затруднительно определить — принадлежали ли они мальчуганам (тогда это были не бытовые носители гирлянд, а эроты), или же полуфигурам, располагавшимся в свесах гирлянд, среди которых могли быть, таким образом, крылатые гении.

В составе полуфигур — мужские и женские образы. Ни один из них не повторяет другого, в каждом отчетливо выражена индивидуальность облика, но стиль един и тематически они принадлежат единому циклу дионисийского характера. Бюсты этих мужчин и женщин выступали из полудужий гирлянд с уровня груди; выполнены они в барельефе, возрастают у плеч до половинного рельефа, головы же имеют трехчетвертной или полный объем. Они как бы вырывались из плоскости стены, почти нависая, но сильные перспективные сокращения корректировали это нависание и создавали иллюзию вертикального положения фигур. Лица окрашены по белому грунту в киноварно-красный цвет, растительность — в черный, глаза подведены черной краской.

Среди персонажей были сатиры, музыкантши, ряженые, какие-то юноши простонародного облика. Природу сатиров иногда подчеркивают по-звериному заостренные уши, некоторые атрибуты и общий облик порою вульгарных, но очень выразительных лиц. У одного из них (№ 25, кв. 0, Н-12) — уже немолодое лицо с густыми усами, бородкой, бакенбардами, угловатыми прядями набегающих на невысокий лоб волос (табл. VII). Круто приподнятые надбровья, обращенный вверх взор, напряженность мышечной лепки придают лицу выражение тревоги и как бы затаенного страдания. Лицо другого немолодого сатира (№ 54, кв. П-9), изборожденное буграми и складками, с клочковатыми волосами, усами и бакенбардами, также исполнено каких-то горестных настроений (табл. XXXII). Бюст сатира (№ 60) передает облик обнаженного юноши с молодою растительностью на лице (сильно деформированном при падении), на голове — венок, пятилепестковый цветок которого прикрывает лоб. Голова юноши (№ 43, кв. М-4,5) обнажена, волосы на ней не обозначены, может быть он обрит, а может быть отдельно прикреплявшаяся шевелюра, либо головной убор утрачены. Лицо его отличает подчеркнуто сильная моделировка черт — резко выдвинутый подбородок, приподнятая линия носа, глубоко западающие глаза, рельефные надбровные дуги, набрякшие подглазные мешочки, резкие складки у щек (табл. XII—XIII).

Халчаянские сатиры не имеют аналогий в богатой иконографии сатиров, разработанной в пластическом искусстве греко-римского мира. А между тем черты общности здесь безусловны и существо их, разу-

меется, не только в заостренных ушах (которые, кстати, необязательны). Простонародность облика, сильная, бугристая лепка черт лица, беспорядочная прическа — все это в скульптурной иконографии сатиров контрастно противостояло гармонической красоте олимпийских богов и героев, создавало жизненно достоверные, очень эмоциональные образы спутников Диониса в эллинистическом и римском ваянии. Именно такое понимание образа присуще и для халчаянских сатиров, однако прямых совпадений здесь нет; у бактрийских ваятелей явно собственная интерпретация данной темы.

Отличия проступают и в чертах лица и в ряде деталей. Вполне своеобразна, например, подстрижка растительности. Сатиры греко-римской пластики чаще всего безбороды и безусы (редкое исключение — голова сатира в Берлинском музее с «клубящимися» усами, видимо, восточно-эллинистического происхождения). Густая щетка усов и торчащие бакенбарды халчаянского сатира № 54 в греко-римских образцах неизвестны; как будет показано дальше, при рассмотрении фигур зофора, это была типично местная подстрижка.

Мужские образы халчаянского фриза объединяет одна черта: им всем присущ какой-то внутренний драматизм, переданный через выразительную лепку лиц. В греко-римской скульптуре на лицах сатиров преобладает либо блаженная улыбка, либо громкий смех опьяненного[353]. Наряду с тем в греческом ваянии есть и иной образ молодого сатира — со страдальческим выражением лица, примеры чего дают античные терракоты[354]. Своим настроением, позицией запрокинутой головы, бугристой лепкой лица халчаянский сатир № 54 особенно близок к лувркой мраморной статуе сатира эллинистической работы II в. до н. э.[355] Стилистически он явно сближается с эллинистической традицией того патетического стиля II в. до н. э., который с наивысшей силой запечатлен в скульптуре делосской и пергамской школ, какова, например, голова галла (в Каирском музее), близкая к халчаянскому образу[356].

Но наиболее близкие аналогии черпаем в круге иного искусства. Замечательный цикл пластических изображений дает комплекс ритонов II в. до н. э. из парфянской Нисы, резанных из слоновой кости. Верхний раструб этих рогообразных сосудов обычно содержит как бы широкий зофор с рельефными композициями, в составе которых, между прочим, видная роль принадлежит вакхическим сюжетам. Над ним расположен венчающий карниз, оформленный отдельными скульптурными головками, среди которых значительное место также занимают дионисийские образы[357]. Головки кудлатых и бородатых немолодых мужчин[358] очень близки к халчаянскому сатиру № 25, а головки каких-то юношей с лысым (или обритым) черепом[359] — к образу юноши № 43. Важно подчеркнуть, что всю эту группу горельефных головок на карнизах ритонов очень сближает с халчаянскими то общее настроение напряженности и печали, которое определяет собою их эмоциональный строй.

Стилистическую близость бактрийской скульптуры халчаянского фриза с раннепарфянским искусством восточных областей Аршакидского государства подтверждают и женские образы нашего фриза — бюст музыкантши с лютней (№ 52, кв. О-7, табл. XIV), голова девушки (№ 59, кв. 0-35), видимо, арфистки, так как рядом лежал фрагмент арфы с кистью женской руки (рис. 93, табл. XV), сильно деформированная

при падении полуфигура еще одной девушки (№ 49, кв М-7). Лица их вполне индивидуальны — у лютнистки широкое, полное, миловидное, у арфистки более строгое, правильное, у третьей девушки — широкое, грубоватое, с очень крутым лбом и мелкими чертами. Общим является прическа, характерная и для всех остальных женских изображений халчаянского дворца: волосы пышными прядями закручены валиком вокруг рельефного начельного ремня и собраны в пучок у макушки. Подобная укладка волос неизвестна в составе греко-римских куафюр, но она присуща всем женским образам на нисийских ритонах[360]. Общность с последними, однако, простирается и дальше сходства прически: она запечатлена в самом отношении к девичьей красоте, в понимании ее идеала. „Луноликая" полнота лиц, крутые дуги бровей над большими, округленными глазами, мелкий рот, крутой подбородок — все это далеко от греко-римского канона прекрасного женского лица, но все это совпадает с изображениями как на парфянских ритонах, так и в халчаянской скульптуре.

Рис. 93. Фрагмент арфы и руки музыкантши.

Халчаянские музыкантши имеют определенный интерес для изучения бактрийского музыкального инструментария, в состав которого входила лютня с очень широкой декой и сильно суженной шейкой и арфа с крутым выгибом корпуса у основания.

Введение фигур девушек-музыкантш в художественное оформление архитектурных фризов, по-видимому, имело широкое распространение в античном искусстве Среднего Востока — в кушанское время они предстают в каменных изваяниях Айратамского фриза[361], на многочисленных гандхарских рельефах[362], в росписях Топраккалы[363] и Мирана[364]. Халчаянский фриз дает наиболее раннее воплощение этого мотива на бактрийской почве.

Участок фриза над центральным проходом не был отделен архитектурной выкружкой от размещавшихся в зофоре главных фигур. Здесь в единой композиции следовало три скульптурных изображения, которые, по счастью, упали единым, хотя и разбившимся на куски, массивом: в центре располагался бюст бородатого мужа, справа бюст юноши в «скифском» клобуке, слева фигурка парящей Ники. Лица их окрашены были в красный цвет, волосы в черный, одежда Ники и колпачок юноши — в белый.

Голова центрального персонажа (№ 3, кв. Н, М-21) выполнена в очень высоком рельефе, шея же и плечи сходят на уплощенный барельеф (табл. XVI). Богатая пластическая лепка передает очень выразительное, немолодое лицо с изборожденным морщинами лбом, над которым приподняты волнистые пряди волос, с несколько одутловатыми щеками, глубоко посаженными глазами в рельефных веках и припухлых «мешочках», правильным носом, небольшим ртом в обрамлении густой бороды и ниспадающих на нее пушистых усов. Хотя грунт и красочный слой во многих местах облетели, отчетливо видна пластическая разработка всех деталей — вплоть до мелких морщинок, зрачков, волосков бровей, тонких прядок растительности. С правой стороны головы видны радиально расходящиеся полоски — может быть лучи; слева участок фона сбит. У шеи округлый вырез.

Облик бородатого мужа явно эллинизирован. Своей пластической манерой, которая создает богатую моделировку и сложную светотеневую игру, он передает глубокую, изнутри идущую экспрессию, напоминая образы эллинистической пластики III—II вв. до н. э., от Демосфена Полиевкта до «Старого рыбака» Ватиканского собрания[365]. Какое божество изображено здесь? Может быть Геракл, который охотно объявлялся азиатскими монархами божественным предком и покровителем, — он фигурирует, например, в качестве такового на монетах ряда греко-бактрийских царей (Эвтидема I, Стратона, Деметрия I и II, Лисия, Зоила II, Теофила)[366]. Близкую к халчаянскому образу иконографию Геракла дает терракота из Луврской коллекции[367]. Однако подобие лучистого нимба за головой халчаянского мужа позволяет думать и о местной интерпретации Зевса. Этот атрибут, присущий для Гелиоса, но несвойственный главе Олимпа в греко-римской иконографии, был по каким-то причинам во II—I в. до н. э. придан Зевсу на почве Бактрии и северо-западной Индии, о чем свидетельствует группа монет так называемого «варварского Гелиокла» (см. выше, стр. 111 сл.) и чекан индо-сакских царей — Вонона, Спалириса, Аза[368].

Халчаянская голова лишена того горделивого величия, которое свойственно классическим изображениям Зевса, в лице его скорее запечатлено настроение грустной созерцательности, — но это, может быть, лишь показатель вольного отношения местного скульптора к образам греческого ваяния, в которых он черпает не столько мифологическую, сколько изобразительную основу.

Вправо от центрального персонажа расположен горельефный бюст юноши (№ 2, кв. М-22) во фронтальной позиции (табл. XVII). Утяжеленный овал лица, правильные, несколько неопределенные черты; на голове мягкий колпачок с заостренным, чуть отогнутым вперед концом и длинными отворотами, ниспадающими на плечи; драпирующийся на груди плащ. Головной убор его близок к типу так называемого «фригийского колпачка» или того «скифского клобука» греческой пластики, в котором нередко изображались «варвары», «скифы», персы и некоторые божества — Аттис и Митра[369].

Образы представителей какой-то группы населения Бактрии в «скифских клобуках» предстают уже на золотых пластинках Амударьинского клада VI—V вв. до н. э.[370]. Всадник в заостренном колпаке изображен в рельефе на терракотовой баклаге III—II вв. до н. э. из Кой-

Крылган-калы в Хорезме[371]; головки юношей в остроконечных колпачках можно видеть на ритонах II в. до н. э. из парфянской Нисы[372], терракотовые статуэтки «Митры-пастушка» были широко распространены в раннеантичной коропластике Согда[372].

В отношении халчаянской скульптуры есть основания считать, что на бактрийской почве это мог быть именно Митра — одно из главных авестийских божеств, но переданное в чисто эллинизированной интерпретации образа. Имеется косвенное указание на почитание Митры в бактрийской среде: в одной из делоских надписей 180 г. до н. э. упомянут бактриец Гипостинос, сын μιθρόδαεγε[374]. О популярности его на территории кушанских земель свидетельствует образ божества МІОРО в монетном чекане Канишки и Хувишки (I—II вв.)[375], где иконография его, однако, несколько иная. Говоря о кушанском искусстве следует отметить сходного с халчаянским Митрой юношу в скифском колпачке и плаще в композиции гирляндоносцев и музыкантов в росписях Мирана (III в.)[376].

Культ Митры и его эллинизированная иконография получат широкое распространение в Риме и западно-римских провинциях в первых веках нашей эры, куда они были занесены римскими легионерами из восточных провинций империи[337].

Влево от бородатого мужа в описываемой нами халчаянской скульптурной группе расположена небольшая фигурка Ники (№ 4, кв. М — 21, 22), выполненная в верхней своей половине высоким рельефом; книзу она сходит на барельеф. Волнистая прическа обрамляет лицо со слабомоделированными чертами. Богиня одета в длинный гиматий и перетянутую под грудью тунику, фигура ее устремлена влево, голова и грудь даны в трехчетвертном обороте, а нижняя половина фигуры — почти в профиль, одежда драпируется многочисленными складками, правая рука была простерта вперед (видимо придерживала венец), левая отведена, за нею — крыло.

Изобразительная трактовка халчаянской Ники повторяет разработанный античным ваянием образ богини Победы[378]. Профильное изображение стремительно летящей Ники с венком в простертых руках было распространено уже в классическом периоде греческого ваяния, например в скульптуре восточного фронтона Парфенона[379]. Но если в эту пору Ника участвует в многофигурных композициях лишь как второстепенное божество, как исполнительница воли верховных богов Олимпа, то в эпоху эллинизма, когда так возрастает роль победоносных завоевателей и могущественных монархов, происходит выделение особого культа богини Победы. В изобразительном искусстве Ника уже венчает славой царя, военачальника-победителя или трофей. В Риме летящие Виктории вводились в тимпаны триумфальных арок, где они символически как бы увенчивали самого проходящего под аркой триумфатора.

Ника получает большую популярность в эллинизированных странах азиатского Востока, где образ богини Победы особенно импонировал воображению восточных владык, чья военная сила обеспечивала мощь государства, купленную ценою жестоких войн и нелегких порою побед. Высокое значение, придававшееся Нике в Парфии, подтверждается распространением в монетном чекане Аршакидов образа царя, навстречу которому устремляется Ника с венком[380]. Мотив этот входит и в парфян-

скую глиптику, о чем свидетельствует группа печатей из парфянской Нисы[381].

Образ крылатой богини был распространен и на бактрийской почве. Он представлен на превосходном серебряном с позолотой бактрийском фаларе Эрмитажа[382], на фрагменте терракотовой статуэтки с городища Зартепа Термезского района[383], да и в самом халчаянском дворце обнаружен терракотовый медальон на котором Ника в полете венчает восседающего на троне государя (см. ниже, стр. 237). Парящая Ника венчает конного царя на монетах раннекушанского правителя Герая (I в. до н. э.)[384]. Позднее в монетном чекане Канишки и Хувишки (I—II вв.), где господствовал цикл авестийских божеств, иконография Ники сливается с образом местной богини Хванинды, которая, однако, уже утратила динамичность своей классической позы и представлена не парящей, а стоящей[385]. В буддийских же областях Кушанского царства парящая Ника преобразуется в летящих над Буддой, сильно индуизированных в своем облике небожительниц — дэв[386].

Халчаянская Ника следует разработанному эллинистическим искусством образу парящей богини Победы, запечатленному, в частности, на монетах Герая, в чем мы усматриваем не одно лишь совпадение, но и, как будет показано дальше, определенную смысловую и художественную закономерность.

Три описанных божества во фризе размещались над главными персонажами нижерасположенной скульптурной композиции центрального зофора. Справа здесь находилась крупная фронтальная статуя женщины (№ 6, кв. 0, Н-22, 21), от которой сохранилась голова, верхняя часть торса и рельефные куски нижней половины фигуры. Поза сидячая, с раскинутыми в коленях ногами, по-видимому, женщина сидела на троне. Лицо округлое, спокойное, с правильными чертами, прическа убрана крупными прядями вдоль висков, на лбу начельный ремень, над которым выступает сильно поврежденное рельефное украшение — наподобие банта или двурогой фигуры с центральным бугорком (табл. XVIII). Одета в длинный, драпирующийся складками хитон, подхваченный пояском под полной грудью, и наброшенную поверх мантию. Весь образ исполнен величия, женственной мягкости и материнской доброты.

Слева располагался мужчина — сохранилась голова и отдельные куски фигуры (№ 11, кв. Н-20 и № 8, кв. 0, Н-19). Лицо ее было обернуто в трехчетвертном повороте к женщине и потому, с учетом ракурса, в левой половине сужено. Грунт и красочный слой, покрывавшие голову, почти совершенно исчезли, но пластическая лепка ее не утратила выразительности. Черты лица правильные, брови и миндалевидные глаза с очень рельефными веками сбегают к вискам, нос прямой, с мясистыми крыльями, рот небольшой — под усами, подбородок крутой, уши открыты, вдоль них — рельефные валики бакенбардов. На голове своеобразный головной убор — наподобие плотно облегающего, остроребёрного по среднему шву клобука или шлема, с перехватами у затылка (табл. XIX). По дошедшим кускам установлено, что ноги были согнуты в коленях и раскинуты — поза явно сидячая. Одет он был в запахнутый вкось справа налево, перепоясанный зеленый с гибкими желтыми разво-

дами кафтан, облегающий фигуру сверху и расширяющийся книзу. Оторочен кафтан широкой орнаментальной каймой.

В окружение этой главной четы входили другие участники композиции. Рядом с женщиной лежала головка и фрагменты фигуры девушки (№ 5, кв. Н-21) с выразительным, драматического склада лицом, которому резкий сдвиг при падении придал сильную асимметрию. Обнаружены также куски мужских фигур — часть плеча в красном кафтане, широкие, в складку штаны, перетянутые у лодыжек, носки ног в мягкой обуви, фрагменты разбитых торсов и рук.

Образы двух главных персонажей очень индивидуальны, явно портретны и вызывают лишь некоторые косвенные сопоставления.

Иконография восседающей на троне величавой женщины в длинных, драпирующихся одеждах имеет древний генезис. В античном искусстве он находит свое наиболее законченное выражение в образе малоазийской Кибелы[387]. В Бактрии известны терракотовые стутуэтки богини в сидячей позе (Кобадиан[388], Шахри-Бану[389]), однако пластическая разработка их лиц и одежд крайне схематична. Характерна фронтальная фигура сидящей на троне богини Ордохшо с рогом изобилия в чекане кушанских царей Васудевы I и Васудевы II[390]. При всем том халчаянская статуя лишена каких-либо специфических черт и атрибутов, которые подтверждали бы, что это культовый, а не светский образ.

В еще большей мере убеждает в светской основе типа изображение мужчины. Оригинальный, плотный, заостренный головной убор его напоминает так называемый «скифский» убор кушанских по времени статуй из Матхуры[391]. Полагают, что эллинизированно-бактрийское влияние отражено в общем стиле терракотовой головки из Басарха (Индия) в подобном же головном уборе[392]. Остроконечные головные уборы и костюмы, подобные халчаянским (кафтан, или мягко драпирующаяся перепоясанная рубаха и длинные штаны), радикально отличные от традиционных индийских одеяний, встречаются на гандхарских рельефах[393] в тех мужских образах, которых исследователи рассматривают как чужеземцев иранского происхождения (а может быть, именно среднеазиатского, или, еще точней — бактрийского?). Кафтан халчаянского мужа явно имеет много общего с кафтанами кушанских государей, известными по монетным изображениям[394] и по царским статуям из Сурх-Котала в Бактрии[395], Шотарака в Кабулистане[396], Мата в Матхуре[397].

При постановке вопроса, кто же изображен в халчаянском дворце — божественная или царственная чета, можно настаивать именно на последнем. Этому отнюдь не противоречит распространение сюжета торжественно восседающей богини и ее мужского паредра в эллинизированном искусстве Среднего Востока первых веков нашей эры — напомним образы Атаргатис и Адада в парфянских рельефах[398], а в индо-буддийских скульптурных памятниках Гандхары — богиню изобилия Харити и ее супруга Панчику[399]. Но прямых параллелей халчаянской чете (за исключением того, что это сидящая на тронах чета) ни те ни другие памятники не дают. Здесь иной типаж, иные костюмы и детали, но прежде всего иное содержание. Против предположения о том, что эта чета являет божественную пару, говорит изображение прямо над нею трех божеств — Ники, Геракла (или Зевса?) и Митры. Несомненно, что это царь и царица, а весь изобразительный сюжет может быть восстановлен

в следующих чертах: государь со своей супругой восседают на тронах; над ними божества-покровители — Ника венчает правителя славой, Митра реет над царицей, главное божество излучает свою благодать над обоими; рядом, у тронов стоят либо взрослые царские отпрыски, либо наиболее высокопоставленные из приближенных.

Скульптурные циклы зофора в других участках зала отличны как в тематическом, так и в композиционном отношении, но в своем внутреннем содержании они связаны с центральной группой. Преобладают здесь почти исключительно мужские персонажи. В северной трети зала композиция парадно-торжественная, с фронтальной постановкой главных фигур, в южной же дана динамичная группа неистово мчащихся всадников. Но объединяющим фактором в той и другой является состав главных действующих лиц, принадлежащих к единой этнической среде, более того — к какой-то единой родовой группе. На этом следует остановиться особо.

У основных скульптурных образов этой ведущей группы большая выразительность лиц, которым присуще своеобразие расового типа. Оригинальна подстрижка растительности: густые черные волосы, разработанные прямыми, параллельными прядями, двумя зачесами приподняты неширокой ременной перетяжкой надо лбом, забраны за уши и острижены на уровне мочек в кружок, вдоль щек следуют густые полоски бакенбардов, небольшие усы подстрижены и обрамляют «луком амура» губу. Овал лица — подквадратного очерка. Обращает внимание сильно уплощенный затылок, резкое западание лба у середины и нависание лобной кости над переносицей, что придает лицам суровое и властное выражение. По-видимому, все это результат искусственной деформации черепа, столь типичной для многих народов древности: и уплощенный затылок и костное нависание лба при закатанной форме его наверху могли быть вызваны перетяжкой детского черепа специальным бинтом, у взрослых же узкий ремень сохранялся как обязательная деталь перехвата волос (напомним, в этой связи, что в халчаянской скульптуре начельный ремень является обязательной деталью и у женских голов). Глаза описываемой нами группы мужчин умеренно большие, черные, с рельефно моделированными веками, которые подчеркнуты черной краской и удлинены вкось к вискам, хотя никакого признака так называемой монгольской складки они не имеют. Брови сильной чертой взбегают к вискам.

Перечисленные типологические особенности присущи четырем персонажам из южной части зала и четырем из северной, к ним следует присовокупить также фрагмент головы из айвана и правителя в «скифском клобуке» из центральной композиции зала. Таким образом, было не менее десяти персонажей, отдельные же небольшие фрагменты разбитых лиц и волос позволяют предполагать еще бóльшую цифру. Сохранившиеся прически и лица особенно наглядно подтверждают, что при явной этнической и типологической общности все образы абсолютно индивидуальны, различны по возрасту и темпераменту. Это не обезличенные участники событий, подобные персонажам на скульптурных ортостатах ахеменидских дворцов, либо на сасанидских и согдийских рельефах, а индивидуумы, с присущими для каждого из них персональными отличиями облика и строя души. Подчеркивая их принадлежность

к какой-то единой родовой группе, ваятель вместе с тем выделяет характерные для каждого особенности и отличия, ибо он создает не обобщенный тип, а портрет. А между тем в портретах этих запечатлен и определенный тип. Его разгадка всплывает в связи с одною очень своеобразной монетной группой античной нумизматики Среднего Востока. Речь идет о так называемых «монетах Герая» (рис. 94), которым уделяется внимание в ряде монетных каталогов и нумизматических статей и которым было посвящено специальное исследование покойного проф. А. Н. Зографа[400]. На лицевой стороне этих монет, представленных двумя

Рис. 94. Монета Герая (из Термеза).

серебряными номиналами — тетрадрахмами и оболами, изображен мужской бюст в профиль вправо, на обороте же либо царь с колчаном на шагающем вправо коне, венчаемый парящей вверху Никой, либо мужская фигура с воздетой рукой. В надписи греческого письма упомянут «Правящий Герай-Санаб-Кушан» или просто «Герай-Кушан»[401].

Достаточно даже самого беглого взгляда, чтобы убедиться в бесспорной общности халчаянских статуарных голов с профилем Герая на монетах: такая же прическа, подхваченная ремнем, та же подстрижка волос, усов и бакенбардов (на эту деталь нумизматы, в силу миниатюрности изображения не обратили внимания), та же явная сплющенность затылка и нависание над переносьем лба, сдавленного у середины. Халчаянские мужи принадлежали к единому с Гераем роду-племени и это был тот род, о котором возвещается на его монетах — род Кушанов.

Исследователи вполне единодушны во мнении, что Герай — прямой предшественник (отец или дед) кушанского царя Кадфиза I и в установлении даты правления Герая — I в. до н. э. Герай принадлежал к одному из тех пяти юеджийских племен, которые, вытеснив сакскую группировку, к этому времени прочно закрепились по обеим сторонам реки Амударьи и в составе которых было владение Кушан. Около начала нашей эры, при царе Кузула Кадфизе, объединившем все пять юеджийских владений, формируется могущественная Кушанская империя.

Возвышение кушанского рода, очевидно, началось еще при предшественнике Кадфиза I, и монеты Герая это наглядно подтверждают. Само

появление особой монетной эмиссии свидетельствует об известной «заявке» в экономической сфере тех времен. Изобразительный же цикл на монетах очень показателен. Вероятно, закрепление Гераевой власти было достигнуто путем военной победы — об этом возвещает на монетах конная фигура вооруженного царя, венчаемого Никой. В надписи здесь впервые подчеркивается принадлежность правителя к роду Кушанов. Изображение же его не несет в себе ни единой черты, присущей филэллинствовавшим правителям Греко-Бактрии, монетные профили которых характеризует чисто эллинистическая манера подстрижки и укладки волос, отсутствие растительности на лице и пр. Еще во второй половине II в. до н. э. на чеканившихся в приамударьинских районах монетах группы так называемых «варварских подражаний Гелиоклу» сохраняется грецизированный облик царя. К середине же I в. до н. э. положение меняется. На монетах Герая теперь подчеркнута его этническая принадлежность к кушанской племенной группе юеджей и в самом облике, и в специфической манере подстрижки волос, усов, бакенбард, и в чисто азиатском покрое костюма. Кушаны как бы демонстративно порывают с греко-бактрийскими традициями, которые культивировались их предшественниками по престолу, и утверждают собственные традиции.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что иконографические образы в монетном чекане последующих кушанских царей — создателей грандиозной Кушанской империи — Кузулы Кадфиза, Вимы Кадфиза, Канишки — отличаются от Герая типом подстрижки растительности и рядом иных деталей, в чем, очевидно, нашли отражение черты, присущие для какой-то иной, не гераевой родовой группировки кушано-юеджийского племенного объединения. Возможность предположения о создании халчаянского скульптурного оформления при одном из названных кушанских государей, как мемориального цикла, выполненного в память о славе предков гераева племени, отпадает, ибо здесь предстают не идеализированно-абстрактные образы, а портреты конкретных лиц, сделанных мастерами явно с натуры.

Если основные персонажи скульптурных композиций халчаянского дворца явно принадлежат к «гераеву племени» (не изображает ли один из них самого Герая?); если они — главные герои развертывающихся здесь сцен; если один из представителей рода торжественно восседает на троне рядом с супругой в центральной части зофора, то не вызывает сомнений, что создание этих композиций падает на время того начального возвышения кушанского дома юеджей, которое, в частности, ознаменовано выпуском эмиссии так называемых «монет Герая», т. е. еще до оформления при Кадфизе I могущественной кушанской империи. Но раз это так, то дата создания халчаянского дворца и его скульптурного цикла определяется с большой долей точности пределами второй-третьей четверти I в. до н. э., поскольку с конца I в. до н. э. начинается политическая карьера Кузулы Кадфиза. Эта дата вполне совпадает как с приведеными выше датировками археологических комплексов, так и с теми хронологическими определениями, которые вытекают из анализа стиля халчаянской скульптуры.

В связи со сказанным приобретает большой интерес обрывок вышитой ткани среди фрагментов, открытых известным путешественником П. К. Козловым в могильнике Ноин-Ула в Северной Монголии

(табл. XXV). Стилистический анализ в свое время привел К. В. Тревер к заключению о возможности отнесения некоторых из этих фрагментов к изделиям эллинизированной бактрийской среды около II в. до н. э. и о возможности появления их в хуннских погребениях Северной Монголии как предмета торговли или военной добычи[402]. На упомянутом обрывке сохранилась голова мужчины в трехчетвертном обороте влево. Волосы зачесаны и подняты над несколько сдавленным у середины лбом золотой тесьмой, которая отдельно прикреплена на ноинулинской ткани. Лицо подквадратного очерка, небольшие усы обрамляют губу, у левой щеки явственно обозначена бакенбарда, у шеи — округлый ворот.

К. В. Тревер, сопоставляя вышивку с гандхарскими рельефами, пришла к заключению, что «изображен здесь представитель одного из народов Средней Азии, культура которого находилась во взаимодействии с эллинизированной культурой Средней Азии, т. е. с культурой греко-бактрийского царства»[403]. И хотя гандхарская скульптура прямых аналогий ноинулинскому образу и не дает, нельзя не согласиться со справедливостью такого заключения. Однако Р. Гиршман, не приводя к тому обоснований, усматривает здесь изображение парфянина, а саму ткань считает иранским изделием[404]. Между тем Л. И. Ремпель первым отметил типологическую общность вышитой на ткани головы с царским профилем на монетах Герая. Скульптурный же цикл «гераевых родичей» из халчаянского дворца позволяет ныне с большой определенностью подойти к интерпретации ноинулинского обрывка, мужская голова на котором входит в единый с ними цикл. И если здесь изображен представитель той же родоплеменной среды, то есть все основания предполагать не греко-бактрийское и не парфянское, а юеджийско-кушанское происхождение самой ноинулинской вышивки.

Во II в. до н. э. хуннский Модэ-шаньюй разбил юеджей, вытеснив их за Сырдарью; уже в этот период хунну могли поживиться добычей у кушанской группы юеджей, захватив у них и богатую ткань. Однако представляется сомнительным, чтобы подобная ткань со сложным изобразительным мотивом могла появиться в юеджийской среде до того, как ее представители обосновались на землях древней бактрийской культуры. По своему характеру это продукт не домашнего труда той кочевой среды, к которой первоначально принадлежали юеджи, ибо, по свидетельству хроники II в. до н. э., «Большой Юеджи собственно есть кочевое государство, жители со своим скотом переходят с места на место; в обыкновениях сходствуют с хуннами»[405]. В ткачестве скотоводческих народов издревле вырабатывался прекрасный, строгий и разнообразный орнамент с преобладанием обобщенно-геометризованных, стилизованно-растительных и зооморфных мотивов. Изобразительные же, в реалистической манере выполненные сюжеты в текстильных изделиях древнего мира целиком обязаны городским цивилизациям античных ремесленных мастерских.

На основании сказанного наиболее вероятным представляется изготовление ноинулинской ткани уже во времена закрепления в I в. до н. э. «Гераева племени» на территории Бактрии, с ее высокоразвитой городской культурой; проникновение же ткани в хуннскую среду могло быть результатом установившихся коммерческих связей. И не был ли именно античный Саганнан той областью, где была изготовлена богатая

ткань с изображением представителя кушано-юеджийской племенной группы?

Возвратимся к рассмотрению скульптурных циклов в зофоре дворцового зала. В южной трети его оказались остатки конских фигур. Они располагались, судя по картине падения, на всем отрезке западной и на южной стене; число их достигало шести (может быть семи). Кони были представлены в позе «летящего галопа», издревле разработанного в восточном искусстве и передающего с наивысшей полнотой динамику стремительного движения вскачь. Один из коней выполнен в половинном рельефе (голова не сохранилась — может быть она имела трехчетвертной объем), но все остальные как бы вырывались из плоскости стены, что достигалось особым пространственным приемом лепки: головы их даны в полном объеме, протома — в трехчетвертном, причем она соприкасается со стеной лишь начиная с плечевой части, в то время как круп и задние ноги сходят на барельеф. Эти части, к слову сказать, почти не сохранились, так как объемные протомы при разрушении здания отрывались и падали самостоятельно, между тем как крупы и ноги, более плотно прилегая к стене, постепенно разрушались вместе с сырцовыми кладками.

Кони окрашены то в красный, то в белый, то в черный цвета — так условно передавалась каурая, соловая и вороная масти. Лепка их выполнена с удивительным мастерством, с тонким знанием анатомии и вместе с тем с высокой мерой пластического обобщения. Напряженная морда с приоткрытым как бы под натянутою уздою ртом, бешеный взгляд, сильная пластика мышц, выброшенные вперед полусогнутые ноги — все создает ощущение стремительной скачки.

Грива коней подстрижена ровным гребешком вдоль шеи, между ушей приподнята высокой холкой, на лоб спускается волнистыми прядями. Очень своеобразна упряжь. Черный конь (№ 24, кв. К, И-13, 14) представлен без седока, которого, судя по сплошной окраске седла, и не было (рис. 95). Седло это, с заостренной лукой и приподнятой спинкой, треугольником охватывало бок коня и создавало плотное сиденье для всадника; прикреплялось оно с помощью ремней и широкой подпруги. Протомы других коней показывают, что сбруя тремя ремнями сходилась у плеча, где скреплялась большим круглым фаларом (на одном из них улавливается несложный орнамент); уздечки, по-видимому, выполнялись из обмазанных глиной тонких ремешков, которые, естественно, не сохранились (табл. XX).

Упряжь халчаянских коней не встречает прямых аналогий в изобразительных памятниках древнего мира. Нет их и в раннесредневековом искусстве Среднего Востока (живопись Пянджикента и Восточного Туркестана, сасанидские скальные рельефы и художественный металл). В греческом искусстве всадники представлены сидящими на неоседланных конях, упряжь которых ограничена уздой и иногда широкой нагрудной ременной подпругой[406]. Подобная подпруга типична и для упряжи скакунов с изображениями так называемых фракийских всадников, где иногда она осложнена украшениями — подвесками или мелкими фалярами[407]. Такие богатые подпруги присущи и римским коням[408]. Крупные плечевые фалары встречаются в изображениях всадников на ран-

Табл. XVII Бюст Митры.

Табл. XVIII. Голова царицы.

Табл. XIX. Голова правителя

Табл. XX. Красный конь.

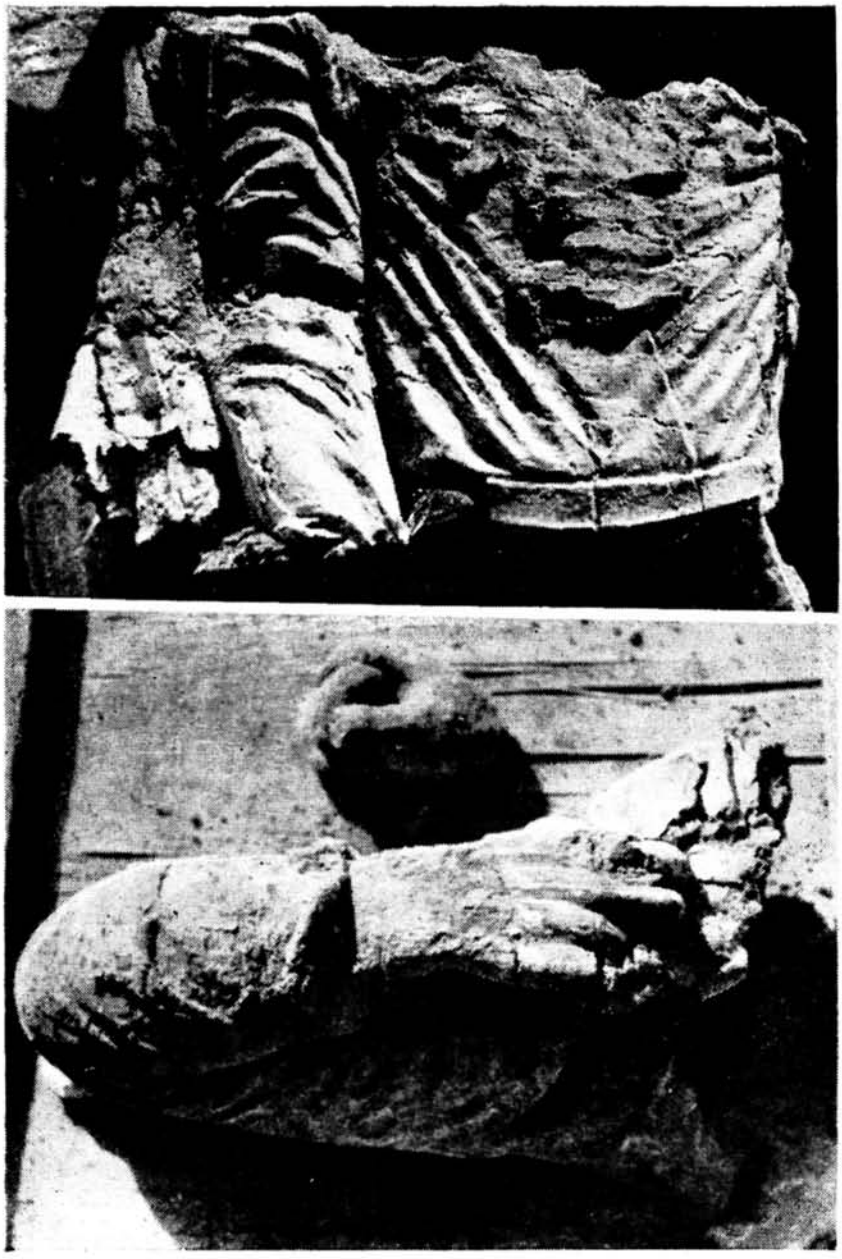

Табл. XXI. Часть мужской фигуры из северной трети зофора и рука всадника, натягивающего лук.

Табл. XXII Голова всадника

Табл. XXIII. Голова всадника.

Табл. XXIV. Голова всадника.

Табл. XXV. Обрывок ткани из Ноин-Ула.

Табл. XXVI. Голова воина в шлеме.

Табл. XXVII. Голова воина в шлеме.

Табл. XXVIII. Голова парфянского принца.

Табл. XXIX. Горельефная голова.

Табл. XXX. Голова принца из Гераева племени.

Табл. XXXI. Голова пожилого мужа из Гераева племени.

Табл. XXXII. Голова сатира.

них пальмирских стелах[409] — вероятно, здесь эта деталь имела восточное, иранское происхождение.

Таким образом, сбруйный набор халчаянских коней в целом весьма своеобразен — он, очевидно, отражает присущую для юеджийской степной среды практичную, легкую, удобную для всадника упряжь; существенную деталь здесь составляет седло, которого западный античный мир не знал. В поисках сравнений немногочисленные параллели могут быть почерпнуты лишь в некоторых гандхарских рельефах (например, сказ о Висвантаре в Британском музее[410], Чандака с конем в Музее Лагора[411]), где подстрижка гривы, седло и сбруя коней сходны с халчаянскими. Однако, если учесть более поздние даты рельефов, можно лишь прийти к заключению о проникновении этих деталей в Индию из кушано-юеджийской среды, вместе с конными контингентами Кушан.

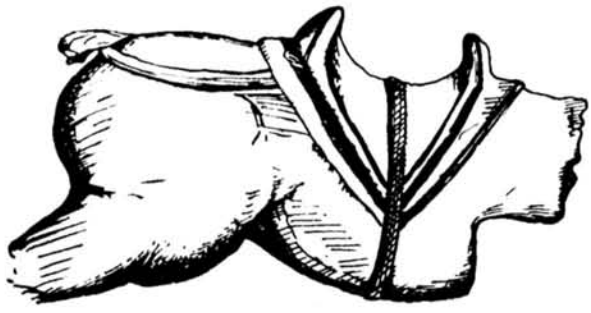

Рис. 95. Оседланный конь.

Описанные халчаянские кони были предназначены для легковооруженных кавалеристов. Найденные рядом с ними всадники из «гераева племени», вооруженные луками, были, подобно самому Гераю на монетах, в легкой, не стесняющей движений одежде. Костюм их, так же, как и «гераевых родичей» из северной трети зофора составляет облегающая перепоясанная рубаха с драпирующимися рукавами, длинные, также драпирующиеся штаны, перетянутые у лодыжки над мягкой обувью (рис. 96, табл. XXI). Отбитые руки одного из них (№ 38, кв. М-8) ясно указывают на позу конного лучника, стреляющего на скаку (табл. XXI). Всадников этого рода в южной части зала было по крайней мере четыре. Головы двух из них сильно разбиты, лица раздроблены (№ 36, кв. 0-9; без №, кв. П-8); два других (№ 45, кв. П-7; № 48, кв. О-4, 5) дошли в относительно хорошем состоянии; оба всадника представлены в расцвете лет, с энергичными лицами, исполненными мужественной силы (табл. XXII—XXIV).

Но в главной скульптурной композиции южной части зала были также всадники и скакуны иного рода. Совершенно по-особому выглядит конь № 39 (кв. М, К-8, 9). Его голову и корпус облекает панцирная попона с кольчатыми пластинами у морды (оставлены лишь прорези для глаз и ушей) и с крупными, продолговатыми пластинами у шеи и туловища. Детали эти выполнены не лепкой, а прорисованы красной и черной красками (рис. 97).

Перед нами — облаченный в панцирную броню конь тяжеловооруженного всадника. На нем не металлические латы рыцарского коня, а не сковывающая движения кожаная пластинчатая попона коня катафракта, которая может противостоять и мечу и стреле.

Подобный конь должен был нести и соответственно бронированного всадника. Это подтверждают отдельно лежавшие головы двух воинов

(№ 55, кв. Ф-10 и № 31, кв. М, Л-10) в шлемах, с высоким, плотным воротником у шеи, защищавшим ее от удара меча (табл. XXVI, XXVII). Верхняя часть объемно выполненного панциря с таким воротником обнаружена в северной трети зала (кв. 0, Н-31, 32, рис. 98), а небольшое барельефное изображение его — в южной (№ 33, М, Н-11, 12 — рис. 99). Сопоставление всех этих находок обрисовывает следующий тип доспехов воина: плотно охватывающий голову шлем с небольшим козырьком; пластинчатый из крупных прямоугольных, рельефно нахлестывающих друг на друга пластин панцирь (или кираса), напоминающий своим покроем кафтан, облегающий до талии, расширенный у колен, с плотными рукавами из горизонтально набегающих пластин. И шлем и панцырь, очевидно, выполнялись из кожи и усиливались металлическими накладками.

Рис. 96. Фрагменты одеяний „гераевых родичей" из северной трети зала.

Облик обоих халчаянских воинов в шлемах исключительно интересен — две отдельно лежавшие головы их дают образы глубоко-эмоциональные и неповторимые. Эти статуи первоначально располагались на стене в небольшом повороте, отсюда — сдвиг и некоторая асимметрия черт. Один из них (№ 31) — широколицый, с клочковатой бородой и свисающими усами над маленьким, чувственным ртом, с бешеным взором выпуклых глаз (табл. XXVI); второй (№ 55) — благородного облика, с правильными чертами продолговатого лица, удлиненного очерком густой бороды, на которую ниспадают длинные усы. Брови слегка сведены, губы сжаты, глаза глядят в немой печали (табл. XXVII). Отдаленно он напоминает образ перса на так называемом «Саркофаге Александра»[412], а по своему настроению пожалуй даже «Умирающего перса» из Пергама[413], но очень отдаленно — это сходство не столько типа, сколько стиля и экспрессии. Драматический строй этого образа следует тем традициям, которые взывают к скульптуре Пергама и Делоса, к рельефным головкам нисийских ритонов, но прямого повтора в мировом ваянии халчаянский воин не знает. Контрастом к тонкой одухотворенности этого образа предстает изображение первого воина, диковатая натура которого повинуется лишь собственным инстинктам и необузданным импульсам.

Шлем халчаянских воинов очень оригинален — подобный тип неизвестен ни в археологических находках, ни в памятниках древнего изобразительного искусства. Относительно близок к нему по типу шлем одетого в панцирь всадника, как полагают, на парфянской, горельефной плите Британского музея[414] и в известной мере шлем кушанского царя Васудевы, отличающийся, однако, тем, что от него на шею спадает кольчужная бармица[415]. Панцирный же доспех халчаянских воинов взывает также к нумизматическим аналогиям. Монеты индо-парфянского царя

Рис. 97. Фигура коня в защитном панцире.

Вонона (около 105 г. до н. э.)[416] и индо-сакских правителей Аза I (около 90—40 гг. до н. э.) и Аза II (около 15 г. до н. э. — 20 г. н. э.)[417] несут на реверсе изображение конного царя в пластинчатом панцире, детали которого, к сожалению, трудно различимы. Панцирный доспех, сходный с халчаянским, встречается на монетах Васудевы I (конец II в. до н. э. — рис. 100); вполне вероятно, что этот тип защитной одежды воина был воспринят в кушанской среде от бактрийцев. Вместе с тем халчаянская броня отлична от панцирного вооружения парфянских катафрактариев, реальное представление о котором дает известное графитти из Дура-Европос[418], а также скальный рельеф Фирузабада со сценой победы Ардашира над Артабаном[419].

Сочетание покрытого панцирной попоной коня и облаченного в плотный военный доспех всадника и легковооруженных лучников в описанной группе скульптур из Халчаяна позволяет считать, что в бак-

трийско-юеджийской среде, так же как у парфян, применялась тактика взаимодействия легкоподвижных стрелков и тяжеловооруженных воинов.

Возникает вопрос, кого же передают халчаянские мужи в доспехах, на покрытых панцирной попоной конях — бактрийско-кушанских ли воинов, или сакских, или парфянских? В историческом аспекте как будто возможны все три предположения.

Учитывая вытеснение юеджами саков из приамударьинских районов, можно было бы предположить, что в халчаянском дворце было

Рис. 98. Панцирные доспехи бронированных воинов.

отображено именно это событие; однако, вытеснение саков относится еще к II в. до н. э., а скульптура дворца передает реальные портреты гераевых сородичей I в. до н. э., поэтому сакская гипотеза должна быть отвергнута.

В I в. до н. э. — ко времени строительства халчаянского дворца — юеджийские владения соседствовали с располагавшимся в Пенджабе, Кандагаре и Сеистане сильным государством индо-парфянских царей, которое оставалось соперником Кушанов вплоть до походов Кадфизов I и II. Однако предположению о том, что бронированные всадники халчаянской скульптуры передают парфянских воинов, противоречит отмеченное выше различие панцирной брони и шлемов в сравнении с военным одеянием парфянских катафрактариев. К этому следует добавить характеристику найденной в зале халчаянского дворца, близ центрального прохода, отдельно откатившейся головы рыжеволосого мужчины своеобразного облика (№ 53, кв. Д-18, 19). Худощавое лицо с правильными чертами (нос, к сожалению, разбит) исполнено утонченного аристократизма, волосы завиты ровными букольками, подстрижены у шеи в

кружок и подхвачены диадемой, волнистые усы обрамляют небольшой рот, бородка заострена и ложится правильными волнами (табл. XXVIII). Эта характерная подстрижка и укладка растительности хорошо известны в чекане Аршакидов. Голова из Халчаяна явно передает образ какого-то парфянского принца. В портретном отношении она, пожалуй, более всего напоминает Фраата IV (38/37—3/2 гг. до н. э.)[420], лишь диадема у него не трехрядная, как у Фраата и других государей, а одинарная. Оба халчаянских воина в шлемах передают совершенно иной склад лица, иную подстрижку бороды и усов.

Рис. 99. Панцирный доспех воина.

Мы видим, что этнический тип, подстрижка растительности обоих воинов в шлемах радикально отличают их и от парфянского принца, и от членов гераева рода Кушан. Но это отнюдь не исключает возможности вхождения в I в. до н. э. в состав кушанской группировки юеджей представителей и иных этнических групп. Почти несомненно, что к этому времени она уже включала коренное бактрийское население северной Бактрии, которое сохраняло традиции высокого военного искусства. Существование этих традиций подтверждает тот факт, что еще при Ахеменидах бактрийцы в составе персидской армии стояли на третьем месте, после собственно персов и мидийцев[421]. Есть все основания предполагать, что оба бронированных воина из дворцового зала передают именно вооруженных бактрийцев.

Итак, в предварительном порядке в отношении скульптурной композиции зофора в южной группе дворцового зала может быть выдвинуто следующее толкование. Это образное воплощение раннекушанского воинства, где движется группа легко вооруженных стрелков гераевой ветви кушанского рода и тяжеловооруженных бактрийцев, из которых первые прибегают в бою к традиционной для степных азиатских народов тактике рассыпного строя, осыпая противника градом неотвратимых, может быть отравленных стрел, а вторые наносят ему конный шок.

Среди скульптурных фрагментов в юго-западном завале зала заслуживает внимания оригинальная, одиночная голова, лежавшая близ той полукруглой нишки юго-западной суфы, которая, по всем данным, слу-

жила местом для культовой курильницы или светильника. По-видимому, голова эта, выполненная в половинном рельефе, который у шеи сходит на нет, располагалась прямо над нишкой. Она передает лицо немолодого мужчины с бородкой и ниспадающими усами, несколько уплощенными чертами, плотно сомкнутыми глазами, в остролучевом нимбе или короне (табл. XXIX). Этот лучистый нимб, это странное выражение — не то мертвеца, не то спящего, расположение над культовой нишей, связь с возжигавшимся здесь огнем или с воскурениями — все говорит об особом значении этого лица-маски. Не изображает ли оно какого-то высокочтимого, далекого предка? Напомним, что в Риме лучистый нимб придавался на монетах лишь образам усопших императоров[422]; вспомним и скульптурные маски парфянской Хатры, в которых ряд исследователей склонен видеть духов усопших предков[423].

В противовес динамической сцене, развертывавшейся в южной части зала, композиция в его северной трети имела иной, торжественно статичный характер. В целом она еще далеко не ясна. Оставляем пока вне рассмотрения некоторые сильно фрагментированные фигуры и детали — часть небольшой колесницы с торсом девушки возле нее (№ 62, кв. 0-23, 26), раздробленную горельефную фигуру сфинкса, лежавшую кусками на полу у северо-западного угла (№ 82, кв. П, 0-35, 36), куски мужских торсов, плеч, одеяний в верхней части завала у северной стены. Из последних упомянем лишь обезглавленную фигуру мужчины (№ 65, кв. К-37, 38) — коленопреклоненного, с опущенными руками, в драпирующейся белой рубахе и штанах, с круто опущенной, судя по положению спины, головой. Может быть это пленник, а может быть смиренный раб.

Рис. 100. Панцирный доспех Васудевы (изображение на монете).

Главные четыре фигуры на северном отрезке западной стены, расположенные во фронтальной позиции, принадлежали представителям «Гераева племени». Они стояли, опираясь на меч, о чем позволяет судить находка двух рукояток мечей с кистями рук. Лица двух совершенно раздробленны (№ 73 и 74, кв. Р-36), у третьего — лицо сохранилось наполовину (№ 70, кв. Р-38), у четвертого — превосходно (№ 56, кв. Н,0-32). Статую последнего при реставрации удастся воссоздать почти целиком. Она передает образ молодого человека с величавой осанкой, правильными чертами лица, исполненными мужества и чувства собственного достоинства. Изысканность облика, аристократизм породы, выразительность темных очей, в которых отражен ясный ум, прирожденное величие — таков портрет одного из членов правящего рода, может быть наследника престола (фронтиспис и табл. XXX). В контрасте с его юной красотой предстают черты портретной статуи пожилого мужа (№ 70), располагавшейся с края зофора, в углу (табл. XXXI). Лицо его (разбитое в левой половине) покойно и величаво, черты крупны, усы густые, бакенбарды под острым углом опускаются ниже скулы, что придает лицу неожиданное сходство с вельможей времен Николая I.

В целом композиция северной части зофора мыслится как торжественное представительство знатнейших из «Гераева племени», присутствующих на царском приеме, которому посвящена центральная сцена.

Таковы основные персонажи и главные темы скульптурных композиций в приемном зале Халчаянского дворца. В основе изобразительных циклов, как мы видим, лежат не культовые, а чисто светские сюжеты; царственная чета во славе, воинская доблесть царских сородичей, участие их в царской аудиенции. Содержанию зофора отнюдь не противоречит дионисийский характер фриза — мотивы веселых процессий с участием детей, музыкантов, танцоров и ряженых вполне отвечают светскому циклу больших скульптурных композиций, если учесть, что в зале этом может быть не только свершались торжественные приемы, но и протекали пирушки для узкого круга царских сородичей. В число их, бесспорно, входил и владелец Халчаяна. Если учесть, что столичным городом области был Дальверзин, то можно высказать предположение, что Халчаян являлся одной из резиденций правителя, либо наследника престола, которому постоянным напоминанием о славе родственников и предков служили выразительные скульптурные циклы дворца.

Со временем функции здания могли измениться. С созданием могущественной кушанской империи, когда сдвигаются главные центры (одной из столиц их становится Беграм в Кабулистане), в областях северного Тохаристана бóльшее значение, нежели Дальверзин, по-видимому, приобретает, благодаря своему выгодному положению на Амударье, город Деметрия-Термез. Но родовая вотчина Кушан в Халчаяне сохраняет свое обаяние вплоть до конца династии, дворец тщательно оберегается и со временем, возможно, меняет свое назначение, превращаясь в Дом обожествленных предков, где выразительные портреты членов Гераева рода становятся предметом поклонения. Такого рода «залы обожествленных предков» были в парфянском дворце Нисы (II в. до н. э.)[424] и хорезмском дворце Топрак-кала (III в. н. э.)[425]. Во II столетии в Бактрии, в Сурх-Котале, при Канишке был воздвигнут особый династийный кушанский храм с царскими статуями[426]; предполагают, что скульптурную галерею кушанских царей составляли каменные статуи из селения Мат в Матхуре[427].

Как художественное явление халчаянская скульптура имеет огромный интерес. Она предстает как итог высокого мастерства и зрелого стиля. В ней вполне очевидны связи с теми традициями эллинистического ваяния II—I вв. до н. э., которые с наивысшей силой запечатлены в скульптуре Пергама; в ней наглядно проступают черты общности с парфянским искусством, особенно с пластическим оформлением ритонов II в. до н. э. из Нисы; в ней отражены некоторые процессы, присущие и римской скульптуре I в. до н. э. Но в своем целом халчаянская скульптура глубоко своеобразна. Не идя по пути нигилистического отказа от высоких достижений эллинистического ваяния, или эпигонского следования созданным им образам, бактрийские мастера, оформлявшие халчаянский дворец, находят свою тему, разрабатывают арсенал своих художественно-образных средств, создают особый цикл образов, эмоционально-действенная сила которых такова, что они захватывают и волнуют нас двадцать веков спустя.

Скульптура Халчаяна — это яркий след на давно позабытой тропе почти неведомого до сих пор искусства античной Бактрии.

МЕЛКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

В составе мелких художественных изделий из Халчаяна заслуживают внимания некоторые металлические и стеклянные детали, статуэтка из слоновой кости, но особенно — объекты местной коропластики.

Находки художественного металла пока немногочисленны. Имеется несколько случайно сохранившихся при ограблении дворца золотых плакеток, служивших, судя по проушинам, оставленным по краю, для нашивания на ткань или кожу (рис. 30, *8*). Крупная золотая бляха из коридора *2* диаметром 6,5 *см* заключает в жгутообразно обработанном контурном круге 12-лучевую розетку с центральным кружком, шестью исходящими от него большими и шестью промежуточными малыми лепестками, завершенными выпуклыми кружками на концах. Здесь же найдена часть тонкой золотой пластинки в форме четырехдольной розетки с сердцевидными лепестками (диаметр —18 *мм*). В айване, близ северного входа в зал оказалась восьмилепестковая розетка (диаметр —14 *мм*), в которой чередуются плоские и рельефно углубленные, возможно для инкрустации эмалью, лепестки; несколько поодаль обнаружена другая накладная пластинка сердцевидной формы с У-образным загибом концов (14×11 *мм*) и еще одна пластинка — круглая (диаметр —10 *мм*). Это могли быть нашивные детали на ткань завес, или, скорее всего, богатых костюмов. Круглые орнаментированные пряжки и нашивные фигурные украшения можно видеть в одеяниях глиняных статуй из халчаянского дворца и скульптур кушанских царей из Сурх-Котала[428], Шотарака[429] и Матхуры[430].

Любопытен маленький бронзовый сосуд (рис. 101), найденный одним из колхозников при распашке поля в районе Маслахаттепа. Изящное амфоровидное тулово с приостренным краем рельефно обработано по образующим гофрами, с чередованием широких и узких выпуклых частей; высокая горловина отделена рельефным валиком и слегка расширена у выпуклой закраины. Высота сосуда — 6,3 *см*, диаметр у плеч — 2,4 *см*. Предмет позеленел и несколько коррозирован, но форма его по-прежнему изящна. Очевидно, это бальзамарий, предназначенный для сохранения дорогих ароматических веществ. Не вызывает сомнений, что это объект средиземноморского (может быть сирийского) экспорта.

Предметом ввоза является и маленький подъемного происхождения стеклянный литик из Халчаяна, либо входивший в оправу кольца, либо (судя по рельефному контуру края с оборота) припаянный некогда к сосуду (рис. 101). Овальной формы (14 × 11 *м*) при рельефе от 1 до 3 *мм*, он заключает миниатюрное, но отлично моделированное, видимо в матрице, мужское лицо в фас. Характерны овал лица, правильные, очень рельефные черты и вертикально волнистые пряди, треугольником опускающиеся на лоб. Александрийские и римские стеклодувы с большим искусством изготовляли такие рельефные головки, отдельно оттиснутые матрицей и затем прикреплявшиеся к сосудам[431].

Наибольший интерес среди мелких халчаянских находок, представляют изделия коропластики. Мелкая терракотовая скульптура занимает очень видное место в комплексе среднеазиатских древностей. Раскрывая своим содержанием малоизвестные стороны культовой идеологии, мифологических воззрений и эпического творчества древних средне-

азиатских народностей, изделия коропластики в известной мере характеризуют также черты ведущих эстетических воззрений и общие тенденции их творческого развития. Коропластика принадлежит к той категории «малых искусств», которые не просто повторяют главные линии развития искусств монументальных, но и содержат свои специфические черты. Важнейшая из них заключается в том, что изготовленные в виде массовых изделий и обслуживавшие, таким образом, различные социальные слои древнего общества, терракоты тем самым в наибольшей мере отвечали идеологическим и художественным запросам широких общественных групп определенной эпохи.

Рис. 101. Бронзовый бальзамарий — слева, стеклянная головка — справа (увеличена втрое).

Выявление произведений коропластики на территории Бактрии—Тохаристана пока лишь начато и потому открытие всяких новых объектов, особенно полученных в определенных археологических слоях, вносит тот новый фактический материал, на базе которого в последующем возможны будут широкие обобщения. В настоящее время наука уже располагает некоторым числом терракот, обнаруженных при археологических исследованиях городищ Термезского района — самого Термеза[432], Хатын-Рабата[433], Зартепа, Хайрабаттепа, Балалыктепа[434], археологических пунктов древнего Кобадиана (Кей-Кобад-шах)[435] и Гиссарской долины (Узбекон-тепа, Курганча)[436]. К этому перечню можно добавить терракоты из лежавшей на левобережье Амударьинского оазиса столицы Бактрии — Бактр (у современного Балха)[437]. Однако, если из всего этого комплекса исключить многочисленных лепных коньков и некоторых иных животных, то окажется, что количество людских изображений пока весьма незначительно. Новые находки терракот, полученные в процессе исследования Халчаяна (часть которых извлечена из археологически датированных слоев), заметно пополняют материалы по древней бактрийской коропластике .

Описание халчаянских терракот даем не по месту их находки, но в типологическом и хронологическом ряду. Датировка основывается частично на археологических данных, частично — на стилевых признаках, поскольку некоторые объекты — подъемного происхождения, да и сами археологические слои, как известно, уточняют лишь нижний предел воз-

можной датировки, ибо найденный в них предмет мог быть перемещен из слоев более древних.

Женские статуэтки. Глубокие корни в мировой художественной культуре имеет образ обнаженной богини. К незапамятным временам матриархата восходит представление о Женщине — продолжательнице рода, носительнице животворящих сил природы, и где-то в глубине солютрейской эпохи возникает одухотворенный примитивной фантазией человека первый идол Прародительницы сущего, подательницы могучих сил плодородия и изобилия. Протекают тысячелетия, человечество проходит долгий и сложный путь социального развития и перемен, а образ богини-матери не исчезает, хотя и заметно эволюционирует по мере развития общественного сознания. В искусстве рабовладельческого мира она выступает в разноликих образах Исиды, Иштарь, Деметры, Кибелы и многих других. При этом переднеазиатский Восток с особой настойчивостью придерживается архаической иконографии обнаженной, стоящей в недвижной позе женщины — еще и в те времена, когда греческое искусство уже закутало своих материнских богинь в подобающие добродетельной матроне драпирующиеся одежды, придав им естественную позу «уравновешенного покоя».

В ахеменидском Иране изображение женщины, почти изгнанное из сферы официального искусства, сохранялось в массовой терракоте, что, очевидно, отвечало запросам широкого круга потребительниц из народной среды, мало осведомленных в тонкостях зороастрийской догматики, но глубоко почитавших свою интимную богиню, чей маленький терракотовый или костяной идол всегда находится у них при себе. В Сузах в ахеменидских слоях выявлены терракотовые фигурки нагой богини либо с жестом «Венеры Стыдливой» — с одной рукой у лона, другой у груди, либо — держащей младенца: оба типа как бы подчеркивают исходную концепцию женского и материнского начала, воплощением которого являются эти примитивные в художественном отношении статуэтки[438].

Прямую параллель этой древней группе дает костяная фигурка из Халчаяна, найденная в районе Кой-Турабектепа, на глубине до 2 *м* от современной поверхности при рытье канавы (рис. 102). Это миниатюрная подвеска в виде женской статуэтки, на спине которой резчиком оставлено утолщение с высверленным отверстием, а два отверстия проделаны у сгибов рук. Размеры: 28 *мм* — высота, 8 *м* — ширина, 6 *мм* — толщина. Она передает изображение нагой женщины с плотно сомкнутыми ногами, опущенной правой рукой и прижатой к груди левой. Лицо округлое, прическа обрамляет его прядями, но заглажена позади. Отчетливо моделированы широкие бедра, полные ноги, треугольник пола, выпуклые ягодицы — все в этой статуэтке подчеркивает признаки женщины — родоначальницы и производительницы потомства. Несомненно, что подвеска эта, передающая древний образ Богини-Матери, наделялась магическими свойствами и служила амулетом. Фигурка отполирована до блеска, видимо от длительного ношения. Датировка ее, возможно, восходит еще к V—IV вв. до н. э.

В единый цикл с этой костяной подвеской входит обезглавленная фигурка из дворца (извлечена из забутовки под нижним полом комнаты 8). Терракота плотная, красная в изломе, на поверхности — ярко-красный ангоб. Статуэтка оттиснута на плосковатой глиняной лепешке,

подрезанной с тыла и с боков. Оттиск нечеткий, пластические формы слабо выделены. Фигурка нагая; скульптурно подчеркнуты небольшие груди, узкая талия, очень крутые и широкие бедра, коротковатые ноги. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги сомкнуты, поза строго фронтальна. Размеры: 82 *мм* — высота, наибольшая ширина — 36 *мм*, рельеф от 6 до 16 *мм* (рис. 103,*1*). Фигурка типологически очень близка к терракотовой статуэтке из Таксилы, найденной в сако-парфянских слоях городища Сиркап[439]. Дж. Маршалл рассматривал ее так же, как и две других близких по типу статуэтки, у которых варьирует положение рук (в одном случае рука прижата к груди, в другом обе несколько отведены в стороны)[440] в разряде терракот, сложившихся под греко-парфянским влиянием, но сохранивших индийский характер[441].

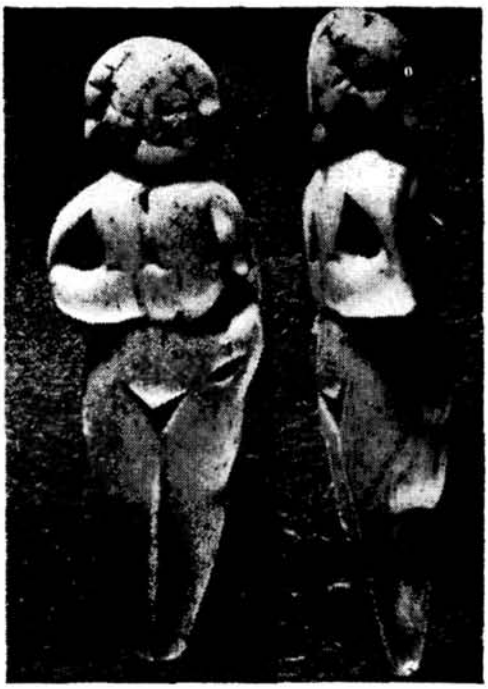

Рис. 102. Костяная статуэтка.

Фигурки обнаженной, прямостоящей, с вытянутыми вдоль туловища руками богини, почти идентичные халчаянской, широко представлены среди терракот из Селевкии на Тигре, преимущественно в селевкидо-парфянских слоях III — II вв. до н. э., хотя изредка они попадаются и в более позднем уровне (может быть перемещенные из нижележащих горизонтов)[442].

Образы нагой и полуобнаженной богини (близкой, видимо, к переднеазиатской Кибеле) дают статуэтки из древнего Мерва, найденные в слоях II—I вв. до н. э.[443] Нагие женские фигурки известны среди подъемных терракот Афрасиаба[444] и Хорезма[445]. Археологический слой залегания описанной халчаянской терракоты, близость ее к архаизирующей ахеменидской коропластике, но в то же время и к упомянутым ранним терракотам селевкидо-парфянской Селевкии, Мерва, Таксилы — все это позволяет поставить датировку ее в пределах II—I вв. до н. э.

В Западном доме на Ханакатепа в помещении *2*, в комковатом завале разрушенных стен третьего строительного периода оказалась женская статуэтка без головы и нижней части ног (рис. 103,*3*). Материал — очень плотная, розоватая терракота, оттиск выполнен в матрице с подправкой ножом тыльной и боковых сторон. Высокий рельеф передает фигурку обнаженной женщины — широкие плечи, сильно моделированные выпуклости груди, живота, колен. Поза строго фронтальна, ноги сомкнуты, руки прижаты к бедрам. Выше талии и у бедер проходят опояски, на руках — у предплечья и запястий двойные браслеты. Размеры — 63×30×14 *мм*.

Статуэтка развивает тот же тип, что и предыдущая, но налицо некоторые изменения: нагота уже нарушена опоясками, на руках браслеты Подобные детали можно видеть на женской статуэтке из сакского слоя Таксилы (II—I вв. до н. э.)[446] и на многочисленных изображениях обнаженных женщин в изделиях резной кости из Беграма[447], датировка которых ставится исследователями в широких рамках кушанской эпохи. Появление в Беграме этих художественных произведений явственно связывается с индийской струей. Существенное отличие халчаянской статуэтки в том, что она, так же как сако-индийские фигурки из Таксилы, сохраняет каноническую недвижность позы, в то время как для всей

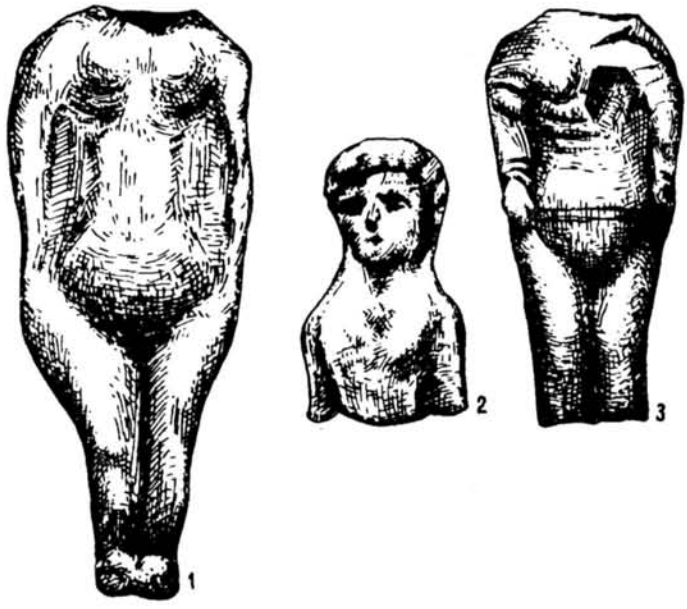

Рис. 103. Статуэтки обнаженной богини.

1 – дворец, из-под пола коридора *2*, слой III-IV; *2* – подъемная; *3* – Западный дом, в сырцовом завале комнаты *2*.

чисто индийской скульптуры издревле присуща асимметричная позиция фигур: мягкие повороты тела, пластическая концентрация опоры на одной ноге, с изгибом бедра. Таким образом, хотя детали украшения рук и тела халчаянской статуэтки имеют параллели в индийской скульптуре, она является лишь вариантом традиционной богини, наготу которой уже нарушает «пояс стыдливости». Распространение этого типа в бактрийской коропластике засвидетельствовано находкой на античном городище Зартепа нагой фигурки с браслетом и с опояской на бедрах, сомкнутыми ногами и несколько разведенными руками[448]. Истолкование ее, как «танцовщицы», по существу необоснованно — в действительности это несколько обновленный вариант архаической нагой богини-прародительницы, образ которой с веками претерпевает известные видоизменения.

Халчаянская статуэтка найдена в завале разрушенных кладок третьего строительного периода (II—I вв. до н. э.), куда попала, очевид-

но, в процессе возведения сырцово-пахсовых стен, в уже разбитом состоянии. Таким образом, дата I в. до н. э. дает ее нижний возможный хронологический рубеж.

К группе обнаженных богинь принадлежит верхняя половина статуэтки (подъемная; найдена в районе Ханакатепа). Плотный, «кирпичного» цвета черепок, коричневый ангоб, рельефный штамп. Лицо широкое, приостренное к подбородку, глаза, брови, нос очень рельефны, но в остальном оттиск малоотчетлив. Волосы разделены на пробор и уложены по обе стороны тремя прядями надо лбом и висками. Плечи покатые, руки опущены вдоль туловища, груди слабо намечены (рис. 103,*2*).

В Халчаяне встречается и иная группа женских терракотовых статуэток, облаченных в плотные одежды. Верхняя половина такой терракоты найдена во дворце за стеной коридора *2*, на уровне пола предполагаемого коридора *10* (рис. 104,*1*). Плотный коричневатый черепок и

Рис. 104. Терракотовые статуэтки богини.

1, 2 — Халчаян—дворец; *3, 4* — Халчаян — подъемная; *5* — кладбище у Галла-Молла.

коричневато-вишневый ангоб; оттиск штампом, несколько нечеткий. Тыльная сторона и бока подрезаны ножом. Лицо округлое, маловыразительное; глаза выпуклые, волосы разделены на пробор и объемными прядями (по четыре) уложены надо лбом и у висков; в ушах подвески (но может быть это тоже пряди волос?). Левая рука полусогнута, кисть ее — у талии; правая плотно прижата. Одежда облегает фигуру, образуя треугольный вырез у шеи; на шее как будто бы ожерелье. Размеры — 63×36×15 *мм*.

Описанную статуэтку поразительным образом дополняет нижняя половина фигурки, обнаруженной в том же здании, над I полом, у прохода комнаты *5* (рис. 104,*2*). Не только характер черепка и ангоба, но

общие размеры и толщина рельефа их таковы, что оба фрагмента кажутся вышедшими из единой матрицы и из одной мастерской. Эта общность дополняется и сходством одеяния: на данном фрагменте плотная верхняя одежда и длинный рукав или край накидки ниспадают до колен, а ниже следуют вертикально струящиеся складки платья, совершенно скрывающего ноги. Размеры фрагмента — 62×40×15 *мм*.

Стратиграфически обе фигурки зажаты между полами первого и второго строительных периодов, что устанавливает и датировку их в пределах конца I в. до н. э. — II в. н. э.

Тот же иконографический тип представляет собой подъемная терракота (без головы и ног; размеры — 63×45×15 *мм*) розоватого черепка со следами красного ангоба. Она передает грубоватое изображение женской фигуры с опущенной правой рукой и полусогнутой левой, придерживающей небольшой круглый плод. Одета в платье с треугольным воротом, поверх — плотная мантия, отороченная по краю, облегающая фигуру до бедер и переброшенная через левое плечо; внизу — остатки разработанной в мелкую вертикальную складочку одежды (рис. 104,*4*).

Два очень схожих между собой фрагмента несколько иного статуарного типа были найдены в выбросах вскопанной колхозниками земли на буграх Ханакатепа. Они дают идентичную по типу верхнюю часть женского торса, плотно закутанного мантией, сходящейся строго на оси и образующей косо идущие складки (рис. 104,*3*). По-видимому, руки были соединены у живота и придерживали натянутую складками ткань. Материал — кирпичного цвета терракота, красный ангоб. Оттиск штампом, с заглаженной тыльной стороной. Размеры одного фрагмента — 60×36×14 *мм*, второго — 56×50×19 *мм*.

Совершенно целая терракотовая статуэтка, найденная на кладбище Голла-Молла Денауского района, передана нам М. Сафаровым (рис. 104,*5*). Обследование показало, что кладбище это сравнительно недавнее, никаких следов античного поселения ни здесь, ни в ближайшем окружении не обнаружено. Лежит оно на противоположном от Дальверзинтепа берегу Сурхандарьи и потому есть все основания предполагать, что с этого городища статуэтка и была принесена.

Материалом служит очень плотная, кирпичного цвета терракота, снаружи следы вишнево-красного ангоба. Оттиск на толстой глиняной лепешке штампом, с подрезкой ножом боков и тыльной стороны; размеры 107×40×12—18 *мм*. Статуэтка изображает женщину с округлым лицом, в обрамлении не то гладко уложенных волос, не то головного убора. Огромные миндалевидные глаза без разделки зрачка, под крутыми, рельефными дугами бровей, невысокий, закатанный лоб, прямой уплощенный нос и выдвинутый подбородок. Поверх нижнего платья или рубахи с круглым вырезом наброшена ниспадающая до пят плотная верхняя одежда, образующая треугольный выем, с рельефной оторочкою краев и ниспадающими к коленям узкими, длинными рукавами.

Лицо этой статуэтки очень близко к вышедшим из-под единых матриц терракотам, найденным на хорезмийских городищах Калалы-Гыр и Кюзели-Гыр (в последнем случае в отвале керамического брака у гончарной печи раннекангюйского времени)[449]. Однако характер одежды там иной, по-видимому, отвечая местным хорезмийским модам. У статуэтки из Голла-Молла обращает внимание верхняя длинная накидка

с чрезвычайно длинными, узкими рукавами — по существу это предвозвестие того верхнего халата, который известен под названием «фарджия» и представлен на миниатюрах Среднего Востока XV—XVI столетия и который впоследствии выродился в существовавшую вплоть до революции уродливую «паранджу» узбекских и таджикских женщин[450].

Накидки, подобные галламоллинской, характерны и для терракотовых фигурок согдийских богинь кушанского времени, где, однако, они наброшены на плечи так, что открывают впереди нижнюю одежду[451].

Описанная группа терракот из Халчаяна входит в иной художественно-образный строй, нежели группа обнаженных фигурок, но по своему содержанию они, безусловно, связаны с тем же циклом Великих богинь, занимавших столь видное место в религиозной идеологии древности. По-видимому, они отражают определенные изменения художественных и этических воззрений во времени. Нормам восточной стыдливости теперь уже противоречит эстетический взгляд Греции и Индии на выразительность наготы. Коропласт закутывает богиню в плотные одежды, которые, очевидно, соответствуют местному костюму знатных замужних женщин, в драпирующееся тяжелыми вертикальными складками, ниспадающее до пят нижнее и плотное верхнее одеяние, облекающее тело от плеч до колен.

Заслуживает внимания характер прически халчаянских статуэток, уложенной отдельными пышными прядями валиком вокруг головы. Она повторяет ту прическу, которая известна в памятниках бактрийского и восточно-парфянского искусства и которая характерна для женских глиняных статуй из халчаянского дворца (см. стр. 183).

С I в. до н. э. и особенно в первых веках нашей эры по всей Средней Азии в коропластике отмечается процесс облачения фигурок богинь в плотные одежды — сначала эллинизированного, а затем чисто местного покроя, очень разнообразные в различных областях. Характерно, что, если богини кушанского круга, изображенные на монетах I—II вв., еще сохраняют по традиции связь с греческими модами — тяжелый пеплос с наброшенным поверх него гиматием, то в трактовке их также уже наблюдаются явные видоизменения, — в частности, пеплос преобразуется в тяжелое платье с густой системой складок у подола и вшивными рукавами[452]. В изделиях же массовой мелкой скульптуры явно преобладает локальный костюм.

Несколько особняком от описанных стоят еще два экземпляра саганианских терракот. Одна из них — оббитая по шею женская головка — найдена на Ханакатепа близ Западного дома (рис. 105,*1*). Черепок кирпичного цвета, ангоб светло-коричневый, оттиск штампом, бока и тыльная сторона подрезаны ножом. Лицо имеет утоняющийся книзу овал, орлиный профиль с крутой линией лба и носа и убегающими к вискам бровями. Слегка улыбающийся рот и чуть скосые, в рельефных веках глаза придают лицу загадочность и томность. На щеках — две рельефные родинки, на подбородке — ямочка. Головной убор — в виде «кокошника» с начельным обручем, треугольником надо лбом и рельефными спиралями на широком верхнем полукружии. На виски спускаются прямо срезанные у края кисти (по-видимому, это деталь не прически, а головного убора), в ушах миндалевидные (с заострением вниз) подвески. Размеры — 50×34×13 *мм*.

Халчаянская головка очень оригинальна, прямых аналогий ей среди опубликованных к настоящему времени терракот Бактрии и других среднеазиатских областей пока нет. До получения надежного стратиграфического или сравнительного материала воздержимся от уточнения ее датировки, которую пока можно поставить в широких пределах кушанской эпохи. Локальная специфика головного убора и украшений и явное своеобразие антропологического типа позволяют отнести ее ко времени ослабления эллинистических влияний в среднеазиатском коропластическом искусстве, которое имело место в первых веках нашей эры.

Погрудный фрагмент терракотовой статуэтки извлечен при раскопках на цитадели Дальверзинтепа в смазке пола верхнего здания VI—

Рис. 105. Халчаян, женская головка — подъемная, близ Западного дома (*1*); Дальверзинтепа, статуэтка из-под пола здания VII в. в цитадели (*2*).

VII вв. (рис. 105,2). Верхняя часть ее оттиснута матрицей на толстой (13—22 *мм*) плитке, но начиная от груди следует обработка вручную. Овального очерка, полное лицо; над выпуклыми, в рельефных веках глазами очень широкие, сросшиеся дуги бровей, переходящие к линии носа, маленький смятый рот. Тюрбанообразный, невысокий головной убор с перевязью, над которой расположен бант или полумесяц с круглой бляшкой посредине. На шее плотное ожерелье с рельефным перехватом посредине, в ушах подвески. Опущенные руки намечены условными дужками, платье сходится на груди рельефным треугольником, от которого исходят заостренные украшения.

По стратиграфическим данным, датировка статуэтки падает либо на время строительства здания (VI—VII вв.), либо предшествует ему, так как фигурка могла принадлежать и более ранней эпохе и случайно (либо преднамеренно в магических целях) попала под пол. Лицо ее очень напоминает терракотовые статуэтки позднеантичных маргианских богинь из Мерва (II—III вв.)[453]. Однако характерный серолёссовый черепок, а также сочетание штампованной головки с лепным туловищем, типичное, например, для афрасиабских терракот так называемого «эфталито-тюркского» периода[454], склоняют все же к раннесредневековой дате.

Что касается вопроса о том, кого изображают халчаянские и иные бактрийско-тохаристанские женские терракоты, то на него ответ может быть дан лишь в самом широком плане: Великих богинь местной античной мифологии.

В свое время, в связи с находкой нескольких женских статуэток на городище Кей-Кобад-шах, извлеченных из слоев Кб-II и-III (II в. до н. э. — I в. н. э.) выдвигалось утверждение, будто они имеют значительное иконографическое сходство с терракотами Согда. На этом основании был сделан вывод, что «в кушанский период как в Согде, так и в Бактрии имел широкое распространение культ одного и того же женского божества, облик которого был в значительной мере канонизирован» и что божеством этим, по всей вероятности, является Анахит[455].

Между тем, если не считать традиционного в восточном искусстве положения рук — одна прижата к груди, придерживая какой-то небольшой предмет, а другая у лона — кобадианские статуэтки ничего общего с согдийскими не имеют: черты лица, одеяния, головные уборы, атрибуты — все здесь иное. И если бесспорным остается широкое почитание Великих богинь почти по всей Средней Азии в античное время, то вместе с тем, совершенно несомненно разнообразие локальных мифологических основ, формировавших образы этих богинь в разных историко-культурных областях. Подобно тому, как ближневосточный мир знал Исиду и Иштарь, Кибелу и Атаргатис, Астарту и *Dea Syrica,* Бактрия, Согдиана, Маргиана, Хорезм, очевидно, имели своих особых богинь, чьи функции великих покровительниц жизни, плодородия, благоденствия и прочих людских чаяний были сходны, но чей мифологический облик сохранял свои особые, локальные черты. И следует ли видеть единую Анахит во всех этих терракотах (кстати говоря, ничем иконографически не соответствующих известному описанию Анахит из гимна Авесты), а не ожидать многообразия той народной мифологии, в которой в различной этнической среде по-разному творились легенды о своих излюбленных божествах? В составе официальных богинь кушанского пантеона, представленных на монетах I—III вв., известны Нана, Хванинда, Ордохшо, почитание которых, очевидно, имело место в бактрийской среде. И если даже, из-за отсутствия (помимо Авесты) писанной мифологии среднеазиатских народов рабовладельческой поры, наука не сможет восстановить легендарные «жития» многих местных богинь, то иконография терракот остается красноречивым документом чрезвычайного их многообразия.

В самом деле, достаточно непредвзятого взгляда на Маргианскую богиню с зеркалом, Хорезмийскую — с младенцем, Согдийскую — с гранатом или цветком в руке, чтобы убедиться, что не одни лишь частные атрибуты, но весь статуарный облик — черты лица, головной убор, украшения, одежды радикально отличают каждую из этих локальных богинь. В составе мервских терракот явственно выделяются женская и девичья ипостаси маргианских богинь, образы которых заметно эволюционируют во времени[456]. И, безусловно, прав С. П. Толстов, который в одной из последних своих публикаций отошел от традиционного определения хорезмских терракот, как «Анахит», условно выделив в составе их «Анахиту», «Мину», «Богиню-матерь», «Богиню хтонического круга»[457].

Обращает внимание, что даже в пределах единой историко-культурной области художественная интерпретация Великих богинь имела локальные «районные» варианты. В Бактрии это наглядно предстает при сопоставлении халчаянских статуэток с терракотами Кей-Кобад-шаха, Термеза, Зартепа, подтверждающем чрезвычайное разнообразие иконографических типов, выработанных местными коропластами, в различных районах этой историко-культурной провинции в античное время.

К этому следует добавить заметную эволюцию самих образов богинь во времени, что подтверждает даже количественно небольшой пока комплекс саганианских терракот.

Мужские статуэтки. В Южном доме на Ханакатепа в верхней кладке между сырцовыми кирпичами основного строительного мас-

Рис. 106. Статуэтка атлета, Юго-западный дом (*1*); мужская головка, Маслахаттепа (2).

сива стены была обнаружена статуэтка с отбитыми по колени ногами и головой. Выполнена оттиском на толстой глиняной лепешке, заглаженной с тыльной стороны и с боков. Очень плотная, красноватая терракота, темно-красный ангоб. Статуэтка передает обнаженную мужскую фигуру в строго фронтальной позе, с протянутыми вдоль туловища руками. Отличные пропорции — широкие плечи, стройные формы, очень правильная, обобщенно разработанная мускулатура. Размеры — 95×55×24 *мм* (рис. 106,*1*).

С каким запозданием обращается местное искусство к типу архаического атлета, который в греческом ваянии был разработан еще в VI в. до н. э.! Своим обликом и пластической манерой исполнения статуэтка напоминает Аполлонов Орхоменского и Танейского[458], но если у тех

скованность позы нарушена выдвинутой вперед ногой, то здесь ноги плотно сомкнуты и фронтальность — абсолютная.

Датировка фигурки — бесспорно ранняя. Об этом говорят цвет и качество терракоты, но особенно — сам пластический образ. Статуэтка, по-видимому, восходит к греко-бактрийскому периоду, когда образы обнаженных греческих богов (Аполлон, Геракл) фигурируют даже в государственном чекане. Культ этих богов был введен на среднеазиатскую почву еще при Александре Македонском; есть сведения, что при походе на Индию греческий завоеватель установил алтари «брату Гераклу» и Аполлону Дельфийскому[459]. Нагой Аполлон (типа праксителевского Сауроктона) встречается на греко-бактрийских монетах со II в. до н. э. — у Эвкратида, затем у Аполлодота, Дионисия, Зоила[460]. Дата халчаянской статуэтки может быть отнесена к этому же времени. Однако при отсутствии головы вопрос о тождественности ее с Аполлоном нельзя считать окончательно разрешенным. В старом Термезе были найдены мужские обнаженные статуэтки[461]; одна из них явно не аполлонического облика: в талии фигурка перехвачена веревкой, а ноги у лодыжек и руки — оковами; предполагают, что это изображение раба (скорее — пленника).

Думается, что халчаянская фигурка попала между кирпичами не случайно, а была специально, с магическими целями, заложена в процессе строительства дома в кладку стен.

Фрагмент нижней половины мужской фигурки (сбита по грудь) найден в Западном доме, в комнате *5*, над полом, вымощенным жженым кирпичом, в стратиграфическом слое II в. н. э. Черепок кирпичного цвета, ангоба нет; техника изготовления — штамп, с подрезкой тыльной стороны и основания ног; пластическая форма обобщена и не очень отчетлива, рельеф невысок. На обороте — налипший гипсовый раствор (рис. 107, *1*).

Фигурка широка, корепаста, поза фронтальна. Одежду составляет поколенный кафтан (или рубаха), перетянутый у талии рельефно разделанным поясом; широкие, суживающиеся книзу штаны заправлены в обувь, форма которой не вполне ясна. Руки прижаты выше пояса, в правой — спускающийся вдоль туловища изогнутый предмет (серп? плеть? оружие?), в левой — треугольно расширяющийся, сколотый поверху стержень. По бокам вертикальные срезы, обозначающие не то одежду, наброшенную на плечи, не то условную границу фигурки. Размеры — 60 × 36 × 6 *мм*.

Костюм статуэтки сходен с одеяниями терракотовых статуэток из Хотана, датируемых в основной массе кушанской эпохой (конец I — III вв. н. э.)[462], и напоминает своим покроем одеяния царей на монетах Великих Кушан, притом в большей мере одежду Кадфиза II и Канишки (I—II вв.), облаченных в очень плотный кафтан[463], нежели Васудевы II (конец II — начало III в. н. э.), кафтан которого драпируется множеством складочек на рукавах и заостренными углами ниспадает с боков[464].

Другой фрагмент из Западного дома (рис. 107, *2*) передает часть штампованной фигурки в драпирующейся поколенной рубахе, мягких штанах и, может быть, плаще.

Технологические качества обеих терракот позволяют считать наибо-

лее вероятным для их датировки нижний хронологический рубеж кушанских дат — II—III вв.

Довольно многочисленную группу среди терракот Халчаяна составляют мужские статуэтки различных размеров (от 5 до 10 *см* по высоте),

Рис. 107. Мужские статуэтки из Западного дома (*1, 2*); статуэтки лепных уродцев из дворцового здания (*3—5*); терракотовая курильница из Западного дома (*6*).

нагрубо вылепленные от руки (рис. 107, *3, 4, 5*). Черты лица намечены защипами, передающими западание глазниц, острый подбородок и как бы птичий нос; глаза иногда выделены круглыми налепными лепе-

шечками. На некоторых статуэтках виден головной убор типа заостренного колпачка с оторочкой по краю. Туловище передано обобщенным объемом — без разделки форм, мускулатуры или костюма; руки небрежно оттянуты из общего комка глины — одна из них чаще всего полусогнута. Поза согбенная, явно сидячая, ноги либо сомкнуты воедино, либо дугообразно раздвинуты. В последнем случае статуэтки принадлежат к категории всадничков, восседавших на терракотовых конька, находки которых столь многочисленны в Халчаяне и которые нередко сохраняют на спине следы прикрепления фигурки.

Аналогичные лепные статуэтки всадников и коньков найдены в большом числе на городищах правобережья Амударьи[465] — они, таким образом, имели широкое распространение во всей Северной Бактрии.

Позу статуэток с сомкнутыми ногами объясняет интересная находка в раскопе Западного дома в помещении *5*, между полами периодов III и III-а, что определяет ее датировку промежутком между I в. до н. э.— I—II вв. н. э. Это оказался крупный фрагмент фигурного сосуда (рис. 107, *6*). Очень плотный, красноватый черепок, со следами коричнево-малинового ангоба. Расширенное, полое изнутри основание (диаметр — 9,8 *см*), с насечками по закраине, переходящее в почти цилиндрический ствол, оформленный волнообразной линией; отсюда следует биконическое расширение, далее — выем шейки при переходе к резервуару, от которого сохранилась лишь донная часть и начало расширяющихся стенок. Общая высота фрагмента 10,8 *см*. На основании было прикреплено еще до обжига три сидящих лепных человеческих фигурки (высотою 7,5 *см*), нижние выступы которых образовывали как бы три ножки сосуда. Одна из статуэток сбита вместе с участком днища, но виден след ее прикрепления, от второй осталась лишь нижняя часть, третья сохранилась целиком. Статуэтка передает очень схематично исполненного идольчика с прижатой к груди правой рукой и оттянутой, опирающейся на дно сосуда левой. Заостренная голова как бы поддерживает верхнее уширение подставки; лицо уродливое, с птичьим носом, острым подбородком, налепными лепешечками глаз.

В зале дворца, на полу найден фрагмент основания подобной же профилировки, с прикрепленной у края головкой коня (рис. 108).

По своему назначению сосуды этого рода являлись или курильницами, или светильниками, или жертвенными подставками. Оба халчаянских фрагмента пока уникальны по своему пластическому оформлению. Вообще же курильницы или жертвенные подставки на высокой, иногда фигурной ножке, нередко со скульптурными украшениями, известны в составе археологических находок доарабской Средней Азии. Они встречены в курганных погребениях первых веков нашей эры в Бухарской области[466]; в позднепарфянских слоях Гяур-калы старого Мерва (II—III вв.)[467]; при раскопках Балалыктепа (V в.) и Хайрабаттепа (VI—VII вв.) в Термезском районе[468]. Для античной эпохи следует также сослаться на курильницы или жертвенные подставки из кушанского слоя Сиркапа в Таксиле[469], которые, по мнению Дж. Маршалла, были введены в Пенджабе еще парфянами.

В основе этой керамической формы лежит стародавний генезис, который восходит еще к эпохе ранней бронзы (III тыс. до н. э. — Ха-

рапна, Ниневия и ряд других[470]); очевидно, являясь реликтовым пережитком, *они в течение многих веков изготовлялись на Среднем Востоке.*

Оформление халчаянской подставки мужскими фигурками имело, бесспорно, какой-то глубокий внутренний смысл. Отметим, что находки лепных терракотовых идольчиков в Средней Азии весьма обширны и по количеству и по ареалу распространения. «Всадники-идольчики» обнаружены в Согде (городища Афрасиаб и Тали-Барзу)[471], в Мерве (Гяур-кала и некоторые другие пункты Мервской области)[472], на древних городищах Бактрии — Тохаристана (памятники Ангорского района)[473].

В 1949 г. Л. И. Ремпель, исходя из подъемного материала, датировал мервские и афрасиабские статуэтки токого рода III—IV вв. н. э.[474] Л. И. Альбаум возражал против подобной датировки в отношении аналогичных терракот из Ангорского района (также не на основании по-

Рис. 108. Фрагмент основания подставки с головкой коня и статуэтка коня. На полу дворцового здания.

лученных из стратиграфических слоев, а подъемных экземпляров) и относил их к VI—VII вв.; при этом он ссылался на якобы сходство с особой группой датируемых этим временем афрасиабских «всадников с булавами»[475]. Но на это можно возразить: во-первых, бактрийские всадники-идольчики ничего общего с тюркскими всадниками с Афрасиаба (выполненными штампом, с детальной проработкой пластических деталей лица, костюма и пр.) не имеют[476] и, во-вторых, указать, что датировка Л. И. Ремпеля подтвердилась раскопками в Гяур-кале, которые выявили множество терракотовых лепных уродцев в слоях III—IV вв., точно датируемых монетами последних Аршакидов и первых Сасанидов[477].

Очевидно, датировку рассматриваемой группы терракот нельзя рассматривать в узко хронологических рамках, но в каждом случае следует исходить из конкретных археологических данных. Дело в том, что терракотовые статуэтки нагрубо вылепленных от руки всадничков, сидящих на коньках, имеют в искусстве азиатского мира очень древний генезис. При раскопках Вавилона они уже попадались в средневавилонских, ассирийских и ахеменидских слоях (т. е. с середины II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н. э.)[478].

Скульптурно оформленная подставка из Халчаяна странным образом перекликается с терракотовыми скульптурными предметами из Идаллиона на Кипре VII—V вв. до н. э. (условно их именуют «пульверизаторами»), где на общей подставке вокруг центрального фигурного стержня представлены схематически вылепленные мужские статуэтки[479]. В Хан-Шейхуне такие лепные уродцы оказались в комплексе V—IV вв. до н. э.[480] Статуэтки этого типа сохраняются и в пору эллинизации Междуречья — так, в Селевкии на Тигре они были обнаружены во всех четырех стратиграфических слоях селевкидского и парфянского времени (с III в. до н. э. по II в. н э.), хотя лица всадничков в большинстве выполнены здесь не от руки, штампом[481]. Лепные терракотовые всадники в остроконечных шапках найдены в парфянских слоях Ниппура[482]. В позднекушанском слое Беграма также был обнаружен схематически вылепленный всадничек на коне с лицом, оттиснутым штампом[483].

Халчаянские уродцы также дают нам довольно протяженные даты. Так, курильница с тремя ножками из Западного дома обнаружена в составе керамического комплекса, зажатого между полами II—I вв. до н. э.— I в. н. э. Одиночная сидячая статуэтка найдена была в другом помещении этого дома, над полом I в. н. э. Во дворце две фигурки оказались над полом второго строительного периода, т. е. в позднекушанских слоях (II—III вв. н. э.). Статуэтки более поздние отличны от более ранних как в керамическом отношении (светлее черепок, не столь интенсивен красный ангоб), так и более схематической лепкой: они уже не имеют ни налепных лепешечек глаз, ни выделенного головного убора. Что же касается фрагментов терракотовых коньков со следами прикрепления всадника, то они встречаются и в ранне- и в позднеантичных слоях.

Итак, образ всадника-уродца был широко распространен в искусстве древнего мира. Вопрос о значении этого коропластического типа пока окончательно не разрешен. Что это, детская ли игрушка или какой-то мифологический образ, имеет ли он жанрово-изобразительный или культовый характер? Очевидно, в разных странах, в разное время ему придавалось не вполне идентичное значение.

По поводу мервских и согдийских терракот данной группы Л. И Рempель выдвинул предположение об их апотропеическом значении в качестве домашних идольчиков, игравших роль амулетов и фетишей, привлекая в качестве косвенного тому подтверждения факт изготовления еще до недавнего времени подобных фигурок в глухих горных районах Средней Азии[481]. Предположение о культовой основе образа подкрепляется в Халчаяне введением такого рода лепных идольчиков в оформление курильницы: связь с возжигавшимся огнем, а значит и с теми обрядами, для которых служил этот ритуальный предмет, само количество фигурок — три, как одно из священных чисел древности,— все это явно говорит об их особом, магическом значении.

Но кого же передают эти схематично вылепленные изображения? Связь большинства из них с конем, характерный остроконечный колпачок — не металлический эллинизированный шлем, а мягкая кочевническая шапка, наконец, подчеркнуто-примитивный образ, служащий не целям художественной выразительности, а магически заклинательным функциям, позволяют считать, что в своей основе это, очевидно, обоб-

щенный образ божка — покровителя всадников, представителей степной среды. В этой связи вспоминаются изобразительные мотивы на монетах правителей, осуществлявших власть в отдельных областях и провинциях Греко-Бактрийского царства после его распада, в пору движения среднеазиатских скифов-саков. Тема конного воина с конца II в до н. э. по I в. н. э. является ведущей в так называемом индо-скифском чекане[485], она сохранится и в раннекушанском чекане Герая и Кадфиза I. А на монетах Гермея (20—45 г. н. э.) можно видеть на лицевой стороне профиль государя в небольшом кочевническом клобуке, а на обороте всадника в подобном же клобуке, скачущего на коне[486].

В Средней Азии, где контингенты конницы были особенно значительны в кочевой или полукочевой среде, скульптурный образ всадника в античное время, видимо, связан был по преимуществу с теми народами, которые у греческих авторов фигурируют под общесобирательным наименованием скифов, а в более узком этноплеменном наименовании упоминаются в древних источниках как саки, юеджи, тохары, асии и др. Подобным образом и в VI—VIIвв., когда значительная часть среднеазиатских земель входит во владения тюркского каганата, большое распространение здесь получают терракотовые статуэтки тюркских «всадников с булавами».

Можно думать, что тема всадника в упомянутых монетных чеканах II в. до н. э.—I в. н. э. появилась именно в связи с активным включением сако-юеджийского элемента в исторические судьбы Среднего Востока. Косвенным отражением этого процесса является и распространение в Бактрии описанной группы мелкой вотивной терракотовой скульптуры, передающей крайне обобщенный образ среднеазиатского скифа. Маленькие лепные идольчики как бы являлись носителями тех степных начал, которые были принесены ордами саков, вторгшихся во II—I вв. до н. э. в районы старых земледельческих культур, осевших здесь, слившихся с местной средой, но сохранивших какую-то долю своих традиций. В числе этих традиций было, очевидно, и почитание божка или фетиша — покровителя сакского воинства, своей примитивной иконографией так непохожего на современные этим статуэткам высокохудожественные коропластические изделия античных среднеазиатских городов.

Последующее же распространение терракотовых уродцев в среднеазиатской коропластике III—IV вв. связано со сходным процессом широкого вторжения кочевнического элемента, протекавшего уже в пору кризиса рабовладения на Среднем Востоке.

В позднеантичную группу халчаянских терракот входит терракотовая головка, найденная мельником Пардаевым у бугра Маслахаттепа (рис. 106). Размеры: 55 *мм* — высота, 53 *мм* — ширина и 38 *мм* — толщина в плечах. Материал — плотная, красноватая терракота, заглаженная по поверхности. Массивная с виду головка на самом деле весьма легка. Объясняется это, очевидно, тем, что при изготовлении статуэтки внутрь глиняного кома был введен «каркас» из легко выгорающего растительного материала, к которому, в целях непосредственного попадания пламени, подводили также специально воткнутые соломинки (округлые отверстия от них сохранились в зрачках, у крыльев носа, в ушах и наиболее крупная — на груди.

Статуэтка примитивна, но по-своему выразительна. Лицо массивное, с очень крутыми дугами бровей, огромными миндалевидными глазами, выделенные зрачки которых сведены к переносице; уши рельефно моделированы, нос прямой, недлинный, заостренный; рот едва намечен; шея мощная, плавно переходящая к плечам. Череп плоско срезан надо лбом; здесь сохранился легкий рельеф — явный след прикрепления отдельно насаженного (еще до обжига) и затем сколовшегося головного убора. Надо полагать, что это была остроконечная шапка, по силуэту подобная тем, которые на малых статуэтках выполнялись из единого с ними глиняного комка. Статуэтка плоско срезана понизу в уровне плеч: она либо ставилась на особом поставце, либо вводилась, наподобие пробки, в какой-то специального назначения сосуд.

Какова ее датировка? Археологические материалы в выбросах у бугра Маслахаттепа и на дне проведенного рядом магистрального арыка (многочисленные фрагменты керамики, две монеты Сотера Мегаса и одна Васудевы I, профилированный каменный архитектурный блок) в целом принадлежат к античной эпохе, средневековых материалов здесь нет. Вместе с тем типологически головка находит параллели в произведениях среднеазиатского пластического искусства IV—VI вв. Такого рода остроносые, с миндалевидными, ненатурально огромными глазами, острым носом и мелким ртом, обобщенно вылепленные лица дает коропластика Согда V—VI вв. — например, антропоморфный сфероконический ритон (как полагают эфталитского времени), или голова на крышке оссуария из Теляка[487]. Но наиболее сходный с халчаянской головкой обобщенно-пластический образ являют изображения донаторов в оформлении ступа на Тепе-Маранджан (в Афганистане), датируемой по монетным данным IV в.[488] В этом пределе, очевидно, может быть поставлена и датировка нашего объекта.

Стиль головки с Маслахаттепа в своей основе глубоко отличен от высокохудожественных, моделированных в матрицах терракотовых статуэток среднеазиатской античности. А между тем именно этот обобщенно-трактованный тип лица сохранится в монументальном пластическом искусстве Средней Азии вплоть до предарабских времен. Резной штук Варахшского дворца включает многочисленные, чаще всего переданные в трехчетвертном обороте или в профиль женские и мужские лица, следующие единому каноническому типу, которому присущи огромные миндалевидные глаза под крутыми дугами бровей, удлиненный нос, мелкий, высоко поставленный рот, заостренный подбородок[483]. Никаких возрастных особенностей (мужчины отличны от юношей лишь показом бороды и усов), ни единой индивидуальной черты! В своем стилистическом выражении они уже очень далеки от халчаянской глиняной скульптуры, но близки именно к той позднекушанской группе мужских изображений, которые представлены описанной головкой с Маслахаттепа и статуями донаторов Тепе-Маранджана.

Таким образом, именно позднеэтничный этап эволюции среднеазиатской скульптуры таит истоки последующего развития пластического искусства Средней Азии раннефеодальной поры.

Статуэтки животных. В составе находок, полученных при раскопках халчаянских зданий и в подъемном материале на городище многочисленны терракотовые статуэтки животных. Преобладающую массу составляют лошадки. Целых пока лишь две, но более всего найде-

но фигурок с отбитыми ногами и без головы; имеются и отдельные конские головки (рис. 108, 109).

Вылеплены они все от руки. Статуэтки из раннеантичных слоев характеризует очень плотный красноватый черепок, нередко — красный ангоб, тщательность лепки. Позднеантичные фигурки грубее, крупнее, терракота их серо-лёссового цвета. Характерную деталь найденных головок составляет полость у шеи с черными следами выгоревшего материала. Очевидно, в целях лучшего обжига в глиняную заготовку вводился легко выгораемый растительный каркас.

Статуэтки выполнены в обобщенной манере, но хорошо передают утяжеленную морду коня, ровно подстриженную, с загибом надо лбом

Рис. 109. Статуэтки коней со следами прикрепления всадников.

гриву, вмятины глазниц, заостренные уши; иногда имеется прорисованная еще до обжига разделка сбруи, с кружочками украшений. Туловище передано схематично, ноги для устойчивости раздвинуты.

Далеко не на всех статуэтках видны следы прикрепления на их спине седока: вероятно, наряду с конными всадниками изготовлялись и отдельные фигурки коньков. Они могли иметь вотивный характер — будучи связаны с тем культом коня и конного воинства, о котором говорилось выше, с традициями народных верований и празднеств, могли служить и детскими игрушками.

Под полом дворцового зала извлечена передняя часть статуэтки, общий силуэт и тяжелое войло которой не оставляют сомнений, что это изображение быка, хотя рога его сбиты.

Характерна фигурка обезьянки, найденная во дворце на верхнем полу коридора *2*. Этот тип мелкой терракотовой скульптуры, проник-

ший на Средний Восток из Индии, получил в кушанское время известное распространение в коропластике Согда[490], Хорезма[491], Мерва[492], особенно Восточного Туркестана (Хотан)[493]. Связь с индийской символикой здесь уже могла быть утрачена и на среднеазиатской почве образ обезьяны мог приобрести иное значение. Но культово-мифологическая основа его почти несомненна, если вспомнить, что, например, в хотанской коропластике обезьянки представлены в виде животного-оберега

Рис. 110. Терракотовый медальон; дворец, коридор *5*.

на ручке сосуда, а то и в несвойственных для них функциях — в виде музыканта, всадника на коне.

Терракотовый медальон.[494] Среди халчаянских терракот особое место занимает уникальный медальон, раздавленный надвое, найденный в коридоре *5* дворцового здания, в слое, накопившемся над полом (рис. 110).

Материал его — плотная, хорошо отмученная глина цвета натурального лёсса. На толстой (от 12 до 20 *мм*) дисковидной лепешке с не очень ровными местами оттянутыми краями, в отчеркнутом выпуклым обрамлением круге (диаметр — 8,5 *см*) штампом сделан оттиск высокого (до 5 *мм*) рельефа. Пластические детали смяты и местами читаются с трудом, но композиция в целом вполне отчетлива и дает повод для серьезных размышлений.

В центре представлен государь, восседающий на высоком троне, основанном на двух фронтально расположенных фигурах львоподобных животных. На голове его высокая остроконечная шапка с рельефной оторочкой, опущенной у ушей. Лицо с недлинной, заостренной бо-

родой. Одет в облегающий поверху, расходящийся у колен, отороченный по краю кафтан, под которым видна рубаха с округлым воротом. Левая рука оперта о колено, правая сбита, но, по-видимому, была полусогнута и придерживала не то безлиственную ветвь, не то олений рог. Ноги, обутые в мягкие сапоги с поперечными складками у сгибов, обращены носками врозь и опираются на скамеечку на ножках. Справа от трона стоит значительно меньшая по размерам фигура в аналогичной шапке и одеянии; судя по идентичности костюма, головного убора и безбородому лицу, это, вероятно, наследник престола. В согнутой правой руке он придерживает предмет типа некрупной булавы. В верхнем поле, вкось над левым плечом царя, расположена фигурка парящей Ники в фас, очень объемно разработанная в верхней половине и лишь слегка рельефная внизу. Богиня одета в перетянутый под грудью хитон; в правой руке ее полумесяц диадемы (оттиск очень нечеток), как будто с развевающимися концами.

В изображении обоих мужских персонажей, в их одеянии отмечается известная близость к образам кушанских царей в монументальной скульптуре и в монетном чекане (где, по существу, также воспроизводились в миниатюре крупные царские статуи). Аналогии можно встретить также и в составе глиняных статуй из Халчаяна — детали подобного костюма и головного убора на фигуре сидящего правителя в центральной композиции дворцового зала. На терракотовом медальоне изображена тронная сцена, посвященная одному из саганианских владетелей из рода Кушанов, причем создание его парадной иконографии, очевидно, отражает какое-то недонесенное историческими источниками событие, связанное с завоеванным путем славной победы правом на трон.

Приковывает внимание трон, основанный на двух фигурах фронтально стоящих львов (или тигров). Трон столь высок, что перед ним стоит скамеечка для ног сидящего царя, которые иначе болтались бы на весу. Совершенно идентичный престол и скамеечку можно видеть в скульптуре кушанского царя Вимы Кадфиза из сел. Мат[495]. Оформление сиденья фигурами львов встречается в скульптуре и других кушанских областей. Так, при раскопках буддийского комплекса Шотарак в Афганистане (II—III вв. н. э.) обнаружена часть сиденья, основанного на фигурах львов[496].

В хрониках VI — VII вв. упоминаются богатые (нередко золоченые) троны среднеазиатских царей, основанные на фигурах животных — верблюдов, коней, баранов и пр.[497] Это было время, когда уже погибло, в результате кризиса рабовладельческой системы, огромное государство Кушан, а страна распалась на множество независимых областей, в каждой из которых правил феодальный владетель.

Имелись в ту пору и троны, основанные на львах,— например, престол владетеля Кучи и Ирана[498]. Подобный же царский трон в VII в. отмечен в Индии, очевидно, в тех северных областях, которые некогда входили в состав кушанского царства. Трон, именовавшийся «сидением львов», отличался крупными размерами, был усеян жемчугом и покрыт куском необыкновенно тонкой ткани; у подножья стояла богатая скамеечка[499]. Примечательны совпадения как с троном Вимы Кадфиза из Матхуры, так и с троном на халчаянском медальоне (крупные размеры, фигуры львов, ткань, наброшенная по бокам, скамеечка). Несомненно,

эта форма престола восходит еще к кушанской традиции, дожив до времен Сюан-Цзана.

Многочисленные памятники изобразительного искусства VI—VII вв. из Согда, Тохаристана и сасанидского Ирана содержат царские престолы, оформленные фигурами различных животных — баранов, верблюдов, козлов. Это не только блестяще подтверждает справедливость сведений упомянутых хроник, но и позволяет, на основе сопоставлений, локализовать происхождение некоторых музейных объектов пределами определенных царств и княжеств Среднего Востока. Встречается и престол, украшенный фигурами львов, который можно видеть, к примеру, на так называемом Бартымском блюде Государственного исторического музея[500].

Важный элемент изображения на халчаянском медальоне — фигурка парящей Ники-Виктории. О среднеазиатской иконографии образа богини Победы было сказано выше, в связи с включением ее в центральную скульптурную композицию дворцового зала. Ника на медальоне близка к разработанной эллинистическим искусством художественной интерпретации парящей Победы, вошедшей в монетный чекан Герая и в скульптурную сцену Халчаянского дворца.

Датировка халчаянского медальона уточняется на основе стратиграфических и стилистических данных. В завале, накопившемся над слоем, где оказался медальон, обнаружена бронзовая монета Васудевы I (около 200 г.) Таким образом, медальон предшествует этой дате, стилистически же изображение на нем предшествует матхурским статуям Канишки и Вимы Кадфиза — фигуры здесь пластичней, живей, в них нет той холодной симметрии, которая присуща позднекушанской скульптуре. Образ Ники также еще близок к эллинистическому прототипу, а не к его иранизированной или буддизированной интерпретации в позднекушанском искусстве. Таким образом, датировка объекта восходит скорее всего к I в. н. э. Возможно даже, что основной муляж для его изготовления «старше» и современен скульптурному оформлению дворца, хотя оттиски, разумеется, могли изготовляться и позднее.

Вопрос о назначении терракотового медальона из Халчаяна пока окончательно не разрешен. Чисто светский сюжет исключает его вотивное истолкование. Среди археологических аналогий из сопредельных стран вспоминается особая, хронологически близкая группа небольших каменных дисков из Таксилы — гладких с одной стороны и орнаментированных с другой[501], где изобразительная тематика имеет либо мифологический, но преимущественно повествовательно-светский характер, а стиль несет в себе эллинизированно-индийские черты. Исследователи условно именуют их «туалетными дисками», но в общем назначение их не вполне ясно.

С другой стороны, нельзя не вспомнить гипсовых медальонов из Беграма[502] — муляжи с металлических, а может быть и с керамических изделий, происхождение которых связано с эллинистически-римским стилевым кругом. Полагают, что они могли использоваться местными мастерами в качестве моделей для изготовления оттисков и штампов на дорогой посуде, украшениях и т. п.

Халчаянский медальон радикально отличен и от беграмских муляжей, и от дисков из Таксилы своей сюжетной и изобразительно-стилевой стороной. Он не мог использоваться, как беграмские слепки, в ка-

честве исходной модели для отливок, так как оттиск на нем смят и неточен; он сам является оттиском какого-то специального назначения. Тот факт, что диск имеет небрежно рваные края и неотделанную, слегка бугристую тыльную поверхность, позволяет думать, что медальон вделывался в виде вставки-инкрустации в какое-то гнездо, служил оформлением киота, парадной мебели или ларца.

В коропластике Средней Азии этот объект не одинок. Так, очень сходен по форме, технике изготовления и в известной мере изобразительной композиции медальон из Самарканда, где представлена величавая женщина, восседающая на высоком сиденьи, в присутствии двух других, значительно меньших по размеру, женщин-служительниц[503]. К. В. Тревер датирует медальон кушанской эпохой и видит в сидящей на троне особе богиню Ордохшо[504]. Л. И. Ремпель полагает, что это царица, а датировку возводит к VI—VII вв.[505] Стилистическая и тематическая общность с халчаянским медальоном позволяет ныне принять кушанскую датировку К. В. Тревер и светское истолкование композиции, выдвинутое Л. И. Ремпелем.

Любопытно, что традиция изготовления оформленных рельефами медальонов для инкрустации сохраняется в областях Тохаристана вплоть до средневековья. Напомним о стеклянных медальонах из дворца термезских правителей XII в., на которых отлиты разнообразные рельефные изображения, в том числе всадник, выезжающий на охоту, хищная птица и т. д.[506]

Так же, как изображения царей на кушанских монетах копируют некие монументальные статуарные образы, халчаянский медальон передает, очевидно, какую-то известную в бактрийской среде изобразительную композицию: царь на троне, венчаемый славой, с наследником. Сходный мотив, как мы указывали, дает и халчаянская глиняная скульптура.

Иконография сцены с изображением царя, торжественно восседающего на троне, украшенном фигурами животных, и предстоящих (принца, визиря), сложившаяся, как свидетельствует халчаянский медальон, уже в раннекушанское время, получит широкое распространение в раннефеодальном искусстве Среднего Востока. Ее варианты (с изменением числа участников, исчезновением Ники) дает согдийская живопись Варахши[507] и Пянджикента[508], наскальный рельеф Духтари-Нуширвана в Афганистане[509], ряд иранских драгоценных сосудов («Чаша Хозроя» в Лувре[510], блюда в собраниях Эрмитажа[511], Британского музея[512] и др.). Но при сопоставлении этих памятников с рельефом на халчаянском медальоне нельзя не заметить существенных изменений стилистического порядка, ибо в них уже утрачена пластичность скульптурной формы, которую сменяет плоскостная двухмерность, взамен естественности композиции появляется почти геральдическая симметрия изображения, вместо полуоборота людских фигур — их строгая фронтальность, в оформлении же тронов взамен прямой позиции голов животных — их профильное расположение.

Таким образом, халчаянский медальон проливает новый свет к характеристике среднеазиатского пластического искусства кушанской поры. Воспроизводя какую-то монументальную скульптурную композицию, он стилистически предшествует кушанской скульптуре Сурх-Котала и Матхуры. Скульптуру эту (особенно матхурскую) отличает извест-

ная жесткость пластической манеры, обобщенность планов и объемной моделировки. Фигуры же на медальоне очень пластичны, переданы не строго фронтально, а в некотором движении. Даже лицо царя изображено с небольшим поворотом, фигура же царевича дана в трехчетвертной позиции — левая половина ее утоплена в фоне; подлинную динамику вносит как бы вырывающаяся вперед из фона богиня Победы. Во всем композиционном решении еще не господствует непреложного закона фронтальности, типичного для позднекушанской пластики, здесь еще живы духовные связи с эстетикой эллинистического искусства, чьи художественные принципы предстают в органическом слиянии с азиатским началом (которое, в конечном итоге, восторжествует). Все это вводит халчаянский медальон в специфический круг памятников искусства среднеазиатской античности на хронологически среднем этапе его развития.

Глава III

ВЕХИ ИСТОРИИ ХАЛЧАЯНА В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ 1959—1963 гг. И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БАКТРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследования Халчаяна показали, что активное культурное освоение Саганиана, то есть долины Сурхандарьи в ее основном течении, протекало уже около середины I тысячелетия до нашей эры, хотя заселение началось, вероятно, значительно раньше. Это освоение могло быть осуществлено лишь в условиях налаженной ирригационной системы, так как «бешеная» в пору летнего таяния снегов река нередко меняет свое русло, подмывает и обрушивает крутое левобережье и затопляет низменный правый берег, образуя здесь заводи, поросшие тугайной или болотной растительностью. Создание же сложной ирригационной системы с подпорными дамбами, магистральными каналами, разветвленной арычной сетью, а может быть — с учетом низкого стояния грунтовых вод — и дренажными устройствами, могло быть осуществлено лишь в условиях централизованной организации работ. Все это позволяет предполагать, что в ту пору Саганиан уже вошел в систему организованного государства, хотя пока нет достаточных данных для решения вопроса — определялась ли эта государственность вхождением Бактрии в состав ахеменидских сатрапий или же области, лежавшие вдоль веера главных притоков Амударьи, — Саганиан, Кобадиан, Хутталян и другие, составляли небольшие, самостоятельные владения с местными царьками во главе.

Стратиграфический шурф на Ханакатепа дал последовательную свиту археологических слоев, уходящих ниже современной дневной поверхности на 4,5 *м*, а характер археологических напластований, прослеженных на Ханакатепа и Карабагтепа, свидетельствует о том, что жизнь здесь протекала без долговременных перерывов на протяжении всей античной эпохи. Однако определенные периоды упадка и даже заброса зданий, на руинах которых затем возводились новые сооружения, служат показателем того, что какие-то события порой обрывали, на известный промежуток, мирное течение жизни.

Самый нижний стратиграфический слой, лежащий на каменисто-песчаном материке древних речных отложений, восходит к IV—III вв. до н. э. Вероятно, он связан с тем этапом среднеазиатской истории, когда, вслед за походами Александра Македонского и включением Средней Азии в круг более тесных политических и экономических связей со странами эллинистического мира, в Бактрии возникают предпосылки к сложению новых или к разрастанию старых городских центров. Процесс этот археологически отражен, например, в древнем Мерве, где в III в. до н. э. Селевкидами были предприняты большие работы по возведению стен вокруг обширного античного города (городище Гяур-кала), разраставшегося у подножья более древнего укрепления (городище Эрк-кала)[513]. И если Халчаян в это время еще и не был городом в собственном смысле слова, то во всяком случае здесь уже слагался населенный пункт.

Общий облик полученного наиболее раннего стратиграфического комплекса явственно сближается с поздней фазой той археологической культуры, которая в керамике характеризуется «подкошеннодонными» формами баночных сосудов. Распространение этой керамики установлено во всех главнейших областях оседлой земледельческой культуры Средней Азии — в Согде, Бактрии, Парфиене, Маргиане, Хорезме и уходит далее на юго-восток (Дрангиана, Гандхара), где, однако, отмечается заметное локальное видоизменение форм. Северные районы Средней Азии, где преобладал кочевнический уклад, определяют северные рубежи, куда не прошло распространение этих керамических групп. Датировку их принято ставить в пределах VII—IV вв. до н. э.

В халчаянской керамике из нижнего слоя городища отражен тот переходный период развития, когда начался интенсивный процесс изживания традиционных посудных форм (подкос у дна утрачивает резкую угловатость очертания) и уже появились некоторые нововведения в гончарной технологии (например, применение красного ангоба, при явном еще преобладании светлоангобных покрытий).

Период Греко-Бактрийского царства (середина III— середина II вв. до н. э.) археологически отражен в Халчаяне на ряде исследовавшихся нами пунктов. Он засвидетельствован находкой монеты Деметрия и запечатлен остатками какого-то капитального здания, послужившего платформой для воздвигнутого во II—I вв. до н. э. Западного дома, сооружением Юго-западного дома, возведением крепостной стены на Карабагтепа.

Постройка укреплений восходит здесь либо к поре могущества Греко-Бактрийского царства, подобно Термезу[514], либо к кануну его падения, когда в третьей четверти II в. до н. э., в целях защиты от надвигающихся кочевников, в провинциях создавались укрепленные посты. Предполагают, что именно опасностью кочевнических вторжений вызвано было создание бактрийцами мощных оборонительных сооружений городища Кухне-кала в Вахшской долине, которое так и осталось необжитым и недостроенным из-за внезапности нападения[515].

В шурфе на Ханакатепа (слой Ш-2) получен весьма характерный комплекс керамики III—II вв. до н. э., который в сравнении с предшествующим по времени иллюстрирует заметную эволюцию керамических типов: введение красноангобных покрытий и изготовление сероглиняных изделий, а среди новых форм — появление хумча на трех

пятках и тонкостенных бокалов на профилированной ножке. При известной общности данного керамического комплекса с керамикой других областей Бактрии (Кобадиан, Термез, Балх), в нем налицо определенные отличия — в частности, здесь отсутствует красное лощение, хотя плотный и глянцевитый красный ангоб приближается к нему по фактуре.

Исключительный интерес представляет в слое Ш-II погребение в хуме. Перед нами один из древнейших примеров оссуарных захоронений, которые столь типичны для Средней Азии еще в предарабские времена, хотя исследования Хорезма уже позволили датировать появление наиболее ранних оссуарных захоронений «позднекагюйским» периодом (II в. до н. э. — I в. н. э.)[516].

В Халчаяне в качестве оссуария был избран отличный хум с массивной крышкой. В него помещено было лишь несколько лежавших грудкой костей и дефектный череп, у которого отсутствовали некоторые части. Таким образом, обряд «подготовки» к захоронению, очевидно, в полной мере следовал правилам маздеизма, сформулированным в «Авесте». Труп предварительно выставлялся на дахме на растерзание хищным птицам или содержащимся для этой цели особым псам-трупоедам, после чего очищенные (но очень дефектные) костные останки помещали в костехранилище.

Сведения древних авторов о погребальных обрядах бактрийцев очень скудны. Страбон передает сообщение Онесикрита, что бактрийцы выбрасывали живых стариков на съедение собакам-«погребателям», содержавшимся для этой цели (обычай этот был отменен Александром)[517], но не уточняет, каков же был всеобщий прием погребения. Более конкретные сведения имеются в отношении парфян, у которых «обычное погребение состоит в растерзании собаками или птицами; обнаженные же кости они хранят в земле»[518]. По Страбону, за стенами главного бактрийского города было чисто, но внутри стен большая часть «переполнена человеческими костями»[519]. Таким образом, речь идет именно о сохранении костей усопших внутри населенного пункта, а не на каких-либо внешних кладбищах. Это подтверждает и халчаянский хум-оссуарий, сохранившийся в густо обжитом (судя по обильно насыщенной бытовым инвентарем свите стратиграфических слоев) участке древнего поселения.

Традиции хумных захоронений в античную пору установлены на территории Южного Таджикистана (Тулхарский могильник II—I вв. до н. э.[520], погребение в Душанбе первых веков н. э.[521]). Однако там осуществлялось захоронение полувысохших останков в хуме, в Халчаяне же — сохранение костей. В свете этой находки вполне правомерным представляется выдвинутое в археологической литературе положение о том, что хумные захоронения не являются лишь поздней формой оссуарного обряда, а являют другой, самостоятельный вид погребальной обрядности[522]. Очевидно, среди населения древней Бактрии сосуществовали разные формы погребального обряда, причем халчаянский хум принадлежал к категории захоронений оссуарных, связанных с какой-то местной разновидностью маздеизма.

Если греко-бактрийские базилевсы, так же, очевидно, как и придворное их окружение, почитали греческие божества (что наглядно запечатлено на монетах)[523], то в широких массах бактрийского насе-

ления, видимо, господствовали локальные культы и соблюдались традиционные обряды. Оссуарное захоронение из Халчаяна дает тому наглядное подтверждение. Не менее характерна в этом отношении иконография халчаянских вотивных статуэток III—II вв. до н. э. Женская статуэтка, извлеченная из слоя предшествующего возведению дворцового здания, а также костяная подвеска-амулет в виде фигурки нагой богини, обе связаны с общевосточным культом Богини-Матери. Иконографически они явно тяготеют к ближневосточной коропластике типа вавилонской Иштарь-Нанайи, но по своему содержанию, очевидно, отвечают местному культу Великой материнской богини. Что же касается найденной в кладках Юго-западного дома фигурки обнаженного атлета, то она имеет, скорее, греческую основу, отражая те эллинистические идеи и вкусы, которые культивировались в придворной греко-бактрийской среде, в то же время получая определенное отражение в массовом искусстве коропластов.

Влияние эллинистических художественных принципов на бактрийскую архитектуру Халчаяна подтверждено находкой сложно профилированной белокаменной базы (под полом дворцового зала), сходной с ионическими базами ряда памятников Малоазийской Греции IV—II вв. до н. э. База эта входила, очевидно, в систему колоннады какого-то несохранившегося парадного здания греко-бактрийской поры.

Следующий этап развития Халчаяна, запечатленный крупными строительными мероприятиями, относится к II—I вв. до н. э. В историческом плане период этот отмечен большими политическими событиями. Около 140 г. до н. э., по смерти Гелиокла, происходит распад Греко-Бактрийского царства. Внутренние причины этого распада крылись в известной рыхлости государства, слабо спаянного единодержавием династии, в большей мере опиравшейся на призрачный авторитет генеалогических связей с Александром и Селевкидами и на военную силу, нежели на сплочение местных этнических массивов, а также в росте сил местной знати, призвавшей на помощь против греков своих степных сородичей. Внешними же причинами послужили удары продвигавшихся с севера крупных кочевнических племен.

Около 175 г. до н. э. народ хунну вытеснил из северо-восточных районов Центральной Азии народ юеджи, который в свою очередь потеснил группировку засырдарьинских скифов, известных под именем саков. Последние откочевывают за Сырдарью, продвигаясь, после новой волны юеджийских движений, все далее на юг, на Амударью, и наконец, еще южней, в Дрангиану, где около 120 г. до н. э. основывают государство Сакастену. Тем временем юеджи занимают земли Согдианы, а в промежутке со 140 по 130 г. до н. э. — Бактрию, утвердив свою резиденцию к северу от Амударьи. По Страбону (XI, 8, 2), из числа среднеазиатских кочевников «в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Иаксарта, рядом с областью саков и согдианов, занятой саками». К середине I в. до н. э. юеджийцы насчитывали до 400 000 душ и имели стотысячное войско. Подчиненные им области былой Греко-Бактрии представляли пять мелких самостоятельных владений, подчиненных локальным правителям[524]. Подробностей, освещающих экономическое или

культурное положение страны для этой эпохи, письменные источники почти не содержат; здесь будущее за археологией.

Саганиан, несомненно, претерпел ту же судьбу, что и иные области Амударьинского бассейна. Крушение Греко-Бактрийского царства, очевидно, совпадает с притоком в Бактрию первой же волны саков, частично осевших в захваченных территориях, а вскоре затем и юеджей, потеснивших саков за Амударью. Этот удар первоначально не мог не сказаться на судьбах населенных пунктов, в том числе Халчаяна. Археологически он запечатлен на исследовавшихся нами объектах забросом монументального сырцового здания (холм Х-2), сменой стратиграфического слоя Ш-II слоем Ш-III в шурфе, отраженной заметным изменением облика сопутствующего археологического инвентаря, запустением Юго-западного дома, на полах которого накапливается значительный надувной слой. Однако со временем жизнь входит в колею, о чем свидетельствуют следы новых застроек и ремонтных работ.

Заслуживает пристального внимания этимология названия Саганиан-Чаганиан. Хотя оно известно по письменным источникам лишь с предарабского времени[525], само наименование, видимо, имеет более давнюю основу. Корень его «саг» взывает к сакам[526], сыгравшим во II—I вв. до н. э. столь видную роль в процессе продвижения в Бактрию и еще далее на юг крупных кочевнических объединений. Имя саков отражено в названии Сакастена (современный Сеистан). Характерно, что со времен Шапура (III в.) сасанидским царевичам, получавшим в управление Сакастену, давался титул «саганшах»[527]. Вероятно, процесс продвижения во II в. до н. э. и постепенного оседания во вновь занятой долине Сурхана какой-то сакской племенной группировки в конечном счете отразился в названии области (Саганиан), реки (Саганруд), а позднее — в титулатуре местных правителей (саган-худдат).

Сако-юеджийский (или «тохарский») период археологически отчетливо запечатлен в истории Халчаяна.

Показателем нормализации в последней четверти II в. до н. э.— первой половине I в. до н. э. городской жизни служат находки характерных для этого периода бронзовых монет из группы так называемого «варварского Гелиокла». Найденные не каким-либо единым «кладом», а на разных участках городища, они представлены двумя основными типами и тремя весовыми номиналами; все это вкупе свидетельствует о развитом денежном обращении и запросах рынка в разнообразной монете. Мы уже отмечали, что изображение на этих монетах несколько видоизмененного, варьирующего профиля Гелиокла служит, очевидно, показателем того, что царьки докушанских мелких владений северной Бактрии (где в основном встречается данная нумизматическая группа) возводили свою реальную или мнимую генеалогию к последнему крупному представителю греко-бактрийской династии, Гелиоклу, и тем самым обосновывали свои владетельные права. Вместе с тем широкий ареал распространения их в правобережной Бактрии свидетельствует о тесной политико-экономической взаимосвязи здешних дробных владений, поскольку типологическое единство монетной группы позволяло поддерживать непосредственные экономические контакты, независимо от политических границ.

В своих археолого-топографических остатках Халчаян предстает уже во II—I вв. до н. э. как крупный по площади населенный пункт,

как город, сочетавший сельскохозяйственные функции; здесь усадьбы владельцев (вероятно, рабовладельцев) располагались среди садов, вокруг тянулись возделанные поля и лишь в южной части находилась более компактная, архитектурно организованная застройка (Карабагтепа и Ханакатепа). Этим объясняется большая протяженность археологических следов поселения, тянувшегося вдоль главного питающего канала, отведенного из Сурхандарьи. Следами былых усадебных строений являются находимые колхозниками в разных местах при земляных работах каменные профилированные блоки и базы колонн, входивших, очевидно, в архитектуру значительных сооружений.

Расцвет Халчаяна был возможен лишь в условиях хорошо налаженной ирригационной системы, которая позволяла регулировать подачу воды в периоды половодья и спада Сурхандарьи. А это могло осуществляться лишь соответствующим аппаратом власти, который мог направлять рабочую силу (видимо, контингенты рабов) на поддержание дамб и запруд, устройство дренажей, очистку арыков и крепостных рвов.

Рост Халчаяна во II—I вв. до н. э. запечатлен крупными строительными мероприятиями. К этому времени относится какая-то постройка, оформленная черепицами и антефиксами у юго-восточного угла Карабагтепа, остатки большого здания, руины которого прослежены в шурфах под дворцом (Ш—IV), а затем появление самого дворца. На развалинах греко-бактрийского здания возводится Западный дом, построенный из сырца (период II), затем он расширяется, капитально перестраивается его возвышенная центральная часть (период III), стены которой выводятся комбинированной кладкой из сырца и пахсы. В Юго-западном доме осуществляются реставрации — настил новых полов над слоем запустения, закладка проемов, создание не то каркасных пристроек, не то айвана с северной стороны.

В архитектуре отмечено появление арочных проемов (причем выведение арок имеет определенные отличия в сравнении с близкими по времени сырцовыми арками восточно-парфянских областей и Хорезма), использование черепиц, в том числе желобчатых черепиц-антефиксов с переработанными на собственный орнаментальный лад мотивами акантов и пальметт, широкое распространение торовидных и «аттических» каменных баз.

Керамические комплексы сако-юеджийского периода из Халчаяна характеризует дальнейшее развитие гончарной технологии — улучшение качества керамических изделий, преобладание красноглиняного и значительный процент сероглиняного черепка, широкое использование ангобных покрытий плотного красного и коричневого на красноглиняной основе и черного — на сероглиняной, возрастающее разнообразие посудных форм. Гончарное ремесло явно находится на подъеме, отвечая росту населенных пунктов в Саганиане и запросам развивающейся торговли, в частности торговому обмену со скотоводческим населением гор. Типологически халчаянская керамика имеет определенную общность с синхронной керамикой Кобадиана (этап Кб-II, отчасти Кб-III), но налицо некоторые локальные отличия профилей и форм. Среди характерных форм — хум и хумча на трех пятках, кринкообразные кувшины (безручные и с ручками), круглые горшки, иногда с налепами для упора, плоские жаровни, чаши на конусовидной по́лой ножке

или на устойчивом поддоне, бокалы с плавным очертанием резервуара, на полой конической, нередко профилированной ножке. Появляется простейшая орнаментация в виде концентрических, либо волнистых линий и вмятин. Типологически эта керамика иллюстрирует преемственное развитие гончарных изделий греко-бактрийского этапа; таким образом, никакого заметного прерыва традиции в развитии материальной культуры в связи с политическими событиями и притоком нового этнического элемента в Саганиане не было.

Керамика из Халчаяна принадлежит целиком ремесленно-городской профессиональной традиции. Незначительное количество лепных фрагментов котлов, тесто которых содержит большую примесь песка, также связано с профессиональным гончарством. Изделий кочевнического типа здесь, можно сказать, не встречено. Обнаружен только небольшой фрагмент с крупносетчатой, косой разделкой поверхности, характерной для этих изделий, но единичность этой находки лишь подчеркивает ее исключение из общего правила.

К влиянию сако-юеджийского элемента можно отнести и появление именно в эту пору большого числа терракотовых фигурок коньков, нередко со всадничками. Образ коня играл огромную роль в кочевнической и полуоседлой среде вообще, в военно-кочевнической в особенности. О посвятительном значении коня в культе среднеазиатских кочевников-массагетов свидетельствует Страбон (XI, 8, 6): «Богом они почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней». Очевидно, с течением времени, по мере оседания ряда кочевых племен в областях развитых городских цивилизаций прямые жертвоприношения заменяются вотивными терракотовыми статуэтками. Культ коня у среднеазиатских скифов засвидетельствован для середины I тысячелетия до нашей эры в наскальных изображениях Авромана[528] и Бостандыкских гор[529]. Изображения эти имели определенный магический смысл — и тот же смысл, очевидно, вкладывался первоначально в терракотовые фигурки коня или конного всадника[530]. Не случайно именно со второй половины II в. до н. э. вплоть до начала нашей эры конь или всадник на коне фигурирует на монетах последних греко-бактрийских царьков, в чекане индоскифских и индо-парфянских правителей, у кушанца Герая[531] и преемственно еще и у основателя государства Кушан Кадфиза I в группе так называемого «Великого Спасителя».

Терракотовые всадники и коньки в изобилии встречены в Халчаяне именно в сако-юеджийских слоях, в значительном числе также и в слоях кушанских. В большом количестве они попадаются в подъемном материале и на других античных городищах правобережной Бактрии — в старом Термезе[532], на Зартепа[533] и др.

Статуэтки всадников, очевидно, передают популярный в юеджийско-кушанской среде образ божка — покровителя сословия воинов-всадников. Их запросы и удовлетворяли ремесленники-гончары рабовладельческих городов Бактрии, изготовляя в массовом количестве терракотовые фигурки. К этому циклу относятся и культовые курильницы, либо жертвенные подставки — одна из дворца, оформленная головкой коня, вторая — из Западного дома с тремя восседающими «сакскими всадниками» в остроконечных колпачках. Несомненна ритуальная связь этих предметов и изображений на них с возжигавшимся огнем или свершавшимися жертвоприношениями.

Ко второй половине I в. до н. э. восходит возведение дворцового здания — главного объекта наших исследований в Халчаяне. Датировка определяется на основе как археологических данных (короткий двухлезвийный меч с перекрестием у рукоятки, комплекс железных наконечников стрел раннесарматского типа, фрагменты керамики, извлеченные из смазки полов), так и стилистических особенностей глиняной скульптуры, входившей в украшение айвана и зала, которая, как показано выше, была связана с прославлением «Гераева рода». Совершенно несомненно, что если в художественном оформлении приемного зала дворца главное место занимали портреты гераевых единоплеменников — представителей кушанской ветви юеджийцев, если они герои развертывающихся скульптурных сцен воинской доблести и государственной славы, то и сам крупный античный город, который располагался в урочище Халчаян, играл в их глазах какую-то особую роль. Создание этого скульптурного цикла падает на время закрепления политических позиций Гераева рода в коренных землях Бактрии, т. е. в верхнем и среднем бассейне Амударьи, одним из главных притоков которой является Сурхандарья — Саган-руд. Усиление власти кушанского рода было в эту пору достигнуто в результате военной победы, о чем возвещает как фигура вооруженного царя, венчаемого Никой, на монетах Герая, так и тема царского триумфа, запечатленная в скульптурных композициях Халчаянского дворца.

Дворец был возведен, очевидно, кем-то из членов правящего дома — самим ли Гераем или наследным принцем, имевшим в Халчаяне свою вотчину. Небольшие масштабы может быть выдают не слишком широкие возможности его создателя, игравшего пока еще скромную политическую роль на арене среднеазиатской истории, но может быть они определяются второстепенным значением этого приватного дворцового здания, ибо главный — соответственно более крупный правительственный дворец располагался, несомненно, в столичном городе — на Дальверзинтепа.

Но если первоначально здание создавалось как небольшой приемный дворец-ападана с залом для аудиенций и пиршеств, открытым в «царскую комнату», где между двух колонн стоял драгоценный трон владетеля, в южной группе располагалось хранилище драгоценных регалий и аттрибутов, а в северной — кордегардия, то со временем его уже окружает ореол традиционного почитания и оно, по-видимому, приобретает функции «дома обожествленных предков», сохраняя это свое значение на протяжении всего периода правления Великих Кушан.

В свете полученных фактов решается вопрос о местоположении основного владения Кушан той ранней поры, когда ими еще не было создано могущественной империи, но уже накапливались внутренние силы для будущих исторических свершений. Этим владением были, безусловно, коренные земли Бактрии, лежавшие к северу от Амударьи. Охватывало ли оно всё право- и левобережье Амударьинского бассейна — пока определить нельзя, ответ на это смогут дать лишь дальнейшие широкие археологические исследования, так как единственная монета Герая с городища Шахри-Бану еще не решает проблемы. Но в свете халчаянских исследований становится несомненным, что оно располагалось в северной части Бактрии. Ядром Кушанского владения, оче-

видно, являлись земли по Сурхану, но сама область простиралась и к северо-востоку, вплоть до Кобадиана, и к юго-западу до Термеза.

Археологическое изучение Дальверзинтепа, крупнейшего за Термезом античного памятника заставляет вспомнить, что Большие Юеджи «столицу основали по северную сторону реки Гуй-Шуй (Амударьи)»[534] и локализовать местоположение этой столицы именно на месте Дальверзинтепа, в пределах его первоначального ядра, позднее преобразованного в цитадель. Город, разросшийся на территории Дальневерзинтепа, очевидно, является столицей коренного владения Кушан, фигурирующего в древней хронике под названием Ходзо[535]. Халчаян же, расположенный в 40 *км* от Дальверзинтепа, играл роль крупной резиденции Гераева рода Кушан, сохраняя свое значение на протяжении всего периода владычества Кушанской династии.

В I в. до н. э. отмечается высокое процветание Бактрии. Амударья с ее притоками играет в эту пору роль очень важной торговой артерии, определяя международное значение проходившей через Бактрию мировой торговли. По свидетельству Страбона (XI, 7, 3), она «отличается такой судоходностью, что индийские товары, подвозимые к ней через горы, можно доставлять вниз по ее течению до Гирканского моря и оттуда по рекам в соседние области вплоть до Понта».

В конце I в. до н. э. Кадфиз I начал объединение разрозненных юеджийских владений. Судя по распространению монет типа «Сотер Мегас», области Бактрии, в том числе и Саганиан, входят в состав его державы. Монеты эти весьма многочисленны и в Халчаяне.

Кадфиз I, по-видимому, действовал то военными, то мирными средствами, выдвигая своей политической программой защиту народов от внешних вторжений и гарантируя мирную жизнь, развитие городов, поддержание ирригации и сельского хозяйства. Очевидно, лишь при вооруженном сопротивлении местных царьков Кадфиз I прибегал к военной силе, но в большей мере действовал путем умной дипломатии, родственных связей (всегда игравших столь большую роль в династийных взаимоотношениях древнего мира), политических союзов. Косвенным свидетельством этого является ранний монетный чекан этого государя с портретом и именем Гермея на одной стороне и Кузулы Кадфиза, как соправителя,— на другой. Со временем монетный тип этот сходит на нет и Кадфиз I затем фигурирует уже с собственным портретным изображением и титулом ябгу — вождя. Позднее же он выступает на монетах как «Царь царей — великий спаситель», без выделения персонального имени, но громкий титул подчеркивает спасительную миссию государя в судьбах объединенных под его эгидой народов.

В I—II вв., при Кушанах продолжается развитие Халчаяна. Находка монет Кадфиза II, обилие и значительная потертость монет Канишки, Хувишки, Васудевы (преимущественно крупных и средних халков) служат показателем их широкого рыночного обращения. Во дворце осуществляются текущие ремонты, запечатленные десятком штукатурных ганчевых слоев в айване и нескольких оштукатурок помещений. В Западном доме, где над глинобитными полами накапливается некоторый культурный слой, появляется новый пол, отмощенный жженым кирпичом. Непрерывно функционирует Юго-западный дом.

Однако время Канишки и Хувишки — пора наивысшего могущества Кушанской династии, при всей кажущейся стабилизации положения

могущественного государства, очевидно, уже таило в себе нарастание внутренних противоречий и опасность внешних ударов. Именно потому в это время в городах античного Саганиана, да и всей Бактрии, осуществляются большие фортификационные работы.

Городские стены и укрепления цитадели столичного центра Саганиана — Дальверзинтепа получают новые мощные обкладки, предельно усиливающие их обороноспособность. Аналогичная картина наблюдается и в Халчаяне, где раннеантичные крепостные стены Карабагтепа поглощает массивный, достигающий восьмиметровой толщины, «футляр», а северо-восточный угол цитадели преобразуется в мощный форт.

Создание сильной фортификации составляло, очевидно, важную сторону политической программы кушанских владык в подчиненных им городах. Именно в это время возводятся стены, ограждающие чрезвычайно разросшийся по своей площади кушанский Термез[536]. На городище Хайрабадтепа в I в. н. э. ядро раннеантичной пахсовой стены входит в обкладку фланкирующих башен, снабженных внутристенными камерами новых укреплений[537]. При Кадфизе II или Канишке проводятся крупные фортификационно-строительные работы в Бегараме, что установлено раскопками у южного въезда в город[538].

Культурные слои I—II вв. исследованных халчаянских памятников насыщенны и содержательны. Самый массовый вид археологического материала — керамику характеризует дальнейшая эволюция технологических особенностей и форм. Керамическим изделиям присуще высокое качество черепка, отстоявшийся цикл определенных посудных форм при значительном их разнообразии. В сравнении с предыдущим периодом можно, пожалуй, говорить о некотором огрублении профилей и сечений массовой керамической продукции. Это, по-видимому, было вызвано ростом числа гончарных мастерских, удовлетворявших возрастающий спрос городского и сельского населения, а также горных скотоводов, с которыми велся все более широкий обмен. Свидетельства этого обмена дают остатки горного поселения в ущелье кишлака Сина, где в 1960 г. Л. И. Ремпелем были встречены фрагменты ремесленной городской античной керамики и найдена монета Хувишки.

В составе керамики I—II вв. преобладает черепок розоватого или «кирпичного» цвета; ангоб светлый, реже — коричнево-красный; сероглиняные изделия исчезают. Бокалы встречаются редко, сечению их стенок присущ надлом. Широко распространены чаши на конусообразных ножках или на невысоких поддонах, с плавно скругленной внутрь закраиной или же с откинутым бортиком. По-прежнему, характерны кринкообразные кувшины с ручками. Горшки — прямодонные, иногда с горизонтальными ручками, нередко витыми. Довольно широко распространена орнаментация волнистыми линиями или пунсонными вдавлениями. Встречаются штампики в виде листка аканта, S-образного знака, стрéлки, но в отличие от более южных районов Бактрии применение штампованной орнаментации здесь довольно редко. Для хумов характерны профилировка закраин и исчезновение трехпяточных днищ.

На широкое развитие ремесел в античном Саганиане, помимо керамики, указывают находки во всех раскопах прясел и пирамидальных грузил, связанных с ткацким делом. Заметим, попутно, что женское население Сурхандарьи и окаймляющих ее горных цепей доныне очень искусно в изготовлении узорных кустарных тканей, паласов, ков-

ровых дорожек, вышивок. Находки орудий ткацкого дела в раскапывавшихся крупных зданиях на Ханакатепа (Юго-западный и Западный дома) скорее всего указывают на домашний женский труд, но это не исключает наличия и специальных ткацких рабовладельческих мастерских.

Обрывок ноинулинской вышивки с изображением лица типа «Гераева племени» не оставляет сомнений в выполнении ее в условиях развитого античного городского ремесла, сопоставление же его со скульптурой халчаянского дворца (равно как и с монетами Герая) позволяет считать, что местом изготовления такого рода вышитых тканей могли быть крупные города северной Бактрии — Термез, Дальверзин, возможно Халчаян.

Предметы заморского импорта — стекло из восточноримских провинций, перламутр, аравийский или индийский сердолик, китайский шелк в составе дворцовой «сокровищницы» Халчаяна (несмотря на всю фрагментарность находок), свидетельствуют о широких внешних экономических связях античного Саганиана.

В составе халчаянских терракот I—III вв. преобладает тематика, следующая, очевидно, местным среднеазиатским культам. Образ богини Матери заметно видоизменяется — цикл ее обнаженных фигурок к I в. до н. э. сходит на нет, а взамен приходит образ закутанной в плотные одежды матроны, иногда в оригинальном, высоком головном уборе. Широко распространены всадники-идольчики на коньках. Появляются мужские изображения в широкополых «кушанских» кафтанах.

В конце II— начале III в. мощное здание Кушанской империи дает трещину — ни централизованный аппарат власти, ни военные контингенты не могут противостоять надвигающемуся распаду. Время правления Васудевы I и Васудевы II было омрачено какими-то глубокими общественными конфликтами. Процесс этот красноречиво запечатлен в Халчаяне. Привратное укрепление Карабагтепа было предано пожарищу, слой которого отмечен на полах внутристенной камеры кушанского «футляра» и примыкавших к нему с внутренней стороны построек. Все три исследованных нами здания на Ханакатепа были подвергнуты разорению или разрушению. Это особенно наглядно видно во дворце, где не только были расхищены драгоценные предметы и реликвии из сокровищницы, но в тронной комнате вывернута и опрокинута вверх основанием одна из каменных баз, в айване же обколоты базы колонн, а некоторые выкинуты прочь.

После того жизнь в Халчаяне лишь ненадолго приходит в норму. При этом осуществляются грубоватые ремонты и перестройки зданий. На Карабагтепа забутовываются глино-галечной массой внутристенные камеры и, очевидно, восстанавливаются гребни стен. В Юго-западном доме на Ханакатепа осуществляется частичная забутовка помещений второго этажа мелкоформатным сырцовым кирпичом $30 \times 30 \times 10$ *см*. Западный дом остается в заброшенном состоянии. Дворцовое здание наспех приводится в известный порядок — при этом некоторые дверные проемы закладываются, в южной группе помещений наращивается пол, суживается южный коридор, в который прорубается проход из зала. Характерную картину дает комната 7, где обколотую и опрокинутую базу оставляют в том же положении, водружая на ней другую, откуда-то принесенную полуобколотую базу аттического про-

филя, в качестве основания для деревянного ствола колонны. Между прочим, совершенно аналогичную картину нагромождения друг на друга разностильных, полуразбитых баз можно наблюдать в колонном портике кушанского по времени здания в Шотараке (Кабулистан), который также в III в. был разрушен, а затем подвергнут поспешному и некачественному восстановлению[539].

Наскоро реставрированные в III в. крепостные стены и здания Халчаяна функционируют недолго и вскоре забрасываются уже навсегда. Дворец горит, скульптура его сброшена на земь и ее погребают руины оползающих стен. Те же явления мы наблюдаем и на ряде других кушанских археологических памятников, где III в. н. э. знаменует последний период их существования и гибели, с последующим забросом на века. На Дальверзинтепа над заброшенными кушанскими стенами цитадели лишь в VI—VII вв. возводятся новые, бытовые по назначению постройки. Исследования, начатые нами в 1963 г. на городище Шортепа в Термезском районе, показали, что здесь над огромным погибшим кушанским зданием I—II вв. сооружаются в III в. некачественные постройки, которые к IV в. также были навсегда покинуты. На цитадели Хайрабадтепа в Термезском районе монета Васудевы датирует последние ремонтные работы, после чего покинутое городище также обживается лишь через два-три столетия, когда, в частности, на некоторых участках античной крепостной стены осуществляются мощные пятиметровые забутовки пахсой[540].

Кушанские памятники Афганистана ярко иллюстрируют тот же процесс, что и в правобережной Бактрии. Раскопки Беграма показали, что в конце правления Васудевы I или сразу после его смерти (что могло послужить внешним побудительным толчком к начавшимся внутригосударственным смутам) кушанская столица подверглась разрушению и забросу. На территории «Нового царского города» навсегда гибнет богатое здание, где обнаружены великолепные художественные изделия — резная кость, гипсовые скульптурные слепки, дальневосточные лаки, привозное стекло и т. п.[541] Археологические комплексы, сопровождаемые монетами Васудевы, датируют верхний слой укреплений Беграма, где, в частности, постройки у южного въезда предаются пожару[542].

Советскими археологами впервые было установлено, что в IV—V вв. всю Среднюю Азию охватывает тот кризис рабовладельческой системы, который в политической истории ознаменован крушением крупных рабовладельческих империй и вторжением северных кочевнических орд и который археологически запечатлен забросом и гибелью античных городов, разрушением ирригации, запустением ремесла, упадком денежного хозяйства. Но симптомы надвигающегося кризиса ощутимы уже на грани II—III вв.

Гибельные события, археологически запечатленные в судьбе Халчаяна, были всеобщим явлением, охватившим в начале III в. Кушанское царство. Напомним попутно, что в это же время глубокие внутренние противоречия приводят к ослаблению и парфянское государство Аршакидов, конец которому в 226 г. был положен Сасанидами.

Как объяснить эти явления, археологически столь красноречиво отраженные в позднекушанских слоях на памятниках Средней Азии? Были ли они вызваны тем, что уже в эту пору области Бактрии и Ка-

булистана, составлявшие ядро Кушанского царства, претерпели удары кочевнических вторжений? Но в исторических источниках последние засвидетельствованы лишь с IV в. Нам думается, что здесь скорее запечатлены события каких-то общих внутренних потрясений, возможно начало «революции рабов». Об этих событиях авторы исторических хроник, и вообще-то скудных, затрагивающих главным образом вопросы военно-политической истории, очевидно, не считали нужным повествовать — такие явления, как бунт черни, почитались не заслуживающими внимания. А между тем процессы этого рода типичны для позднерабовладельческих государств древнего мира. Предположение это представляется тем более вероятным, что в III в. н. э. рабовладельческое общество древнего Востока разлагалось, и в недрах его уже вызревали новые социальные силы, определившие собой в последующем развитие феодальных отношений[543].

Характерно, что и в Халчаяне, и в Бегараме разрушению, разграблению, сожжению были преданы дворцовые постройки и крепостные твердыни — символы могущества и богатства власть имущих.

Во всяком случае несомненно, что в результате именно каких-то глубоких внутренних противоречий и потрясений государство Кушан было настолько ослаблено, что во второй половине III в. сасанидский царь Шапур I смог одержать блестящую победу над кушанами, расширить свои владения вплоть до Синда и правобережной Бактрии. При его преемниках эти области были утрачены, но в IV в. Шапур II окончательно сокрушил кушанское государство, овладев областями к югу от Амударьи[544]. И хотя поставленные здесь сасанидские принцы получали титул кушаншахов, Кушанскому царству был положен конец.

Последующие исторические события IV—V вв. связаны с продвижением в Среднюю Азию новой волны кочевнических народов — кедаритов, хионитов, эфталитов. В социальном плане период этот ознаменован окончательным крушением рабовладельческого строя, на обломках которого к VI в. слагаются раннефеодальные государственные образования. Археологически он отражен в областях Тохаристана (как и по всей Средней Азии) забросом и запустением большинства античных городов и поселений. Картина эта отчетливо запечатлена в Халчаяне и на Дальверзинтепа. Огромная столица античного Саганиана — Дальверзинтепа приходит в полное запустение, крепостные стены оплывают и разрушаются, дома кушанского времени лежат в забросе. Что касается Халчаяна, то укрепления Карабагтепа заброшены, дворец и Юго-западный дом покинуты. Лишь на возвышенных руинах Западного дома, где-то в конце III — начале IV в. возводится небольшой сельский дом, обитатели которого занимаются возделыванием злаков, но вскоре забрасывается и он — следы пожара на полу позволяют думать, что варварские вторжения не миновали и этих уже почти покинутых мест. Но главной причиной, в силу которой земли у Халчаяна больше не использовались под сельское хозяйство, было постепенное заболачивание, вызванное запущенностью ирригационной системы. Археологических материалов V в. на Халчаяне нет.

В VI—VII вв., в пору начавшейся феодализации Тохаристана, общественная жизнь рассредоточивается в сельских поселениях, разраставшихся вокруг феодальных замков и усадеб. Обильная водой, плодородная область Саганиан вновь возрождается, составляя независимое

феодальное владение с местными правителями саган-худдатами во главе. В это время отмечено частичное обживание Дальверзинтепа, но уже не как городского центра, а удобного возвышенного пункта. На огромном холме его цитадели, утратившей свое крепостное назначение, возводятся сырцовые дома, но территория собственно города остается необжитой и в его крепостных ограждениях устраиваются погребения.

В Халчаяне бугры покинутого античного города, земли вокруг которого уже поросли тугаями, видимо, привлекают внимание лишь как удобное место для погребений. На это указывает находка фрагмента оссуария на Карабагтепа — наглядный след того погребального обряда сохранения очищенных костных останков, который установлен в Халчаяне еще в слоях III—II вв. до н. э. Уместно напомнить в этой связи, что еще при Саманидах Саганиан был центром какого-то антимусульманского религиозного движения, очевидно опиравшегося на распространенные локальные формы домусульманского культа[545]. Косвенным указанием на вероятную связь этого движения с зороастризмом служат стихи Дакики — придворного поэта саганианских эмиров X в.,[546] который писал:

— О, Дакики, свой выбор сделал ты
В сем мире красоты и пустоты:
Рубины губ и чанга голос страстный,
Вина струю и веру Зороастра.

К концу VI—VII вв. относятся две монеты из Халчаяна, принадлежащие к категории так называемых тюрко-согдийских, которые, при иконографической общности лицевой стороны, отличаются от находимых на территории Согда и Шаша некоторыми деталями. Монеты эти свидетельствуют в пользу вхождения отдельных феодальных областей, лежавших к северу от Амударьи, в орбиту тюркского каганата, отличие же тамг и иных, возможно буквенных, знаков отражает локальные особенности чекана саган-худдатов. На территории левобережного Тохаристана преобладают в эту пору монетные знаки сасанидского (или сасанидообразного) чекана, либо династии Гупта и мелких индийских царьков (единичные монеты которых встречены также в Халчаяне). Между тем в 719 в., ко времени прихода арабов в приамударьинские области во главе тохаристанских войск стоял правитель Саганиана по имени Тиша с тюрским титулом «ябгу»[547].

С эпохи арабского завоевания Халчаян надолго заброшен. В IX—XII вв., когда присурхандарьинский район был густо заселен, земли к северу, к западу и юго-западу от Халчаяна частично осваиваются земледельцами, но само урочище остается в полузатопленном состоянии. В конце XIII — начале XIV в. некоторые из античных бугров используются под захоронения. В XVI в. на возвышенном северо-восточном участке Карабагтепа появляется какая-то усадьба. После того урочище все более заболачивается и остается необжитым вплоть до советского времени.

Исследования Халчаяна вводят новый материал к истории культурной жизни Бактрии, особенно к истории ее художественной культуры. Они приоткрывают некоторые черты античного градостроительства этой крупной области среднеазиатского мира. Исторические сведения по этому поводу крайне скудны. Уже Эврипид («Вакханки», 13), вкладывая в уста Диониса характеристику пройденных им стран, отмечает

укрепленные города («стены») Бактрии и Мидии, в противовес сельскохозяйственному профилю Персии, Фригии и Лидии:

— Покинув пашни Лидии златой,
И Фригии и Персии поля,
Сожженные полдневными лучами,
И стены Бактрии и мидян...

В хрониках походов Александра Македонского столица Бактры характеризуется как один из величайших городов Бактрии (Арриан, III—XXX), охваченных укреплениями и включавших сильную, вздымавшуюся над ними цитадель (Диодор, II, 6, 7). Среди разрушенных Александром бактрийских городов упоминаются Кариаты (Страбон, XI, 11, 4).

Таким образом, еще в домакедонские времена бактрийцами были заложены основы градостроительного искусства. Но города и укрепления Бактрии этого периода еще ждут своего открытия и исследования: раскопками в Балхе, Кобадиане, Халчаяне установлено присутствие соответствующих хронологических слоев, отчетливо выраженных «подкошеннодонными» баночными формами, но здесь пока не выявлено ни фортификации, ни внутригородской планировки.

Процесс завоевания греками Бактрии со временем внес определенный сдвиг в развитие городов. Правда, Александр в Средней Азии больше разрушал, чем созидал, хотя историки упоминают об основании им нескольких Александрий, в том числе Арианской и Прикавказской на территории нынешнего Афганистана и Александрии Дальней на Сырдарье. Но было ли то созиданием новых городов или использованием уже существующих населенных пунктов, где лишь воздвигали укрепления и основали военный лагерь для оставленного македонцами гарнизона? Однако сам фактор включения Бактрии в орбиту широких международных связей дал определенный импульс к развитию градостроительного искусства. Эпоха Александра была ознаменована выдающимися успехами эллинистического урбанизма — уже при нем был разработан «идеальный город» Гипподама и потому основанные греками в сердце Азии города могли служить здесь поучительным примером регулярной планировки. Описание Александрии Дальней (Квинт Курций Руф, VI, 6, 28) рисует нам город, повторивший план военного лагеря, охваченного по контуру крепостной стеной, очевидно, с традиционным членением территории на правильные четверти, в пределах которых была предусмотрена регулярная застройка кварталов.

Основание в среднеазиатских областях укрепленных городов, наделявшихся именами Селевкий и Антиохий, было продолжено при Селевкидах. Впрочем, и здесь можно предполагать не столько создание новых, сколько упорядочение уже существующих местных населенных пунктов. Так, по данным археологических исследований, при Антиохе Сотере в III в. до н. э. был выведен квадратный контур крепостных ограждений античного Мерва (Гяур-калы), включивший уже сложившуюся застройку, протянувшуюся к югу от раннего ядра (Эрк-калы), преобразованного отныне в цитадель[548].

Что представляли собою города Бактрии периода Греко-Бактрийского царства (середина III в. до н. э. — середина II в. до н. э.)? Письменные свидетельства по этому поводу молчат. Блестящие результаты были получены археологическими исследованиями Таксилы[549], но

если Пенджаб недолгое время и входил в состав греко-бактрийских владений, то Таксила была городом индо-греческим, индопарфянским, но не бактрийским. Литературный памятник II в. до н. э. «Милинда-паньха», содержит описание Сагалы — столицы одного из последних греко-бактрийских царей Менандра, но по существу это не столько исторически достоверное, сколько литературное описание, полное гипербол и восторженных эпитетов. При всем том оно заслуживает внимания. Сагала рисуется как город, стоявший в окружении гор и рек, где были разбиты сады и парки, устроены озера и пруды. Созданный по определенному плану, он был окружен стеной со многими башнями и фортами, с монументальными воротами и изящными аркадами. В нем имелась цитадель, обведенная белокаменными стенами и глубоким рвом. Улицы, перекрестки, площади следовали четкой планировке. Здесь было множество лавок, полных изысканных вещей, крытые рынки и несчетное количество домов «высоких, как вершины Гималаев». Сильное укрепление и обводные рвы, кольцо садов, которое сливается с собственно городом, богатые рынки и развитое ремесло, бассейны и фонтаны, сверкающие украшениями дома, улицы, переполненные толпами народа,— такой возникает в нашем представлении менандрова столица[550]. Уже У. Тарн отметил, что четырехугольный план и четырехчастное расчленение двумя пересекающимися главными улицами — все эти особенности Сагалы отвечают не индийской градостроительной традиции, но принципам эллинистической планировки, которые, по мнению этого исследователя, были занесены греко-бактрийскими правителями из Бактрии в индийские области[551]. В «Милинда-паньха» речь идет о городе, расположенном либо в Кабулистане (где, как полагают, правил Менандр), либо еще восточнее, в Пенджабе. Но если даже учесть, что Пенджаб и Кабулистан в историко-культурном плане в большой мере тяготели к Индии (раскопки Таксилы и Беграма наглядно это подтверждают), в то время как отделенные огромным барьером Гиндукуша области собственно Бактрии в первых веках до нашей эры влияния Индии не ощущали, то все равно принципы планировки греко-бактрийских городов, прошедшие через этап усвоения высоких достижений эллинистического градостроительства, имели даже в различных историко-культурных областях Греко-Бактрийского царства многие сходные черты.

Исследования на территории правобережной Бактрии позволяют составить пока лишь самые общие представления о ведущих принципах бактрийского градостроительства III—II вв. до н. э., которому присущи регулярность планировки, создание укрепленного городского ядра, разработка фортификационных методов. Типичен, например, Термез-Деметрия (основанный греко-бактрийским царем Деметрием), удлиненный прямоугольник которого площадью до 10 *га* охватывают стены, фланкированные прямоугольными башнями и опоясанные рвом.

Для городища Кухне-кала в Гиссарской долине характерны подобные же пропорции сильно вытянутого прямоугольника, фланкированного прямоугольными башнями; внутренняя застройка подчинена системе единых осей. Памятник этот дает четкое представление о фортификационных устройствах и архитектурном оформлении крепостных ограждений. Внутрибашенные камеры и пристенные боевые площадки обеспечивают стрелковые места; прямоугольные башни расположены на интервалах, достаточных для флангового обстрела подстенного «мерт-

вого» пространства. Пилястры во внешнем оформлении башен и стен вносят строгий ритм, подчеркивающий высотную архитектурную разработку протяженных фасадов.

Стены Кей-кобад-шаха — Кобадиана также фланкированы прямоугольными башнями, но пилястр здесь нет. Характерную черту фортификации составляет сильно выдвинутая по фронту протейхизма — с барьерной стенкой, позволяющей осуществлять подошвенный обстрел. Отступ протейхизмы на Карабагтепа в Халчаяне не столь значителен, стены здесь не имели башен. Устройство безбашенных оборонных стен присуще и Дальверзинтепа — главному городскому центру античного Саганиана, безбашенными были стены Хайрабадтепа в Термезском районе. Памятники эти служат показателем одновременного сосуществования в Бактрии двух разных приемов архитектуры крепостных стен.

Бактрийская фортификация была во многом сходна с хорезмийской и парфянской, где также существуют стены безбашенные (Джанбаскала, Чачанлык-депе) и фланкированные прямоугольными башнями (Ниса, Хазарасп, Базар-кала и многие другие), где можно видеть и гладь их кладок и оформление пилястрами (Хазарасп, Дурнали, Топрак-кала). Но есть отличия. Они, например, прослеживаются в приёме разработки крепостных ворот, которые в Хорезме выносятся в виде особого предвратного сооружения с коленчатым ходом-лабиринтом. В Бактрии этого нет — в Карабагтепа, к примеру, привратное устройство как бы зажато внутри, и не выступает за внешнюю границу ограждающей стены; здесь-то, по-видимому, и располагались сторожевые устройства, служившие ловушкой для врага, для чего использовались и нижние бойницы на щековых стенах привратных камер, рассчитанные на подошвенный обстрел, в случае если бы неприятель вторгся внутрь.

О планировочной цельности в застройке бактрийских городов III — II вв. до н. э. свидетельствует не только регулярность их фортификационных сооружений. Раскопками в Кухне-кала выявлена в разных участках городища строгая параллельность зданий и помещений. Но если Кухне-кала относительно невелика по размерам, то особенно поразительно единство осей в застройке Халчаяна — в зданиях, расположенных на Карабагтепа и на Ханакатепа не только в непосредственной близости, но до полукилометра друг от друга. Раз это так, то мы вправе предполагать строгую параллельность главных магистралей, больших кварталов и крупных комплексов. На Ханакатепа это предстает с бесспорной отчетливостью: южная гряда домов, Западный дом, дворец, входившие в единую застройку обширного квартала, имеют общее направление осей и стен. Все это — показатель не только искусства прикладной геометрии, но и высокоразвитого градостроительного мастерства, уменья мыслить в масштабах целостного городского организма.

В кушанское время (конец I в. до н. э.—III в. н. э.), с ростом могущественной рабовладельческой империи, усилением аппарата государственной власти, дальнейшим расширением международных связей, развитием торговли, установлением все более широких культурных контактов, отмечается заметное разрастание бактрийских городов. Крупные центры типа Термеза, Дальверзинтепа получают внешние обводы стен. Термез достигает по площади 500 *га* — неправильная конфигурация опоясывающих его валов, по-видимому, фиксирует контуры исторически

разраставшейся при Кушанах городской застройки. На Дальверзинтепа основная территория города (80 *га*) получает прямоугольный обвод сильных крепостных стен и рва. К этому времени на обоих упомянутых городищах и в Халчаяне укрепленное греко-бактрийское ядро уже преобразуется в цитадель, связанную в основном с административными и оборонными функциями. Как правило, при этом производится радикальная перестройка укреплений — в Термезе она ознаменована появлением новых кладок, на Дальверзинтепа — мощных наружных обкладок, на Карабагтепа старую стену поглощает сплошной, массивный футляр, усиливающий толщу укреплений и их высоту, во внешнем же углу возникает сильный форт.

Но основной пульс городской жизни в эту пору бьется не в цитадели, а на территории самого города. В нем сосредоточены ремесленные кварталы — в Термезе выявлен квартал античных металлистов, в северо-восточном отсеке Дальверзинтепа — остатки гончарного производства. В нем располагались дворцовые строения (Термез, Халчаян) и размещались культовые комплексы (буддийские ансамбли Каратепа и Чингизтепа в Термезе). Здесь, наконец, находились жилые кварталы или одиночные здания жилой застройки — остатки таких жилых домов археологически выявлены на Дальверзинтепа и в Халчаяне.

В градостроительстве правобережной Бактрии устанавливается по крайней мере два типа городов. Одни из них — это крупные столичные центры исторически сложившихся областей. Компактная застройка их сконцентрирована в границах городских укреплений — таков Термез на побережье Амударьи, Дальверзинтепа у Сурхандарьи, Шахринау в Гиссарской долине, Кей-Кобад-Шах в Кобадиане. Иную картину дает Халчаян. В нем есть и цитадель (Карабагтепа), и крупный архитектурный комплекс (Ханакатепа), но значительная доля застройки была рассредоточена на обширной площади, в системе больших и малых (по-видимому, рабовладельческих) усадеб. Город слагался и развивался в непосредственной связи с сельскохозяйственным профилем всего района — дома были разбросаны среди зелени садов и виноградников, в окружении плодородных полей. Был ли он обведен какой-то внешней стеной? Возможно, хотя следов ее не сохранилось. Но если она и существовала, то это не было мощное фортификационное ограждение типа стены со рвом, снабженной башнями и боевыми площадками, а просто вал, игравший роль некоторой преграды на случай внезапного налета, хотя и не выполнявший ответственных оборонных функций, которые принадлежали цитадели.

Города халчаянского типа, очевидно, наиболее характерны для тех областей античной Средней Азии, где основу экономического благосостояния составляло сельское хозяйство. Будучи местом сосредоточения административной власти и господствующей идеологии, ремесла и торговли, они включали цитадель и дворец, храмы и монастыри, производственные кварталы и базарные площади, но тесная взаимосвязь их с сельскими функциями отразилась в самой планировочной структуре: труд земледельца вторгался в черту городского населенного пункта, простершегося вдоль русел питающих каналов, рассеченного системой арыков, заполненного зеленью фруктовых и декоративных деревьев.

В органическом включении в планировку бактрийско-кушанских городов сельской пригородной зоны отражена градостроительная специ-

фика среднеазиатского античного города, которая уже была отмечена нами и для северно-парфянских городов на территории Южного Туркменистана.

С крушением рабовладельческого строя, с гибелью ирригации и нарушением сельского хозяйства хиреют и погибают античные города Бактрии, хотя еще мощны твердыни покинутых цитаделей, изящны уцелевшие от пожаров колонные айваны дворцов и богатых домов, величественны храмовые строения.

Халчаян восполняет представления по истории архитектуры Бактрии. Если позднекушанский этап ее формирования в какой-то мере уже выявлен археологическими исследованиями остатков буддийских сооружений в Айртаме, в Термезе (Каратепа, Чингизтепа, Зурмала), особенно в Сурх-Котале, то период предшествующий пока оставался в тени. Халчаянский дворец, Западный и Юго-западный дома, отдельные архитектурные детали, найденные на городище, разумеется, пока не раскрывают полной картины, но уже вводят важные реальные данные к ее познанию.

Для предкушанской поры Халчаянский дворец — пока единственное бактрийское здание, которое дает представление о целостном композиционном решении (реконструкция недостающих частей была обоснована в одном из предшествующих разделов). Основные черты его внешней архитектуры таковы: простота и компактность объемов, где над общим параллелепипедом возвышается другой, выделяющийся главный зал; пространственная связь с окружающей средой, подчеркиваемая глубоким айваном на лёгких деревянных колоннах; фронтальность фасадной композиции, выделенная протяженным фронтом этого айвана, обжатого справа и слева гладью торцовых стенок; трехпроемное членение щипцовой стены айвана; введение скульптуры и живописи в его художественное оформление (по крайней мере, на первоначальном этапе возведения здания — со временем многое было утрачено).

В архитектуре дворца наглядно отражена связь с традициями массового жилого строительства, сохранявшимися до недавних времен в народных жилых домах горных селений Байсунского района. Приемы архитектурной разработки дворца отнюдь не были уникальными, присущими лишь этому особому по своему назначению зданию: находки в разных участках халчаянского городища каменных торовидных или аттических баз, терракотовых зубцов и антефиксов свидетельствуют о типичности таких архитектурных деталей, а следовательно, и формируемых ими определенных архитектурных форм — фигурных карнизов и колоннад.

Поперечно-осевое развитие композиции выражено в халчаянском дворце не только разработкой фасада, но также расположением удлиненного по своим пропорциям зала, вытянутого по поперечной оси. И в этом, вероятно, отражена специфика бактрийской жилой архитектуры, так как в культовых зданиях Бактрии (известных пока лишь для кушанской эпохи) главный зал — святилище, квадратен: таков он в буддийских комплексах термезского Каратепа и Айртама, таков и в династическом храме Кушан в Сурх-Котале. И если при первом взгляде план халчаянского дворца расположением своих помещений словно бы напоминает согдийские здания раннефеодального Пянджикента (по времени значительно более поздние, но, очевидно, следующие

глубоко традиционной схеме)[552] с колонными айванами по фасаду, то квадратная, нередко четырехколонная композиция их центрального зала определяет собою совершенно иное, чем в Халчаяне, пространственное развитие главного интерьера.

В архитектуре Халчаяна предстают основные приемы бактрийской строительной техники: использование сырца и пахсы, как стенового материала; зарождение арочно-сводчатой техники; самое широкое применение балочных систем перекрытия и, соответственно, деревянных колонн, нередко на каменных базах.

Формы и детали архитектуры античного Халчаяна кое в чем схожи с таковыми из других областей Средней Азии, но не вполне идентичны им. Так, например, каменные «аттические» базы колонн выявлены в северной Парфии, торовидные же — в Парфии, в Согде и в Хорезме. Однако в памятниках Согда торовидные базы (Пянджикент) имеют сильно уплощенные пропорции вала, в античных же памятниках Хорезма (Калалы-Гыр, Гяур-кала) профилировка вала на квадратном плинте приближается к шару,— точнее было бы именовать их шарообразными; таким образом, в двух главных провинциях приамударьинского бассейна — Бактрии и Хорезме мастера-каменотесы по-разному подходили к обработке однородной по своему назначению архитектурной формы.

Мотив терракотовых зубцов со стреловидной прорезью имел на Среднем Востоке очень широкий ареал. Царские здания парфянской Нисы были оформлены зубцами, подобными халчаянским, хотя и значительно меньшими по масштабам в силу того, что они входили, главным образом, в венчающие карнизы интерьеров. Зубцы засвидетельствованы также на памятниках раннефеодальной согдийской архитектуры VI—VIII вв. (Актепа в Ташкенте, древний Тараз), где, однако, стреловидную прорезь сменяет простая щель. В Бактрии зубцы-мерлоны получили широкое распространение, причем в левобережных областях в кушанское время терракоту сменяет камень (Сурх-Котал, Хателай).

Особую категорию составляют в Халчаяне черепицы. Этот специфический для греческого зодчества кровельный материал не свойствен для Средней Азии. Черепица требует скатных стропильных перекрытий, для плоской кровли она чужда и не нужна, так как создает чрезмерный вес. В Халчаянском дворце плоские черепичные плиты применяются лишь для карнизных свесов, где, в целях прикрытия стыка швов, употреблялись и желобчатые черепицы-антефиксы, заимствованные из греческой строительной традиции.

Плоские черепицы использовались, тоже под влиянием эллинистической строительной техники, в парфянской Нисе. В Хорезме и Согде они пока не обнаружены. Важно подчеркнуть, что в Халчаяне черепицы входили в оформление не только дворца, но и ряда иных (видимо, парадных) зданий. Но характерно, как эта извне пришедшая на почву античного Саганиана архитектурная деталь утрачивает, так сказать, «чистоту» греческих форм — классическая пальметта на вертикальном щитке антефикса преобразуется в группу произвольно расположенных завитков, акант — в схематически трактованный лист: не скованный канонами керамист преобразует на свой собственный лад декоративные мотивы на матрицах, которыми узор оттискивался на антефиксах. В парфянской Нисе аканты (в оформлении капителей) и пальметты (на

декоративных плитах фриза) в большой мере следуют эллинистическим образцам. В Бактрии же это более вольная переработка декоративных мотивов — не очень понятых, а потому переиначенных и огрубленных, но вместе с тем очень логически входящих в общую систему архитектурного декора и всей архитектурной разработки. Этот процесс в кушанское время отчетливо виден в композиции айртамского скульптурного фриза, в коринфизированных капителях Термеза, Кобадиана, Сурх-Котала, где акант обретает сильные, хотя и очень схематизированные формы, придавленные пропорции и предстает в совершенно не каноничных для коринфского ордера сочетаниях.

Таким образом, если в зодчестве Бактрии совершенно несомненны связи с традициями эллинистической архитектуры, то не менее очевиден и процесс поглощения этих традиций, их растворения в местных творческих направлениях, их приспособления к собственному пониманию архитектурной формы. Отметим, попутно, определенную общность бактрийской архитектуры с восточно-парфянской, общность явно бóльшую, нежели с хорезмийской. Основные же линии архитектурного движения следуют в Бактрии собственными путями: местные строительно-технические приемы, особенности планировки, продиктованные климатическими условиями и функционально-бытовыми запросами, и, наконец, собственные эстетические мерки и требования определяют характер объемно-пространственных композиций, архитектоники поверхностей, пропорционального строя, архитектурно-декоративных деталей. Все это дает полное основание к выделению бактрийской архитектурной школы в общем русле архитектуры среднеазиатской античности.

Архитектура Халчаяна свидетельствует о том, что уже в горниле античного формотворчества заложены основы многих приемов и традиций местного зодчества, которые будут подхвачены и развиты в последующие эпохи: сырец, как ведущий материал стен и сводов, простейшие типы арочно-сводчатых конструкций, типы стоечно-балочных систем,— особенно колонный айван и колонный интерьер, плоские кровли с зубчатыми парапетами — все это и многое другое войдет из опыта поколений строителей древних рабовладельческих городов и селений в среднеазиатскую архитектуру раннего и развитого средневековья.

Подобным же образом раннефеодальное изобразительное искусство Среднего Востока воспримет многие сюжеты, художественные мотивы и композиции искусства среднеазиатской античности, причем особенно значителен здесь окажется творческий вклад Парфии и Бактрии. В самом деле, торжественная тронная сцена, которую содержит и центральная скульптурная композиция зофора, и терракотовый медальон из Халчаянского дворца встретят свои многочисленные реплики в так называемом «сасанидском металле», в живописи и резном дереве Пянджикента, в росписях Варахши. Группа мчащихся всадников, которая с такой динамикой воплощена в халчаянской скульптуре, войдет в охотничьи сцены Таки-бустанских рельефов и сасанидских блюд. Зооморфные мотивы, внесенные скифским этническим элементом в среднеазиатское античное искусство, столь многообразно представленные, например на парфянских печатях из Нисы, предвозвещают геральдический стиль орнаментации иранских («сасанидских») и тохаристанских (Балалык-тепа) раннефеодальных тканей и сосудов.

Вместе с тем многое в художественно-образном строе античной архитектуры и изобразительных искусств останется лишь в рамках своей эпохи. Достаточно сопоставить, скажем, зал Халчаянского дворца с парадными интерьерами раннефеодальной среднеазиатской архитектуры. Существенно отличны здесь и архитектоника, и характер включения скульптурных и живописных композиций.

В памятниках раннесредневековых — на Балалыктепа, в Варахше, Пянджикенте большие живописные панно развертываются над невысокою панелью; в одном из пянджикентских зданий панель содержит горельефную композицию. В Халчаяне — в айване и на трех стенах зала панель, оштукатуренная белым ганчем, возвышается на 3 *м* — по существу это даже и не панель, а как бы нижний ярус стены. Выше же следует большой скульптурный зофор, над которым тянется пластический фриз. Общий принцип такой разработки — гладь стены внизу и пластическая обработка в верхней половине — взывает к эллинистической традиции: вспомним Пергамский алтарь. Но если в эллинистических памятниках этот прием входит во внешнюю композицию, то на бактрийской почве он как бы уходит внутрь, в пространственно ограниченные рамки интерьера, в чем, безусловно, находят отражение совсем иные творческие цели. Пергамский алтарь — это зримая общественная пропаганда величия пергамских владык и их верховного покровителя Зевса. Подобным образом на почве Бактрии с первых веков нашей эры монументальные буддийские памятники-ступа оформлялись, во славу Будды, горельефными композициями на темы джатак. Халчаянский дворцовый зал — это интимно-замкнутое обиталище, доступное для созерцания лишь узким кругом царственных персон — иное существо поставленных перед ваятелем задач определяло, в конечном счете, и иное их эмоциональное восприятие.

Скульптура Халчаяна восполняет зияющий пробел в истории пластического искусства Среднего Востока. Если раннеантичный греко-бактрийский этап его развития вырисовывается в каких-то общих своих чертах (правда, на косвенном — нумизматическом — материале), а позднеантичный — кушанский этап, благодаря исследованиям в Термезе, Айртаме, Сурх-Котале, предстает в конкретных памятниках, то разделяющий их почти двухвековой отрезок оставался доныне незаполненным. Скульптура Халчаяна в сравнении с греко-бактрийской воспринимается как следующая, совершенно новая ступень среднеазиатского ваяния на среднеантичном этапе его эволюции.

Образы греко-бактрийских базилевсов, выбитые на лицевой стороне монетных кружков, принадлежа к категории превосходных медальерных изделий эллинистической эпохи, представляют, помимо чисто нумизматического, выдающийся художественный интерес. Они с поразительным реализмом передают богатство индивидуальных характеристик азиатских правителей, культивировавших при своих дворах греческие обычаи и нравы и, очевидно, поддерживавших их в быту и в церемониалах дворцовой жизни. Этот ограниченный цикл изобразительных объектов не проясняет, однако, окончательно вопроса — каковы же были основные линии греко-бактрийского искусства, в чем проявило себя бактрийское преломление эллинистических традиций.

Изображения на обороте греко-бактрийских монет свидетельствуют о том, что при выборе божества-покровителя цари обращались исклю-

чительно к эллинскому пантеону, причем Зевс, Аполлон, Геракл, Диоскуры, Посейдон и другие боги здесь предстают в хорошо знакомых греческих статуарных образцах. Не вызывает сомнений, что крупные статуи этих богов высились в специально воздвигнутых храмах, но вызывает сомнение, чтобы культ их проник в общенародные толщи — не потому ли при Кушанах их образы исчезают навсегда. Статуи же, высившиеся в греко-бактрийских храмах, являли хорошие копии с прославленных греческих оригиналов — исследователи без труда узнают в статуе Зевса на монетных знаках прообраз Фидия, в Аполлоне — праксителева Сауроктона, в Посейдоне — мелосского колосса, в Геракле — статую героя, разработанную Лисиппом и так далее. Утверждение о тождественности Артемиды в чекане Деметрия среднеазиатской богине Анахит, крупный идол которой высился в храме в Бактрах, пока остается в плане неподтвержденной гипотезы, так как изображение на греко-бактрийском монетном знаке в своем целом отвечает чисто греческой концепции Артемиды, чему не противоречит и лучистый нимб вокруг ее головы, поскольку эта деталь присуща и греческой интерпретации богини[553].

Немногое добавляет в представлениях о греко-бактрийской скульптуре мраморный бюст Эвтидема (вилла Альбани в Риме), поразительно сходный с монетным изображением этого царя[554]. Портрет исполнен с высоким реализмом, но вопрос о месте его выполнения, по существу, не определен — полагают, что им могла быть Магнесия — родина Эвтидема, но возможно и другое — участие магнесийского скульптора, привлеченного к среднеазиатскому двору. Во всяком случае, почти бесспорна здесь работа если не греческого мастера, то ваятеля, прошедшего выучку в эллинистических мастерских.

Эллинизированная культура греко-бактрийских дворов, по-видимому, оставалась лишь тонкой радужной пленкой на поверхности глубокого водоема той коренной культуры Бактрии, которая соответствовала широким вкусам и общему культурному уровню бактрийского населения.

Период сако-юеджийского покорения Бактрии порождает новые тенденции в искусстве. Утверждение на местной почве отдельных юеджийских родов, растворившихся ли в массиве коренного населения, или, наоборот, его поглотивших, создает почву для антиэллинских настроений не только в широких народных пластах, но и в правящей среде, что находит свое отражение в сфере художественной культуры. Эллинистические элементы сохраняются лишь в цикле деталей, но не в общих композициях. В архитектуре это профилированные тяги, моденатура баз, антефиксы, украшенные пальметками и акантами, в то время как весь объемно-планировочный и тектонический строй сооружения вполне самобытен, да и чисто локальные формы — колонны, зубчатые парапеты далеки от каких-либо греческих прототипов. В скульптуре же предстает своеобразный синтез: «эллинизм» еще звучит в самой пластической манере, он еще сохраняется в цикле определенных изобразительных образов, но «азианизм» овладевает предметным содержанием скульптурных композиций, оказывая тем самым решительное влияние и на форму художественного воплощения.

Глиняная скульптура Халчаяна с большой наглядностью иллюстрирует этот процесс. Афина сохраняет верность исходной — еще в гре-

ко-бактрийское время усвоенной модели,— но облик ее передает внешность какой-то саганианки. Мотив фриза с фигурами и полуфигурами среди гирлянд восходит к греко-римским традициям, но образы дев, сатиров, детей здесь почерпнуты из местной этнической среды. Скульптура же главного зофора в дворцовом зале не только самим содержанием отвечает прославлению Гераева рода, но во всем своем художественном строе несет абсолютно не греческий характер. Выразительность лиц достигается явной портретностью их, передачей темперамента и настроения, но создатели халчаянской скульптуры — не простые копиисты натуры — они умеют передавать типичное в индивидуальном, для них существует свой идеал прекрасного, который в чем-то главном не совпадает с идеалами греческого ваяния, но, очевидно, отвечает эстетическим представлениям и духовным запросам широкой бактрийско-юеджийской среды.

Значение халчаянского скульптурного цикла в том, что в нем запечатлен этот процесс поиска и становления собственной школы бактрийского ваяния на «среднеантичном» этапе развития местной рабовладельческой культуры.

Обращение к высоким творческим достижениям эллинистического искусства на раннем — греко-бактрийском этапе (III—II вв. до н. э.), творческое преломление его в собственном русле на среднем — сако-юеджийском этапе (II в. до н. э. — I в. н. э.), преодоление, отрицание и создание на местной базе совершенно иного в своем существе искусства на позднем — кушанском этапе (I—III вв. н. э.) — так обрисовывается основная периодизация античной художественной культуры Бактрии. Характерно, что аналогичная периодизация и сходные творческие процессы устанавливаются и в искусстве севернопарфянских областей (Южный Туркменистан).

Одно из величайших творческих завоеваний человеческого гения — синтез искусств входит важным слагаемым в художественную культуру Бактрии. Началу ему было положено в Средней Азии еще в пору становления и развития местной античности, т. е. в недрах рабовладельческой системы. Культура доклассовых этапов стояла лишь на подступах к нему — остатки домов эпохи энеолита и ранней бронзы в Южной Туркмении сохранили настенные росписи чисто орнаментального характера (Яссы-депе, Анау)[555]. В следующем периоде они исчезают более чем на два тысячелетия. Но уже историки походов Александра Македонского отмечают, что «варвары», населявшие Согд, украшали свои дома изображениями на темы популярных народных сказаний о Зариадре и Одатиде[556].

Таким образом, греки уже застали как бы эмбрион синтеза архитектуры и изобразительных искусств в Средней Азии. Но, вероятно, не без воздействия эллинистического ваяния в последующее время протекал процесс включения пластических, а не только живописных изображений в среднеазиатскую архитектуру, в том числе (а может быть даже и особенно) в бактрийскую. Тем более, почва к тому была вполне подготовлена. Образы эллинских богов в пантеоне греко-бактрийских базилевсов позволяют думать о привозе сюда превосходных греческих статуй, подобных привозным мраморным статуям II в. до н. э., обнаруженным в парфянской Нисе. Для последующей эпохи мы ныне уже располагаем на территории Бактрии несколькими оформленными скульп-

турой архитектурными памятниками, которые как бы расставляют вехи в веках: Халчаянский дворец — Айртамское святилище — буддийский монастырь на Каратепа — династийный храм Сурх-Котал — раннесредневековый богатый дом Балалыктепа — все эти сооружения свидетельствуют о том, что синтез искусств сохраняет в Бактрии — Тохаристане свое большое значение в монументальном зодчестве на протяжении эпохи античности и раннего средневековья. Сюжетная сторона изобразительных циклов или отдельных мотивов в какой-то мере связана была с назначением зданий, но характерно, что и во дворцах, и в культовых постройках сочеталась тематика светская и мифологическая. В Халчаяне цикл представителей царствующего дома соседствует с дионисийским фризом и образами богов-покровителей, в Сурх-Котале статуи кушанских государей входят в оформление посвященного им храма — вероятно, наравне с циклом почитаемых божеств; в буддийских постройках Айртама и Термеза доминируют темы джатак (например сказания о Великой кончине, или о бенаресских отшельниках — риши), но в них органически входят и чисто жанровые персонажи — музыканты, носители даров, новообращенные[557].

Исторические контакты Бактрии отнюдь не исчерпывались связями с греко-римским миром. Они проявляли себя в форме широких культурных взаимодействий с соседними странами, что отчетливо отражено в сфере искусства, всегда восприимчивого к творческим достижениям иных народов и стран в тех случаях, если к их восприятию имеется изнутри подготовленная почва. В Халчаяне в наибольшей мере, как это было уже показано, ощутима взаимосвязь с искусством восточной Парфии. Особенно явственно предстает она в архитектурных формах и деталях и в группе скульптурных образов из пластического оформления дворца. Хронологически эта взаимосвязь в основном охватывает II—I вв. до н. э.,— время греко-бактрийского царства и сакоюеджийский период, когда, очевидно, существовали прямые контакты с государством Аршакидов, и особенно, с индо-сакскими и индо-парфянскими владениями, высокая культура которых запечатлена в развалинах Таксилы. С эпохи же Великих Кушан, когда два рабовладельческих колосса среднего Востока — Парфянская держава Аршакидов и Кушанское царство — находятся в состоянии политического соперничества, эти связи пресекаются. Но зато вхождение северной половины Индийского полуострова в состав Кушанских владений определяет в первых веках нашей эры усиление индийских контактов.

Индианизированный элемент отчетливо отражен в памятниках Термеза и Айртама, где закрепил свои позиции буддизм. В какой мере он распространился в районы Саганиана, Кобадиана, Хутталяна трудно еще судить, осуществленные здесь исследования пока почти не дают к тому конкретных материалов. Но указание о существовании в Саганиане пяти буддийских монастырей заслуживает в этом отношении большого внимания, хотя оно и относится к VII в. Китайский паломник отмечает, что в эту пору буддийские общины в областях Приамударьинского бассейна находились в упадке — значит созданы они были гораздо раньше. Появление буддийских монастырей и святилищ Тохаристана, судя по археологическим данным (монеты, керамика, надписи), восходит к кушанской эпохе (Термез, Айртам). Среди вещественных памятников из Южного Саганиана можно упомянуть обнаружен-

ный К. Шахуриным при раскопках Қараултепа в районе Южносурханского водохранилища терракотовый образок сидящего Будды, однако стиль его, близкий к позднематхурской скульптуре, ставит датировку изделия по времени не ранее IV столетия, а вероятно и позднее.

Влияние индийской художественной традиции отражено в появлении терракотовых статуэток обезьянок, обнаруженных в кушанском слое Халчаянского дворца и на кушанских городищах Термезского района. В кушанское время этот коропластический тип получает вообще широкое распространение в странах среднеазиатского мира—вплоть до Мерва и Хорезма на северо-западе и Хотана на северо-востоке. И все же статуэтка обезьянки одинока в общем составе халчаянских терракот, где преобладают локальные коропластические образы Великой богини и сако-юеджийского всадника.

Памятники правобережной Бактрии позволяют с большой определенностью утверждать, что в первых веках до нашей эры Индия не играла сколь-нибудь существенной роли в формировании бактрийской архитектуры и бактрийского ваяния. Напротив, именно Бактрия и восточная Парфия оказались той питающей средой, которая на базе синтеза с чисто индийской художественной традицией оказала влияние на формирование так называемой Гандхарской скульптурной школы Индии. В первых же веках нашей эры, при Великих Кушанах, протекает обратный процесс, когда эта школа и оплодотворяющая ее буддийская концепция со всею силой вторгаются в искусство Тохаристана.

Проблема гандахарской школы — это предмет полувековой дискуссии; ей посвящен ряд капитальных трудов, множество специальных и популярных статей, ее исследованием занимались крупнейшие авторитеты. Само название, связанное с территорией первичных находок скульптурных произведений в Гандхаре — области северо-западной Индии, давно уже расширилось, благодаря археологическим открытиям почти по всему Пенджабу, на большей части Афганистана, на юге Узбекской ССР. Бесспорна связь этой школы с развитием и продвижением буддизма, который определил основную сюжетную сторону пластических изображений и прямую связь последних с буддийскими архитектурными сооружениями. В отношении же самой скульптуры как художественного явления, ее генетических истоков, хронологических рамок, круга историко-культурных взаимосвязей нет единства мнений. Одна категория ученых, во главе с А. Фуше, усматривает в гандахарской школе боковую ветвь эллинистического искусства, проявившую себя в форме греко-буддийского синтеза[558]. Другая, наиболее горячим сторонником которой является М. Уилер, видит в ней результат закрепления римской традиции на индийской почве[559]. Чрезвычайно противоречивы и датировки гандхарской скульптуры, которые в отношении одних и тех же объектов смещаются в пределах нескольких столетий.

В последние годы анализом гандхарской проблемы вплотную занялся глава французской археологической делегации в Афганистане Д. Шлюмберже. Дав критический пересмотр позиций своих предшественников, он настаивает на греческих истоках гандхарской скульптуры — но не как на результате прямого воздействия эллинизма на индийской почве, а естественного влияния «греко-иранского элемента», особенно прочно закрепившегося, по его мнению, в Бактрии и оказавшегося наиболее стойким хранителем занесенной еще македонцами и их

преемниками греческой традиции в сердце Азии[560]. Почти не располагая для доказательства этого тезиса фактическими данными и опираясь лишь на косвенный материал (греко-бактрийские монеты, памятники позднекушанского, т. е. по существу «гандхарского», искусства Афганистана), на особенности стиля некоторых наиболее эллинизированных творений гандхарской скульптуры, Д. Шлюмберже пишет по этому поводу так:— «Я чувствую себя в положении астронома, который, открыв непонятные особенности на орбите планеты, решает, что это может быть объяснено лишь существованием какой-то другой планеты. Эта иная планета — «греко-бактрийское искусство» — пока скрывается где-то на горизонте Бактрии»[561].

Предвидение французского ученого получает в свете исследований Халчаяна яркое подтверждение. Однако мы считаем правомерным отбросить первую половину предложенного им термина и настаивать не на «греко-бактрийском», а просто «бактрийском» искусстве. Халчаян дает к тому полное основание. Но значение этого памятника, разумеется, отнюдь не исчерпывается тем, что он дает ключ к представлению о бактрийском вкладе в формирование Гандхарской школы.

Крупнейший знаток гандхарской проблемы А. Фуше на склоне лет выдвинул убийственную оценку бактрийской культуры, считая, что, находясь на стыке трех великих, самобытных цивилизаций — греко-персидской, индийской и китайской, Бактрия всегда оставалась лишь на их задворках[562]. Халчаянский дворец восходит к периоду не греко-бактрийскому, а к сако-юеджийскому, когда непосредственное воздействие греческой традиции уже было преломлено на основе собственного творческого мировоззрения и художественных принципов. Памятник этот зримо свидетельствует о явно самостоятельной линии развития местной архитектуры и скульптуры. Запечатлев процесс творческого восприятия эллинизма, он представляет собою не гибридное, но глубоко оригинальное явление бактрийской художественной культуры, в котором отражены самостоятельные линии и художественные методы искусства среднеазиатской античности.

Искусство Бактрии предстает не как провинциальная ветвь так называемого классического искусства, не как отблеск греко-римской цивилизации на периферии античной ойкумены, но как органическое порождение собственной цивилизации, возросшей на почве Бактрии в самом сердце азиатского материка, на стыке древних культур эллинизированного Востока и скифской Азии.

Неведомая планета уловлена телескопом советских исследований на горизонте античного искусства Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сб. «Культура Востока», вып. 1, М., 1927; вып. II, М.,1928; A. Strelkoff. Les monuments préislamique de Termèz. „Artibus Asiaé", 1929, № 4.

[2] М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Ташкент, 1933; Он же, Скульптура Айртама, журн. «Искусство», 1935, № 2.

[3] М. Е. Массон. Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников, СОНАТ, 1936, № 1; Он же. К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, СОНАТ, 1937 № 1; Он же. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг. СОНАТ, 1938, № 7; Он же. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). КСИИМК, VIII, 1940; Он же. Городища Старого Термеза и их изучение. ТАКЭ, I; Он же. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. ТАКЭ, II; М. И. Вязьмитина. Раскопки городища Айратам. ТАКЭ, II; Она же. Керамика Айратама времени Кушан, ТАКЭ, II; В. Д. Жуков. Кирпич из развалин Старого Термеза, ТАКЭ, I; Он же. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза, ТАКЭ, II; Б. Б. Пиотровский. Раскопки на городище Чингиз-тепе, ТАКЭ, I; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, ТАКЭ II; В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза, ТАКЭ, I.

[4] К. В. Тревер. Проблема греко-бактрийского искусства, «Иранское искусство и археология», III Международный конгресс. Доклады, М.—Л., 1939; Она же. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940.

[5] Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.), Тр. ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1956; Он же. Некоторые результаты изучения анхорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг., Известия АН УзССР, 1955, № 7, Он же. Раскопки в Сурхан-Дарьинской области, Тр. АН ТаджССР, т. 37, 1956; Он же. Балалык-тепе, Ташкент, 1960; В. Д. Жуков. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе, В кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

[6] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, МИА, № 15, М.—Л., 1950; Он же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан), МИА, № 37, М.—Л., 1953; Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах, КСИИМК, 64, 1956; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, № 66, М.—Л., 1958.

[7] А. М. Мандельштам. Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине, Тр. АН Тадж ССР, т. XCI, 1959; Он же. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г., Тр. АН ТаджССР, т. CIII, 1959; Он же. Новые данные

о Тулхарском могильнике, Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, т. XXVII, 1961; Он же. Хан-Газа. Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, т. XXXI, 1961.

[8] Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г., ДАН Тадж ССР, вып. 11, 1954; Б. А. Литвинский. Об археологических работах в Вахшской долине, КСИИМК, 64, 1956.

[9] Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда в 1955 г., Тр. АН Тадж ССР, т. LXIII, 1956.

[10] Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине, Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, т. XXVII, 1961.

[11] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960.

[12] Предварительные публикации некоторых научных результатов халчаянских исследований см: Г. А. Пугаченкова. Археологическая разведка у селения Халчаян, Известия АН УзССР, серия общ. наук, 1960, № 3; Она же. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г., ОНУ, 1961, № 3; Она же. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна, ВДИ, 1962, № 2; Она же. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана, СА, 1963, № 4; Она же. К исторической топографии Чаганиана, Тр. ТашГУ, вып. 200, Ташкент, 1963; Она же. К итогам полевых исследований Искусствоведческой экспедиции 1961 г. ОНУ, 1963, № 4; Она же. Халчаянская Афина, ВДИ, 1963, № 2; Она же. Des problèmes de l'art de la Parthie du Nord et de Bactriane du Nord, VIII-e Congres internationale d'archéologie classique, Paris, 1963; Она же. К проблеме искусства северной Парфии и северной Бактрии, ОНУ, 1964, № 6; Она же. Скульптура Халчаяна, журн. „Искусство", 1964, № 6.

[13] J. Markwart. Wehrot und Arang, Leiden, 1938, s. 74—75. Паретакенами именовалось пограничное с Мидией горное племя (Страбон, кн. XI, XIII, 6); видимо, общность образа жизни побудила македонцев дать то же наименование и среднеазиатским горцам.

[14] W. Tomaschek. Zentralasiatische Studien, I. Sogdiana, Wien, 1877, s. 39.

[15] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 123; Он же. К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 72; Он же. Caghanian, EI, vol. I, Leiden — London, 1927, p. 811.

[16] J. Markwart, s. 61, 93.

[17] G. Le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1930, p. 440.

[18] М. Хамраев. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX вв., Душанбе, 1959, стр. 21, прим. 3.

[19] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, стр. 180—181; Он же. У истоков древней культуры Таджикистана, Душанбе, 1956, стр. 37.

[20] В описании городища, приведенном М. М. Дьяконовым, непонятно — как может Сурхан-Дарья подмывать его с юго-запада, поскольку городища в округе Денау лежат на правом берегу Сурхандарьи, причем этот берег очень отлогий и не имеет высоких срезов (в отличие от левого берега, возвышающегося над поймой до 20 *м*). Оба участника проезда Хисар—Денау на наш запрос не смогли за давностью лет дать каких-либо уточнений сверх того, что приведено в цитированных работах М. М. Дьяконова.

[21] В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 123.

[22] Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V, СПб., 1879, стр. 179.

[23] Д. Н. Лагофет. В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 215.

[24] Г. А. Пугаченкова. Самарканд, Бухара, М., 1961, стр. 180—181, рис. 92.

[25] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, рис. 28.

[26] Описание старого Денау — см. Н. А. Маев. Очерки Гиссарского края, стр. 178—180; Он же. Очерки Гиссарского края, Туркестанские ведомости, 1876, № 10; Д. Н. Лагофет. В горах и на равнинах Бухары, стр. 211 сл.

[27] Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана, Тр. ТашГУ, вып. 200, Ташкент, 1963, стр. 49 сл.

[28] М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, ТАКЭ, I, стр. 92 сл

[29] В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 123.

[30] Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 125, 162, 337.

[31] Первое сообщение о Дальверзинтепа и его глазомерный план опубликованы Л. И. Альбаумом — см.: Его. Балалык-тепе, стр. 12, рис. 1. Данные наших наблюдений на городище в 1960 г. — см.: Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана, стр. 52 сл.

[32] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, ТЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 40 сл.

[33] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 12, 14.

[34] В. Ф. Гайдукевич. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе, КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 77 сл.

[35] Сведения об айртамской печи сообщены М. Е. Массоном.

[36] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. стр. 19, 41, 54, 65.

[37] W. Barthold. Caghanian, p. 811.

[38] Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана, стр. 54—55.

[39] Si-Yu-ki. Buddhist Records on the Western World, Transl. from the Chinese of Hiuen-Tsiang (E. D. 629) by S. Real — London, 1906, p. 39.

[40] Si-Yü-ki, p. 25—26.

[41] J. Marqwart. Eransahr, Berlin, 1901, s. 226.

[42] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, стр. 185.

[43] М. М. Дьяконов, Там же, стр. 185.

[44] Фирдоуси. «Шах-наме», т. I, М., 1957, примечание на стр. 641.

[45] Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, стр. 76—77.

[46] H. S. Schmidt. Archeological Excavations in Anau and Old Merv. В кн. R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, t. I, Wachington, 1908.

[47] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, № 73. М.—Л., 1959, стр. 41 сл., табл. XLII.

[48] Б. Б. Пиотровский. Разведочные работы на Гяур-кале в старом Мерве, Материалы ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1948, стр. 40—41; З. И. Усманова. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала, Известия АН ТуркмССР, Серия общ. наук, 1960, № 4, стр. 36.

[49] Материалы шурфов, заложенных ЮТАКЭ у северных ворот Гяур-калы, в северо-восточном отсеке и в центре этого городища.

[50] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXIII, 1950, таблица.

[51] М. М Дьяконов. Археологические работы..., стр. 279, рис. 19, табл. XII.

[52] Поселение эпохи бронзы Кучуктепа с подкошеннодонными сосудами открыто в 1962 г. Л. И. Альбаумом.

[53] J. C. Cardin. Céramiques de Bactres, MDAFA, t. XV, Paris, 1957, pl. VI, XXIV

[54] Баночные формы архаических городищ Хорезма (Кюзели-Гыр и др.) и Дрангианы (Нади-Али) типологически отличны от упомянутых бактрийских и маргианских. См.: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХЭ, т. IV, М., 1959, рис. 2, 4, табл. 1; R. Ghirshman. Recherches préhistoriques dans la partie afghan du Seistan, MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, pl. G—4, G—5.

[55] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., рис. 4.

[56] E. Schmidt. Persepolis, II, Chicago, 1957, p. 89, № 7 (о датировках — стр. 123).

[57] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 20, табл. XII.

[58] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., МИА, № 66, М.—Л., 1958, рис. 27. Находка фрагмента в слое Мунчактепа II, который датируется VI—VII вв., едва ли является показателем столь долгого (почти тысячелетнего) переживания этой формы в местной керамической продукции. Фрагмент, очевидно, был переброшен еще в древности из нижележащих античных слоев.

[59] D. and J. Oates. Nimrud, 1957. The Hellenistic Settlment, „Iraq", vol. XX, pt. 2, 1958 pl., XXIII—XXIV. Авторы отмечают весьма локальный характер местной керамики, существенно отличающейся от керамики городов восточного Средиземноморья (стр. 124—132).

[60] М .М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 283.

[61] Там же, рис. 20.

[62] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., рис. 17, № 33—36; рис. 19, № 2.

[63] Там же, рис. 17, 19—21.

[64] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 20, стр. 283 сл.

[65] Е. В. Зеймаль. Археологические разведки в Гиссарской долине, в кн.: Ар-

хеологические работы в Таджикистане, вып. VI, Душанбе, 1961, рис. 6—*1*, стр. 134. Датировка слоя основана на находке монеты Сотера Мегаса, которую автор относит к концу I—II вв. н. э. О спорности этой даты см. выше, стр. 154 сл. Сама же данная форма днищ, судя по халчаянским комплексам, уже существовала на протяжении по крайней мере всей «среднеантичной» поры (I в. до н. э.— I в. н. э.).

[66] R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Koushans, MDAFA, t. XII, Le Caire, 1946, pl. XXIX—XXXIII; о хронологии слоев— стр. 43. Р. Гиршман, исходя из принятой им хронологии Кушан, расширяет дату „Беграм-I" со II в. до н. э. до середины II в. н. э.

[67] G. Richter. Ceramics, A History of Technology, vol. II, Oxford, 1956, fig. 253. p. 272.

[68] А. М. Мандельштам. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CIII, 1959, рис. 6, стр. 143—144, 151 (датировка II—I вв. до н. э.); Он же. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г., Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, т. XXVII, 1961, рис. 2, стр. 57—58 (здесь автор уже датирует II—I вв. до н. э. лишь часть погребений, отмечая, что другая часть может быть и более поздней).

[69] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 20, табл. XII.

[70] М. М. Дьяконов. Там же, стр. 287 сл., рис. 22—23, табл. XII; А. М. Мандельштам и С. Б. Шевзнер, стр. 298 сл.; рис. 6 и 11 (авторы дифференцируют керамику Кей-Кобадшаха на комплексы II—I вв. до н. э. и I в. до н. э.—I в. н. э.).

[71] J. C. Gardin, p. 22, pl. IV, XXIV.

[72] Архитектура древней Греции, ВИА, т. II, кн. 1, М., 1949, рис. 247, 256, 309.

[73] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 212, рис. 5.

[74] Г. А. Пугаченкова. Храм и некрополь в парфянской Нисе, ВДИ, 1953, № 3, стр. 160—161; Она же. Пути развития..., стр. 61 сл. 71 сл.

[75] Fr. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallwitz. Das Babylon der Spätzeit, Berlin, 1957, Taf. 23.

[76] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, рис. 11, стр. 226; Н. И. Крашенинникова. К вопросу о взаимосвязи «Круглого храма» с так называемой «башней» Старой Нисы, Известия АН ТуркмССР, серия общ. наук, 1960, № 4, стр. 42.

[77] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, рис. 10, стр. 223.

[78] D. Schlumberger. Descendents non-méditerranéens de l'art grec, Syria, t. XXXVII, 1960, pl. VI, 1—2; G. Tucci. Preliminary Report on an Archaeological Survey of Swat, East and West, vol. 9, 1958, № 4, fig. 3.

[79] Например, бронзовые наконечники стрел из Бабиш-муллы в северных Кызылкумах (С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г., МХЭ, вып. 4, рис. 32, 33, стр. 44).

[80] В инвентаре одного из помещений Квадратного дома парфянской Нисы (II—I вв. до н. э.) были обнаружены одновременно трехгранные бронзовые и железные наконечники стрел.

[81] Н. Веселовский. Роль стрелы и ее символическое значение, ЗВО, т. XXV, Петроград, 1921, стр. 273 сл.

[82] J. Carl. Fouilles dans la site de Shahr-i-Banu et sondage au Zake.-tépé, MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, fig. 1—6.

[83] E. Schmidt. Persepolis, II, pl. 76, № 15.

[84] М. П. Абрамова. Сарматская культура III в. до н. э.—I в. н. э. (по материалам Нижнего Поволжья. Сусловский этап), СА, 1959, № 1, стр. 62, рис. 3; М. И. Вязмитина. Вивчення Сарматов на территорії Украінской РСР, АН УССР, «Археология», т. VIII, Киев, 1953, стр. 68, рис. 6.

[85] МХЭ, вып. 4, рис. 32; С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, т. II, М., 1958, рис. 56.

[86] М. Е. Массон. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombyx mori, „Белек С. Е. Малову", Сборник статей, Фрунзе, 1946, стр. 47—51.

[87] E. Schmidt. Persepolis, II, pl. 43, № 21—22.

[88] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, табл. 16 (о датировке — стр. 58).

[89] Н. В. Пташникова Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма, ТХЭ, т. I, М., 1952, табл. 1.

[90] Б. А. Куфтин, табл. 15—8.

[91] J. Várva. Das Glass und die Jahrtausend, Prag, 1954, Taf. XII.

[92] Находки в Нисе под Ашхабадом. Ср. также стеклянный сосуд из Ирана, в собрании Музея стекла в Нью-Йорке (Sept mille ans d'art en Iran, Paris, 1962, pl. LXXXI, p. 127).

[93] М. И. Максимова. Обработка стеклянных изделий, Сб. «Эллинистическая техника», М.—Л., 1948, стр. 238.

[94] А. А. Карбоньер. Каталог предметов стеклянного производства и живописи на стекле, СПб., 1893, фиг. 6.

[95] R. J. Forbes. Studies in Ancient Technology, vol. V, Leiden, 1957, fig. 27 p. 153 сл.

[96] R. E. M. Wheeler, A. Ghosh, K. Deva. Arikamedu:an Indo-Roman Trading Station in the East Coast of India, Ancient India, No 2, 1946, p. 102, fig. 42–2, pl. XXXIV-B; M. Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers, London, 1955, p. 163, fig. 19.

[97] J. Hackin. Recherches archèol>giques à Begram, MDAFA, t. IX, Paris, 1939, p. 34, 60, fig. 22, 61.

[98] J. Hackin, цит. соч., p. 29 сл., pl. IV—XXIII; Он же. Nouvelles recherches archéologiques á Begram, MDAFA, t. XI, Paris, 1954, p. 254 сл., fig. 250 сл.

[99] Н. И. Соколовский. Боспорские мечи, МИА, № 33, М., 1954, стр. 149 сл.

[100] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, В кн.: История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 131 сл.

[101] J. Ph. Vogel. Sculpture de Mathurá, Ars Asiatica, XV, Paris, 1930, pl. 1,

[102] D. Schlumberger. Art parthe, art grèco-bouddhique, art grèco-romain Atti del Settimo Congresso Internationale di archeologia classica, vol. III, Rome, 1961, fig. 4.

[103] А. М. Мандельштам, С. В. Певзнер, стр. 302 сл., рис. 11.

[104] М. М. Дьяконов. Археологические работы, стр. 287 сл., рис. 23, 27, рис. 24, стр. 288.

[105] J. C. Gardin, pl. IV, XIV, № 21.

[106] Там же, p. 21.

[107] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени Кушанов, ТАКЭ, II, стр. 51, табл. IX.

[108] В. А. Шишкин. «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, ТАКЭ, II, рис. 27, 28.

[109] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, рис. 4.

[110] В. Д. Жуков. Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе. В кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, рис. 7.

[111] Т. И. Зеймаль. Античное поселение в урочище Халкаджар. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. VI, 1961, рис. 4.

[112] R. Ghirshman. Begram, pl. XXXVIII, XLIX, L. „Датировки Р. Гиршмана беграмской керамики, основанные на „поздней" дате Канишки, по мнению ряда советских исследователей нуждаются в некотором „омоложении".

[113] J. Carl, fig. 16.

[114] W. van Ingen. Corpus vasorum antiquorum. Cambridge, 1933, p. 55, pl. XXXII—XXXVI.

[115] D. J. Oates. Nimrud, p. 124 сл., pl. XXII, XXIV.

[116] М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, ВДИ, 1951, № 4, рис. 2.

[117] E. Schmidt. Persepolis, II, pl. 78, N 21.

[118] J. Marshall. Taxila, Cambridge, 1951, t. III, pl. 206. Автор считает, что железные стрелы,как тип вооружения, были занесены в Таксилу греко-бактрийцами (vol. II, p. 547 сл.).

[119] М. П. Абрамова. Сарматская культура, стр. 62; М. И. Вязмитина. Вивчення сарматів..., стр. 68; Она же. Сарматское погребение у с. Ново-Филиповка, В кн.: «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 238, 241; Она же. Золота Балка, Киев, 1962, стр. 121.

[120] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, (4), рис. 36, стр. 173.

[121] А. И. Терешкин. Археологическая разведка на городище Афраснаб в 1945 г., КСИИМК, XVII, 1947, стр. 117, рис. 50; Он же. Согд и Чач, табл. 69.

[122] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 136 сл.

[123] Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников ко-

чевников в Кара-Мазарских горах, В кн. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 году», вып. III, 1957, стр. 44; Он же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., В кн.: «Археологические работы в Таджикистане в 1957 году», вып. V, 1959, стр. 114, рис. 3.

[124] О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, стр. 141 сл.

[125] R. Ghirshman. Begram, pl. XXXVI. Сошлемся также на находку трехлопастного черешкового наконечника с опущенными жальцами в левобережной Бактрии — на холме Шахри-Бану (MDAFA. t. VIII, p. 77, 80).

[126] R. Ghirshman. Begram, pl. XLVIII.

[127] R. Ghirshman. Annaux destinés à tendre la corde de l'arc, Syria, t. XXXV, 1958, p. 61—72.

[128] A. Sakisian. La miniature persane, Paris, 1929, pl. II.

[129] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 27, 28, табл. XII, стр. 290.

[130] R. Ghirshman. Begram, pl. LI.

[131] J. Carl. Le Bazar de Begram, fig. 273—278, p. 87.

[132] R. Ghirshman, Begram, pl. XXX.

[133] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 24, 25, табл. XII.

[134] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, рис. 53.

[135] К. Кацурис и Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, рис. 12.

[136] М. И. Вязьмитина. Керамика Айратама, табл. VIII — 4.

[137] Ugo Monneret de Villard. The Fire-Temples, BAJPA, vol. V, № 4, 1936; K. Erdmann. Das Iranische Feuerheiligtum, Leipzig, 1941.

[138] А. А. Короцкая. Архитектура Индии раннего средневековья, М., 1964, стр. 104 сл.

[139] J. Marshall. A Guide to Taxila, Ed. 3, Dehli, 1936, p. 94 сл., pl. XI.

[140] D. Schlumberger. The Excavations at Surkh-Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India, Proc. of the British Academy, vol. XLVII, London, 1961.

[141] Детальной характеристике этого погребения мы посвящаем отдельную статью.

[142] В. Г. Кравцов. Материалы к археологии Красноярского края, Красноярск, 1929, стр. 49, табл. IV; М. П. Грязнов. Археологические исследования территории одного древнего поселка, КСИИМК, X, 1951, рис. 30, № 218, 226.

[143] Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, 1960, табл. I, № 65 (погребение у оз. Раим), табл. III, № 82—89 (могильник у с. Беловодского), табл. VIII, № 219.

[144] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, стр. 5, табл. CIII, № 225; табл. CIV, № 229; табл. CVIII, № 264.

[145] Я. И. Смирнов, табл. CIV, № 229.

[146] W. Barthold. Caghanian, p. 811.

[147] О. В. Обельченко. К вопросу о происхождении скорченных погребений в могильниках Бухарского оазиса, Тр. САГУ, LXXXI, Ташкент, 1956, стр. 47 сл.

[148] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Соч., т. II, М., 1963, стр. 263.

[149] М. Е. Массон. Ахангеран, Ташкент, 1953, стр. 25.

[150] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр, 282 сл.; J. C. Gardin p. 18 сл.

[151] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 287 сл.

[152] Там же, стр. 287, рис. 22—23.

[153] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 298, рис. 6.

[154] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 22; А. А. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 298 сл., рис. 6.

[155] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 42, рис. 28—9.

[156] Л. И. Альбаум. Там же, рис 60—61, стр. 88—89.

[157] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента, МИА, № 66, М.—Л., 1958, рис. 30.

[158] R. Ghirshman. Begram, pl. XL.

[159] MDAFA. t. VIII, p. 87, pl. 239.

[160] J. C. Gardin, pl. XXIV.

[161] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 283 сл.

[162] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., рис. 17, 20, 21, стр. 113 сл.

[163] Там же, рис. 22 — № 23, 24.

[164] J. C. Gardin, pl. IV, 16-a, p. 29—30.

[165] R. Ghirshman. Begram, pl. XXIX.

[166] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., рис. 7, стр. 77.
[167] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 291 сл.
[168] М. И. Вязьмитина. Керамика Айратама..., табл. II, III, VIII.
[169] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 288—292; рис. 24, 27.
[170] N. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris, Michigan, 1934, fig. 178
[171] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., стр. 155, рис. 34—№ 13; стр. 151 сл.; стр. 155; рис. 32, 34.
[172] Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, рис. 33.
[173] Материалы раскопок ЮТАКЭ 1955—1958 гг.
[174] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы, ТЮТАКЭ, т. IV. Ашхабад, 1959, стр. 179.
[175] В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, СПб., 1894, стр. 193; К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала, рис. 24.
[176] С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, табл. 27.
[177] W. Schubart. Das Buch bei den Griechen und Römer, Leipzig, 1961, s. 44, 51, 135.
[178] А. Ф. Медведев. Древнерусские писáла X—XV вв., СА, 1960, № 2, стр. 62 сл
[179] В. Д. Жуков. Археологическая разведка, стр. 186—187.
[180] I. Marshall. Taxila, pl. 199, pp. 660—661; R. Ghirshman. Begram, p. 64. pl. XVI, XXXVII.
[181] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 111, табл. 27.
[182] Такого рода крупные „садовые ножи" известны в сельском инструментарии греко-римского мира (Daremberg-Saglio, vol. II, fig. 2868).
[183] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА, №№ 37, М.—Л., 1953, стр. 135 сл.
[184] Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода, ТХЭ, т. IV, М.—Л., 1959, стр. 236 сл.
[185] М. І. Вязмітіна. Золота балка, стр. 125, рис. 64.
[186] Г. В. Григорьев. Каунчи-тапе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, рис. 14, 18; Л. М. Рутковская. Об одной группе среднеазиатских культовых сосудов, Тр. САГУ, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 134, 136.
[187] К. Кацурис, Ю. Буряков. Изучение ремесленного квартала, стр. 146—147.
[188] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 22, 24.
[189] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, № 46, Алма-Ата, 1948, стр. 54 сл., табл. VIII, XII, XV (сосуды из Каунчи); А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, Известия УзФАН ССР, 1940, № 9. стр. 33.
[190] Б. А. Литвинский. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CIII, рис. 8.
[191] С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI веках, СА, 1963, № 1, рис. 5, стр. 226—227.
[192] О. В. Обельченко. К вопросу о времени возникновения стены Бухарского оазиса — Кампыр-Дувал, Тр. ТашГУ, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 24.
[193] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хотанские древности, Л., 1960, рис. 1—3, 10—14, стр. 12 сл.; С. С. Сорокин. Керамика древнего Хотана, Государственный Эрмитаж, Археологический сборник, вып. 3, Л., 1961, стр. 197, рис. 1—3, 8.
[194] Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах, КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 77 сл.
[195] Б. А. Литвинский, Э. Гулямова и Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956), Тр. АН ТаджССР, т. XCI, 1959, стр. 130, рис. 1.
[196] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, МИА, № 37, М.—Л., 1953, рис. 7, 14, табл. XI.
[197] К. В. Тревер. Памятники..., стр. 12.
[198] Группе «варварских подражаний» греко-бактрийскому чекану посвящена одна из лекций М. Е. Массона в курсе «Нумизматика Средней Азии», с 1940 г. читаемого в Ташкентском государственном университете. Вопрос о «варварском Гелиокле» освещен в специальной статье В. М. Массона (Древне-бактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, ЭВ, XI, 1956, стр. 63—75) с привлечением

обширной аппаратуры ссылок на предшествующие исследования, которой нет надобности здесь повторять. Описание и комментарии в связи с недавними находками этого типа монет на территории Таджикистана — см.: Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954 г., Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, 1957, стр. 95; Она же. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., Тр. АН ТаджССР, т. XCI, 1959, стр. 171—174.

[199] J. Marshall. Taxila, pl. 236, № 67, p. 836, (нумизматический комментарий R. B. Whitehead).

[200] Интересно сравнить две монеты Гелиокла в собрании Британского музея, одна из которых передает его образ в зрелых, а вторая в старческих годах — см: P. Gardner. The Coins of the Greek and Scythic Kings in the British Museum, London, 1886, pl. VII—1,2.

[201] Подобный же лучистый нимб присущ изображениям Зевса в чекане индо-скифских и индо-парфянских царей конца II—I вв. до н. э. (см.: J. de Morgan. Manuel, de numistique oriental, Paris, 1923—1936, fig. 471, 473, 474).

[202] См. сводную таблицу подражаний тетрадрахмам Гелиокла из советских собраний, опубликованную в цит. статье В. М. Массона.

[203] Ср. размеры и веса монет, приведенные в цитированных статьях В. М. Массона и Е. А. Давидович.

[204] В. М. Массон. Древне-бактрийские монеты..., стр. 74.

[205] Сборник авторефератов неопубликованных работ САГУ. Бюллетень Среднеазиатского Государственного Университета, вып. 23, Ташкент, 1945, стр. 189; М. Е. Массон. Происхождение безымянного Царя царей — великого спасителя, Тр. САГУ, вып. XI, Ташкент, 1950, стр. 11—49.

[206] Е. В. Зеймаль. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, Известия, отд. общ. наук ТаджССР, вып. 1(22), 1960, стр. 118—123; Он же. Археологические разведки в Гиссарской долине, В кн.: «Археологические работы в Таджикистане», вып. VI, 1961, стр. 135; Б. Я. Ставиский. О северных границах кушанского государства, ВДИ, 1961, № 1, стр. 113, прим. 42.

[207] Детальному разбору дискуссии будет посвящена специальная статья автора.

[208] J. E. van Lohuizen de Leeuw. The "Scythian" Period., Leiden, 1949,. p. 375.

[209] R. Ghirshman. Un dècadrachme koushan inèdit, „Melanges Louis Massignol", Institut Français de Damas, 1957, p. 259—267; Он же. Le problème de la chronologie des Koushans, Cahier d'histoire mondial, vol. III, Neuchatel, 1957, p. 693.

[210] R. Göbl. Zwei neuere Fälschungen, В кн.: F. Altheim. Geschichte der Gunnen, Berlin, 1959, ss. 380—384.

[211] J. Marshall. Taxila, p. 68—69.

[212] A. M. Simonetta. An Essay on the so called „Indo-Greek" Coinage, East and West, vol. VIII, 1957, № 1, p. 49, pl. 3—1; Он же. A New Essay on the Indo-Greeks, The Saka and the Pahlava, East and West, vol. IX, 1958, №3, p. 171, pl. XII.

[213] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 310.

[214] R. Ghirshman. Begram, p. 24, 43.

[215] J. Hackin. Recherches archéologiques à Begram, MDAFA, t. IX, Paris, 1939, p. 7; Он же. Nouvelles recherches archéologiques à Begram, MDAFA, t. XI, Paris, 1954, p. 309—310.

[216] J. Carl. Le Bazar de Begram, p. 101.

[217] J. Meunié. Une entrée de la ville à Begram, MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, p. 110.

[218] J. Meunié, p. 111.

[219] D. Schlumberger. La prospection archéologique de Bactres, Syria, XXIV, 1949, fasc. 3—4, p. 184; J. Gardin, p. 119—120.

[220] J. Carl. Fouilles dans la sité de Shahr-i-Banu, p. 66, 70, 72, 73.

[221] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 39—40; В. Д. Жуков. Археологические разведки, стр. 184—185. Обработка монет, полученных при работах в Ангорском районе, осуществляемая в Эрмитаже, пока не завершена; нам не довелось просмотреть их по натуре.

[222] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 309—310.

[223] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 290.

[224] Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда..., стр. 77.

[225] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана, зарегистрированные в 1956 г., стр. 172.

[226] Е. В. Зеймаль. Кушанские монеты (пояснение к карте).

227 J. Marqwart. Eranshahr, s. 209.
228 Н. Я. Бичурин, стр. 184.
229 Там же, стр. 227—228.
230 V. Smith. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta, Oxford, 1906, pl. XI-8, p. 69—70.
231 Там же, pl. XI—9, p. 70 сл.
232 Там же, p. 70, 73, pl. XII—2.
233 Там же, pl. XI—11, p. 72; P. Gardner, pl. XXVI.
234 Монеты № 2 и 6 определены М. Е. Массоном.
235 J. de Morgan, p. 472, fig. 619.
236 V. Smith, pl. XIII—2, 3, 7; P. Gardner, pl. XXIX, N 4.
237 J. de Morgan. Manuel, p. 473, fig. 620; V. Smith, pl. XIII—9, 10, p. 85.
238 J. de Morgan, p. 474, fig. 621; V. Smith, pl. XIII—11.
239 G. Batailles. Note sur la numismatique des Koushans et des Koushanshahs sassanides, Aretuse, t. 5, 1928, p. 19 сл.
240 R. Ghirshman. Begram, p. 164.
241 J. de Morgan, fig. 515.
242 J. de Morgan, fig. 558.
243 W. de Tiesenhausen. Notice zur une collection de monnais orientales de M. le comte S. Stroganoff. St. Pt., 1880, p. 6.
244 М. Е. Массон. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики, Тр. САГУ, т. XXIII, Ташкент, 1951, стр. 99.
244а О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента, МИА, № 66, М.—Л., 1958, стр. 253—254; Она же. Заметки о среднеазиатской титулатуре, ЭВ, XIV, 1961, стр. 55 сл
245 W. Tiesenhausen, p. 6, N 8.
246 М. Е. Массон, К вопросу о взаимоотношениях..., стр. 99.
247 О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента, стр. 225, рис. 26.
248 Там же, рис. 17.
249 Все определения средневековых мусульманских монет из Халчаяна сделаны М. Е. Массоном.
250 Предварительная публикация — Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии — Тохаристана, СА, 1963, № 4, стр. 72 сл.
251 А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 291.
252 М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам, стр. 27.
253 А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 291.
254 А. М. Мандельштам. Хан-Газа. Тр. Ин-та истории АН ТаджССР, т. XXXI, 1961, стр. 69.
255 С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 115; Он же. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 94; Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала, ТХЭ, т. II, М., 1958, стр. 354.
256 В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 89—90; то же в статье «Древняя строительная техника Средней Азии», Архитектурное наследство, т. 3, М., 1952, стр. 6—7.
257 М. М. Дьяконов. Древняя Бактрия, В кн.: «По следам древних культур», М., 1954, стр. 225; Е. Е. Кузьмина и С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения..., стр. 82; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 294—295.
258 М. И. Филанович. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва, Известия АН ТуркмССР, серия общ. наук, 1961, стр. 43.
259 Страбон, XV, 3, 10.
260 Подобным же образом в помещении в северо-западной части цитадели на Хайрабадтепа полы были выложены кирпичом подквадратной формы различных размеров, наиболее крупные из которых достигают 60×60×10 *см.* (Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 45, рис. 27).
261 Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, ТЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 212.
262 Она же. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана, ТАКЭ, II, рис. 51, стр. 73, рис. 12, стр. 78.
263 М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. 6.
264 База хранится в Музее истории Таджикистана в Душанбе.
265 E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, London — New-York, 1941, fig. 317.
266 ВИА, т. I, М., 1944, табл. 114—6.

[207] E. Schmidt. The Tresury of Persepolis, Chicago, 1939, p. 53, fig. 32.
[268] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 213—214; Она же. Пути развития..., стр. 62—63, 71.
[269] Ср. чайтьи в Назике (II в. до н. э.), в Карли (I в. до н. э.) и др. С. И. Тюляев. Архитектура Индии, М., 1939, рис. 19, 20.
[270] МИА СССР, XV, М., 1950, табл. 46—48.
[271] Ю. А. Рапопорт и М. А. Лапиров-Скобло. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г., МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 146—147, рис 3; Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская. Городище Гяур-кала, ТХЭ, II, стр. 359—360, рис. 6—7.
[272] Г. А. Пугаченкова. Фрагменты..., стр. 69 сл., рис. 1—5.
[273] Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины, Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР, вып. I (22), 1960, стр. 73 сл.; Т. И. Зеймаль, Античное поселение в урочище Халкаджар, стр. 165, рис. 6.
[274] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 262; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 318.
[275] ТЮТАКЭ, т. I, стр. 209 сл.
[276] D. Schlumberger. Le temple de Surkh-Kotal en Bactriane (III), JA, t. CCXLIII, 1955, N 3, pl. II—2.
[277] E. Barger. Exploration of Ancient Cites in Northern Afghanistan, Geogr, Journal, vol. XCIII, N 5, 1939, p. 381.
[278] J. Meunié. Shotarak, MDAFA, t. X, Paris, pl. III-8.
[279] MDAFA, t. VIII, Paris, 1959, fig. 243.
[280] Б. Б. Пиотровский. Раскопки на Чингиз-тепе,, ТАКЭ, I, стр. 162—173.
[281] Б. А. Литвинский. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе, КСИИМК, 64, 1956, стр. 72—73.
[282] Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Каменные базы, рис. 1.
[283] С. П. Толстов. По следам..., рис. 36—б, 43.
[284] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 88 сл .
[285] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг., МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 58 сл.
[286] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, стр. 41 сл.
[287] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 292.
[288] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 290 сл.
[289] Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда, стр. 55 сл.; Б. А. Литвинский. Об археологических работах..., стр. 68 сл.
[290] Б. А. Литвинский. Об археологических работах..., стр. 68 сл.
[291] Е. А. Давидович. О работах Гиссарского отряда, стр. 75 сл.
[292] R. Ghirshman Begram, p. 23 сл., fig. 5.
[293] Подобный прием оформления пилястрами стен и башен дает раннекангюйская стена Хазараспа (см. М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло и Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе, МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 184, 195, рис. 14, 18) и парфянской крепости Дурнали (Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 48 сл.).
[294] Б. А. Литвинский. Об археологических работах, рис. 30; Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, рис. 31.
[295] Витрувий. Десять книг об архитектуре, V, 6. Пер. Ф. А. Петровского, М., 1936.
[296] Витрувий, V, I.
[297] Витрувий, V, 8.
[298] R. Ghirshman. Begram, p. 16 сл.
[299] Об этом внешнем выступе упоминают А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 291.
[300] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло и Е. Е. Неразик. ТХЭ, вып. 6, стр. 194, рис. 18.
[301] Н. П. Сорокина. Архитектурная терракота из Фаногарии, МИА, № 57, М., 1956, стр. 171 сл.
[302] F. Wetzel, E. Schmidt, A. Mallwitz. Das Babylon der Spätzeit, Berlin, 1957, Taf. 23—c, d.
[303] D. Schlumberger. Descendants, pl. V—VI; Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры, рис. 6—7; Она же. Акант в архитектуре

Средней Азии, Тр. АН ТаджССР, т. CXX, 1960, стр. 169 сл.; М. М. Дьяконов. Археологические работы..., рис. II

[304] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 224, рис. 11.

[305] MDAFA, t. XI, fasc. II, fig. 226, 227.

[306] G. Garbini. The Stepped Pinacle in Ancient Near East, East and West, vol. 9, N 1—2, 1958, p. 85—91; E. Herzfeld. Paikuli, Berlin, 1924, p. 3 сл., fig. 2.

[307] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, стр. 223, рис. 10—Е.

[308] D. Schlumberger. Descendants, pl. VI.

[309] G. Tucci. Preliminary Report on an Archeological Survey in Swat, East and West, vol. 9, N 4, fig. 3.

[310] В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища, ТЮТАКЭ, т. III, М., 1953, стр. 13, рис. 7—11; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, I, М., 1954, стр. 133, рис. 7; Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 450, 453; Она же. Этнографические памятники туркменской народной архитектуры, ТЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 249—351; Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали, там же, стр. 206, рис. 36, 41, 43.

[311] A. Stein. An Archeological Tour in Upper Swat and Adjacent Hill Tracts, Memoires of the Archeological Survey of India, N 42, Calcutta, 1930, p. 64, fig. 43—45.

[312] А. Губер. Реставрация фресок в Италии, журн. «Искусство», 1962, № 7, стр. 60.

[313] М. Г. Воробьева. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала, ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 68—69.

[314] П. И. Костров. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента, В кн.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 162.

[315] В. А. Шишкин. Варахша. М., 1963, стр. 151. К сожалению, пока не опубликованы данные о технике росписей тохаристанского памятника V—VI вв.— Балалык-тепе.

[316] F. Winter and E. Pernuce. Die Hellenistische Kunst in Pompeji, Berlin, 1938, Taf. 8—1, 2, s. 35.

[317] М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, табл. XXXVIII—XXXIX, стр. 119.

[318] Там же, стр. 126.

[319] С. А. Кауфман. Об архитектуре древнего арабского народа набатеев и ее роли в развитии античной архитектуры, в кн.: «Вопросы всеобщей истории архитектуры», I, М., 1961, стр. 140—141, рис. 51.

[320] ВИА, т. II, кн. 2, М., 1948, табл. 2.

[321] B. Rowland. The Wine-scroll in Gandhara, Artibus Asiae, vol. XIX, 3/4, 1954, p. 353.

[322] Ph. Ackerman. Textiles through the Sasanian Period, SPA, I. fig. 237-d.

[323] A. Stein. Innermost Asia, vol. II. Oxford, 1928, pl. XV.

[324] V. Smith. Catalogue, pl. I, V; J. de Morgan, fig. 432, 435, 438, 439.

[325] V. Smith. Catalogue, pl. I—VI; J. de Morgan, fig. 443, 444, 447, 449, 454, 457, 458, 460—464.

[326] V. Smith, pl. II—5; J. de Morgan, fig. 436.

[327] MDAFA, t. XI, fig. 652.

[328] M. Bussagli. La peinture de l'Asie Centrale, Genéve, 1963, p. 86.

[329] Там же, стр. 87.

[330] P. H. Doré. Recherches sur les superstitions en Chine, Pt. I, Chang-Hai, 1911, fig. 19 bis.

[331] L. Hajek. Chinesische Kunst, Prag, 1955, fig. 39 (бронзовая статуэтка эпохи Сун).

[332] К. Иностранцев. Хунну и гунны, Л., 1926, стр. 20 сл.

[333] Н. Бичурин, т. I, стр. 216.

[334] Детальный анализ этой статуи — см.: Г. А. Пугаченкова. Халчаянская Афина, ВДИ, 1963, № 2, стр. 157—166.

[335] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы, ТЮТАКЭ, т. IV, Ашхабад, 1959, стр. 163 сл.; Альбом, Москва — Ашхабад, 1956—1959, табл. II, XVIII, XXVII, XXIX.

[336] Г. А. Пугаченкова. Халчаянская Афина, стр. 166.

[337] W. Tarn. The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, p. 249, 265.

[338] ВИА, т. II, вып. I, рис. 275, 320, табл. 138-I.

[339] Daremberg-Saglio, vol. V, p. 1068.

[340] ВИА, т. II, вып. I, рис. 329.
[341] W. Dörpfeld und H. Hepding. Bericht über die Arbeiten zu Pergamon, 1908—1909, Athen, 1910, s. 382, Taf. XX.
[342] Daremberg-Saglio, p., 1071 сл., fig. 1774, 2666, 6908, 7154; ВИА, т. II, ч. 2, стр. 85, табл. 31, 36; К. И. Рончевский. Римские триумфальные арки, М., 1916, фиг. 7.
[343] К. И. Рончевский. Художественные мотивы в древнем римском зодчестве, Рига, 1905, стр. 65 сл.
[344] D. Schlumberger. Descendants, p. 141; E. Zannas. De Pergam au Gandhara, Ars Asiatique, t. VIII, 1961, fasc. 1, p. 67 сл.
[345] E. Zannas, fig. 4, p. 72.
[346] К. И. Рончевский. Римские триумфальные арки, фиг. 29, стр. 44—45; ВИА, т. II, ч. 2, стр. 173—174, табл. 8.
[347] D. Schlumberger. Descendants, p. 141, note 2.
[348] Daremberg-Saglio, vol. V, fig. 7604; J. Durm. Handbuch der Architectur, Stuttgart, 1905, fig. 422.
[349] A. Mau. Pompeji in Leben und Kunst, Leipzig, 1900, pl. XI; K. Schefold. Pompejanische Malerei, Basel, 1932, Taf, 8. Анализ гирлянд в росписях 2-го помпеянского стиля — см. H. G. Beyen. Die Pompejanische Wanddekoration, Haag, 1938, s. 233 сл.
[350] ВИА, т. II, вып. I, табл. 146.
[351] M. Bieber. Die Denkmäler zum Theaterwesen in Altertum, Berlin—Leipzig, 1920, s. 76, Taf. 40.
[352] W. Amelung. Die Sculpturen des Vaticanischen Museums, Bd. II, Berlin, 1908, Taf. 78—80; G. Rodenwalt. Die Kunst der Antike (Hellas und Rom), Berlin, 1927, s. 635.
[353] W. Amelung. Die Sculpturen, Taf. 72, 76.
[354] F. Winter. Die Antiken Terrakotten, Berlin und Stuttgart, 1903, s. 369—370.
[355] M. Bieber. The Sculpture of Hellenistic Age, New-York, 1955, fig. 574.
[356] G. Rodenwalt. Die Kunst der Antike, s. 469.
[357] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы, стр. 180 сл., табл. XVIII сл.
[358] Там же, табл. LVI, LVIII, LIX, LXXXIV, CXIX, CXX.
[359] Там же, табл. LXV, LXXXVI, XCVIII, CV, CXIX, CXX.
[360] Там же, стр. 182—183, табл. CXIV, CXIX—CXX и многие другие.
[361] М. Е. Массон. Скульптура Айратама, журн. «Искусство», 1935, № 5, К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, табл. 45, 47, 48.
[362] Например, C. Marcel-Dubois. Notes sur les instruments de musique figurés dans l'art plastique de l'Inde ancienne, Revue des art asiatiques, t, XI, 1937, p. 40 сл., pl. XV—2; J. Marshall. The Buddhist Art in Gandhara, Cambridge, 1960, pl. 65, 82, 91; Attivita archeologica italiana in Asia, Torino — Roma, 1960, taf. XXII.
[363] С. П. Толстов. По следам..., рис. 46.
[364] A. Stein. Ruins of Desert Gathay, London, 1912, fig. 146, 148.
[365] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура, М.—Л., 1939, рис. 141, 150, стр. 162, 170.
[366] M. Th. Allouche-le-Page. L'art monétaire des royaumes bactriens, Paris, 1956, pl. V.
[367] F. Winter. Die Antiken Terrakotten, s. 379—7.
[368] J. de Morgan, fig. 471, 473, 474.
[369] Например, F. Winter. Die Antiken Terrakotten, S. 371—373.
[370] R. Ghirshman. Perse. Proto-iranien, Mèdes, Achemenides, Paris, 1963, fig. 109. 120 - 121.
[371] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 125.
[372] М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы, стр. 197, табл. XC, XCI, XCIII, XCIV.
[373] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, рис. 23—31, стр. 47.
[374] F. Cumont. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. Bruxelles, 1896, p. 78.
[375] V. Smith. Catalogue..., p. 73, 80, 82—83, pl. XIII.
[376] M. A. Stein. Ruins of Desert Gathay, fig. 146.

[377] См.: F. Cumont. Les mystères de Mythra, Bruxelles, 1902.
[378] Daremberg-Saglio, V, p. 830 сл.
[379] В. Мальмберг. Древнегреческие фронтонные композиции, СПб., 1909 табл. XXVII—XXVIII.
[380] J. de Morgan, fig. 143.
[381] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 165, рис. 38—41.
[382] К. В. Тревер. Памятники..., стр. 64—67, табл. 13.
[383] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 21 сл., рис. 9.
[384] А. Н. Зограф. Монеты Герая, Ташкент, 1937.
[385] V. Smith, pl. XII—13.
[386] Например, рельеф из Беграма — B. Rowland. Gandhara and Late Antique Art: The Buddha Image, AJA, vol. XLVI, 1942, N 2, fig. 4.
[387] A. Köster. Die Griechische Terrakotten, Berlin, 1926, Taf. 80.
[388] А. М. Мендельштам и С. Б. Певзнер, рис. 12—13, стр. 304.
[389] J. Garl. Fouilles de la site de Shahr-i- Banu, p. 67, fig. 217, 220.
[390] J. de Morgan, p. 473, fig. 621.
[391] J. Ph. Vogel. La sculpture de Mathura, pl. IV, p. 22; V. A. Smith. History of Fine Arts in India and Ceylon, Oxford, 1930, pl. 19—D, p. 42.
[392] L. Bachofer. Die Frühindische Plastik, Leipzig, 1929, Taf, 13, s. 16.
[393] Например, A. Foucher. L'art gréco-bouddhique du Gandhara, t. II, Paris, 1908, fig. 302, 346, 351; H. Ingholt and J. Lyons. Gandharan Art in, Pakistan, New-York, 1957, fig. 417, 421, 574.
[394] V. Smith, pl. XI—XIII.
[395] D. Schlumberger. Descendants, pl. VII.
[396] J. Meunié. Shotarak, pl. XXIX, fig. 90, 109, p. 60.
[397] J. Vogel, pl. I—II, p. 22.
[398] H. Th. Bossert. Altsyrien, Tübingen, 1951, N 564.
[399] A. Foucher, fig. 379—389: H. Ingholt and J. Lyons, fig. 342—345.
[400] А. Н. Зограф. Монеты Герая, Ташкент, 1937. Там же предшествующая этому исследованию основная литература предмета, которую следует также дополнить указанием на книги — W. Tarn. The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938, p. 305, 342, 506; J. Marshall. Taxila, p. 783, 812, 838. Той же проблеме посвящена наша статья „К иконографии Герая" (1963).
[401] По поводу транскрипции имени (Герай, Миоай и др.) и титула («Санаб») между нумизматами существуют разногласия. Вопроса этого мы здесь не касаемся, принимая общепринятую огласовку того и другого.
[402] C. Trever. Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932, p. 13 21—22, pl. I.; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 144—145, табл. 42.
[403] К. В. Тревер. Памятники..., стр. 145.
[404] R. Ghirshman. Iran. Parthes et Sassanides, Paris, 1962, p. 103.
[405] И. Бичурин, стр. 183.
[406] G. Richter. Animals in Greek Sculpture, Oxford, 1930, fig. 64, 77, pl. XXI—XXII, XXIV.
[407] G. J. Kazarow. Die Denkmäler des Thrakischen Reitergott in Bulgarien, Leipzig, 1938, fig. 142—143.
[408] E. Will. Le relief cultuel gréco-romain, Paris, 1955, pl. 12—a, b.
[409] H. Seyrig. Sculptures palmyrénennes archaiques, Syria, XXI, 1941, fig. 3, p. 126.
[410] J. Marshall. The Buddhist Art of Gandhara, fig. 130, p. 99.
[411] H. Ingholt and J. Lyons. Gandharan Art, fig. 49, 51.
[412] R. Ghirshman. Iran. Parthes et Sassanides, fig. 122.
[413] J. de Morgan, p. 375, 377, 379.
[414] Плутарх. Красс, XXXIII сл.
[415] R. Ghirshman, fig. 63.
[416] R. Ghirshman, fig. 163, 165, 166.
[417] G. Rodenwalt. Die Kunst der Antike, s. 435.
[418] Там же, s. 460.
[419] Геродот, VII—61; IX—31.
[420] J. de Morgan, p. 381—382.
[421] J. de Morgan, p. 159.

[422] H. Mattingly. Coins of the Roman Empire in the British Museum, vol. I, London, 1923, p. lxiv—lxv.
[423] E. Diez. Die Kunst des Islam, Berlin, 1925, s. 126.
[424] Г. А. Пугаченкова. Пути развития..., стр. 93.
[425] С. П. Толстов. По следам..., стр. 186.
[426] D. Schlumberger. The Excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India, Proceedings of the British Academy, vol. XLVII, London, 1961, p. 88.
[427] A. Maricq, JA, CCXLVI, 1958, p. 368.
[428] D. Schlumberger. Descendants, pl. VII; Он же. Art parthe, art gréco-bouddhique, art gréco-romain, fig. 4.
[429] J. Meunié. Shotarak, pl. XXIX.
[430] J. Ph. Vogel. Sculptures de Mathura, pl. I.
[431] M. M. C. Edgard. Graeco-Egyptian Glass, Le Caire, 1905, pl. X, p. IV; J. R. Varva. Das Glass und die Jahrtausende, Prag, 1954, pl. XI, Abb. 38.
[432] М. Е. Массон. Городища старого Термеза, стр. 74 сл.
[433] Там же, рис. 50.
[434] Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников, стр. 119 сл.; Он же, Балалык-тепе, стр. 19 сл., 71, 76.
[435] М. М. Дьяконов. Археологические работы..., стр. 288; А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 301 сл.
[436] Е. В. Зеймаль. Археологическая разведка в Гиссарской долине, Тр. АН ТаджССР, т. XXVII, 1961, стр. 124—125, 133.
[437] J. C. Gardin, p. 54 сл., pl. X—XII.
[438] R. Ghirshman. Villages Perse-Achémenides, Mémoires de la Mission Archéologique Française en Iran, t. XXXVI, Paris, 1954, p. 29—31, pl. XVI, XLII.
[439] J. Marshall. Taxila, p. 443, pl. 132—6.
[440] Там же, pl. 132—7, 8.
[441] Там же, p. 209, 443.
[442] W. van Ingen. Figurines from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1939, N 21—31, pl. I—II.
[443] Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня, СА, т. XXIX/XXX, 1959; стр. 121 сл.; Она же. Коропластика древнего Мерва, ТЮТАКЭ. т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 120 сл.
[444] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 41—42, рис. 4—6.
[445] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 199, табл. 74.
[446] J. Marshall. Taxila, p. 701, pl. 211.
[447] J. Hackin. Recherches archéologiques à Begram, pl. XXIX—XXXII, XL—XLI и др.
[448] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, рис. 17, стр. 31—32.
[449] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма..., стр. 203, рис. 49.
[450] Г. А. Пугаченкова. К истории «паранджи», СЭ, 1952, № 2, стр. 191 сл.
[451] В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, рис. 4—5.
[452] V. Smith. Catalogue, pl. XII.
[453] Г. А. Пугаченкова. Коропластика древнего Мерва, рис. 16—18.
[454] В. А. Мешкерис, табл. XII (мужские статуэтки), табл. XVI (мужские и женские статуэтки).
[455] А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, стр. 110.
[456] Г. А. Пугаченкова, Маргианская богиня; Она же, Коропластика древнего Мерва.
[457] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 126, рис. 66.
[458] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура, стр. 19 сл.
[459] Филострат. Жизнеописание Аполлония Тианского, II, 43. В кн.: В. П. Зубов и Ф. А. Петровский, Архитектура античного мира, М., 1940, стр. 494.
[460] J. de Morgan, p. 357, 370; V. Smith, pl. II—5, p. 11, pl. IV—6, 9, 10, p. 20—21; pl. V—12, p. 28.
[461] A. Strelkoff. Les monuments..., fig. V, p. 222; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза, рис. 50.
[462] Н. В. Дьяконова и С. С. Сорокин. Хотанские древности, Л., 1960, рис. 15, 23, 76; о датировке терракот — стр. 33 сл.
[463] V. Smith, pl. XI—XII.

[464] V. Smith, pl. XII—XIV.
[465] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 32—36.
[466] О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Тр. САГУ, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 114—118.
[467] Материалы раскопок ЮТАКЭ из квартала мукомолов в мервской Гяур-кале.
[468] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 71 сл.
[469] J. Marshall. Taxila, p. 421, pl. 130—132.
[470] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, рис. 101, 106.
[471] C. Trever. Terracottas from Afrasiab, M.—L., 1934, tabl. III. № 48; Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, II., 1940, стр. 95, табл. IV—1; В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, стр. 75—76, табл. XI.
[472] Л. И. Рempель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, ТЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1962, стр. 352 сл.; Г. А. Пугаченкова. Коропластика древнего Мерва, стр. 160.
[473] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. стр. 33, рис. 19.
[474] Л. И. Рempель, Терракоты Мерва..., стр. 352—355.
[475] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 33.
[476] Ф. И. Заславская. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР, Тр. Музея истории Узбекской ССР, вып. III, Ташкент, 1956, стр. 88 сл.
[477] Г. А. Пугаченкова. Коропластика..., стр. 160.
[478] J. Marshall. Taxila, p. 421, pl. 130—132. O. Reuther. Die Innerstadt von Babylon, Leipzig, 1926, Abb, 21, 42.
[479] H. Th. Bossert. Altsyrien, N 138, s. 9.
[480] DuMensil, duBuisson. Une campagne de fouilles à Khan Shelkhoun, Syria, XII, 1932, pl. XXXVII, p. 182.
[481] W. van Ingen. Figurines, pl. XXX, XVLI, p. 74—75.
[482] L. Legrain. Terra-cottas from Nippur, Philadelphia, 1930, N 148, 248, p. 23.
[483] R. Ghirshman. Begram, pl. XX, XLVI, p. 74—75.
[484] Л. И. Рempель, Терракоты Мерва..., стр. 352—353.
[485] J. deMorgan, 375 сл.
[486] Там же, p. 362; нет оснований, вслед за Ж. де-Морганом, говорить о «фригийском колпаке» у Гермея — здесь явно локальный кочевнический головной убор.
[487] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники искусства Узбекистана, рис. 37, 38, стр. 50; В. Мешкерис, Терракоты, табл. XXIV—XXV.
[488] J. Carl, J. Hackin. Le monastère bouddhique de Tépé Marandjan MDAFA, t. VII, Paris, 1959, p. 7—12, fig. 10.
[489] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше, ТОВЭ, IV, М.—Л., 1947, табл. XV—XVIII; Он же. Варахша, рис. 197—109.
[490] C. Trever. Terracottas..., pl. IX, N 137.
[491] С. П. Толстов. Древний Хорезм..., табл. 76—4.
[492] Г. А. Пугаченкова. Коропластика..., стр. 168, 169.
[493] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, стр. 19—23, 60—61, табл. 14.
[494] Предварительная публикация — см.; Г. А. Пугаченкова. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна, ВДИ, 1962, № 4.
[495] J. Ph. Vogel. La sculpture de Mathura, p. 22, pl. I, II.
[496] J. Meunié. Shotarak, pl. XXIII—71, p. 62.
[497] Н. Я. Бичурин, т. II, стр. 261, 272, 274—276, 282, 285, 287.
[498] Н. Я. Бичурин, т. II, стр. 284, 288.
[499] Hiouen-Thsang. Mémoires sur les contrées occidentales, Trad. par Stanislas Julien, Paris, 1875, p. 67.
[500] О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. «Серебро закамское» первых веков нашей эры, М., 1954, рис. 6; Ю. А. Рапопорт, Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г., СА, 1962, № 2, стр. 50 сл.
[501] J. Marshall. Taxila, pl. 441.
[502] O. Kurz. Begram et l'Orient Grèco-Romain, MDAFA, vol. XI, Paris, 1959, p. 110 сл., fig. 274 сл.
[503] Имеется два оттиска, вышедших из единой матрицы, — один хранится в Государственном Эрмитаже, второй — в Ташкентском музее истории Узбекистана.
[504] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 32 рис. 7; Она же. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан), Тр. Государственного Эрмитажа, т. II, Л.—М., 1958, стр. 130, рис. 17.

[505] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники..., стр. 58, рис. 10.
[506] В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 г. дворца термезских правителей, ТАКЭ, II, стр. 150 сл.
[507] В. А. Шишкин. Варахша, СА, XXIII, М., 1955, стр. 109, рис. 5.
[508] А. М. Беленицкий. Об археологических работах Пянджикентского отряда в 1958 г., АН ТаджССР, Тр. Ин-та истории, т. XXVII, 1961, стр. 97, рис. 96.
[509] Иранское искусство и археология, III Международный конгресс, М.—Л., 1939, стр. 141.
[510] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East, London and New-York, 1941, fig. 408.
[511] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XVI, XXIV.
[512] SPA, vol. IV, pl. 239-B.
[513] Ш. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-калы старого Мерва, ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 95 сл.; З. И. Усманова. Эрк-кала, там же, стр. 20 сл.
[514] М. Е. Массон. Городища Старого Термеза, стр. 87.
[515] Б. А. Литвинский. Об археологических исследованиях, стр. 72.
[516] Ю. А. Рапопорт. Хорезмские остаданы, СЭ, 1962, № 4, стр. 67 сл.
[517] Страбон. География, XI, II, 3.
[518] Помпей Трог. Филиппинская история, XI.
[519] Страбон, XI, 11, 3.
[520] А. М. Мандельштам. Археологические работы в 1956 г. в Башкендской долине, стр. 69, 72.
[521] В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме, ДАН ТаджССР, вып. 7, 1953, стр. 23; Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты, Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XCI, в. IV, 1959, ст р.133 сл.
[522] В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии, СА 1961, № 3, стр. 259.
[523] M. Allouche-le-Page. L'art monétaire des royaumes, bactriens, pl. IV—VII.
[524] И. Бичурин, т. II, стр. 184.
[525] J. Marqwart, Eranshahr, S. 64, 70, 226.
[526] На это уже обратил внимание В. В. Григорьев — см. его — О скифском народе саках, Тр. Восточного отделения Русского Археологического Общества, ч. XVI, СПб, 1872, стр. 238.
[527] A. Christensen L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1944, p. 102—103, 228.
[528] М. Е. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в южном Казахстане, Тр. КиргФАН ССР, вып. 2, Фрунзе, 1948, стр. 135—141.
[529] Х. Алпысбаев. Новые наскальные изображения Бостандыкского района, Тр. ИИАЭ АН КазССР, т. I, Археология, Алма-Ата, 1956, стр. 184 сл.
[530] О культовом значении терракотовых всадничков из Беграма см.: R. Ghirshman. Begram, p. 75.
[531] J. de Morgan, p. 359—385.
[532] М. Е. Массон. Городища старого Термеза, стр. 74, рис. 46, 53.
[533] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 33—35.
[534] Н. Я. Бичурин, стр. 183.
[535] Н. Я. Бичурин, стр. 184.
[536] М. Е. Массон. Городища старого Термеза, стр. 88 сл., рис. 67.
[537] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 50—52.
[538] J. Meunié. Une entrée de la ville à Begram, p. 110.
[539] J. Meunié, Shotarak, p. 17, pl. III—8.
[540] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 44—50.
[541] J. Hackin. Nouvelles recherches archéologiques à Begram., MDAFA, t. IX, Paris, 1945, p. 15.
[542] J. Meunié. Begram, Fouilles de 1938, MDAFA, t. VIII, Paris, 1954, p. 106; J. Meunié. Une entrée, p. 110—111.
[543] См.: А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени, ВДИ, 1952, № 4, стр. 19.
[544] R. Ghirshman. Les chionites, hephtalites, MDAFA, t, XIII, Le Caire 1948, p. 69 сл.
[545] В. В. Бартольд. Туркестан, стр. 309.

[546] Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, стр. 163; автор оспаривает предположение некоторых своих предшественников, что Дакики был зороастрийцем, исходя из того, что вряд ли в Бухаре эмиры могли бы приблизить зороастрийца к своему двору. Но ведь поэт пребывал не в Бухаре, а в Саганиане, где саманидские эмиры были вынуждены подавлять местное антимусульманское движение.

[547] J. Marqwart. Fransahr, s. 67, 70, 227.

[548] М. Е. Массон. К изучению прошлого Мерва, ТЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 14.

[549] J. Marshall. Taxila, Cambridge, 1959

[550] Les questions de Milinda, Trad. du pali par L. Finot. Paris, 1927, p. 19—21.

[551] W. Tarn. The Greeks in Bactria and India, p. 419—420.

[552] МИА, № 15, М.—Л., 1950, табл. 45, 54; МИА, М.—Л., 1953, табл. I—II и др.

[553] Ср. рельеф из Перге—AJA, vol, 63, № 1, 1959, fig. 6.

[554] M. Bieber. The Sculpture of Hellenistic Age, New-York, 1955, fig. 311—313, p. 86.

[555] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпох меди и бронзы в 1952 г., ТЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 274, рис. 20—22; С. А. Ершов. Северный холм Анау, Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. I, Ашхабад, 1956, стр. 32.

[556] В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, ЗВО, XXII, 1915, стр. 260.

[557] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники, стр. 22 сл.

[558] A. Foucher. La vielle route de l'Inde de Bactres à Taxila, MDAFA, t. I, fasc. II, Paris, 1947, p. 306 сл.

[559] M. Wheeler. Rome beyond the Imperial Frontiers, London, 1955, p. 167 сл.

[560] D. Schlumberger. Descendants, p. 132 сл., 253 сл.

[561] D. Schlumberger. The Excavations at Sourkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India, p. 93.

[562] A. Foucher. La vieille route, t. I, fas. I Paris, 1942, p. 83.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бичурин — Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950.

ВДИ — Вестник древней истории.

ВИА — Всеобщая история архитектуры, т. I, М., 1944; т. II, кн. 1, М., 1949; т. II, кн. 2, М., 1948.

ДАН — Доклады Академии наук.

ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.

ИИА — Институт истории и археологии.

ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии.

КСИИМК — Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

СА — Советская археология.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет.

СОНАТ — Социалистическая наука и техника.

СЭ — Советская этнография.

ТашГУ — Ташкентский государственный университет.

ТАКЭ, I; ТАКЭ II — Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Труды УзФАН СССР, серия, I. История, археология, Ташкент, 1940; Термезская археологическая экспедиция, т. II, Труды АН УзССР, серия I, История, археология, Ташкент, 1945.

ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции .

ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

ФАН — Филиал Академии наук.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AJA — American Journal of Archeology.

Daremberg-Saglio. — Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romains.

EI — Encyclopaedia of Islam, London — Leiden.

JA — Journal Asiatique.

MDAFA — Mémoires de la Dèlegation Archéologique Française en Afghanistan.

J. de Morgan. — J. de Morgan. Manuel de numismatique orientale, Paris, 1923—1936.

SPA — A Survey of Persian Art, 6 vols, London and New-York, 1938—1939.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5
Глава I. Археологическое исследование Халчаяна 11
Археолого-топографическая ситуация 11
Археологические вскрытия 30
Ханакатепа 30
Дворец (X-1) 30
Юго-западный дом (X-3) 75
Западный дом (X-2) 86
Карабагтепа 100
Монетные находки 109
Глава II. Художественная культура Халчаяна 125
Архитектура 125
Живопись 144
Скульптура 153
Мелкие художественные изделия 216
Глава III. Вехи истории Халчаяна в свете исследований 1959—1963 гг. и некоторые вопросы бактрийской художественной культуры . . . 240
Примечания 267
Принятые сокращения 286

Пугаченкова
Галина Анатольевна

ХАЛЧАЯН

Редактор *И. Г. Гайсинская*
Художники *В. Тий, И. Сазонов*
Технический редактор *З. П. Горьковая*
Корректор *Н. Ш. Ахмедова*

Наборщики: **М. Мишина, К. Кислова, И. Веташнова**
Печатник **Дж. Ташходжаев**
Переплетчики: **А. Павлова, Р. Кузьмина, З. Алюшева**

Р05247. Сдано в набор 13/V-1965 г. Подписано к печати 28/IX-65 г. Формат 84×108$^{1}/_{16}$ = 9,0 бум. л. 29,52 печ. л. Уч. изд. л. 21,72 (3 вкл.). Изд. № 1425. Тираж 1500. Цена 3 р. 60 к.

Типография Издательства „Наука" УзССР, Ташкент, 2-ая Высоковольтная, 21. Заказ 700.
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Пугаченкова Г. А.
Халчаян. (К проблеме художественной культуры Северной Бактрии). /Отв. ред. д-р искусствоведения Л. И. Ремпель/. Т., «Наука», 1965. 285 стр. (Институт Искусствознания им. Хамзы). Тираж 1500.

902 6